

Д. А. АХУНДОВ

АРХИТЕКТУРА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕ-
СРЕДНЕВЕКОВОГО
АЗЕРБАЙДЖАНА

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку — 1986

72 С1
А 95

Научный редактор

доктор искусствоведения
Н. И. Рзаев

Рецензенты:

академик, доктор исторических наук,
профессор *З. М. Бунятов*;

доктор исторических
наук *В. Г. Алиев*;

доктор искусствоведения, профессор
Н. А Саркисов.

Ахундов Д. А.

А 95 Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. — Б.: Азернешр, 1986. — 311 с., ил.

А $\frac{4902020000-114}{M-651-85}$ 89—85

72 С1

Азернешр, 1986

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I Возникновение и пути развития древнейших сооружений Азербайджана	
1. Историко-архитектурные предпосылки возникновения древнейших сооружений	9
2. Планировочная структура древнейших поселений, их ближневосточные параллели	12
3. Палеоархитектоническая основа возникновения древнейших сооружений, их архитектура	15
4. Древнейшие поселения и многоквартирные дома, их изображения на скалах Кобустана.	21
5. Изучение древнейших оборонительных сооружений Кавказа	26
Глава II Древние и раннесредневековые города-крепости, цитадели и храмы Апшерона	
1. Географическая, социально-историческая и культовая основа возникновения древних сооружений Апшерона	32
2. Происхождение Бакинского башенного храма Гыз галасы	48
3. Алтарь бога Апам Напата в древнем городе Атеши-Багуан	56
4. Местоположение и архитектура второй Бакинской крепости	57
5. Укрепленный священный участок Сабаиль и его трехступенчатый храм	63
Глава III Особенности древних сооружений и произведений искусства. Палеоэстетика и творческие связи со странами древнего Востока	
1. Исследование и восстановление облика древних культовых сооружений по наскальным изображениям Кобустана	72
2. Палеоэстетика древних сооружений и произведений искусства	76
Глава IV Реставрация и реконструкция древних и раннесредневековых сооружений Азербайджана и некоторых стран древнего Востока	
1. Восстановление храмов Ирана в эпоху первых Ахеменидов. Реконструкция и приспособление их к культуре Ахура Мазды	96
2. Архитектура интерьеров храмов Митры	101
3. Архитектура городов-крепостей и цитаделей древнего Азербайджана	106
4. Пути развития круглых и прямоугольных в плане храмов Азербайджана	113
5. Архитектура и культовая символика монастырей Кавказской Албании	120
6. Культовая символика и картина мира, запечатленная на храмах и стелах Кавказской Албании	125
7. Древние стелы-менгиры, хачдаши и башдаши Сюникского княжества и районов Басаркечара, бывших в основные исторические периоды территорией Кавказской Албании	131
8. Опыт реконструкции и определение назначения отдельных древних поселений и сооружений Закавказья	132
П р и л о ж е н и я	
Таблица 1.	138
Таблица 2.	142
Таблица 3.	143
Таблица 4.	144
Таблица 5.	145
Таблица 6.	147
Таблица 7.	148
Список принятых сокращений	153
Хүласә	154
Summaги	158
Библиография	161

*Учителю и другу, отцу моему
профессору
Ахундову Ага Абдулхалыг оглы
Посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Азербайджан — страна с богатейшим архитектурным и художественным наследием, истоки которого уходят в далекое прошлое.

Он издавна находился на пересечении важных торговых путей, ведущих из Азии в Европу. Стратегическое положение страны, природные богатства, а также обширные и многочисленные поселения, возникавшие на плодородных землях Кура-Аракского двуречья и священных «вечных» огней Апшеронского полуострова, способствовали тому, что зачастую эта территория становилась ареной больших исторических событий.

Древнейшие племенные союзы каспиев и албан впоследствии превратились в государственные образования — Каспиана и Албания, которые на определенных этапах истории были центрами торговли и развития культуры — религии, архитектуры и искусства.

Одной из недостаточно изученных областей истории архитектуры и искусства Азербайджана является творчество древнейших народных мастеров-зодчих, художников, скульптуров.

За последние несколько десятилетий благодаря все возрастающим масштабам археологических исследований были обнаружены погребенные тысячелетиями ценные памятники древнейшей архитектуры, искусства и быта. Хронологически хочется начать с самого древнего очага человеческой жизни в Азербайджане — с пещеры Азых, где в 1968 г. были найдены орудия и челюсть ашельского человека, жившего около 500 тыс. лет тому назад. Дальнейшие раскопки в 1972 — 1974 гг. в этой пещере выявили еще более древние каменные орудия, изготовление которых датируется примерно 1,5 миллиона лет тому назад.

На протяжении 1975 — 1981 гг. археологи дошли до одиннадцатого культурного слоя этой уникальной пещеры и обнаружили орудия древнего человека, причем довольно тщательно обработанные. Впервые были найдены крупные каменные орудия (гигантолиты), а одно из них со следами вторичной обработки. Указанные факты уникальны, так как находки по времени приближаются к олдовайской галечной культуре *Homo habilis*, однако вместо использования всевозможных галек, иногда даже расщепленных, мы видим орудия древнего человека, но уже с сапиентными чертами (таблица 7).

Открытия в Азыхской пещере говорят о том, что Кура-Аракская низменность и окружающие ее горы с находившейся там описываемой пещерой были одной из тех колыбелей человечества, где в далеких глубинах истории могли жить древние люди и, следовательно, зарождалась их материальная культура.

В Советском Союзе в условиях последовательно проводимой ленинской национальной политики расцвела культура народов нашей Родины и претворяется в жизнь ленинское учение об отношении к культурному наследию. Из года в год усиливается внимание к памятникам материальной культуры, их государственной охране, изучению, реставрации и научному исследованию.

В 1976 г. 31 октября вышел Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры. В этом законе говорится: «Памятники истории и культуры народов СССР составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия, свидетельствуют об огромном вкладе народов нашей страны в развитие мировой цивилизации» [7].

В. И. Ленин придавал важное значение сохранению и изучению культурного наследия прошлого. «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология рево-

люционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» ([1], с. 454).

Историография Азербайджана не располагает специальными трудами, освещающими древнейший период развития архитектуры. С каждым годом все больше обращаются исследователи смежных специальностей к тем далеким временам, когда фактически закладывались основы многих типов и видов архитектурных сооружений. Именно этому вопросу посвящается настоящая работа, в которой исследуется архитектура древнейших поселений, отдельных зданий и сооружений с выявлением целого комплекса причин, вызвавших их возникновение. Для лучшего осмысления сущности древней архитектуры в работе исследованы также и произведения монументального, культового и декоративно-прикладного искусства народа. А народ «это не только огромная нерушимая материальная и моральная сила нации, не только творец ее истории., но и лучший «теоретик» искусства, а следовательно, и архитектуры» ([119], с. 170).

Изучение на территории Азербайджана древнейших поселений, городов, крепостей, культовых сооружений и т. д. начато относительно недавно и связано со значительными трудностями. Причину этого надо искать в малочисленности письменных источников, которые чаще освещают более поздние периоды древней истории, а самое главное — это недостаточность археологической изученности древнейших поселений человека.

До установления Советской власти ни в одном исторически сложившемся городе Азербайджана не были произведены планомерные археологические раскопки. После установления Советской власти, в особенности с пятидесятых годов, многие археологи стали заниматься раскопками древнейших сельбищ Азербайджана и других республик Закавказья. Результаты их кропотливого труда и сделанные открытия явились тем исходным материалом, который позволил в данной работе провести тщательные исследования сохранившихся частей зданий и сооружений, а также их планировочной структуры. Последовательное изучение древней архитектуры помогло выявить и объединить обнаруженные археологами отдельные части и детали изучаемых произведений архитектуры, на основе чего оказалось возможным определить их особенности и создать многочисленные реконструкции.

Сложность настоящей работы заключается в том, что до нас дошли лишь отдельные элементы материальной культуры, многие компоненты которой канули в небытие, а огромное число закономерностей в архитектуре и искусстве исчезло, казалось бы, безвозвратно. В качестве примера можно привести одно из самых интересных явлений в истории Кавказа — последовательный расцвет и угасание разбросанного на обширной территории государства Каспиана, а впоследствии развитие и усиление албан, создавших в IV в. до н. э. государство Кавказская Албания.

Зачастую трудно уяснить причины их расцвета и постепенного угасания, а также и то, какие из памятников материальной культуры относятся к Каспиане и где историческая грань их взаимопроникновения, когда каспии, видимо, растворились в этнической толще албан и не исключено, что в Мидии, Атропатене.

Поэтому вдумчивое и кропотливое изучение материалов археологических раскопок древних сооружений, антропоморфных и зооморфных скульптур (часто имеющих тотемическо-ритуальный характер и назначение), своеобразно декорированных или красочно расписанных керамических и ювелирных изделий из металла помогли автору настоящей работы в решении эскизов реконструкций многих сооружений, с уточнением их архитектуры и назначения.

Изучение и анализ путей развития древнейших поселений, крупных общественных, культовых и фортификационных сооружений, систематизация их видов с выявлением архитектуры, планировки и декора позволили установить, что древние зодчие могли возводить сложные для своей эпохи сооружения. Первоначальный процесс проводимого автором исследования включал многочисленные варианты эскизов восстановления отдельных поселений и сооружений. Впоследствии на основе накопленного опыта оказалось возможным перейти к

многочисленным сравнительным анализам, обобщениям, окончательным реконструкциям и выводам.

Реконструкции постепенно — от неолита до эпохи железа и вплоть до раннего средневековья — выявили закономерности палеоархитектоники — одной из основ создания древнейших сооружений. Систематизация и сопоставительные анализы сходных по назначению и архитектуре сооружений позволили выявить путь развития, который прошла архитектура на протяжении тысячелетий, сохранившая, наряду с новыми формами и строительными приемами, исходные как планировочные, так и объемно-пространственные решения. В своих реконструктивных предложениях автор не всегда мог досконально воссоздать древнюю постройку в ее первоначальном виде, кроме тех, которые дошли до нас в довольно хорошей сохранности, даже если не целиком, то хотя бы в отдельных фрагментах, что в сумме могло бы помочь создать очень близкие к оригиналу облики. Реконструкция зачастую несет в себе элемент вероятного, а ее тождественность с оригиналом будет тем достовернее, чем тщательнее автор сумеет использовать сопутствующие данные истории и культуры об общественно-социальном укладе, о специфике религиозных институтов исследуемых эпох, о мировоззрении, об особенностях языка (там, где он прослеживается), о связях с сопредельными странами и т. д.

Вес сказанное наиболее полно воплощалось в культовых и ритуальных сооружениях и сопутствующих им скульптурах, которые зачастую предстают перед нами как зафиксированные в глине или камне космогонические представления древних народов.

Необходимо подчеркнуть одну общую методологическую особенность палеоархитектурных исследований, которая опирается на марксистско-ленинское учение о развитии человеческого общества и его материальной культуры: чем дальше мы идем в глубь веков и тысячелетий, тем шире круг вопросов и проблем, для решения которых надо опираться на данные архитектуры, археологии, мифологии, палеонтологии, истории, астрономии, эстетики и т. д.

Изучение культовой архитектуры и связанных с ней ритуальных произведений искусства позволило выявить основы палеоэстетики. Рисунки на произведениях прикладного искусства и наскальные изображения помогли уточнить их назначение и выявить, казалось бы, окончательно утерянные архитектурные облики древних сооружений.

Взаимовлияние культур народов Древнего Востока, обусловленное общим укладом жизни, а также систематическим взаимным проникновением отдельных племен, а иногда и значительными этническими миграциями, внесло в творчество древних архитекторов, строителей и художников определенные черты, роднящие их между собой. Изучение взаимовлияний архитектуры этих народов, в свою очередь, позволило составить архитектограмму, наглядно показавшую закономерные творческие пути развития и связи с родственной архитектурой древнего Азербайджана (Каспианы и Албании).

Исследуя архитектуру и искусство Каспианы и Албании, автор стремился представить эти древние цивилизации не скоплениями мертвых руин на холмах, горах и прибрежных землях, а цветущей страной, покрытой группами крепостей-городов, селений, храмов и дорог, открывающихся нам как бы с заоблачных высот.

Этому впечатлению способствуют составленные автором в большом количестве реконструкции поселений, городов, храмов, цитаделей, крепостей, а также ряд карт, на которых показаны предполагаемые границы древних цивилизаций на разных этапах их исторического развития.

Раскрывая прошлое на документальной и археологической основе, автор старался увидеть не только главное, но зачастую и очень малое, без которого основное не приобретало бы зримую выпуклость и реальность.

Одной из важнейших задач, которые стоят сегодня перед советской историей архитектуры и искусства, является глубокое марксистское исследование мировоззренческой платформы, лежавшей в основе наиболее значительных исторических направлений в творчестве древнего человека. Понять, почему человек построил и украсил свое жилище так, а не иначе, значит разгадать те основы зодчества, которые в результате длительной эволюции привели к различным объемно-пространственным и тектоническим структурам.

«Внешние формы архитектуры, ее специфические художественно-эстетические качества неразрывно связаны с ее природой, а потому также определяются процессом материального производства и имеют своим источником потребность человека в красивом» ([3], с. 248).

Необходимо отметить, что исследовательские работы по архитектуре древнего Азербайджана и других Закавказских республик носили фрагментарный характер. В отдельных трудах упоминания о древней архитектуре имели в основном описательный характер, в других — освещались работы археологов или архитекторов, повторяющих археологические сведения о вновь обнаруженных сооружениях, в третьих, чисто исторических трудах описывались произведения архитектуры, отдельные из которых в настоящее время уже не существуют. И эти сведения, дошедшие до нас в трудах средневековых и более поздних историков, рассказывают о красивых и сильно укрепленных городах, крепостях, храмах, отдельных поселениях и сооружениях.

Автором прежде всего были использованы раскопочные материалы археологов Азербайджана (20 — 70-х годов XX в.), проводивших исследования на северо-западных склонах Малого Кавказа, на территории Миль-Муганской степи, в Мингечауре, на правом берегу р. Куры, в Нахичевани, на Апшеронском полуострове и в других местах Азербайджана. Для сравнения привлекались наскальные изображения Кобустана и Апшерона, а в поисках семантики культовых сооружений изучались произведения прикладного искусства и антропоморфная пластика.

В научный обиход вводятся памятники архитектуры азербайджанского народа от неолита до раннего средневековья, а в отдельных случаях делается попытка связать их с мировоззрением населения разных эпох.

Рамки работы умышленно расширены, так как на более коротком отрезке времени не удалось бы проследить генетический путь древнего зодчества с выявлением связей и взаимовлияний его на сооружения каждой последующих эпох, с уточнением устойчивых форм архитектуры, декора и строительных материалов.

Настоящая работа, обогащая древний раздел истории архитектуры, на наш взгляд, расширит ее познание, указав глубокие корни многих типов сооружений, объясняя причины возникновения большинства архитектурно-планировочных и объемно-пространственных структур, образцы которых прослеживаются на протяжении нескольких тысячелетий.

Цель предпринятого автором исследования — выявление исторических, экономических, архитектурно-композиционных связей и взаимовлияний: фиксация, первичная обработка, реконструкция разнотипных памятников с целью воссоздания целостной картины архитектуры древнего Азербайджана, а также выявление генезиса многих устойчивых ее форм и конструкций.

Комплексное изучение древних памятников архитектуры и искусства, археологии и истории с последующим сопоставлением всех обнаруживаемых материалов, особенно посвященных древним поселениям, для уточнения типов и развития их архитектуры легло в основу специализированного исследования архитектуры древнего Азербайджана, которое проводится впервые. Методика исследования является новым направлением в процессе изучения истории архитектуры Азербайджана.

Более пятидесяти реконструкций древних поселений, городов-крепостей, цитаделей, храмов, алтарей, жилых домов и общественных зданий, выполненных впервые автором, воссоздали их архитектурный облик и ввели в научный обиход древние сооружения Азербайджана, а также частично Грузии, Армении, Узбекистана, Забайкалья и др.

Даже при некоторой гипотетичности реконструированные сооружения обладают определенной степенью достоверности обусловленной тщательным изучением их сохранившихся частей, отдельных архитектурных и декоративных деталей, строительных конструкций и материалов, и поэтому являются важным материалом для последующих исследований.

В настоящей работе впервые исследуются особенности архитектуры древнего Азербайджана, воссоздаются планировочные структуры первобытных поселений с их жилыми домами, огражденными дворами, хозяйственными постройками и наружными очагами, а также приво-

дятся характерные черты разнообразных общественных, культовых и мемориальных сооружений с их интерьерами, алтарями, литургическим инвентарем и ритуальной скульптурой.

По созданным реконструкциям городов-крепостей, цитаделей и оборонительных башен можно судить о высоком уровне архитектуры, о строительном и фортификационном мастерстве древних зодчих Азербайджана, свидетельствующем о большой и незаурядной культуре древних племен и народов, возводивших все описанные сооружения.

Учитывая общность климатических, географических и социально-исторических условий, в которых развивалась архитектура древнего Азербайджана и сопредельных стран, можно в определенной мере представить себе творческий путь развития их архитектуры, тем более что в работе все время проводятся всевозможные связи и параллели.

В книге изучается генетический путь развития архитектуры древнего и раннесредневекового Азербайджана, но для выявления более широких временных связей и взаимовлияний используются архитектурные памятники также и развитого средневековья.

Настоящая книга будет интересна и полезна широкому кругу читателей, интересующихся вопросами архитектуры и искусства Древнего Востока.

Глава I ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙШИХ СООРУЖЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

1. ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ СООРУЖЕНИЙ

Азербайджан — страна древней культуры, истоки которой прослеживаются в далеком прошлом. Лишь сохранившиеся до наших дней архитектурные памятники, наскальные изображения и археологические раскопки могут рассказать о многогранной культуре, которая складывалась и развивалась на протяжении многих тысячелетий на территории современного Азербайджана ([45], с. 21).

Исследования ранних этапов развития южных районов Советского Союза, в частности Закавказья, являются одной из важных проблем истории архитектуры. Научные открытия, сделанные археологами за последние годы в Азербайджане, позволили нам изучить и по-новому увидеть картину самобытной культуры древнего народа, его архитектуру и искусство.

В начале палеолита еще не было постоянных поселений, и небольшие группы людей вели кочевой образ жизни. С течением времени наступившее похолодание вынудило человека избрать местом жилья естественные пещеры. Множество таких пещер находится в горах и предгорьях Большого и Малого Кавказа.

Археологами были обнаружены пещеры в Азыхе, Тагларе, Домджиллы, недалеко от г. Шуши ([166], с. 4) и ряд других пещер, бывших местом поселений древнейших людей эпохи палеолита. Особенно интересна пещера Азых, в которой за 15 лет раскопок было вскрыто одиннадцать культурных слоев, относящихся к различным периодам развития человечества.

Археологическое открытие в Азыхской пещере установило первое в Советском Союзе и четвертое место в мире, где найдены ашельские люди. Летом 1974 г., отрыв шурф глубиной четыре метра от отметки предыдущих исследований, археологи попали в совершенно иную эпоху, примерно 1,2 — 1,5 млн. лет. Были обнаружены обработанные каменные орудия труда и охоты. Известный советский ученый-трассолог проф. С. А. Семенов после тщательного исследования подтвердил, что указанные каменные орудия сделаны рукой первобытного человека [155].

Летом 1975 и 1976 гг. археологи дошли до одиннадцатого культурного слоя, где обнаружили, кроме обыкновенных орудий, и гигантолиты тщательной отделки, говорящие о разумных обитателях этой пещеры — ровесницы Олдовайской культуры.

Открытия археологов в Азыхской пещере блестяще подтвердили смелую гипотезу ряда отечественных ученых, которые вопреки мнению большинства исследователей включали Советский Союз и в частности Кавказ в тот сравнительно ограниченный ареал на земном шаре, где более чем полутора миллионов лет тому назад протекал процесс первоначального развития человечества (таблица 7).

Открытие в Азыхской пещере переносит нас от конца абивилия (шеля) почти к самому древнему рубежу эпохи Олдовайской галечной культуры (2 млн. лет), открытой Л. и Р. Лики, Ф. Табайсом, Р. Брума в Южной Африке с остатками костяков, имевших антропоидные черты и названных *Homo habilis* (человек умелый). Там же была обнаружена кольцеобразная каменная кладка, которую В. М. Массон считает попыткой сооружения примитивного жилища ([130], с.

79, [281], с. 82). Мы полагаем, что это была ветрозащитная стенка, которая впоследствии легла в основу создания первого жилища (таблица 7).

Вскоре древность первых галечных орудий и антропоидные черты Хабилиса подтвердились новыми исследованиями в долине р. Омо и около оз. Рудольфа (2,1 и 2,6 млн. лет) ([281], с. 80). Человечество как бы постарело по крайней мере до эпохи плейстоцена (таблица 7).

Уникальность находок в Азыхе заключается в том, что человек, ровесник олдовайским *Homo habilis*, живший в Азыхе, оставил после себя орудия, тщательно и разумно обработанные, со следами вторичной обработки. Указанные факты говорят о том, что здесь найдены орудия древнего, но в какой-то мере разумного человека, а это для исследуемой эпохи на земном шаре обнаружено впервые.

Более поздние мустьерские неандертальцы, относящиеся примерно к 150 — 50 тыс. лет. известны нам по гораздо большему числу раскопок [138], обнаруженных и в СССР (таблица 7).

Установлено, что неандертальцы, классические образцы пещерного человека, не просто обитали в неуютных пещерах и гротах, а сооружали в них относительно благоустроенные жилища в виде хижин, рассчитанных на 10 — 12 человек. Эти, с точки зрения неандертальцев «благоустроенные жилища» — одно из свидетельств того, что грань между неандертальцем и первыми *Homo sapiens* во всяком случае в области культуры была не столь уж велика ([281], с. 81).

Дальнейшие раскопки в Азыхской пещере, возможно, раскроют совершенно непредвиденные стороны и глубины истории развития человека, возможно, будут найдены новые остатки костей азыхантропа, а может быть и его жилище, о чем говорят остатки стенок высотой 30 см, обнаруженные в ней, возраст которых примерно 400 тыс. лет.

Недалеко от селения Шихлы-1 Казахского района в 1961 г. были обнаружены каменные орудия человека, проживавшего там в Мустьерский период, хотя среди найденных материалов имелись предметы более архаического периода ([273], с. 3). За период, прошедший со времени нахождения Шихлы-1 в западной части Азербайджана, обнаружено более двадцати палеолитических мастерских и местонахождений открытого типа. К ним относятся Мустьерское местонахождение — Чахмаглы ([274], с. 4, 5), Мустьеро-Лаваллузское — Кечаскар, Кадыр-дере, Даш-салахлы ([275], с. 4 — 5) и др. Эпоха мезолита наиболее интересно представлена уникальными памятниками заповедника Кобустан, где обнаружены образцы мегалитической архитектуры — жилые дома, кромлех ([305], с. 69), культовые сооружения, а также несколько тысяч наскальных изображений, среди которых имеются рисунки башенных храмов ([57], с. 3 — 6), древнейшие «планы» жилых поселений ([168], [65], с. 4 — 6), солнечные лады, множество животных, символические и пиктографические знаки, начиная с мезолита, неолита, энеолита и бронзы, относящиеся к XII — II тыс. до н. э. ([168], с. 14. 15).

Описываемый период в плане общественного развития был характерен процессом формирования кровнородственных объединений, основанных на родстве по материнской линии объединения родов, фратрий и племен ([451], с. 10; [51], с. 11).

Исследования оседлого земледельческо-скотоводческого общества эпохи энеолита, бронзы и железа по раскопкам и работам археологов раскрыли перед нами пути возникновения древнейших поселений, их орудия, архитектуру и искусство, по которым логично было судить о их быте, труде и культуре. Наибольший интерес для нас представляли древнейшие сельбища, обнаруженные на территории Азербайджана (Каспианы, Албании). Во время раскопок в Кызыл-ванке была обнаружена крашенная керамика, датируемая примерно началом или серединой II — I тысячелетия до н. э.

Найденные в Ходжалах предметы иллюстрируют последовательную смену культур от середины II тысячелетия до первых веков I тысячелетия до н. э. Там же в одном из курганных погребений была найдена вотивная ассирийская бусина с именем одного из ассирийских царей Ададнирари, которая помогла датировать это погребение VIII — VII вв. до н. э.

Находки в Ялойлу-тепе, по-видимому, относятся к концу того же тысячелетия до н. э., а в Ленкоранском районе — к эпохе бронзы и железа. В Шуше, Гяндже и Шамхоре, наряду с бытовыми изделиями из сердолика, кремния, обсидана, бронзы и железа, были найдены предметы

вооружения того времени, отличающиеся прекрасной выделкой и высокой художественностью ([148], с. 24).

Археологические раскопки в селении Моллаисаклы Исмаиллинского района выявили поселение и некрополь, где было обнаружено значительное количество керамического материала, относящегося к античному времени; особенно большой интерес представляют антропоморфные статуэтки. Керамика датируется IV в. до н. э. — I в. н. э. ([329], с. 11, 12).

Вторая половина IX в. и весь VIII в. до н. э. представляют расцвет древневанского царства Биайны, самостоятельного и могучего государства Передней Азии. Эта Халдская держава, не переставая, расширяла свои пределы на восток, одновременно воевала на западе с хеттами, с переменным успехом боролась на юге с Ассирией и планомерно надвигалась с севера на Закавказье. Полчища халдов, продвигавшихся то на восток до Урмийского, то на север до Чалдырского озер, то на запад до Сарыкамьша на Каса-чае и вновь на восток до южного берега Гекчи (оз. Севан), покоряли сотни городов, грабили замки и крепости.

Завоевывая страны, куда входили земли Закавказья и ряда других древних государств, халды собирали богатую дань, увозя в плен тысячи юношей и мужчин, десятки тысяч голов скота. После покорения указанных земель халдский царь Сардур, сын Аргишти, обрушил свои орды на Азербайджан* ([293], с. 34).

Азербайджан в период вторжения халдов (VIII в. до н. э.) представлял собой богатейшую страну, с крупными городами и многочисленным населением. Завоеывая многие страны, царь Сардур подробно описывал, какое число людей и скота, а также золота, серебра и бронзы он собирал и увозил на родину. Ни одна страна не была так сильно ограблена, как земли Закавказья: 37800 человек, 3500 лошадей, 40353 быка и 214700 овец ([293], с. 37). В Азербайджане были ограблены двадцать крепостей-замков, сто двадцать городов и целый ряд селений. Обо всем этом говорится в клинописной надписи на стене, обнаруженной в западной нише Ванской скалы. Эта надпись представляет собой большой интерес как эпиграфический источник, свидетельствующий о том, что в Азербайджане задолго до нашествия халдов была высокоразвитая культура ([275], [148], с. 24).

Основываясь на этой клинописной надписи, акад. Н. И. Мещанинов говорил: «В районе одного только Азербайджана оказалось более сотни крупных населенных пунктов, с большим числом жителей и далеко не плохо поставленных в экономическом отношении. И все это не создание халдско-урартской культуры, не халды явились в этот край строителями городов и насадителями материального благосостояния. Напротив того, они сами обогатились своим вторжением в неизвестный им доселе край. Своим вторжением они только удостоверили наличие тут развитой культурной жизни, наличие городских поселений, дворцов и храмов» ([292], с. 14). Далее сказано: «Застигнутая здесь халдами-урартами в VIII веке до начала нашей эры культурная жизнь не могла не оставить по себе следов, и если в VIII веке она была же налицо представлена городами, дворцами и храмами, то начало ее уходит многими веками глубже..» ([292], с. 15).

Обнаруженные в Ханларском и Кельбаджарском районах родовые дома эпохи энеолита ([153], с. 121) и ранней бронзы, циклопические сооружения в нагорьях Малого Кавказа и в Баш-Норашене свидетельствуют о том, что на территории Азербайджана, на основе большой и древней культуры его народа, еще задолго до нашествия халдов существовали значительные памятники строительного искусства ([463], с. 6).

В Нахичеванской АССР в течение нескольких лет ведутся археологические исследования, благодаря которым обнаружено целое созвездие древних городов-крепостей.

Примерно в 12 км от г. Нахичевани обнаружены развалины древнего города-крепости Кюль-тепе-2 представляющего собой в плане неправильный пятиугольник. Дата возникновения относятся к III — II тыс. до н.э., а стены его возведены из глиносырцовых кирпичей ([23], с. 24; [22], с. 444). Крепость Чалхан - гала, относящаяся к III — II тыс. до н. э., представляет собой

* Здесь и в дальнейшем речь идет о тех древних племенных образованиях и государствах, которые были расположены на территории современного Азербайджана.

мощное трехметровой толщины оборонительное сооружение, стены которого возведены из прочных камней.

Крепость Вайхыр-Гявур-гала относится ко II — нач. I тыс. до н. э. Замкнутое оборонительное сооружение, толщина каменных стен которого достигала 3,0 — 3,5 м. Крепость-город Оглан - гала, имевшая две цитадели, — одно из наиболее интересных сооружений, относящихся ко II — I тыс до н. э. Стены были возведены из крупных отесанных каменных квадров. Крепость Газанчи состоит из двух огороженных оборонительных сооружений, разделенных рекой. Стены его возводились из крупных камней ([23], с. 30 — 32).

Множество интереснейших поселений, культовых и оборонительных сооружений возводилось на базе веками складывавшейся строительной техники и мудрой планировочной структуры Основы последней заложены в чисто региональных особенностях и требованиях, вытекающих из географических и климатических условий, в которых жили наши предки.

2. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕЙШИХ ПОСЕЛЕНИЙ, ИХ БЛИЖНЕ-ВОСТОЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Представляющие большой интерес для настоящего исследования древние поселения эпохи оседлого землевладельческо-скотоводческого общества, развивавшегося на протяжении с VI по I тыс. до н. э. ([451], с. 10; [51], с. 3), были обнаружены в ряде стран Ближнего Востока, в том числе во многих районах Азербайджана. Для подробного исследования древних поселений и полного освещения творческих путей их развития необходимо рассмотреть ряд вопросов, которые в сумме могут раскрыть перед нами исторические и творческие корни их возникновения.

Решения отдельных древних поселений подразделяются нами на ряд относительно схожих между собой по видам архитектурно-планировочных структур, словно называемых «ансамбли деревень» ([109], с. 11).

I. *Поселения, созданные в основном стихийной застройкой*, где здание примыкает к соседнему, оставляя лишь небольшие проходы. Эти поселения в общепоселковой структуре сложились без особой системы, но содержат в себе довольно продуманные и живописные схемы небольших селитебных узлов.

Анализируя отдельные архитектурно-планировочные группы жилых построек и восстанавливая в рисунке их объемно-пространственную трактовку, удивляешься той чисто интуитивной выразительности в сочетаниях планировочно связанных между собой жилых и хозяйственных сооружений. Логичность и незатейливость решения входов, в большинстве своем направленных в разные, но удобные для повседневного пользования стороны, правильное использование рельефа местности, позволяющее обеспечить необходимый отвод атмосферных вод, учет защищенности поселения от господствующих ветров, наличие источничков питьевой воды, несомненно, являются доказательством определенной продуманности выбора места для застройки большинства перечисленных нами типов жилых поселений.

Примером описываемой планировочной структуры древних поселений могут служить: Гаргалар-тепеси 1, 2, 3 (Казахский район), относящиеся к V — IV тыс до н. э. ([51], с. 10, 11). Поселение состоит из круглых в плане построек, часть которых решена с вертикальными цилиндрическими стенами, с опорным столбом, на который опирались конструкции скатной кровли, но в основном оно слагалось из купольных построек. Жилые и культовые здания, видимо, решались с отверстием в верхней части, а хозяйственные возводились без них. Сооружения этого поселения строились из сырцовых плосковыпуклых кирпичей. Каракепек-тепе 1 и 2 (Физулинский район) — эпоха ранней бронзы III тыс. до н. э. Это древнее сельбище состояло из круглых в плане построек с вертикальными цилиндрическими стенами. Примерно в центре каждой постройки имелся деревянный столб, являющийся опорой для скатной кровли. Все здания возводились из речных камней на глиняном растворе. В скатной кровле, несомненно,

имелось отверстие для вытяжки дыма и освещения. Вполне возможно, что в зданиях имелись небольшие окна Шулаверис-гора, V — IV тыс. до н. э. — Грузинская ССР. Состоит из круглых в плане купольных зданий жилого, хозяйственного и культового назначения ([451], с. 33 — 38). Кара-тепе, Мильская степь, примерно в 4 км от городища Орен-Кала — I тыс. до н. э. застроено уже прямоугольными в плане сооружениями, плотно примыкающими друг к другу ([191], с. 195 — 204), с правильным учетом рельефа местности.

II. *Поселения с организованной застройкой*, в которых архитектурно планировочная структура решалась путем застройки жилья вокруг крупного культового здания или центральной площади, порой игравшей роль своеобразного кромлеха, где свершались богослужения, исполнялись ритуальные танцы и проводились общие празднества ([131], с. 3).

Главное культовое здание всегда отличалось от окружавшей его рядовой застройки не только размерами, но и архитектурно планировочными и объемно пространственными решениями, а также более богатым декором фасадов и интерьера ([109], с. 21). Примером могут служить культовые сооружения в Кюль-тепе в Нахичеванской АССР, относящиеся к V — IV тыс. до н. э., в котором культовые здания достигали порой около 8 м в диаметре ([11], [161], с. 91 — 93); Иланлы-тепе — поселение в Карабахской степи, конец V тыс. до н. э., застроено круглыми и почти прямоугольными зданиями, расположенными вокруг крупного культового сооружения, имеющего в плане форму эллипса, с размерами 5,80 x 7,60 м в осях. Этот древний храм решен в форме вытянутого вверх купола: он был главной архитектурной доминантой поселения ([51], с. 6, 10). Поселение Шенговит близ Еревана — Армянская ССР, конец IV — III тыс. до н. э. Здесь на отдельном участке прослеживается застройка жилых и хозяйственных зданий вокруг более крупного, видимо, культового сооружения ([37], с. 6; [133], с. 253, 255). Примером застройки зданий вокруг центральных площадей может служить древнее поселение около Мардакян, жилые и культовые постройки которого расположены вокруг или примыкают к кромлеху, огороженному крупными каменными глыбами с изображением оленей, людей и т. д. относящемуся к III — II тыс. до н. э. Судя по обнаруженным крупным глыбам камня с изображением оленей и козлов на Апшеронском полуострове в районе Шувелян, видимо, там также был крупный кромлех, вокруг которого по аналогии с мардакянским комплексом имелось древнее жилье.

Грузинское поселение Имирис-гора, относящееся к V — IV тыс. до н. э. планировочно было решено вокруг небольшой площади, хотя культово-ритуальный комплекс был расположен на восточной его окраине ([451], с. 33, 34; [161], с. 7 — 9). Аналогичный планировочный прием просматривается в родовом трипольском поселении Коломийщина-1, относящемся к III — II тыс. до н. э., в котором жилища были расположены двумя концентрическими кругами вокруг центральной площади ([138], с. 3). В Южном Туркменистане древнее поселение Кара-депе имело обширную общественную площадь ([342], с. 16), несомненно, служившую и ритуальным целям. Данное поселение, как и Шенговит, одновременно относится к группе поселений, имеющих улицы.

III. *Поселения, состоящие из отдельных огороженных дворов*, включающих в себя одно, реже два жилых здания и несколько хозяйственных построек разного назначения.

В этих поселениях явно выделяются группы зданий или отдельно стоящие постройки культового и общественного назначения. Описываемые сооружения крупнее окружающей их рядовой застройки и очень часто отличаются от них своей архитектурой и декором наружных стен.

К описываемому типу поселений относятся Шому-тепе, Имирис-гора, Иланлы-тепе, древнее Шумерское поселение «Khanazirija» на территории современного Ирака ([527], с. 107 — 114), а также в какой-то мере Джейтун и Шенговит.

Древнейшее в Закавказье неолитическое поселение Шому-тепе (VI — V тыс. до н. э.) слагается из небольших «усадебного» типа жилых комплексов, состоящих из одного, реже двух жилых домов, одной или нескольких хозяйственных построек. Каждая «усадебная» огорожена забором, на ее территории встречаются дворовые очаги. По этому же принципу построена планировочная структура жилой части поселения Иланлы-тепе, конец V тыс. до н. э., в котором,

кроме дворовых очагов, имелись специальные открытые небольшие склады прочных камней, видимо, бывших сырьем для изготовления орудий и оружия.

IV. Поселения, состоящие из целого ряда домов, образующих более или менее правильные улицы ([109], с. 11), свидетельствуют об определенной продуманности в застройке древних сельбищ.

Характерным примером данной планировочной структуры может служить поселение Ханларского района Азербайджанской ССР, которое показывает с какой тщательностью выбиралось место под застройку — хорошо защищенное от ветров и обладавшее источниками родниковой воды. Это поселение слагалось из ста полуземляночных сооружений. Некоторые из них отличались относительно большими размерами, видимо, были культовыми или общественными зданиями. Часть сооружений этого сельбища эпохи ранней бронзы была разбросана без явно выраженной системы, относясь к первой планировочной структуре поселений, другая часть, состоящая из прямоугольных в плане домов, располагалась вдоль неширокого прохода — «улицы» ([413], с. 14), подтверждая этим известную продуманность элементов планировки и строительства. В качестве примера можно привести также поселение Tell Qalini Agha в Шумере ([487], с. 3 — 35), где здания живописно группируются по обеим сторонам криволинейной улицы. Аналогичную систему застройки можно наблюдать в поселении Чакмакли-депе, близ сел. Чаача Каахкинского района Туркменской ССР. Поселение состоит из прямоугольных в плане сооружений, построенных по обеим сторонам центральной улицы (начало V тыс. до н. э.) ([89], с. 26 — 32). Планировочно к этой группе относятся родовые поселения жилых комплексов в Южном Туркменистане Геокюр — 1 и особенно Кара-депе, III тыс. до н. э. В Геокюре обнаружена неширокая улица, от которой отходят боковые улочки, а в Кара-депе имеются узкие улицы и улочки ([342], с. 16). Не совсем ярко выраженные улицы просматриваются в поселении Шенговит близ Еревана. Поселение Якке-Парсан-2 (Турткусский район Кара-Калпакской АССР) — планировка его вытянута в меридиональном направлении и представлена двумя отчетливыми рядами домов, у всех домов в обоих рядах входы обращены на запад. Датруется это поселение началом I тыс. до н. э.

Планировочно интересным является поселение Квацхела Грузинской ССР. Оно имеет две небольшие площади, образовавшиеся пересечением небольших улочек. Здания ориентированы в основном на юго-запад (13 домов), на северо-восток (7 домов). Это объясняется сильными ветрами восточного или западного направления. На участке поселения имелась родниковая вода ([161], с. 113—117).

V. Поселения городского и крепостного типа. С глубокой древности на территории современного Азербайджана имелось большое количество поселений, городов и крепостей. Согласно клинописной надписи, обнаруженной в западной нише Ванской скалы, в Азербайджане во время нашествия халдов были ограблены двадцать крепостей-замков, сто двадцать городов и целый ряд селений ([275, 293], с. 34). Ванская надпись представляет собой большой интерес как исторический источник, говорящий о том, что Азербайджан (Каспиана, Албания — Д.А.) еще до вторжения халдов-урартов представлял собой богатую страну, в которой имелись крупные города с многочисленным населением, высокоразвитой культурой и экономикой ([148], с. 24; [293], с. 37).

Несомненно что обнаруженная халдами в VIII в до н. э. налаженная культурная жизнь крупных городов, в которых имелись многочисленное жилье, дворцы и храмы, являлась результатом многовекового генетического пути развития, корни которого уходят в глубины тысячелетий ([292], с. 14, 15). Примером могут служить крепостная стена и остатки жилья в Узерлик-тепе (середина II тыс. до н. э.) близ г. Агдама ([413], с. 14, 15). Крупные прямоугольные в плане сооружения, возведенные на толстых подпорных стенах, и, видимо, крепостная трехметровой толщины стена в Каракепек-тепе (IV и V слои) Физулинского района относятся к ранней и средней бронзе — III — II тыс. до н. э., ([191], с. 492).

Своеобразна и грандиозна архитектура апшероно-каспийских укреплений, состоящих из двух городов-крепостей Атеши-Багуан (Баку) и Дар-Банд (Дербент), крепостей Беш-Бармак и Чирах-гала с заградительными стенами, перекрывавшими всю Прикаспийскую низменность от

моря до гор. На Апшеронском полуострове имелись также вторая бакинская крепость, крепость Сабаиль и ряд других укреплений, объединенных в единый оборонительный комплекс, видимо, называемый Бандар - и Баку.

Самостоятельную и очень интересную группу древнейших городов-крепостей представляют изученные нами сооружения в Нахичеванской АССР. В двенадцати километрах от г. Нахичевани обнаружен город-крепость Кюль-тепе II (II — I тыс. до н. э.). В плане это неправильный пятиугольник. Углы поворотов крепостных стен закреплены четырехугольными в плане башнями, внутри которых имелись помещения. Примерная площадь крепости 2 га.

На скалистом плато возвышалась крепость Чалхан-гала (II — I тыс. до н. э.), ограждавшая селитебную часть со стороны пологого подхода к ней. Стены, представляющие собой в плане вогнутую внутрь кривую, были возведены из крупных каменных глыб.

Непрístupными, очень живописными коронами венчались две вершины крепости Газанчи площадью 40 га, состоящей из двух самостоятельных оборонительных крепостных сооружений, расположенных по обоим берегам реки Алинджачай. Крепость датируется II — I тыс. до н. э.

Крепость Вайхыр-Гявур-гала площадью 2,5 га решена в виде расходящихся под углом главных стен (120° , 96° , 144°), которые замыкали пространство от обрыва до обрыва. Северные стены толщиной 3,0 - 3,5 м укреплены тремя башнями. Сохранившаяся часть имеет высоту, равную 2 — 3,5 м. Датируется она II — нач. I тыс. до н. э.

Наиболее сложным и монументальным из всех изученных крепостных сооружений Нахичевани является город крепость Оглан-гала (II — I тыс. до н. э.). В плане это не правильный овал площадью около 40 га.

Город имел две, прямоугольные в плане, сильно укрепленные цитадели, на территории одной из них были обнаружены остатки нескольких колонн с базами, вытесанных из мраморовидного известняка. Возможно, это указывает на наличие многоколонного зала.

Это древнее циклопическое сооружение расположено в южных предгорьях Малого Кавказа, в Нахичеванской АССР, представляет собой несколько рядов стен толщиной от 3 до 2,5 м. Стены внутренних цитаделей имеют в плане форму неправильного четырехугольника со скругленными углами.

Крепость Оглан-гала с ее ступенчатой оборонительной системой стен и предвратными башенными укреплениями представляет собой зрелое, инженерно продуманное фортификационное сооружение.

3. ПАЛЕОАРХИТЕКТОНИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ СООРУЖЕНИЙ, ИХ АРХИТЕКТУРА

В энеолитическом поселении Кюль-тепе Нахичеванской АССР впервые в Азербайджане были обнаружены круглые в плане жилые дома, относящиеся к концу V — I V тыс. до н. э. [11], а наиболее древним является поселение Шому-тепе в Казахском районе — середина VI тыс. до н.э. ([312], с. 47; [164], с. 113). В том же районе были обнаружены еще два поселения: в 1961 г. Тойре-тепе — ([370], с. 15 — 28), а в 1971 г. Гаргалар-тепеси, относящиеся к V — IV тыс. до н. э., где, как и в Шому-тепе, были выявлены круглые в плане сооружения жилого, хозяйственного и культового назначения.

Эти поселения тесно связаны с большой группой древних сельбищ южной Грузии — Шулаверис-гора, Имирис-гора, Арухло-1 и др. ([451], с. 25, 32). Все они относятся к так называемой Шомутепинской культуре древнейших поселений. К этому же периоду относится небольшое сельбище Иланлы-тепе (конец V тыс. до н. э.), обнаруженное в Карабахской степи, сооружения которого решены в сочетании круглых в плане и почти прямоугольных зданий с пристенными очагами.

Много общего в архитектурно-планировочной трактовке поселения Иланлы-тепе, в решениях его жилых и хозяйственных построек с энеолитическим поселением Шенговит — близ Еревана, конец IV — III тыс. до н. э. ([314], с. 5) и с более поздним поселением в Физулинском районе Каракепек-тепе, относящимся к III тыс. до н. э. Вокруг этого поселения, видимо, была возведена оборонительная стена трехметровой толщины.

Жилые дома перечисленных поселений древнего человека в большинстве своем были построены из плосковыпуклых сырцовых кирпичей, а найденные древние жилые и ритуальные сооружения на Апшеронском полуострове, в Физулинском районе и Дагестане являются образцами мегалитической архитектуры эпохи энеолита и древней бронзы. На Апшероне были обнаружены остатки почти круглых в плане построек, захоронения святилищ и ритуальное сооружение в виде площадки, огороженной крупными камнями с нанесенными на них рисунками (кромлех). Древние памятники Апшерона были обнаружены в Мардакянах, III — II тыс. до н. э., в Зыря, III — II тыс. до н. э., в Тюркянах конец II тыс. до н. э., в Шувелянах, II тыс. до н. э. ([40], с. 15 — 17) и недалеко от Апшерона в Кобустане кромлех диаметром 50 м. возведенный из крупных камней, III тыс. до н. э. ([306], с. 69).

Гинчинское поселение IV тыс. до н. э., где были обнаружены остатки прямоугольных жилищ, и Мекегинское поселение III тыс. до н. э., где были найдены круглоплановое жилье и захоронения ([198], с. 35, 45), являются характерными образцами древней дагестанской жилой и мемориальной архитектуры.

В зависимости от объемно-пространственного, конструктивного и архитектурно-планировочного решения зданий в поселениях древнего человека они подразделяются нами на следующие характерные группы:

а) Круглые в плане с купольными перекрытиями: жилые и ритуальные с отверстиями для дыма, хозяйственные — сплошные (Кюль-тепе), Тойре-тепе, Баба-дервиш ([189], с. 54 — 63), Гаргалар-тепеси, Шулаверис-гора, Гинчинское поселение и др.

б) Почти круглоплановые с сочетанием купольных зданий и домов с вертикальными цилиндрическими или криволинейными стенами, надземного и полуземляночного типа с центральными опорными столбами, плоскошатровой или типа дарбази крышей — Шому-тепе, Имирис-гора и др.

в) Почти прямоугольные в сочетании с круглыми в плане зданиями — Иланлы-тепе, Каракепек-тепе, Шенговит, поселение в Куюнджике ([109], с. 171) и др.

г) Прямоугольные здания надземного и полуземляночного типа, в отдельных поселениях здания решены с закругленными углами — Джейтун, Кара-тепе, Аликемек-тепе, Квац-хелеби, Гара-тепе, Мингечаур, поселение в Ханларском районе и древние поселения Tell Qalini Agha ([487], с. 3 — 35) в Шумере.

Интересными как с архитектурной, так и с конструктивной точек зрения являются тонкостенное жилье, культово-общественные купольные сооружения (диаметром 4,4; 4,2; 3,8; 3,4 м и около 2 м — хозяйственные). Толщина их стен принималась равной половине кирпича (17 — 18 см). Возводились эти сооружения, начиная от уровня пола, методом постепенного напуска верхнего горизонтального ряда кирпичей над нижним («ложный купол»).

Прочность купольных сооружений достигалась тем, что кладка глиносырцовых плосковыпуклых кирпичей размерами 34 — 36x12 — 13x7 — 9 см ([312], с. 46, 51) производилась на том же глиняном растворе, постепенно превращавшем все сооружение как бы в сплошной глинобетонный монолит (смесь глины, песка и рубленой соломы). Столь относительная мудрость строителей VI — IV тыс. до н. э. говорит о том, что задолго до описываемых сооружений много поколений древних строителей на практике методом постепенного исключения неконструктивных приемов пришли к описываемой кирпичной кладке с двухсторонней обмазкой при небольшой толщине стены.

В Азербайджане в неолитическом поселении Шому-тепе ([312], с. 51, 53) пока обнаружены самые древние постройки, возведенные из плоско-выпуклого кирпича, кроме того, целый ряд неолитических поселений, относящихся к Шомутепинской группе, на территории Азербайджана и Грузии (V — IV тыс. до н. э.) возводились из аналогичной формы кирпича. К

ним относятся Гаргалар-тепеси ([315], с. 39, 40) Тойре-тепе, Иланлы-тепе, Кюль-тепе, Баба-дервиш, Шулаверис-гора, Имирис-гора и др. ([164], с. 112, 113). Этот тип сырцовых кирпичей дошел почти до наших дней (конец XIX и начало XX в н. э.) в сельском строительстве Азербайджана под названием айы-баласы (медвежонок). К югу от Сиро-Киликии имелись поселения, возводимые из аналогичных кирпичей ([315], с. 40), в южно-туркменском поселении Джейтун здания строились из булкообразных комьев глины ([342], с. 14), которые можно считать несколько примитивной разновидностью плоско-выпуклых кирпичей, и, наконец, их применяли в раннединастический период в Месопотамии ([128], с. 44, 46), памятники которой хронологически не выходят за пределы III тыс. до н. э. ([133], с. 198; [312], с. 51, 53).

Раскопанные поселения эпохи неолита, энеолита и бронзы свидетельствуют о высоком мастерстве, с каким древний зодчий-строитель возводил свои сооружения. Строгая целесообразность и лаконизм планировочной и конструктивной структуры сооружений древности порой придавали им черты монументальности и выразительности.

Сочетание определенной архитектурной выразительности сооружений древности с их конструктивной логичностью и прочностью свидетельствует о мудрости древних строителей и свежести первоначального восприятия. Это мы считаем самой настоящей интуитивной архитектурной древности, которая нами именуется палеоархитектоникой ([51], с. 8).

Отдельные сооружения, из которых слагались древнейшие как отдельно стоящие жилые дома, так и целые поселения Азербайджана, по объемно-пространственному и планировочному решению мы подразделяем на ряд схожих между собой типов зданий.

Одним из наиболее древних типов примитивного жилья, созданного руками человека, являются дольмены, которые в основном имели погребальное и ритуальное назначение ([413], с. 13).

Наибольшее количество дольменов было обнаружено в Ленкоранском и соседних с ним районах. Ж. Морган обнаружил их также в районе Тальшских гор. Им было зафиксировано много дольменов, и он указал главные места их расположения [527]. Очень интересен двухъярусный дольмен, обследованный в сел. Горикди ([17], с. 74). Этот дольмен сложен из десяти каменных плит. Каждое помещение почти квадратное, возведено оно с помощью четырех плит и покрыто пятой. В передней плите каждого яруса устроено отверстие в виде неправильного полуэллипса. Некоторые из дольменов имеют длину 6 м и высоту 2 м.

Наряду с дольменами из сплошных каменных плит встречаются дольмены, стенки которых сложены из ряда камней, без раствора, а сверху перекрыты широкими плитами ([313], с. 12, 13). Именно этот тип дольменов впоследствии явился основой возникновения сначала однокомнатных (Ханларский односемейный дом), а впоследствии многокомнатных жилых домов*. В пример можно привести древние родовые дома в Ханларском районе, где было обнаружено около ста построек. Некоторые из них, судя по размерам, были, очевидно, общественными зданиями, а некоторые — многокомнатными жилыми домами. Раскопки обнаружили полуземляночное сооружение длиной в 130 м, представлявшее собой «родовой дом»; внутреннее пространство его было разделено на четыре примерно равные части поперечными каменными перегородками, а грунтовые стены подземной части облицованы необработанными речными валунами. Верхняя часть стен также была сложена из крупных булыжных камней ([313], с. 14 — 16; [153], с. 121).

На Апшеронском полуострове были открыты древние жилые, ритуальные и мемориальные сооружения ([41], с. 63—73). Сложенные из крупных и средних каменных глыб жилые дома с очагами, культовые сооружения — капища огня, кромлехи и погребальные курганы являются ярким примером того, как человек от примитивного, утилитарного использования этих сооружений постепенно подходит к пониманию красоты, у него появляется желание чем-то украсить свое жилище. Возможно, на первом этапе это сопровождалось требованиями магического или тотемического оформления домашнего культа, разнообразных сооружений и мест поклонения.

* Сооружения подобного типа обнаружены на территории Армянской ССР, что свидетельствует о сходных путях развития древней архитектуры народов Закавказья ([207], с. 166)

Интересен кромлех в Мардакянах, представляющий собой почти круглое сооружение, возведенное из крупных каменных глыб, большинство из которых покрыто наскальными рисунками оленей, козлов и др. ([40], с. 15 — 17). Видимо, образцом для оформления кромлехов в Мардакянах и Шувелянах были наскальные изображения в Кобустане, полупустынном продолжении Апшеронского полуострова, где на более 1000 скалах имеется несколько тысяч изображений. Характерно, что на скалах горы Джингирдаг имеются изображения трех древних башенных храмов ([57], с. 8; [168], с. 27—29), архитектурный декор которых и символические изображения вокруг них позволили нам ниже (в гл. III) дать подробный анализ этих интересных изображений. В этом комплексе на скалах 123, 143 ([65], с. 4 — 8, [168]) имеются изображения, которые позволили высказать мнение, что это «планы» двух древнейших поселений, совершенно разных по планировочной структуре, но скомпонованных из одного типа круглых в плане домов; отдельные дома решены с хозяйственными постройками, но почти все с небольшими огороженными дворами. Дома на скале 123 однокомнатные, застройка поселения принята в линейной трактовке, отдельно в стороне показано большое здание, которое могло быть домом главы племени или примитивным культовым сооружением. На скале 143 поселение показано в виде пяти групп зданий, четырех по краям, и наиболее плотная группа домов в центре. Этот рисунок, видимо, изображает несколько более позднее поселение, так как отдельные дома разбиты на две комнаты, а один — на четыре комнаты. Имеются два здания с явно выраженным очагом в центре и два дома вытянутой, почти четырехугольной формы, показаны дворовые очаги и хозяйственные ямы, столь необходимые в быту древнего человека. Датировать это изображение по аналогии с поселениями Шому-тепе и др. можно примерно VI — V тыс. до н. э. Человечество знает очень мало примеров изображения «планов» древних поселений. Можно привести изображения в Сюнике — Армения, где мы обратили внимание на один наскальный рисунок небольшого поселения, в одном из зданий которого были изображены два человека ([208], с. 39), а также роспись в Тасилии, где имеются изображения хижин с циновками на полу, с явно подчеркнутыми двумя культовыми зданиями. В одной из круглых в плане хижин изображены две сидящие человеческие фигуры [257], что встречается сравнительно редко. Планировочная структура этого сельбища перекликается с поселением, изображенным в Кобустане на скале 143.

Все изображенные и построенные дома, видимо, были сугубо утилитарными жилищами, где пока вопросы эстетики и архитектурной выразительности не возникали у их строителей.

Начиная с конца неолита и в течение эпохи энеолита сооружения на примерах поселений Шому-тепе, Гаргалар-тепеси, Тойре-тепе, Кюль-тепе, Иланлы-тепе, Каракепек-тепе, в Азербайджане ([51], с. 10), Шулаверис-гора, Имирис-гора в Грузии ([164], с. 112 — 133), Шенгавит в Армении ([37], с. 6), Джейтун, Кара-депе в Южном Туркменистане ([342], с. 14, 15), Якке-Парасан-2 в Кара-Калпакской АССР ([195], с. 107 — 129, Khanazirija ([528], с. 107 — 114), Tell Qalini Agha ([148], с. 3 — 35) в древнем Шумере и многие другие трактовались уже в гармоническом сочетании архитектурных и конструктивных решений, что, как мы уже определили, было одним из ранних примеров палеоархитектоники ([51], с. 8).

Элементы первых этапов оформления жилых домов, а особенно ритуальных очагов, мы наблюдаем в энеолитическом поселении Иланлы-тепе, где окрашены в темно-красный цвет стена и пол перед очагом ([314], с. 5).

В Физулинском районе при раскопках древнего сельбища Каракепек-тепе были обнаружены возведенные из речных камней круглые в плане жилые дома, в интерьере которых также обнаружен красный цвет ([44], с. 499).

Интересно решались интерьеры жилых домов в древнем поселении Южного Туркменистана — Джейтуне. Дома в плане приближенно прямоугольные со скругленными углами, вход устраивался смещенным от центра, на смежной с ним стене, примерно в середине, имелся круглый очаг, рядом с которым, ближе к входу, отделенный перегородкой, размещался хозяйственный отсек (аналогичный прием, правда, несколько иначе решенный, мы наблюдали в круглоплановых жилых домах Кюль-тепе в Нах. АССР). На противоположной от очага стене был устроен выступ с неглубокой нишей в центре. Стены интерьера иногда окрашивались в

черный цвет, а выступ с нишей — в красный, полы, покрытые известковой обмазкой, часто бывали окрашены в красный цвет ([342], с. 14 — 15).

Тщательно изучая и сопоставляя даже то относительно небольшое количество древних поселений, обнаруженных археологами и рассматриваемых нами в настоящей работе, мы имеем возможность проследить, как в жилых, домах постепенно зарождались элементы культов — огня, матери, охранявшей домашний очаг и бывшей символом изобилия плодородия, культы сил природы, солнца, луны и ряд тотемических культов.

Большинство из описанных верований часто сопровождалось культом огня, так как почти для каждого из богов возжигался неугасимый огонь. Примером могут служить:

1. Неолитическое поселение Шому-тепе, где в одном круглом в плане купольном жилом доме была найдена костяная статуэтка женщины с круглой головкой и широкими бедрами. прикрепленная над очагом на высоте 40 см, установленная там более семи с половиной тысяч лет тому назад. Женские идолы были обнаружены в Гаргалар-тепеси (Азерб. ССР), Карадепе, Намазна-депе ([342], с. 23), Алтын-депе ([282], с. 429) (Туркменская ССР), Имирис-гора, Шулаверис-гора ([164], с. 111) (Груз. ССР) и во многих поселениях древнего Шумера.

2. Апшеронский кромлех вблизи селения Мардакяны, явно посвященный культу солнца, имеет ряд примыкающих к нему небольших почти круглых в плане сооружений с очагами, бывшими, несомненно, примитивными капищами.

3. На берегах Апшеронского полуострова, особенно в удобной подковообразной бухте, где впоследствии возник город (Хунзар, Атеши-Багуан, Бакван, Албана, Албака, Баку), имелись выходы на поверхность земли естественных нефтяных газов, местами одиночными скважинами, а кое-где сконцентрированными целыми группами газовых фантанов*. Каждый из этих фантанов, пылавших «вечным» огнем, являлся для наших пращуров олицетворением «божества», к которым они шли на поклон и от которых зажигали свои бытовые костры, перенося частицы этого «божества» в свои жилища ([50], с. 36, 37).

Так возникало примитивное доисторическое огнепоклонничество, наряду с поклонениями целому ряду культов. Видимо, именно этим путем появился в глубокой древности элемент культа огня в жилой ячейке, а человек продолжал поклоняться ему уже у себя дома. Это была та микрокультовая ячейка, из которой впоследствии возникали разнообразные культовые и ритуальные сооружения ([51], с. 11). Микрокультовая ячейка представляла собой однокомнатное сооружение, порой с небольшой пристройкой, чаще круглое в плане, реже прямоугольное с пристенным очагом, иногда напротив очага имелся выступ с нишей для молящегося, окрашенный в темно-красный цвет, — поселение Джейтун ([342], с. 14, 15), а иногда пол перед очагом и стена также окрашивались в темно-красный цвет — Иланлы-тепе ([314], с. 5) и Каракепек-тепе.

Постепенно из отдельных микрокультовых ячеек стали создаваться сооружения часто культового назначения, представлявшие собой или отдельно стоящее более крупное здание или разнообразное сочетание микрокультовых ячеек, по всей вероятности, примитивно декорированных. Рассмотрим наиболее характерные:

1. Отдельно стоящее культовое здание, вокруг которого располагались жилые и хозяйственные постройки, — Иланлы-тепе, Кюль-тепе, Шенговит, Мингечаур ([42], с. 129 — 132) — модели декорированных культовых башен.

2. Несколько крупных зданий, часто стоявших рядом и составлявших как бы культовый комплекс: Шому-тепе, поселение в Ханларском районе, поселение Khanazirija ([528], т. 1), наскальное изображение охоты в Кобустане — холм Язылы, где показаны три башенных сооружения, символически декорированных ([196], с. 15).

3. Культово-ритуальные комплексы, скомпонованные из нескольких микрокультовых ячеек, являлись как бы начальным этапом многокомнатно-дворовых храмов (культоритуальная группа в Кюль-тепе, Имирис-гора и в какой-то мере Иланлы-тепе — генезис отдельно стоящих культовых комплексов).

* В настоящее время на Апшеронском полуострове также имеются места естественных выходов газа, которые пылают с незапамятных времен (Д. А.).

Примером наиболее ранней, архитектурно-законченной композиции многокомнатно-дворового храма, скомпонованного из семи микрокультовых ячеек, может служить погребальная урна с острова Мелос ([109], с. 12, 13). Фасады этой как бы модели древних храмов покрыты спиральным орнаментом. Спиральный узор архитектурных сооружений, так же как и оформление фасадов концентрическими кругами, порой в несколько рядов, часто связан с космогоническими и идеологическими представлениями древних племен, несомненно, служившими целям древней магии. В виде спирали загнут хвост фантастической рыбки — бронзового амулета, найденного невдалеке от башенного храма Гыз галасы, предположительно II — I тыс. до н. э.

Спираль в декоре архитектурных сооружений Азербайджана обнаружена на каменной стене в поселении Баба-дервиш ([189], с. 58), а концентрические круги — на двух башнях, изображенных в Кобустане. Выступающие налепы, отверстия или углубления также круглого очертания, расположенные концентрическими кругами, можно проследить на глиняных моделях культовых сооружений купольного и башенного типа, найденных в Мингечауре.

Орнамент в виде рельефных украшений обычно встречается также на сосудах больших размеров в эпоху энеолита на территории Кура-Аракского двуречья, на северо-восточном Кавказе и в древних поселениях Переднего и Ближнего Востока. Необходимо отметить, что в памятниках, находившихся за пределами Кавказа, исключая Трипольскую культуру и Восточную Анатолию, спиральный мотив представлен в единичных находках ([189], с. 56 — 58). Из предметов, декорированных спиральным орнаментом, на территории Центрального Средиземноморья можно привести лишь урну с. о. Мелос, обломок надгробной плиты из погребения в Микенах ([214], с. 49), единственный в своем роде глиняный диск из Феста, скорее азиатского происхождения ([171], с. 329, 330), и др.

Проделанное исследование позволило нам прийти к определенным выводам:

1. Зодчие древности стремились в своих творениях соблюдать предельную логичность и целесообразность, не забывая об архитектурной выразительности, которой они достигали скупыми и лаконичными средствами. Здания в древних поселениях всегда строились из местных строительных материалов.

В одном поселении, состоявшем из круглых в плане сооружений, к примеру Шому-тепе, мы видим здания купольного типа, более крупные жилые дома с отверстиями для дыма и небольшие без отверстия — хозяйственные. В этом поселении были построены два крупных здания с вертикальными стенами и опорным столбом для плоскошатровой или типа дарбази кровли, имеется здание полуземляночного типа, также, видимо, с вертикальными стенами, и в довершение всего в этом поселении ярко подчеркнуты три сооружения, резко отличающиеся размерами от окружающей застройки, возможно, с небольшим декором стен, которые мы относим к культовым постройкам; отдельные дома имеют порталные входы. Все эти здания построены из плоско-выпуклых кирпичей, с толщиной стены в полкирпича. Столь тонкостенное сооружение при диаметре плана около 5 м говорит о мастерстве и грамотности древних зодчих-строителей.

Люди в древности поклонялись огню, силам природы, планетам и целому ряду тотемических культов.

Создавая бытовые очаги, они приносили в свое жилище огонь, который зажигали от лесных пожаров, от горящих газовых фонтанов Апшерона, от горевших залежей каменного угля в горном Таджикистане в Кантаге, где веками бушевал подземный огонь ([353], с. 5). Люди сотворяли себе идолов, изображали на стенах солнце, луну, животных, внося как бы частицу божества к себе в дом, и этим создавали первые жилые микрокультовые ячейки, которые впоследствии выкристаллизовались в чисто культовые сооружения.

2. Обследуя значительное количество древних поселений, приходим к выводу, что большинство из них решено на основе тщательного выбора местности и оптимальных климатических условий, а также наличия естественных источников воды и определенного архитектурно-планировочного решения поселения.

3. Общность архитектурно-планировочного решения зданий древних поселений стран Ближнего Востока, цветовое оформление ритуальных мест в микрокультовых ячейках, единый тип плосковыпуклого кирпича (наиболее древний и распространенный в Закавказье, но встречающийся в Южном Туркменистане, Сиро-Киликии и в раннединастической Месопотамии), магическая в понятии древнего человека спиральная и концентрическая кругами декорировка культовых зданий, наиболее распространенная в Закавказье, особенно на территории Кура-Аракского двуречья, говорят о несомненном взаимовлиянии стран Древнего Востока.

Этот общий для разных стран эволюционный путь, протекавший часто самостоятельно, а иногда в результате культурных, деловых, торговых связей или этнических миграций, является свидетельством включения Закавказья, а также ряда стран Средней Азии в круг прогрессирующих широких культур эпохи неолита и энеолита.

Древний Азербайджан был богатейшим краем ([293], с. 37), где земли Кура-Аракского двуречья создали все условия для жизни людей; это была страна, где постепенно возникало множество поселений, городов и крепостей. Апшеронский полуостров — средоточие «священных» огней и «волшебного» горючего масла — также стал местом возникновения древних поселений и священных городов-крепостей со множеством храмов, капищ и алтарей.

Древние земли Ширвана и Нахичевани были местами, где развивалась высокая культура, о которой можно судить по произведениям архитектуры и искусства. Территория, где проживали древние каспии и албаны, была процветающим уголком земли, куда устремлялись паломники, торговые караваны и переселенцы из многих стран, о чем говорят веками сохранившиеся названия деревень, донесшие до нас этническую принадлежность ее первых поселенцев ([73], с. 43, 44).

Вышесказанное объясняет опустошительные набеги на эту землю как с севера, так и с юга. С глубокой древности народы, жившие на этой земле, их вожди, а позже цари, стремились устраивать искусственные преграды, чтобы обезопасить свою землю от многочисленных опустошительных нападений.

4. ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И МНОГОКОМНАТНЫЕ ДОМА, ИХ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СКАЛАХ КОБУСТАНА

Недалеко от Апшеронского полуострова, в 60 км от древнего города Атеши-Бакуан (Баку), имеется место, где древний человек создал уникальную галерею произведений палеографического искусства. Более тысячи крупных и малых скал явились своеобразным полотном, где на протяжении многих тысячелетий создавались самобытные картины, изображавшие древнейшие поселения, храмы, охоту, быт и жизнь человека, а также многих животных, окружавших его.

В свете нашего исследования особый интерес представляют изображения отдельных сооружений [57] и «планы» древнейших поселений, которым посвящается данный раздел. На двух скалах холма Язылы, хоть и примитивно, но довольно-таки подробно изображены, на наш взгляд, два «плана» древнейших поселений [168]. Тщательно исследуя эти сельбища, состоящие из круглых в плане жилых, культовых и хозяйственных зданий. Кроме того, изучая каждое нарисованное здание, мы усматриваем несомненные черты сходства с древнейшими поселениями неолита и энеолита в Азербайджане, Грузии ([163], с. 12) и др.

Поселение, изображенное на камне 123, имеет много общего с древнейшим сельбищем Шому-тепе (VI тыс. до н. э.) и в какой-то мере Тойре-тепе (V — IV тыс. до н. э.) ([51], с. 6 — 9.; [304], с. 88). Эти поселения решены продольной застройкой и состоят из отдельных жилых и хозяйственных построек с небольшими огражденными дворами, иногда разделенными на несколько участков.

Как в Шому-тепе, так и в Кобустанском поселении (камень 123) явно выделена группа зданий культового и общественного назначения. Если в Шому-тепе три крупных общественных

здания расположены среди жилой застройки, то, судя по нашему эскизу реконструкции описываемого поселения в Кобустане, два крупных культово-общественных здания вынесены несколько за пределы жилой застройки и расположены на более высокой естественной террасе. Одно из этих зданий разделено пополам стенкой; таким образом, и тут мы имеем три культовых помещения. Это место, по всей вероятности, было выбрано не случайно. Там, видимо, имелись естественные выходы газа, постоянно плававшие и считавшиеся священными огнями.

На этом палеографическом рисунке «плана» древнего поселения изображена лошадь, которая свободно паслась среди культовых, жилых и хозяйственных построек.

На камне 143 изображен «план» более сложного по планировке сельбища древних обитателей Кобустана. Все поселение разделено на пять групп построек.

В центре расположена основная группа жилых и хозяйственных зданий. Среди них, видимо, был более крупный дом вождя с большим дворовым участком и более мелкими хозяйственными постройками. Среди зданий этой группы имеются дома с почти прямоугольными стенами, не исключено, что с отверстием на крыше, а также здание круглое в плане, но с вертикальными цилиндрическими стенами, крыша которого опиралась на центральный столб. Справа и слева от этой основной селитебной группы расположена на более высоких террасах группа жилых домов, возможно для холостых охотников, а может быть центральная группа была заселена родом вождя, а верхние были домами других родов.

Справа от центральной застройки на более низкой террасе расположена группа построек, на наш взгляд, чисто хозяйственного назначения. Об этом говорят небольшие размеры самих зданий и большое количество крупных и мелких хозяйственных ям. Слева на сильно приподнятой террасе расположилась группа культово-общественных зданий. Об этом говорят более крупные размеры основного здания, наличие алтаря огня и естественных газовых факелов, горевших там «вечным» священным пламенем. Кроме всего, одно здание в плане разделено крестообразно на четыре помещения. С глубокой старины круг с вписанным крестом обозначал символ Солнца космического огня, тогда как пламя, горевшее на алтаре, и огни естественных газовых факелов были лишь ипостасью Солнца на земле.

Таким образом, на камне 143 мы имеем «план» уже дифференцированного древнего поселения, несущего в себе родственные черты с сельбищами Гаргалар-тепеси, Иланлы-тепе ([54], с. 4, 5; [304], с. 88), Шулаверис-гора, Имирис-гора ([161], с. 3 — 8) и др. (V — IV тыс. до н. э.). В Имирис-гора также выделена группа двух культово-ритуальных зданий, состоящих из трех ритуальных помещений ([161], т. 9, [54], с. 6). Судя по планировочному решению нарисованных поселений и отдельных зданий, мы нашли в них сходство с поселениями и зданиями древних сельбищ Азербайджана, относящихся к эпохам неолита и энеолита, а это дает нам право отнести исследуемые поселения к тем же эпохам. Исследователь Кобустана И.М. Джафарзаде усматривает в изображениях двух поселений набор тамг ([168], с. 63, 64, 66 — 68), причем отдельные группы датируются им по-разному (X — XV вв.). Он, как и некоторые археологи, считает их тамгами, ссылаясь на одиночные изображения аналогичного рисунка, обнаруженные в раннесредневековых захоронениях или надгробиях, отсюда и поздняя датировка, а возможно, по аналогии с буквой из Химеритского алфавита ([460], с. 147), или по знаку на надгробном камне, найденном в районе Кобустана и в Крыму, где оно названо не буквой, а тамгой ([19], с. 6). Исследователь приходит к мнению, что все указанные знаки это тамги*.

Желание найти древние изображения здания и поселений, подтверждающие нашу гипотезу, стало причиной обширных поисков. Исследуя наскальные изображения Сюника и Гегамских гор, мы обнаружили изображение круглых ([208], с.39) и почти прямоугольных зданий ([208].с.39;[276]).Особенно привлекало наше внимание небольшого поселения в Сюнике, состоящего в основном из круглых в плане зданий. В одном из них были нарисованы два человека.

* Мы считаем, что средневековые изображения являются тамгами, означающими дом или очаг погребенного, а палеографические рисунки исследуемых нами древних поселений на скалах Кобустана являются той первоосновой, на которой впоследствии возникли указанные тамги (Д. А.).

Эти изображения находятся в местности Ухтасар, в 30 км от Сисиана, на высоте 3300 м над уровнем моря и относятся к V — II тыс. до н. э. Наличие людей в изображениях домов такого типа говорит, что эти рисунки «планов» древних поселений.

Нами был сделан эскиз реконструкции этого поселения.

Изучая наскальные изображения Узбекистана ([456], с. 25), мы обратили внимание на изображение плана древнего поселения, которое, кстати, так и было названо автором книги, проделавшим скрупулезную работу по изучению наскальных рисунков Узбекистана. Мы обратили внимание на изображение «планов» еще двух зданий: одного прямоугольного, состоящего из двух помещений; в более крупном были нарисованы два очага, рядом изображено круглое в плане здание, в центре его имелся очаг или основание для центрального столба, поддерживающего кровлю. Около прямоугольного здания нарисован пасущийся козленок. Нами сделан эскиз реконструкции обеих групп зданий. Интересно первое поселение, состоящее из почти круглых и одного прямоугольного здания с полукруглой апсидообразной пристройкой. От этой группы домов расходится множество заборчиков, видимо, необходимых в быту древнего человека.

Дальнейшие поиски привели нас к забайкальским петроглифам [326], где многие из них изображали планы домов с людьми, нарисованными в них или рядом, а также направляющимися к своим домам ([326], 4, 1). В одном жилом доме в поселении Хачурт изображена семья из пяти человек и корова, а рядом с домом двое играющих детей.

Совершенно неожиданным для нас было изображение в Субуктуе, где дома решены по тому же принципу, что и в Кобустане ([326], с. 14). Круглые здания имеют рядом дворовые стены, решенные в виде трех или двух отростков, отнесенных несколько в сторону от дома и соединенных с ним небольшой стенкой. Рядом с поселением изображены две домашние козы, собака и лошадь*. Нами сделана реконструкция внешнего вида этого поселения, которое так похоже на поселения, изображенные в Кобустане. Согласно реконструкции, мы видим, что среди живописно разбросанных жилых и хозяйственных построек явно выделяется одно здание более крупным размером и отнесенное несколько в сторону. По нашему мнению, это был дом главы родоплеменной группы людей, живших в поселении. Обращают на себя внимание два здания: одно крупное и разделенное на два помещения, второе поменьше, но соединенное с первым стенкой. Перед главным зданием крупный двор со сложно решенным входом. Эта группа зданий, расположенных на основной композиционной оси, как мы считаем, общественно-культурного назначения.

Планировочное решение древнего сельбища в Субуктуе напоминает поселения, изображенные в Кобустане на камне 123, Шому-тепе, Тойре-тепе в древнем Азербайджане.

Очень интересным для нашего исследования явилось изображение поселения Инауанрхет в местности Тассилин Аджер в Африке. Вся композиция поселения, судя по нарисованному плану, состоит из двух групп круглых в плане домов, каждая из которых скомпонована из четырех жилых зданий, расположенных друг против друга, а в центре между ними находился общий ритуальный очаг — алтарь огня или культовое здание с алтарем. Все здания соединены между собой крестообразно расположенными оградами. Между двумя верхними домами изображено здание, в котором нарисован круг с тремя парами лучей, расположенных поверху. Возможно это было изображение небесного светила. Вторая группа состояла из трех домов и одного или недостроенного или разрушенного здания. В самом крупном доме были нарисованы две сидячие друг против друга фигуры людей. Одна женщина изображена сидящей у этого дома во дворе. Среди первой группы домов нарисована женщина в набедренной повязке. В шести домах на полу изображены циновки. В этом великолепном образце наскальной живописи, созданной людьми скотоводческой эпохи, мы видим планировочную композицию небольшого селения, скомпонованного из почти одинаковых в плане хижин, расположенных крестообразно вокруг алтаря или небольшого культового здания, видимо, бывшего своеобразным капищем жителей этих четырех домов ([257], с. 101).

* Окладников А. П. и Запорожская В. Д. ошибочно считают рисунки круглых домов с заборами «сокращенным» антропоморфным изображением ([326], с. 14).

Нами проделана эскизная реконструкция этого поселения.

Сопоставив между собой реконструкции всех четырех древнейших поселений и для лучшего сравнения проделав третий эскиз реконструкции древнего сельбища из Кобустана, но уже из группы скал Бююк-даша, мы постарались выявить общие черты, объединяющие их, и, таким образом, как нам кажется, установили, что рисунки на скалах, найденные в ряде советских республик и зарубежных странах, являются творчеством древних мастеров-строителей.

Очень интересны два небольших «плана» древних поселений, изображенных на разных скалах Бююк-даша (кам. 52, 201). Мы в своей реконструкции для большей наглядности расположили их рядом. Около поселения, изображенного на камне 201, нарисованы олень и две собаки, его преследующие. Это поселение состоит из одного здания почти прямоугольного в плане, возможно, несколько суживающегося кверху, и двух круглых в плане — одного купольного, а другого с цилиндрическими стенами и столбом в центре, поддерживающим крышу. Обе группы зданий имеют ряд оград, создающих несколько дворики и, возможно, небольших загонов для скота.

Поселение, изображенное на камне 52, имеет одно крупное здание почти прямоугольное в плане, со скругленными одним углом и оградками, одной, идущей от самого здания, и двух примыкающих к ней, — видимо, небольшой загончик и хозяйственный двор. Рядом имеется крупная постройка, состоящая из четырех зданий — двух прямоугольных и двух пятиугольных. Во все стороны от них расходятся оградки и стены, создавая группу хозяйственных дворов, загонов и кладовых.

Все пять эскизов реконструкции древних поселений ([65], р. 5, 6) вычерчены вместе для лучшего сравнения и выявления общих черт в архитектуре древних жилищ разных народов, построенных примерно в одну и ту же эпоху. Вот почему так непонятны датировка и трактовка вышеуказанных изображений, по нашему мнению, древних поселений, которые предложены автором исследования и книги, посвященных заповеднику Кобустан ([168], с. 63, 64, 66 — 68).

Последовательно изучая все «планы» поселений, изображенных на скалах, а также каждый дом в отдельности, мы обратили внимание на большое количество оградок, которые окружали каждый жилой дом с его хозяйственной постройкой, создавая небольшие селитебные ячейки отдельных семей. Аналогичные ограды наблюдаются нами и в поселениях, обнаруженных археологами во многих местах Азербайджана, Грузии и Армении ([51], с. 4: [161], с. 13, 37, 74, 82; [133], с. 253 — 256). Создавая целый ряд реконструкций на основе материалов и планов раскопанных поселений, мы обратили внимание на то, что за некоторыми из оград хранились навалом прочные камни (неуклеусы), из которых древний человек изготовлял свои орудия труда и оружие, служившее ему для охоты и обороны. За некоторыми оградками, как и в самих домах, найдено много остатков керамической посуды и готовых орудий труда (зернотерки, ножи, шилья, иглы и др.). Видимо, эти ограды служили ветрозащитным целям и в теплое время года там проходила жизнь древнего человека. Многие другие оградки служили небольшими загончиками, где содержался домашний скот, недаром отдельные ограды сближаются, создавая небольшой проход, видимо, заваливаемый камнями в ночное время. Это были дома древних оседлых землевладельцев, которые постепенно обрастали необходимыми ограждениями, рабочими и подсобными площадями.

Постепенное увеличение количества домашнего скота в отдельных родоплеменных объединениях вызвало необходимость его защиты. Если раньше небольшой дом был окружен значительным количеством всевозможных оградок, то уже в III тысячелетии все эти открытые подсобные помещения объединялись в единое здание под одной крышей или в несколько зданий с общим внутренним двором.

В то же время и отдельные культовые сооружения начали объединяться в комплексы с внутренними дворами, служившими преддверием храмов — урна с о. Мелос или многокомнатный дворовый храм в Тель-эль-Обейле и многие другие ([109], с. 12; [382], с. 37).

Насколько вопрос защиты домашнего скота был первостепенным, видно из сохранившихся местами и до наших дней в горах Кавказа, жилых домов, где в помещение для домашнего скота можно было попасть лишь через жилую комнату.

В глубокой древности начал создаваться двух-, трехкомнатный дом, где человек проживал, хотя в разных помещениях, но под одной крышей, вместе со своими домашними животными. В отдельных случаях, если судить по забайкальскому петроглифу, относящемуся к III тыс. до н. э., животные содержались в одной комнате с людьми ([326], ч. II, т. 61).

Защищаться в одиночку было трудно и дома, постепенно группируясь, возводились по кругу в несколько рядов ([134], т. 3, 1) или же сдвигались плотно один к другому, создавая внутренний огражденный двор ([109], с. 14, 15.; [382]), а порой группа домов обносилась общим забором. В отдельных случаях стали создавать крупные, в плане круглые (168], с. 148), овальные ([109], с. 14, 15) или прямоугольные ([168], с. 173) дома с внутренними дворами и комнатами, расположенными под одной крышей.

Летом 1976 г. экспедиция сектора археологии и этнографии Института истории АН Азерб. ССР побывала в верховьях р. Тер-тер, где обнаружила наскальные изображения, которые датируются III тыс. до н. э. Уточнить датировку изображений помогли разведочные раскопки найденной там круглой постройки — укрепленного поселения скотоводческого племени. Круглое в плане сооружение (Д = 22 м) состояло из двух круглых и ряда поперечных стен, создававших внутренние помещения ([192], с. 492). В Азербайджане подобные сооружения обычно встречались на равнинных участках и предгорьях и впервые обнаружены высоко в горах (3 тыс. м над уровнем моря). В Кобустане на камне 99 среди скал Беюк-даша имеется изображение, на наш взгляд, круглого многокомнатного дома, схожего своей планировочной структурой с домом, обнаруженным в горах Кельбаджарского района, у горных озер Залха-Гель и Беюк-Алагель.

По планировке описываемый дом представляет собой шесть жилых ячеек, из которых пять двухкомнатных, а одна трехкомнатная, видимо, предназначенная для главы рода. Комната, расположенная в глубине, видимо, для домашнего скота. В центре имелось купольное помещение, а возможно, внутренний дворик с общим очагом, куда можно было попасть из входного огороженного двора, где имелаась, вероятно, общая кладовая. Согласно эскизу реконструкции, это типичное укрепленное поселение.

На камне 23 верхней террасы Беюк-даша имеется изображение прямоугольного многокомнатного жилого дома ([168], с. 147). Принцип планировочного решения тот же, только он разбит средней стеной на два симметричных комплекса с самостоятельными двориками, куда выходят четыре двухкомнатные жилые ячейки с помещением для скота.

Этот жилой дом явно возник на основе постепенного развития круглого дома, у него даже длинные стороны решены в виде пологой кривой.

На основании проделанного исследования мы приходим к определенным выводам: на скалах Кобустана, наряду с людьми, животными, повозками, древний художник изображал «планы» крупных и малых поселений. Подробное изучение их планировочной структуры выявило ряд разнообразных решений, видимо, зависевших от участка, выбранного под строительство поселения, наличия питьевой воды, естественных выходов газа, защищенности участка от ветра и нападений. В составе построек изучаемых поселений, наряду с жилыми и хозяйственными, выявлены также культово-общественные сооружения и их комплексы.

Учитывая иное толкование изображений отдельными исследователями, мы изучили ряд поселений, изображенных на скалах Армении в Ухтасар, Узбекистане, Забайкалье и Тассилин, Аджере в Африке.

Наблюдая за развитием вышеуказанных древних поселений*, обратили внимание на постепенное укрупнение самих домов, с появлением в них двух, трех и более комнат, а также на объединение отдельных однокомнатных домов в группу зданий, представлявших собой фактически один жилой или общественный комплекс, вокруг которого древним человеком создавалось определенное количество оградок, служивших кладовыми, местами дневной работы и отдельными загончиками для скота.

* Имеются в виду поселения, обнаруженные археологами и изображенные на скалах (Д. А.).

Со временем в целях защиты человек объединил жилые, подсобные и хозяйственные помещения под одной крышей, часто с внутренними дворишками, общим очагом и примитивным святилищем — микрокультовой ячейкой ([65], с. 11; [54], с. 7).

Можно провести интересную параллель между Кельбаджарским поселением и его большим круглым домом, а также многокомнатными домами, изображенными в Кобустане, и изображением на скалах Гегамских гор ([276], с. 44), где имеются рисунки, которые, мы считаем, изображают жилые, общественно-культурные и хозяйственные постройки древнего поселения. Интересна «планировочная композиция» в Варденисе, которая, на наш взгляд, изображает древнее поселение с жилыми, хозяйственными и культурными сооружениями*. Сравнение указанной композиции со многими изображениями Кобустана, Сюника ([208], с. 39), Узбекистана ([456], с. 25), Забайкалья [326], Тассилин Аджера в Африке ([257], с. 101) с разработанными двумя вариантами реконструкций Варденисской композиции позволяют отнести ее к числу рисунков, изображающих поселения древних обитателей этих мест.

Выполненные реконструкции восстановили облик древнейших поселений и отдельных сооружений, в которых протекала жизнь наших далеких пращуров, и вернули истории и науке архитектуру давно утерянных сооружений и поселений.

Указанные дома встречаются также в Армении, Грузии, на островах Крит (овальный многокомнатный дом Хамаиси-Ситеа с внутренним двориком и очагом) и Мелос (модель многокомнатного храма) и др.

Исследование древних поселений, многокомнатных домов и изучение археологических и этнографических материалов, по нашему мнению, доказало, что в эпоху энеолита и ранней бронзы человек наряду с животными и людьми изображал на скалах свое жилье, а порой целые поселения, а также то, что многокомнатные дома являлись первоосновой возникновения древнейших цитаделей и крепостей Азербайджана и всего Древнего Востока. Изображения отдельных жилищ впоследствии, в раннем и развитом средневековье, применялись чаще всего на надгробиях в виде тамг, означавших, по всей вероятности, загробный очаг или жилье.

5. ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КАВКАЗА

Узкий проход между Кавказскими горами и Каспийским морем с древнейших времен служил караванным путем народам древней Каспианы, позже Кавказской Албании, Атропатены и многих стран Древнего Востока. Одновременно по этому пути из Восточной Европы на Апшерон, плодородные земли Кура-Аракского двуречья и ряд других стран Передней Азии проникали полчища воинственных кочевников ([239], с. 154).

На протяжении от Дербента до Киязи Кавказские горы в нескольких местах наиболее близко подходят к морю, что послужило причиной возникновения на этих участках нескольких заградительных укреплений. Самыми значительными являлись Дербентские укрепления, которые были возведены в наиболее узком и географически удобном месте прикаспийского пути ([143], с. 44, 45).

Кроме дербентских, до наших дней дошли Гильгильчайские и следы Бешбармакских заградительных укреплений, которые также полностью перегораживали Прикаспийскую долину и уходили далеко в горы.

Величественные тридцатикилометровые Гильгильчайские укрепления, проходившие недалеко от современного гор. Сиазань, завершались в горах обширной и сильно укрепленной крепостью Чирах-гала ([413], с. 29). Бешбармакские укрепления пересекали долину вблизи сел. Зорат и доходили до горы Бешбармак (пять пальцев).

* У нас вызывает сомнение трактовка авторов [276], принимающих изображения отдельных спаренных сооружений за парные женские фигуры, изображение круглого здания, разделенного крестообразно на четыре помещения, за изображение солнца, а четыре человеческие фигуры — за «солнечных обитателей» (Д. А.).

Несмотря на то, что запиравших Прикаспийскую долину заградительных укреплений было по меньшей мере три, почему-то большинство исследователей все существующие названия относят к Дербентским укреплениям. Названия укреплений были следующие: Каспийские ворота, Албанские ворота, Морские ворота, ворота Дарбанд (Дар-и-Мир-Митра), бог мира и войны, ([209], с. 99 — 101), банд-дамба, плотина ([152], с. 69), заграждение, то есть Дар-банд — Ворота мира и войны, ворота Джора (Джор) и производные от него Чора, Чога, Чола, Пур, Сул, Сал (дамба, заграждение) ([152], с. 69). По мнению И. Маркварта, оно иранского происхождения ([521], с. 101), в современном иранском «джер» означает щель, расселина, трещина (в земле). К. В. Тревер возводит его к армянскому дзор — ущелье ([410], с. 276), сходное наименование прохода появляется в византийских и сирийских источниках. Прокопий Кесарийский (VI в.) упоминает проход Тзур ([341], с. 381; [231]). Кроме указанных, имеется еще арабское название Баб-ал-абваб (ворота ворот) и тюркское Демир-гапы (железные ворота) ([239], с. 154). Эти названия отражали особенности их географического положения, стратегическую значимость и в какой-то мере этническую принадлежность.

Мы считаем, что «морскими воротами» был Апшеронский полуостров, древние причалы которого служили двум основным целям: в южной части полуострова, примерно на местах древних крепостей Атеши-Багуан (Баку) и Сабаиль гавань служила для приема паломников и всех желавших поклониться «вечным» священным огням и их многочисленным храмам, капищам и алтарям, а также и целям торговли. На северном побережье примерно в районе Кёхне-Бильгях (старое Бильгя) причалы служили торговым и стратегическим целям.

Название Каспийские ворота, видимо, произошло от древних каспийцев, от их страны Каспианы. Согласно Геродоту, при Дарии, сыне Гистаспа (549 — 485 гг. до н. э.), каспии входили в 11-й и 15-й округа Ахеменидской державы и платили подать 450 талантов ([143], к. III, гл. 92, 93), столько же платила Индия. Размер суммы подати свидетельствует о многочисленности и мощи покоренного народа, владевшего, несомненно, обширной, но, по всей вероятности, расчлененной территорией ([60], с. 14).

В древности, видимо, прикаспийские народности, начиная с южной части побережья, включая приморские земли Закавказья и части Северного Кавказа, а также районы Мильмуганско-Карабахской зоны, т. е. на правом берегу реки Куры в нижнем ее течении ([410], с. 75) до устья Аракса ([410], с. 51), объединялись под общим названием каспии. Впоследствии, примерно в VII — V вв. до н. э., должно быть, произошли постепенная ассимиляция и частичное вытеснение каспиев с Северного Кавказа и части Закавказья, а Каспиана в то время, видимо, стала занимать лишь юго-западную часть побережья Каспия [176], включая Апшеронский полуостров ([57], с. 3), и доходила до Бешбармакского, а скорее до Гильгильчайского (Чирахалинского) прохода. Видимо, лишь низменная прибрежная часть Каспианы в эпоху Ахеменидов входила в 11-й округ этой державы. Геродот указывает, что власть персов распространялась до Кавказского хребта [143], т. е. видимо, до Бешбармакского укрепления*.

Вопрос расселения каспиев за пределами Закавказья и входивших в 15-й округ отдельные исследователи локализируют то в Северной Индии в гандахарском городе Каспапирсе или Каспатире ([255], с. 164), то в стране Каспии, расположенной между Бактрией и Серикой (Китаем) ([175], с. 360). Еще упоминаются юго-восточные Каспийские ворота, лежавшие южнее парфянского города Арсакий (Страбон, XI, XIII, 6), но эти вопросы выходят за пределы наших исследований, поэтому мы их не будем касаться.

Интересно название города Каспи, расположенного на реке Куре между Мцхета и Гори, носящее конкретно этнический характер и свидетельствующее, что какая-то часть каспиев осела в данной местности ([60], с. 15).

В «Картлис-Цховреба» и «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии») создание одного из древнейших городов Картли-Каспи связывают с определенными легендами и преданиями ([151], с. 13; [204], с. 1 — 3), которые гласят: «Когда царь Александр обратил в бегство потом-

* Как видно, персы завоевали не Кавказ, а лишь земли каспиев, доходившие до гор. Видимо, персы не любили углубляться в горы, они «колхов, которые сами обложились приношением [даров], и их соседей подчинили лишь тех, которые жили в низменных районах до Кавказского хребта» ([143], к. III, гл. 97; [410], с. 50).

ков сыновей Лота и оттеснил их в полуночную страну, он нашел сперва свирепые племена бунтурков (Бун — основа, основание, основной) ([173], с. 124), живших по течению Куры в четырех городах с их предместьями. Он нашел города Саркине, Каспи, Урбниси, Одзрахе и их крепости» [204]. Г. А. Меликишвили считает, что город «Большой Каспи» был одним из крупных торгово-ремесленных и укрепленных центров Картли, который защищался крепостями Аспи, Каспи, Уплисцихе ([286], с. 446).

Большинство товаров проходило через крупные перевалочные пункты — города Минге-чаур, а затем Каспи, расположенный недалеко от Дорьяльских (Каспийских северо-западных) ворот, Дар-ел — дорога мира и войны, торговли и обороны.

Большая часть бывшей и условно нами называемой «Большой Каспианы» вошла в Албанское государство, со временем растворившей в себе почти всех оставшихся каспиев, о которых уже Страбон говорит как об исчезнувшем народе (Страбон, XI, 4, 5; с. 502).

Древняя Албания, Алвания поздними греческими писателями называлась Арианией, а народ вместо *Albanoi* — *Arianoi*. Арабы называли Албанию Арран (*ар-Ран*) ([82], с. 334). Возможно, это название, по мнению Маркварта, восходит к персидской форме названия Арран ([521], с. 117). Минорский считает, что первоначально население Аррана принадлежало к особой этнической группе ([296], с. 30), надо полагать родственной каспиям и, возможно, мидийцам, особенно с их племенем Магов-Мугов, живших на территории Мугани.

Интересно, что древних грузин — картлинцев называли ариа-картли ([296], с. 37 — 39, 43, 276 — 280); возникает мысль, возможно, указанные народности относились к ариям, но это были не ираноязычные народы. Можно предположить, что большинство албан-ариан говорило на какой-то разновидности местного древнего языка, который подвергался многократным влияниям завоевывавших их народов. Но, несмотря на многовековые изменения, он частично дошел до наших дней в составе современного азербайджанского языка. Такую преемственность можно проследить как в архитектуре, так и в произведениях прикладного искусства, выявленных нами от неолита до первой половины I тыс. н. э. и позже ([51], с. 8, 11, 14; [54], с. 8 — 11).

Иранцы начали проникать в районы прикаспийских проходов в очень раннее время в связи с необходимостью защищать северную границу Персидской империи. Возможно, что уже при Ахеменидах предпринимались некоторые меры для защиты кавказских проходов от набегов с севера ([296], с. 30, 31), но археологических доказательств пока нет.

Учитывая сказанное, мы считаем, что Каспийскими (юго-западными) воротами назывались все три узких прохода, видимо, с глубокой древности имевших определенные оборонительные укрепления. Со временем Каспийскими воротами, по нашему мнению, стали называться укрепления с крепостью Чирах-гала, как память бывшего рубежа последней Каспианы*.

О глубокой древности прикаспийского пути можно судить по аршакидским драхам, обнаруженным на территории Албании до Дербента и далее в Терской области и в Ставропольском крае, а это дает нам право предположить, что уже на рубеже нашей эры прикаспийский путь использовался в торговых целях ([333], с. 18). Таркинкая клинописная надпись ([483], с. 501 — 506) подтверждает возможные торговые связи с Месопотамией в еще более ранние времена ([232], с. 22). Видимо, вавилонские купцы, прибывая на Апшерон к святилищу Сабаиль [59], затем следовали через прикаспийский проход в Дербент и далее. Отдельные исследователи высказывают неподтвержденные предположения, что более вероятным последующим этапом возведения здесь оборонительных сооружений является период римского господства на Кавказе ([239], с. 159). Были и другие, считавшие, что Нерон только собирался построить укрепление в проходе ([332], с. 84).

Римляне, если строили, то обязательно в античных традициях, что не прослеживается ни в одном из трех заградительных укреплений.

* Археологические раскопки показали, что уже с середины I тыс. до н. э. на территории Дербента располагалось поселение, вероятно, хорошо укрепленное, которое уже тогда несло какие-то функции по охране. Не можем согласиться с отдельными исследователями ([239], с. 158), которые считают, что охрана Дербентского прохода была поручена албанцам Ахеменидской державой. Мы считаем, что все три прохода, заграждающих Прикаспийскую низменность с глубокой старины, были обороняемы албанцами и поэтому в эпоху Ахеменидов старые заграждения были лишь местами укреплены и достроены, а гарнизон усилен иранскими войсками.

В свое время Тацит сообщал, что «путь между морем и Албанскими горами», в отличие от Аланских-Дарьяльских (т. е. северо-западных Каспийских) и других укрепленных проходов был непроходим только в летнее время из-за разлива моря ([400], к. I, с. 247), а это позволяет сделать вывод об отсутствии в это время в Дербентских проходах искусственных укреплений. Однако, говоря о подготовке Нероном похода к Каспийским воротам ([400], к. VI, с. 234, 235), Тацит применяет термин «Claustra», означающий «вал», «пограничная крепость», «укрепление» ([239], с. 159). Подтверждением существования древнего прикаспийского пути свидетельствует готовившийся поход Александра Македонского на север Каспия ([36], к. VII, с. 518), осуществленный полвека спустя после его смерти Патроком в 283 — 282 гг. до н. э. по приказу Селевка I и Антиоха I. Мы не можем согласиться с теми, которые пишут: вряд ли в период выхода албан из державы Дария они смогли бы построить какие-либо укрепления ([239], с. 159), так как представляли собой союз 26 племен, во главе которых стоял свой вождь (Страбон, XI, 4, 6), но все они, видимо, были объединены одним царем, пославшим дары Александру Македонскому. Права К. В. Тревер, говорившая ([410], с. 53): «Первое появление албанов на исторической арене (IV в. до н. э.) сопровождается описанием их боевых качеств* и лишней раз опровергает ту примитивно-идиллическую характеристику, которую склонны давать албанам исследователи, некритически воспринимающие сведения об этой народности, имеющиеся у Страбона» ([387], к. XI, г. 4).

Огромные масштабы крепостных и заградительных стен и укреплений** говорят, что они строились десятилетиями, а может быть и столетиями, руками большого числа военнопленных*** и рабов, кроме того, возможно, привлекалось свободное население в порядке трудовой повинности ([266], с. 175).

Из сказанного видно, что Албания, как сильное, не исключено, что государство рабовладельческого типа, могла осуществить столь значительные оборонительные сооружения.

Немного позже в эпоху Сасанидов албанский историк М. Каланкатуйский писал, что «цари персидские изнуряли страну нашу» (Албанию) для построения великого сооружения между морем и горами ([205], [110], с. 50). Как видно, укрепление старых сооружений и возведение новых участков стен всех трех заградительных укреплений тянулось в течение многих десятилетий.

Поэтому мы считаем, что три имеющихся узких прохода были укрепляемы сначала каспиями, а позже албанами, а эти укрепления со временем превратились в заградительные стены и крепости Бешбармакские (Джора), Чирахгалинские — Каспийские ворота, и Дербентские — Бал-ал-Абваб, т. е. ворота всех предыдущих ворот.

Все сказанное лишней раз подтверждает наше мнение, что Албанскими воротами, как раньше Каспийскими, назывался весь комплекс прикаспийских заградительных укреплений. Наиболее узкое место между горами и морем на указанном пути был район Дербента — 2 — 3 км ([82], с. 419), где, видимо, были земляные или глиносырцовые валы ([239], с. 162), возведение которых некоторые исследователи приписывают Иездигерду II ([35], с. 137), другие — Каваду I ([410], с. 278). Летом, ввиду высокого в описываемое время уровня Каспийского моря, прибрежная часть затоплялась водой, прочно запирая проход.

Каспийские ворота, которые собирался покорить Нерон, мы считаем, были расположены у следующего узкого прохода и имели, видимо, оборонительный вал, стены заградительных укреплений и крепость (Чирах-гала), стоящую на границе бывшей Каспианы.

* Почетное место, которое албаны занимали в войсках Дария в битве при Гавгамеле, говорит о добровольном участии их в борьбе против Александра, а легкость, с которой греки смогли распознать их среди многоязычного персидского войска ([36], к. III, 13), указывает на несомненную их известность многим народам и то, что албанцы задолго до Александра участвовали в крупных событиях международной жизни.

** Стены Дербентского оборонительного комплекса имеют 2 млн. м³ каменной кладки ([239], с. 161, 162), Чирахгалинские укрепления — около 1,5 млн. м³, а если приплюсовать еще и Бешбармакские, то получается громадный объем каменных работ.

*** Подтверждением сказанного можно привести слова албанского царя Урнайра (IV в. н. э.): «...Когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать, как гончаров, каменотесов и кладчиков (стен) для наших городов, дворцов и других нужд ([414], с. 149)».

Крепость Чирах-гала живописно возвышалась на огромной скале, завершая мощные заградительные укрепления. Интересно решена архитектура главной Чирахгалинской башни, которая, несмотря на ряд реставраций сохранила горизонтальный декор своих фасадов, решенных правильным чередованием нескольких рядов обожженного кирпича и рядов каменной кладки, аналогичный прием наблюдается и в Бешбармакских укреплениях ([413], с. 29). Это решение фасадов роднит ее с архитектурой древнего бакинского башенного храма Митры или Ахура Мазды, относящегося, по нашему мнению, к VIII — VII вв до н. э., и двумя башенными храмами, изображенными на камне 9 скал Язылы, входивших в комплекс священной горы Джингир-даг (пир Джингир-баба) в Кобустане, относящихся к III — II тыс. до н. э. и которые мы считаем изображением древних каспийско-албанских башенных храмов ([56], с. 14, 15, 20, 21).

Первое упоминание о каспийских воротах, до которых доходила Мидия, мы находим у Гекатея Милетского (VI в. до н. э.) ([143], с. 2). Совершенно правы те, которые говорят, что, возможно, оно не относится к Дербентскому проходу ([239], с. 155).

Мы также считаем, что оно относится не к Дербенту, а к крепости Чирах-гала и ее заградительным стенам, однако М. Маркварт ([521], с. 155), Е. А. Пахомов ([332], с. 84), К. В. Тревер ([410], с. 122 — 127, 274) и ряд других исследователей считают, что уже к I в. н. э. под Каспийскими воротами следует подразумевать Дербентский проход. (К этому времени о каспиях как о крупном племенном союзе говорить уже нельзя было.) Наиболее ранние данные об использовании прохода кочевниками Восточной Европы, вторгавшимися в Закавказье и Переднюю Азию, мы встречаем у Геродота, рассказывавшего, что скифы в VII в. до н. э., преследуя разгромленных кимерийцев, вторгались в Мидию «...по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору» ([143], с. 103, 104), иными словами, через Прикаспийскую низменность, мимо Дербентских, Чирахгалинских и Бешбармакских проходов. Возможно, что хотя бы у одного из них уже в те времена имелись заграждения, а если учесть, что в VII в. до н. э. проходы через Прикаспийскую низменность были известны кочевникам, совершавшим по ним набеги, не исключено, в еще более древние времена на Закавказье и страны Передней Азии. Вполне закономерным было стремление их правителей принимать меры по защите этих проходов.

Видимо, можно предположить, что еще древние каспии устраивали определенные преграды (земляные валы, ямы, ловушки, завалы, а на отдельных участках заградительные стены), и когда намного позже на этом месте возникали укрепления и крепость, то им было оставлено старое название Каспийские ворота.

Бешбармакские укрепления, расположенные южнее Каспийских (Чирахгалинских) ворот, как бы закрепляли всю систему оборонительных сооружений, прочно запиравших путь к священным землям Апшерона и плодородным долинам Кура-Аракского двуречья.

Несомненно, новым этапом в истории Прикаспийского прохода явилось проникновение Сасанидов на Кавказ. Впервые Сасаниды попытались проникнуть в район укреплений в период правления Шапура I (241 — 274 гг.). Об этом говорится в Накш-и Рустамской надписи, где упоминаются Албанские ворота. Другая Накш-и Рустамская надпись Магупата Картира гласит, что «... кони и люди Шапура, царя царей, достигли до Албанских ворот ([258], с. 62, 87, 88). Не прошли Албанские ворота, а лишь достигли их, видимо, где-то в районе Бешбармакских укреплений, где им в то время не удалось укрепиться» ([239], с. 160).

Видимо, Бешбармакские укрепления и само ущелье ([178], с. 333; [239], с. 163) в V в. н. э. были в честь марзпана Джора названы воротами Джора (Чора). Расположенное недалеко сел. Зорат могло возникнуть как военный лагерь и также первоначально носило название Джора, а местом расположения основных сил марзпана, возможно, было сел. Джора (т) на севере Апшеронского полуострова.

Марзпан Джора, будучи наместником сасанидского царя Иездигерда II (439 — 457 гг.)*, был ревностным зороастрийцем и поэтому не исключена возможность, что проживал он в священном городе божественных огней — Атеши-Багуан (Баку), а резиденцией ему служила

* О сасанидском царе Иездигерде II сообщалось, что с большими издержками им строились укрепления в проходе и что там находились персидские войска, которые охраняли от гуннов се-верные ворота — «Дербентские» ([178], с. 128; [70]).

сильно укрепленная вторая Бакинская крепость ([52], с. 49). В этот период войска Марзпана не исключено, что охраняли все три заградительных укрепления.

На одной из фризовых плит священной крепости Сабаиль, расположенной вблизи г. Баку, имеется фраза «Салахаддин и Махмуд из Бендери-Баку». Эти слова объясняют многое, Бендери — это Банд-дар (и) так же, как и Дар-банд, банд — дамба, плотина заграждение ([152], с. 69; [60], с. 22), в данном случае «Морские ворота» на пути (Дар и Мир-Митры) — ворота мира и войны.

Таким образом, все три заградительных укрепления, завершённые на севере воротами всех ворот-проходов ([296], с. 32) (Баб ал-Абваб) крепостью Дар-банд, и комплекс крепостей Атеши-Багуан (Баку), вторая Бакинская крепость, крепость Сабаиль и ряд других укреплений, видимо, объединённых одним названием Банд-дар (и) — Баку, прочно запирали с юга и севера древний прикаспийский путь — ворота каспиев, а позже — ворота албан.

Наиболее крупными и значительными с оборонительной точки зрения, а также по протяженности (более 40 км) были стены дербентских укреплений, построенные в два ряда и получившие название Дарбанд (ворота мира и войны). Нам кажется, к этим наиболее крупным и сильным фортификационным сооружениям можно отнести также название Демир-гапы («Железные ворота»).

Учитывая географическое и стратегическое положение дербентской крепости и расположение ее на переднем крае оборонительных укреплений, считаем, что арабское название Баб-ал-Абваб — ворота проходов ([296], с. 49), ворота ворот, очень точно определяет значение и место положение дербентских заграждений.

Все четыре заградительных укрепления находились на территории древней Кавказской Албании, поэтому вполне возможно, что название Албанские ворота относились ко всему комплексу сооружений, которые защищали самые священные и самые плодородные земли Албанского государства (карта I).

Глава II ДРЕВНИЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА-КРЕПОСТИ, ЦИТАДЕЛИ И ХРАМЫ АПШЕРОНА

1. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И КУЛЬТОВАЯ ОСНОВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНИХ СООРУЖЕНИЙ АПШЕРОНА

Географическое положение полуострова, его изолированность, иззестная замкнутость, вызванная примыкающими большими безводными полупустынными пространствами, почти полное отсутствие строительного леса, изобилие высококачественного строительного и облицовочного камня и, наконец, специфические историко-бытовые и социально-экономические условия не могли не наложить определенный удожественно-эстетический отпечаток на архитектуру Апшерона [149].

Удобные бухты, пересечения многих караванных и морских путей, залежи соли, нефти и свободный выход на поверхность земли нефтяного газа послужили причиной возникновения еще в глубокой древности самобытных и неповторимых памятников культуры. На этой земле были обнаружены, а местами сохранились крупные культовые комплексы и поселения, архитектура которых развивалась не оторванно от строительной практики всего Закавказья, особенно древнего Азербайджана*.

Во многих апшеронских поселениях, несомненно, горели «вечные» огни, возникавшие на местах выхода газа. Естественные огни в те отдаленные времена отождествлялись с божеством и привлекали множество верующих и паломников. Горели эти огни у подножия холмов по берегам Каспия, а крупное поселение, возникшее вокруг одной из групп естественных огней, постепенно перерастало в город-крепость Баку, огненную столицу священных огней ([419], с. 150).

Как говорил М. Ж. Сэн-Мартен, французский востоковед начала XIX века: «Город Баку издревле почитался не только местным населением, но и персами как священное место ввиду наличия многочисленных источников нефти и свободных выходов на поверхность земли газов, пылавших естественными огнями. Во многих местах эти «вечные» огни поддерживались огнепоклонниками, создававшими целую группу алтарей и храмов огня. Город Баку был превращен своими правителями и их подданными в место служения огню» ([533], с. 153).

Некоторые исследователи отмечали в своих работах древнее происхождение Баку. Английский ученый Флиндерс Петри считал тождественным название Баку «Вакхай», отраженному в египетской мифологии в «Книге мертвых», древние тексты которой относятся к концу III тысячелетия до н. э. ([496], с. 41 — 45). Ряд археологических находок, говорящих о связях древнего Египта с Мингечауром, Ходжалами, Ханларом, Ялойлу-тепе и др., подводят некоторую базу под предположение Флиндерса Петри ([73], с. 23).

О древнем происхождении города Баку говорят также архаические дозороастрийские захоронения, открытые в 1898 г. при рытье котлована под фундаменты бывшего собора Александра Невского, на месте старого домусульманского кладбища. В котловане были обнаружены древние погребения в виде каменных ящиков в несколько рядов один над другим и могила в виде большого тендира, в котором кругом у стенок находились шесть-семь человеческих скелетов в полусидячем положении, перед ними были небольшие, неправильной формы глиняные чаши. Это была родовая могила, дошедшая до нас из глубины веков со времен родоплеменной организации общества ([73], с. 27; [403], с. 81).

Как вспоминал очевидец, «каменные гробы» представляли собой выдолбленные из целой глыбы известняка полые параллелепипеды, в которых находились кости скелета.

* Особенно связь Апшеронской архитектуры и ее влияние хорошо прослеживаются в более поздние времена, это Ханега на р. Пирсагат, Мавзолей в Джуге и ряд других (Д. А.).

Несколько штук их долгое время лежали в углу строительной площадки «Александра Невского собора»*.

Захоронения в каменных ящиках скорее всего относились к памятникам бронзового века ([196], с. 9). Так как апшеронские «священные» огни были популярны, то вполне возможно, что большое количество паломников из стран Средней Азии хоронило на этом месте своих земляков, соблюдая древний ритуал захоронения. Относились ли каменные ящики к маздаизмскому периоду или к эпохе ранних огнепоклонников, все равно они были захоронены в очень отдаленный период истории народа, жившего на Апшероне, территории современного г. Баку.

Холм, на котором располагалось сначала древнее поселение, а впоследствии город-крепость Баку, находился на расстоянии 250 — 300 м от вышеописанного кладбища. С Ашурбейли считает, что это лишний раз доказывает, что территория старой крепости в непосредственной близости от архаического кладбища была обитаема за много веков до нашей эры и впоследствии была названа г. Баку ([73], с. 28).

Это подтверждается еще тем, что на территории верхнего двора дворца Ширваншахов в г. Баку во время археологических раскопок был обнаружен кувшин, форма горловины которого подобна изделиям из Ялойлу-тепе, датируемых III — I вв до н. э. [249]. Обсечки и вырубки скалы, имеющиеся на территории, занятой дворцом Ширваншахов, к числу которых принадлежат колодцы, ямы с гнездами для балок, различной формы углубления, каналы и прочие, перекрытые каменными фундаментами более поздних сооружений и в свою очередь перекрытые фундаментами дворца Ширваншахов и Диван-хане, т. е. постройками XV в., еще раз свидетельствуют о том, что Бакинский холм был обитаем с очень древних времен ([463], с. 7).

Откуда произошло название города Баку? Этот вопрос очень подробно разработан в книге С. Ашурбейли, которая попыталась установить его этимологию, проследив и объяснив видоизменения, произошедшие в течение длительного исторического периода. Нам кажется, вероятнее всего, оно произошло от слов, звучащих как «бак» или «баг», означающих в индоевропейских языках «бог», «солнце». В санскритском языке «bhaga» — солнце, луна, в авестийском и древнеперсидском — «бага» — бог [70]. Слово «бага» встречается в Бехистунской клинописной надписи VI в до н. э. в значении «бог» [9]. Слова Багуан и Багаван произошли от слова «баг» и окончания «ван», произносимого иногда «уан», обозначающего большой город (Ширван, Нахче-ван, Хафте-ван, Ере-ван).

Задолго до Сасанидов и при них в северо-восточных и южных частях Азербайджана, в Армении и Иране были населенные пункты и города под названием Баг-аван, Бак-аран, Баг-ин, Баг-аяридж и т. д.

Интересным и характерным было то, что в каждом из них горели неугасимые огни, находились капища, жертвенники и храмы огнепоклонников. Этот факт отмечался армянскими историками V — VIII вв. Одним из таких священных городов был город Багван или Багуан, упоминаемый Моисеем Хоренским в V в. ([442], с. 143, 144), Ананием Ширакаци в VII в. ([32], с. 51) и Гевондом в VIII в., который в связи с нашествием хазар на Албанию и опустошением ими ряда городов и крепостей упоминает область (вернее город. — Д. А.) Атши-Багуан ([141], с. 71, 72). С. Ашурбейли считает, что Атши — это искаженное Атеш — огонь, а название Атеши-Багуан — «огни Багуана» (место священных огней. — Д. А.). Далее она говорит: можно не сомневаться, что речь идет о Баку. Кесрави Тебризи, ссылаясь на данные вышеуказанных историков раннего средневековья, отождествлял Бага-ван и Атеши-Багуан с древним Баку и значение этого слова объяснил как «город Бога» или «места Бога». Он писал: «Город назывался так потому, что в нем находился один из главных храмов огнепоклонников» ([73], с. 42). Вероятно, имелся в виду башенный храм, прозванный впоследствии «Гыз галасы», потому что он, действительно, своей величиной и выразительностью резко отличался от окружающих его мелких храмов огнепоклонников и, по всей вероятности, считался главным храмом.

Низами в своей поэме «Искендернаме», говоря об Азербайджане (Азурбадакан), писал: «Был тут некий огонь, а вокруг него камень, «Худи-сузом» в народе звался этот пламень. В

* Из личной беседы с бывшим протоиереем А. Юницким Баку, 1936.

золотых ожерельях склонялись перед ним сто эрпатов. Неверными он был ценим» ([321], с. 598). Худи-суз — буквально «сам по себе горящий», возможно, речь идет о горящей нефти или газе ([321], с. 838).

Нам кажется, имелись в виду вечные самовозгоравшие огни на каменистых холмах бакинской бухты. В стихотворении говорится, что перед огнем склонялись украшенные золотыми ожерельями сто эрпатов (херпатов)*. Речь идет о ста грамотных толкователях ученья Авесты, т. е. жрецах-магах, а склониться перед священными огнями все вместе они смогли бы только в большом храме.

Большим храмом, поярусно расположенные помещения которого были в состоянии легко вместить сто и более жрецов-магов (херпатов), мог быть бакинский башенный восьмизэтажный храм Мидийско-Апшеронского типа, а может быть и группа таких храмов, из которых до нашего времени дошел лишь один под названием Гыз галасы (Девичья башня). Это можно предполагать еще из следующих строк «Был тут некий огонь, а вокруг него камень» В бакинском храме имеем «Худи-суз», т. е. огонь, сам по себе горящий, а вокруг него камень — круглые каменные стены башни. Низами, видимо, в XII в. располагал определенными историческими источниками, повествовавшими о вечных огнях Азербайджана и других событиях, связанных с древними доисламскими религиями, как зороастрийским, так и дозороастрийским огнепоклонничеством древнему Мазде. Эмблемой этих религий Низами назвал «Пламень птицы рассвета» ([321], с. 71), т. е. солнце, изображенное в виде крылатого диска ([187], с. 59, 74; [176], с. 132).

О наличии солидных исторических и географических источников у Низами можно судить по следующим его стихам:

«Много хартий имел я, и ценный улов
Я добыл из потока бесчисленных слов.
Не одна надо мной проплывала година
Много разных листов я собрал воедино,
Камни мудрости чтя выше тленных услад,
Я хранилище создал, в нем светится клад».
([321], с. 597).

Говоря о камнях мудрости, Низами мог иметь в виду или письмена, высеченные на камнях, или древние памятники архитектуры, в числе которых мог быть и древний башенный храм Ахура Мазды в Атеши-Багуане — Баку.

Появление в глубокой древности на Апшероне такого большого, величественного башенного храма, как мы ниже постараемся доказать — Ахура Мазды и шести Амеша Спента или Великого Митры с его богами (таблица 4) окружило храм ореолом легендарных сказаний, неизменно связывающих с ним переживания одной молодой девы, символом страданий которой как бы являлась эта башня ([20], с. 155). Возможно, возникновение легенд о бакинской «Девичьей башне», порой связывающих между собой неугасимые огни в юную деву, можно искать в древнейших поселениях, открытых на территории Азербайджана, Грузии Армении, Туркменистана ([342], с. 14), Узбекистана ([346], с. 45, р. 13) и в других странах Древнего Востока. К примеру остановимся на поселении Шому-тепе в Казахском районе, являющемся одним из редких памятников раннеземледельческой культуры Азербайджана.

На площади раскопа были обнаружены круглые в плане жилые и хозяйственные сооружения. Интересно жилое помещение диаметром 3 м, возведенное из одного ряда сырцовых кирпичей. В помещении имелись два очага, расположенные прямо у стены, а не посередине, как обычно имело место в более поздних круглых домах Кура-Аракского периода. Среди находок в жилом доме интересным является костяная фигурка женщины с круглой головой и широкими бедрами, пролежавшая в нем более 7 тыс. лет. Женская фигурка была найдена прилипшей у стены на высоте 40 см над очагом.

* Херпат — скромный титул толкователя «Авесты» ([258], с. 16).

Как предполагает И. Г Нариманов, «не исключено, что нижняя часть фигурки была укреплена в стене и как бы охраняла домашний очаг, в котором, видимо, поддерживали неугасимый огонь» ([312], с. 45 — 47). Нам кажется, жилые дома с пристенными очагами, найденные в древнейших поселениях Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и стран Средней Азии, немного приоткрывают завесу над принципом устройства ритуальных очагов в бакинском башенном храме, где они также расположены не в центре, как это мы видим в более поздних ритуальных очагах огнепоклонников, а у стены, причем пристенный очаг древних постепенно развился в специальную ритуальную нишу, в которой горели вечные священные огни.

Так же как и в древних домах, где, возможно, примитивно поклонялись культу огня и женщины, олицетворявших благополучие и безопасность домашнего очага, в бакинском храме этот принцип развился в семь таких же круглых помещений с пристенным очагами, расположенными друг над другом что характерно уже для древнего маздаизма, священность цифры семь у которых наблюдается во многих примерах. Связь с древним культом прослеживается еще в том, что бакинскую башню издревле связывают с образом или переживаниями юной девы-женщины — богини огня, спасающей священный огонь от иноземных захватчиков ([419], с. 150 — 154).

Это древнее огнепоклонничество, развитое во многих странах, возможно, легло в основу более позднего учения Заратуштры, ставшего впоследствии государственной религией многих стран Древнего Востока*.

Нам кажется, что древний храм Ахура Мазды и шести Амеша Спента был сильно реконструирован и переделан в храм только огнепоклонников именно в эпоху Сасанидов, когда зороастризм вновь обрел силу, став догматической государственной религией. К этому периоду мы относим реконструкцию, произведенную в храме, где, по нашему мнению, в круглый газовый стояк, аккуратно вытесанный из известняка и, видимо, сильно обветшавший, особенно на уровне ритуальных ниш, был установлен на чистом известняковом растворе гончарный газопровод.

Крупные реконструктивные работы как бы вновь вдохнули жизнь в старый храм, послужив причиной возникновения вышеописанной легенды.

А. Фитуни также высказывал следующее предположение: «Занесена ли легенда извне или зародилась она на месте, сказать трудно, но условия, которые дали возможность ее появлению, позволяют отнести эту легенду о Баку и Девичьей башне к глубокой древности».

Хотя название города Баку у восточных авторов появляется не раньше как с X века (Масуди, Аль-Мукаддаси), нужно отметить, что Баку очень древнего происхождения, теряющегося в глубине веков. Есть данные предполагать, что здесь еще при Сасанидах, т. е. почти в первые века нашей эры, был город Багаван ([419], с. 179).

Эта легенда говорит о борьбе разных религиозных мировоззрений — зороастрийской и других религий, существовавших в то время и по верованиям которых брак между отцом и дочерью был невозможен (манихейской или раннехристианской).

Если вышеприведенная общеизвестная легенда относит события, разворачивающиеся в ней, к первым векам нашей эры, то другая легенда, по нашему мнению, рассказывает о временах и событиях еще более древних. Хотя передаваясь на протяжении многих веков из уст в уста, легенда пополнялась более поздними подробностями.

«Древний город Баде-Кубе (Баку), окруженный в три ряда идущими зубчатыми стенами, девяносто дней был осажден неприятелем. Внутри этих стен, у самого берега пенившегося Кульзум-Данизи (Каспийское море) возвышавшийся, черный, еле дымящийся храм совершал

* Наиболее популярная легенда о Девичьей башне в древности один овдовевший хан, владетель г. Баку, решил жениться на своей дочери. Та, придя в ужас от предстоящего брака с отцом, поставила условие: построить для нее башню. Когда башня была построена, то она, в одном варианте, заперлась в ней (И Березин), а в другом бросилась с ее верхней площадки в море (С. Гмелин) ([334], с. 33 — 38). Простота конструкции, отсутствие подробностей и мусульманских наслоений позволяют отнести эту легенду о бакинской башне к глубокой древности ([73], с. 134). Это предположение подтверждается еще и тем, что противоестественный брак отца на дочери или брата на сестре в эпоху Сасанидов считался священным обычаем. Сасанидский царь Иездигерд II (439 — 457 гг. н. э.) по требованию магов послал в Армению, Грузию, Албанию и другие провинции указ об обязательном изучении маздаизма и приказ «Отцам жениться на дочерях, братьям на сестрах» и т. д. ([334], с. 36).

все обряды, унаследованные предками для спасения святого очага — столицы огня» ([419], с. 150).

Как мы видим, в этой легенде уже прямо говорится о возвышающемся, черном, еле дымящемся храме и о религиозном ритуале огнепоклонников, совершаемом в нем. Главный жрец храма огня Егирванд (видимо, искаженное Мобедан. — *Д. А.*), совершая все таинства обряда культа огня, объявил волнуемым огнепоклонникам: «Завтра шах будет убит, убьет его одна невинная сила». Вдруг открываются двери храма, у дымящегося очага стояла огненная дева с распущенными огненными волосами. Она была освещена святым огнем храма и в руках держала огненный меч. Дева в пламени огня вышла из храма и подошла к главному жрецу, сказавшему ей: «Ты должна спасти священный город — столицу неугасимых огней и храм священный, творением которого являешься и ты». Лунолика, огнесияющая дева последний раз бросила свой взор на возвышающуюся башню-храм и направилась к войскам могучего Нур-Эддина. Огненная дева выполнила свой священный обет и освободила своих соотечественников, но она полюбила убитого его полководца и, решив умереть после гибели любимого человека, вонзила меч себе в грудь, отдав душу на вечный покой в храме перед священным огнем. Огни храма погасли, и он превратился в башню освобождения, названную в честь погибшей девы Гыз галасы.

Семь дней и семь ночей продолжали выть то гилавари, то хазри, и только на седьмой день стихли ураганные ветры*.

Сейчас же после прекращения ветров далеко от крепостных стен — священного города Баде-Кубе, на расстоянии семи фарсангов начали искриться тусклые огни.

Эти искры были священные и семиглавые огни, они искрились от погаснувшего образа огненной девы. И на этом новом месте был воздвигнут храм, приютивший всех жрецов огня, освещавшего души верующих в силу святого пламени ([419], с. 151 — 154).

Если в первой легенде мы наблюдаем борьбу разных религий — манихейской или раннехристианской с зороастрийской, то во второй описываются события, где культ огня находился в самом расцвете и огненная дева — богиня огня (генезис древних женских идолов в сочетании с культом домашнего очага) — освобождает свой народ, город, а главное храм, от поругания иноземными захватчиками.

Эту легенду можно отнести уже к VII — VI вв. до н. э. или даже к более ранним временам. Это тем более вероятно, что после захвата Манны в западных областях Мидии, а позднее и в Атропатене на Мугани ([24], с. 303) индийским жрецам-магам были выделены обширные храмовые земли ([196], с. 39) и в их руках сконцентрировалась большая духовная власть.

Во главе Атропатены с IV в. до н. э. стоял теократический правитель — хранитель культа огня Атропат. (Имя это, очевидно, не являлось именем собственным) [475]. Встречающееся в Авесте это имя свидетельствует, возможно, о поклонении зороастризму его носителей. По всей вероятности, упомянутый Атропат не был первым из общего числа атропатов. У него были, по-видимому, предшественники. Все это говорит о том, что Атропатена была новым центром зороастризма еще задолго до Сасанидов ([24], с. 18). Идеи зороастризма, столь сильные в сопредельной с Северным Азербайджаном Атропатене, конечно, не могли не иметь большого на него влияния.

Происхождение второй легенды, нам кажется, было связано еще и с тем, что одновременно с какими-то историческими событиями (войной или междоусобицей) совпало землетрясение, вызвавшее сильные ураганные ветры, морскую бурю, а главное прекратившее доступ естественного газа к бакинским храмам огнепоклонников. Возможно, это же землетрясение или какие-либо иные земные катаклизмы одновременно открыли доступ естественному выходу газа в районе Сураханов — в семи фарсангах от Баку ([419], с. 154), где впоследствии был построен храм огнепоклонников, огни которого были потушены лишь в 1902 году**.

* Возможно, имелись в виду ураганные ветры (гилавари — южный, хазри — северный) и бури, возникшие в результате сильного землетрясения, которое сдвинуло пласты грунтов, где были расположены храмы, а это вызвало прекращение свободного выхода газа, и огни во всех алтарях храма и перед входом в него погасли (*Д. Л.*).

** В 1969 г. храм был реставрирован и огни вновь зажглись, но уже для туристов (*Д. А.*).

которых потухли огни, постепенно пришли в упадок и впоследствии были разрушены, кроме башенного храма, который с приходом ислама мог использоваться под маяк, а возможно, продолжал служить как обсерватория и наблюдательная башня, также являясь местом, где могли укрыться во время боя женщины и дети.

Была еще малоизвестная легенда, записанная в середине прошлого столетия польским путешественником М. Б. Анжейковичем, которая гласила: «Город Баку был заложен неким Хунзаром, имеющим жену Зуммуриаду, Хунзар построил себе пышный дворец, в котором они долго жили, пока от него не убежала Зуммуриада и не объявила себя богиней. Не желая иметь никаких отношений со смертными, она построила себе башню, в которой жила всегда одиноко. Эту башню можно увидеть и сегодня над самым морем («Девичья башня») в городе, который назывался Хунзаром» ([490], с. 122, 123).

Согласно преданию, записанному в 1860 г. Б.Дорном, Хунсар было древним названием Баку ([172], с. 171 — 173). Исследование В. И. Абаевым топонима Хунсар показало, что, будучи сложным словом, оно материально и структурно восходит к древнеиранской эпохе, т. е. живет не менее трех-четырёх тысяч лет. Точное значение термина Хунсар (Хунсар), как он считает, — солнечная сторона, направленный, обращенный в сторону Солнца ([108], с. 125 — 128).

В плане города Баку, составленном в 1806 г., «Девичья башня» обозначена «Калыс Хонзар — Большая башня» [74]. Калыс — искаженное слово Кала, Гала — башня. Видимо, и город, и его большая башня имели на каком-то этапе одно название Хунзар — Хонсар, т. е. город Солнца, храм Солнца, одновременно обращенные к Солнцу.

Нам кажется, можно было бы топоним «Хунсар» прочитать Гюн-зер, Гюн — солнце, зер — золото, город золотого (яркого) Солнца. Девичья башня своими узкими окнами направлена на восток и юго-восток к золотому Солнцу. Согласно таблице 4, Солнце является глазом Великого Митры (Дара и Мира), одним из символов которого является золотой цвет.

Как мы уже отмечали выше, на одной из фризовых плит священной крепости Сабаиль имеется упоминание о городе Бандери-Баку. Банд-дар (и) аналогично Дар-Банд означает заграждения, Ворота Мира и Войны (Дар и Мир), иными словами крепость, город Великого Митры. Таким образом, башенный храм Хунзар-Гюнзер, видимо, на определенном историческом этапе мог быть храмом Великого Митры, окна которого обращены к лучам золотого Солнца, бывшего глазом этого божества.

Возвращаясь к легенде о богине Зуммуриаде, построившей себе башню, отметим, что, видимо, имелась в виду предполагаемая нами башня и храм огня, на месте которых была построена в XIV в. Джума-мечеть. Зуммуриада — Зумруд (Изумруд) — это богиня зеленой звезды Веги (таблица 4).

Таким образом, можно высказать предположение, что в древнем священном городе Атеши-Бага-ван* Хунзар имелись следующие храмы: главный семиалтарный восьмиэтажный башенный храм Великого Митры или древнего Мазды (Гюн-зер), древнейший храм Апам Напата** (Аб — вода, Напат-нафт — нефть), бога огня в жидкости, воде, нефти (III — II тыс. до н. э.), башенный храм Изумрудной богини (Ванант-Вега), рядом с ним храм Арта-Вахишта — сына Ахуры, духа огня (таблица 4), рядом с главным храмом имелся небольшой храм, который мог быть посвящен Вогу-Мана (добрая, благая мысль), пять храмов внутри города-крепости, из них два башенных.

В южном конце древнего города и за его стенами имелись, видимо, еще три башенных храма, прообраз которых, возможно, лег в основу изображенных на скале 9 в комплексе горы Джингир-даг в Кобустане трех башенных храмов. На ряде старых карт в южной части города сохранилось название «беш гюлля», т. е. пять башен, хотя не сохранившихся до нашего времени. Не исключено, что в глубокой древности в городе Атеши-Бага-ван, Хунзар (Гюн-зер)

* В надписях Ахеменидов Ахура Мазда называется «Бага», богом, а «Бага» является специфическим эпитетом бога Митры ([3891, с. 247).

** На развалинах этого храма, расположенного рядом с Девичьей башней, в конце XIX в. была восстановлена небольшая старинная церквушка.

имелись пять башенных храмов (беш гюлля), посвященных, по всей вероятности, пантеону митраизмских и маздаизмских культов.

Во многих древних религиях священность цифр три, пять и семь наблюдается на многочисленных примерах. В легенде о Девичьей башне также упоминаются семиглавые огни, семицветные огни, семь дней и семь ночей выли то гилавари, то хазри, новые огни зажглись на расстоянии семи фарсангов? Что за семь огней (семиглавые огни) потухли в бакинском башенном храме и зажглись семиглавым пламенем на расстоянии семи фарсангов. Нам кажется, что эти огни семи священных этажей бакинской башни, в которых имеются специальные ниши-очаги, примыкающие к центральному гончарному газопроводу, от которого, видимо, были поэтажные отводы для ритуального пламени, дальше газопровод поднимался на верхнюю площадку и там при помощи тонких гончарных труб разбивался на семь ответвлений, создавал над башней огненную корону семиглавых огней. Это подтверждается рисунком художника Сергеева (1796 г.), из которого ясно видно, что на верхней круглой площадке храма имелись тумбообразные очаги ([216], с. 144; [56], с. 21 — 24).

Главным божеством зороастрийцы считали Ормузда, воплощением которого был Артагонь. На зороастрийских алтарях поддерживался неугасимый огонь, ему поклонялись, в его честь совершали жертвоприношения ([196], с. 40). Первый этаж башни, не имеющий прямой связи с первым ритуальным этажом (2-й этаж башни), кроме приставной лестницы, служил преддверием в святилище. Собственно храм начинался со второго этажа и на протяжении всех семи этажей, где горели семь очагов в ритуальных нишах. Хочется высказать предположение, что в г. Баку были построены пять или семь башенных храмов, как это видим на примерах горных мидийских крепостей Хархар и Гишессу. Внутри первой крепости имелись пять башенных храмов, а перед второй полукругом располагались семь аналогичных башен.

Несмотря на глубокую древность происхождения вышеприведенных легенд, относящих нас к временам митраизма и маздаизма, все же сохранившиеся в них местные названия: города Баде-Кубе (Баку), море Кульзум-Данизи (Каспийское море), ветров — хазри (норд), гилиани, гилавари, фарси (моряна) и т. д. ([419], б. с. 149, 150) — показывают, что речь идет о бакинской башне Гыз галасы, хотя в те времена, видимо, имелось немало и других храмов. Архитектурный образ и объемно-пространственные решения многих малых храмов огня не имели себе аналогов и произошли, видимо, на базе местных архитектурных форм и приемов, другие же, к ним относятся Гыз галасы, возникли на основе и по типу крупных культовых сооружений Древнего Востока, но всегда с местными, чисто региональными чертами (приемы каменной кладки, дарбазные своды лестничных коридоров, купола и др.).

К апшеронским огням и храмам огня, Солнца и беспредельного света шли паломники многих восточных стран. Впервые о священных огнях упоминается в древних источниках 395 г. в связи с вторжением гуннов в Переднюю Азию, в том числе и в Мидию, владения которых охватывали многие страны Востока. В Мидию в этот период входил также и Азербайджан. Вероятно, многие храмы по своей архитектурно-планировочной композиции могут считаться творениями каспио-апшеронского или албано-апшеронского зодчества. Однако временами они создавались также и под некоторым влиянием родственных иранских, мидийских и других храмов. Архаичное башенное сооружение г. Баку могло возникнуть как синтез архитектур двух древних народов — каспиев и мидийцев (башни в крепостях Хархар и Кишессу. — *Д. А.*),

По мнению ряда исследователей, Мидия является родиной религии Заратуштры ([263], с. 18) и в ней, если судить по ассирийским рельефам из Дур-Шаррукина, зародился и развивался один из типов башенных храмов. В древней Мидии основным строительным материалом был глиняный кирпич, высушенный на солнце (сырец). Для того, чтобы строить из сырцового кирпича высокие полые внутри башенные постройки, необходимо было для прочности принимать значительную толщину стен ([24], т. 39, [55a], [175], р. 34, 48) и, кроме того, обязательно с массивным контрфорсом, который постепенно настолько слился с ритуальным образом храмов, что, видимо, впоследствии его возводили и тогда, когда в этом не было нужды, а башня, возводимая из камня, спокойно могла бы стоять и без контрфорса — Гыз галасы в Баку ([48], с. 4, 5).

Вероятно, став неотъемлемой частью храма, этот выступ уже играл определенную ритуальную роль своей формой и, возможно, направлением в сторону восходящего светила, создавая поверху башни добавочную площадь, по всей вероятности, использовавшуюся во время обряда зороастрийского богослужения и пения жертвенных гимнов. Храмы и жреческие олигархии древнего мира, как правило, были освобождены от государственных повинностей и налогов. В древних храмах скапливались несметные богатства и не раз бывало, что государство испытывало нужду, в то время как храмы богатели ([473], с. 115). Поэтому для храмов древнего мира было под силу строительство грандиозных по тому времени культовых сооружений, какими являются храмы, изображенные на ассирийских рельефах, и бакинский башенный храм.

Храмы, по выражению ряда историков древнего мира — В. А. Тураева [412], А. Кристенсена [473], В. Тарна [401], И Дьяконова [175] и других, были как бы «государством в государстве». Это заметил еще Аммиан Марцелин, писавший о жрецах Мидии, что они «жили по собственным законам» [30].

Древняя Атропатена была теократией зороастризма. Об этом можно судить потому, что коронавание Сасанидских «царей Ирана и не Ирана» происходило в Атропатенском храме ([473], с. 16). Отсюда можно предполагать, что в те отдаленные времена на территории Атропатены и, вероятно, Кавказской Албании, в том числе и в древнем Баку, строились крупные башенные храмы, столь характерные для ранних эпох зарождения религии Ахура Мазды, а также небольшие храмы, капища и алтари.

Построенные в основном из сырцового кирпича эти мидийские храмы за многие века превратились в оплывшие глиняные холмы, и лишь бакинский храм, возведенный из прочных известняковых камней, но с толщиной стен, присущей для сырцовых кирпичей, сумел выстоять до настоящего времени.

Храмы древнего мира были обязаны охранять первобытно-общинную собственность и защищать всех членов общины от угона, порабощения: «взаимная обязанность друг друга оказывать защиту в случае насилия», они были местом убежища для преследуемых ([101], с. 4).

При основании городов и разделе земель всегда выделялся «священный участок» ([473], с. 83). Примыкающие к бакинскому башенному храму остатки стен с полукруглыми башнями-контрфорсами, видимо, ограждали в свое время такой священный участок, в котором находилась более мелкие храмы, жилые и хозяйственные постройки для служителей культа огня, для ищущих защиты (асилии) храма и других лиц, в той или иной мере связанных с нормальным ходом жизни храмовой общины. Не об этой ли третьей стене говорилось в легенде: «Древний город Баде-Кубе, окруженный в три ряда идущими зубчатыми стенами, девяносто дней был осажден неприятельскими силами» [(419), а. с. 150].

Именно обязанность зороастрийских храмов защищать своих служителей и ищущих «асилии» заставляла всегда строить свои главные башенные храмы прочными и недоступными со стенами, позволившими бакинскому башенному храму выстоять около трех тысячелетий, представ перед нами незабываемым свидетелем былого величия и необыкновенного мастерства зодчего и строителей.

Бакинский храм, несомненно, подвергался многим реставрациям и перестройкам, о чем свидетельствует явно позднего происхождения плита, видимо, случайно и неаккуратно вделанная в кладку, не над главным входом, а где-то сбоку, на высоте 14 м в верхней полосатой ее части. На этой плите выгравирована куфическая надпись, гласящая «гоббе (купол, свод, небесный свод) Масъуда, сына Давуда» ([75], с. 19). По нашему мнению, это надгробная плита, которой во время ремонта заделали выбоину на башне*.

Башня была реставрирована в XIX в. в верхней части русским военным ведомством, а в последний раз в 60-х годах XX столетия. Все реставрационные работы, кроме венчающей части, в общем почти не изменили облика храма, правда, в интерьере появились некоторые детали, видимо, более позднего времени, которые дали возможность отдельным исследователям предполагать, что башня возводилась в два приема: первые четыре этажа, как они

* Во время ремонта бакинской крепостной стены использовались несколько десятков каменных надгробий (Д. А.).

утверждали, были древнего происхождения, а верхние четыре этажа надстроены в XII в. Не имея ничего для доказательства этого предположения, они просто повторяли гипотезу Дж. Александровича-Насифи и ссылались на вышеуказанную плиту, вделанную в башню ([20], с. 160).

Мидийцы, называемые Геродотом арийцами, славились своей воинственностью, искусством стрелять из лука и умением разводить коней отличных пород, но с развитием культуры постепенно «пристрастились к роскоши». О правильности этих слов Геродота можно судить по изысканным горным крепостям, по дворцовым, замковым и храмовым постройкам, изображенным на ассирийских рельефах ([175], с. 24, 32 — 34, 38, 39), и по величественным развалинам крепости мидийского царя Астиага. Большое развитие получило в Мидии строительное искусство, что видно из клинописных текстов и из сообщений античных авторов. В Мидии имелись опытные мастера-каменотесы, чьим трудом пользовались при строительстве великолепных дворцов в Сузах — старой столице Элама ([196], с. 40), и, возможно, кто-либо из этих мастеров приложил свою руку к строительству бакинского башенного храма (Гыз галасы).

Отдельные исследователи утверждают, что из всех государств древнего мира, игравших крупную роль в истории, меньше всего нам известно о Мидии, относительно которой все наши познания ограничиваются высказываниями Геродота и Ктезия ([388], [413], [24], с. 8).

От Мидии, как указывалось выше, они считали, что не сохранилось ни одной надписи. Поэтому Б. Тураев не считает возможным ставить вопрос о роли Мидии в возникновении и развитии зороастризма [411]. Правда, впоследствии В. Струве доказал, что древнеперсидская клинопись была создана мидийским царем Киарсаром ([392], с. 40 — 50)*.

На протяжении всей истории человечества всегда единство религий порождало и единство образов храмов. Христианская религия создала свои типы храмов с небольшими местными архитектурными особенностями (Собор Парижской богородицы, Собор Петра в Риме, Собор Михайловского златоверхого монастыря в Киеве, Успенский собор в Московском Кремле ([201], с. 28, 90) или Албанские христианские церкви в Азербайджане ([80], с. 31, 32; [61], с. 3 — 17). Все эти храмы имели много общего, но никто не путает их, например, с мусульманскими мечетями.

В свою очередь магометанская религия создала свои виды и типы храмов, которые хотя всюду имеют свои региональные особенности, но все же остаются мечетями (мечеть Дворца Ширваншахов в Баку, Джума-мечеть в г. Шемахе, Исфаганская мечеть в Иране и т. д.). Мы считаем, что храмы зороастрийской религии так же несли с собой единство содержания и форм, отличаясь друг от друга чисто региональными особенностями.

Храмы эти порой испытывали влияние не только одной страны, но часто и нескольких стран, исповедовавших общую религию.

В юго-восточной части старого Баку, на одной из бывших прибрежных скал, вот уже несколько тысячелетий возвышается монументальное сооружение, названное в народе «Гыз галасы» («Девичья башня»). Редкая по величине, своеобразная по своей объемно-пространственной композиции и необычная в трактовке своих фасадов башня «Гыз галасы» неизменно привлекала внимание путешественников, исследователей, художников, являясь предметом многих дискуссий**.

Необычность башни вызывала и вызывает по сей день много разноречивых предположений о ее назначении и датировке, но никто не задумался о самом главном — под чьим влиянием, на базе какой архитектуры возникла на Апшероне башня, которая с периода ее возникновения не имеет аналогов ни в средневековом, ни в более позднем башенном строительстве как в Закавказье, так и на Ближнем и Среднем Востоке. Отсутствие аналогов, по всей вероятности, послужило причиной того, что фактически никто из исследователей, описывавших «Гыз гала-

* Являлась ли Мидия родиной зороастризма, или нет, для настоящего исследования не играет роли. Главное, что она, несомненно, была страной, исповедовавшей религию маздаизма еще в глубокой древности и создавала башенные храмы в своих городах, которые, видимо, являлись образцом храмовой архитектуры для народов Древнего Востока (Д. А.).

** Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963; Э. Кемпфер, И. Лерх, С. Гмелин, Э. Эйхвальд, И. Березин, А. Араратский, П. Дорн, П. Верещагин и др.

сы», не останавливался подробно на этом уникальном памятнике глубокой старины. В то же время постаравшись выяснить, когда и что явилось причиной возникновения столь необычного для Апшерона сооружения, можно было бы по-новому взглянуть на те отдаленные времена, которые отделяют нас от примерной даты ее строительства.

Ближайшее рассмотрение конструкций башенного храма показывает, что он построен по принципу строительства архаических монументальных сооружений. Об этом говорят редкая толщина стен (5 м у основания), большая высота (117 ступеней от отметки второго этажа до верхней площади кровли).

В храме имеются узкие окна, слабо освещающие нижние площадки лестницы, колодец с питьевой водой. В стене башни с западной стороны проходила гончарная труба слабого обжига, частично сохранившаяся до настоящего времени в совершенно чистом виде, к которой в каждом этаже, по нашему мнению, подходят ниши с молитвенными очагами.

Дж. Александрович-Насифи, по всей вероятности, видя разное оформление фасадов Девичьей башни, нижнюю гладкую и рубчатую верхнюю, как неспециалист в архитектуре, мог предположить, что башня строилась в два приема. Но странно, что на протяжении почти пятидесяти лет после выхода в свет его статьи отдельные архитекторы, не взирая на цельность объемно-пространственной композиции и архитектурно-планировочного решения, продолжают в своих исследованиях без всяких доказательств утверждать, что «Гыз галасы» строилась в два приема.

Почему-то, по нашему мнению, явно культовое сооружение — восьмиэтажный храм с семью ритуальными этажами, имевшими семь алтарных ниш с горевшими в них когда-то «вечными» огнями и без единых оборонительных приспособлений, было ими причислено к типу крепостных сооружений, а чистая гончарная труба и вышеприведенные алтарные ниши названы санитарными сооружениями для собиравшихся в ней, по фантазии автора, во время осады 200 женщин и детей ([20], с. 156). Непонятно так же, как исследователи-архитекторы могли это древнее культовое сооружение лишь потому, что оно башенного типа, причислить к крепостным сооружениям. В одном лишь был прав Дж. Александрович-Насифи, говоря, что трудно допустить возникновение храма огня в период арабо-мусульманского владычества ([20], с. 156). Этот храм возник за много веков до прихода арабов на базе более древней строительной культуры и религии государства Каспианы, Мидии, а позже Албании.

Мы считаем, что совершенно прав был проф. В. М Зуммер, который утверждал, что поэтажные ниши являлись ритуальными очагами ([186а], с. 5; [186б], с. 77). Полутемные, круглые в плане, без всякого оформления комнаты, перекрытые плоскими сферическими куполами, с круглыми отверстиями в центре, имели расположенные по одной вертикали ритуальные ниши-очаги, в которых горели неугасимые священные огни, одновременно освещавшие темные входы в ритуальные помещения.

По нашему мнению, в указанном газовом стояке, видимо, на уровне поэтажных ритуальных ниш устанавливалась специальная гончарная секция, к сожалению, не сохранившаяся ни в одном этаже, имевшая небольшой отвод-горелку, направленный кверху, через который выходил газ, постоянно горевший во всех семи святилищах храма. Бакинский башенный храм семи богов был впоследствии, скорее всего в эпоху Сасанидов, превращен в чисто зороастрийское культовое сооружение, где всегда должен был гореть неугасимый огонь, которому они поклонялись, о чем упоминается в древних легендах, посвященных этому храму.

Необходимость установки гончарных секций в имеющиеся габариты каменного колодца ($D = 0,45$ м) заставила изготавливать необычные гончарные секции высотой 42 см, суживающиеся книзу и вдеваемые в верхнюю гладкую часть предыдущей секции, т. е. без утолщения с наружной стороны. Таким образом, вся внутренняя поверхность газового гончарного стояка через каждые 31 см имеет суживающийся на 2,4 см ободок шириной 9 см. Это ясно показывает, что стояк никак не мог быть канализационным, так как любой внутренний выступ в канализационном стояке привел бы к забивке его фекальной массой.

Этот газовый стояк, собранный из одинаковых по форме и размерам неполивных гончарных секций, согласно нашей реконструкции, проходит от первого этажа до семи каменных

труб, установленных по верху башни и к которым подходила труба, подводившая газ, постоянно горевший семиглавым пламенем, венчая башенный храм яркой огненной короной.

При посещении в конце 20-х и начале 30-х годов Девичьей башни, мы точно запомнили, что гончарная газовая труба в те годы была лишь частично разбита, от пола каждого этажа примерно 15 — 25 см, что подтверждается рисунками и фотографиями, опубликованными в статье Дж. Александровича-Насифи ([20], р. 23, 30, 31, 32). Таким образом, никак нельзя предположить, что эти ниши могли служить «ретирадами» (санитарными узлами). Кроме всего, пол ниш не имен и не имеет уклона в сторону трубопровода. Визуальное, обследование внутренних стенок трубопровода показало, что он чист и не имеет грязных пятен и отложений солей*. Стенки газопроводной трубы, имея один ровный бледно-розовый цвет гончарных изделий слабого обжига, не могли служить канализационными отводами и сохраниться в такой чистоте. Так, неправильно обрисованная конструкция гончарной трубы дала возможность некоторым исследователям, не проверив ее лично, впоследствии так же утверждать, что труба в башне была канализационной, а ритуальные ниши огня — поэтажными уборными ([20], с. 156). Дж. Александрович-Насифи, не архитектор по специальности, мог случайно высказать столь неправильное предположение. Видимо, подробно не изучив конструкцию стояка, отдельные исследователи, уже архитекторы по специальности, продолжали оставаться на этой ошибочной точке зрения. Нам известны многие средневековые башни, замки и даже дворцы, в которых вообще отсутствовали помещения для ретирад, а тут вдруг поэтажное обеспечение ими.

Бакинский храм имеет в первом этаже как бы преддверие и семь этажей святилищ с алтарями огня в виде поэтажных ниш ([186а], с. 5, ([186б], с. 77; [54], с. 13), где горели «вечные» огни. За нишами проходил в древности каменный газовый стояк. От него специальные каменные выступы с отверстием подводили газ в нишу-алтарь, которые со временем, будучи, видимо, без металлической оковки, обгорели и выкрошились. В эпоху Сасанидов, скорее всего во времена Шапура I и наставника царя царей верховного жреца (магупата) всего государства Картира, который укреплял единую веру и основывал храмы огня ([255], с. 16), одряхлевший храм в г. Баку, видимо, был подвергнут крупной реконструкции, во время которой в каменную газовую трубу был вмурован гончарный стояк слабого обжига без поливы.

Бакинский башенный храм, согласно обмерным чертежам**, имеет внутреннюю высоту, равную от пола первого этажа до пола верхней открытой площадки 28,0 м. Внешние размеры башни со стороны входа, с учетом цокольной части и парапета, примерно равны 32,0 м, а со стороны моря за счет резкого падения уровня скалы высота доходит до 35,0 м. Такая высота в те отдаленные времена встречалась очень редко.

Интересна система членения фасадов бакинского башенного храма, по вертикали на три основные части: 1) основание из камней неправильной формы, как бы сливающихся с выступающей скалой; 2) гладкая часть башни, решенная горизонтальными рядами аккуратно обтесанных камней; 3) верхняя часть, решенная аккуратным чередованием попеременно выступающих и втопленных рядов каменной кладки с завершением в виде плоского валика и гладкого парапета, ограждающего верхнюю ритуальную площадку. На парапете до реконструкции возвышались семь тумб-горелок.

Неясность творческих основ происхождения бакинского храма не раз вызывала недоумение у исследователей. Некоторые из них, инстинктивно чувствуя и искренне сознавая все то, что приписывают «Девичьей башне», как-то не прилагается к ней, писали, что до настоящего времени все еще не разгаданная, полная неизвестности, привлекает взоры всех «Гыз галасы» — «Девичья башня» ([463], с. 10). Другой исследователь пишет, что «Девичья башня» резко выделяется среди оборонительных сооружений Апшерона ([103], с. 81).

Созданный как культовое сооружение и никакого отношения не имеющий к оборонительным башням, бакинский «храм» только после победы исламской религии использовался как наблюдательная башня Гез-Гюльляси, как маяк и, судя по работам Сеид Яхья Бакуви, продол-

* Археолог О. Исмизаде давал на химический анализ отломанный кусок гончарного стояка. Анализ не подтвердил наличия фекальных остатков и солей, опровергнув мнение отдельных исследователей, считавших стояк канализационным (Д. А.).

** Обмер бакинской «Девичьей башни» был сделан Н. Рзаевым, высотные отметки даны топографом Соловьевым (Д. А.).

жал использоваться как обсерватория для наблюдения за небесными светилами. Поэтому он так отличается от средневековых оборонительных сооружений Апшерона, являясь творением иного, более древнего мира, с иными канонами архитектуры и строительства.

Древнему зодчему, творцу этого по тому времени строительного чуда, удалось добиться столь сильной выразительности тем, что поставив на треугольную в плане скалу башенный храм, состоящий из двух вертикальных объемов, он сумел слить их в одно целое здание. Разбив оформление стен на гладкую нижнюю часть и на пластично решенную верхнюю, автор не разделил два разных в плане объема на одинаковые по вертикали части.

Строгая закономерность решения образа храма в целом и взаимосвязанность отдельных частей его между собой, нам кажется, полностью опровергают предположение некоторых исследователей, считающих, что башня «Гыз галасы» строилась в два приема ([20], с. 156; [104], с. 22): первая гладкая и вторая ребристая.

Как видно из таблицы 1, толщина всех средневековых башен на уровне первого этажа колеблется от 2,11 до 1,20 м, так как сравнительно высокая техника строительства средневековых мастеров подсказала им более национальное решение построек, где 2,0-м толщина была более чем достаточна для прочности самой башни и устойчивости против таранов противника во время осады. Поэтому если предположить, что в XII в. башня «Гыз галасы» была бы надстроена новыми четырьмя этажами, то, конечно, средневековый мастер не продолжал бы эту невероятную для камня известняка толщину, равную на уровне 4-го этажа башни примерно 4,5 м, а возвел бы стены своих этажей не толще стен, указанных в таблице 1, т. е. в размерах от 2,0 до 1,2 м. Возводя даже новые башенные постройки, зодчие средневековья сооружали их с инженерной логичностью, придавая нижним этажам необходимую, с оборонительной точки зрения, толщину стен и сокращая ее в верхних этажах, где эта толщина была излишней. В пример можно привести донжон второй бакинской крепости IV — I вв. до н. э. ([52], с. 50, 52), многие боевые башни Апшеронского полуострова с VIII по XII в. и, наконец, боевую башню XVI в. в селении Джары ([413], с. 339). Несмотря на оборонительное назначение этой 6-этажной башни, выполненной из твердого камня, толщина стен ее равна 1,0 — 1,2 м на уровне пола первого этажа и вдвое уже на уровне пола 4-го этажа. В существующем же башенном храме мы видим, что стены равномерно утончаются от 5,0 м на первом этаже до 4,0 м на восьмом этаже. Это лишний раз подтверждает, что так называемая «Девичья башня» была задумана и осуществлена строительством одновременно, от начала до конца.

Архитектурно-конструктивная логичность и целесообразность этого архаического сооружения прослеживаются как в решении наружного объема, так и в трактовке внутреннего пространства. Наружное утончение башни идет одновременно с небольшим внутренним расширением, что создало возможность постепенно увеличивать в каждом следующем этаже площадь помещения. Уменьшив на 1 метр поверху толщину наружных стен, где она по конструктивным соображениям не нужна, зодчий доказал, что он еще и хороший инженер. Обращенная на северо-восток, почти гладкая с небольшой вогнутостью стена, объединившая выступ и башню, благодаря правильной постановке самого сооружения и закруглениям с обеих сторон, легко обтекается северо-западным ветром «нордом». Узкие окна, решенные двумя рядами на разных уровнях благодаря расширению их внутрь и особенно к низу, слабо освещают нижнюю лестничную площадку, но не дают возможности увидеть основание башни. Это доказывает, что окна служили для вентиляции, освещения, а главное для наблюдения за восходящим светилом и звездами, поэтому не могли служить оборонным целям.

Все окна расположены с подветренной стороны, защищены выступающим контрфорсом и обращены на юго-восток, в сторону восходящего солнца и его зенита, туда же; куда направлен контрфорс башни. Установившиеся в Мидийском государстве, а возможно, и в Каспиане, композиционные типы («эталон») башенных храмов ([285], с. 15) были в значительной мере связаны с использованием определенных, выработанных эпохой, строительно-конструктивных канонических форм. Формообразование башенных храмов являлось, конечно, следствием не только решения плана, но и хорошо продуманной, гармонично связанной во всех своих звеньях архаичной конструктивной системы. Древний зодчий, разработав систему статического равновесия, исхо-

дил, вероятно, из вышеуказанного канона, созданного на основе древних храмов, возводившихся из сырцовых кирпичей, отсюда такая конструктивно не нужная толщина стен бакинского храма. Красота и незабываемость образа бакинского башенного храма не зависят от декоративных приемов оформления его фасадов, а заключаются в художественной логике и тектонике основных композиционных элементов сооружения его общих архитектурных форм, зависящих главным образом от правильного соблюдения пропорциональных соотношений.

Здание храма представляет собой целостный организм, решенный предельно просто, четко и гармонично, именно в его простоте заключена истинная красота и выразительность. Как мидийцы, каспии, так и албаны, видимо, были последователями митраизма и маздаизма, а впоследствии зороастрийской религии, и поэтому их памятники олицетворяли законы и требования, всегда предъявляемые религией.

Познакомившись с ассирийскими рельефами, можно заметить, что родственные бакинской башне строения не входят в состав оборонительных сооружений, изображенных на рассматриваемых рельефах. В горной крепости Кишессу, ввиду тесноты внутри крепостного пространства, семь башенных сооружений вынесены за черту крепостных стен и расположены вокруг нее то группами, то отдельными башнями.

В горной крепости Хар-Хар, благодаря величине свободного внутрикрепостного холмообразного пространства, пять храмовых башенных сооружений расположены попарно, у основания и на склонах, а одна башня — на вершине холма. Кроме того, в этой крепости указаны крупное здание, видимо, дворец, стены которого укреплены четырьмя массивными контрфорсами, а на вершине холма — оборонительное сооружение, по всей вероятности, служившее последней цитаделью правителя крепости. Характерно, что и гражданские сооружения значительной высоты снабжены системой контрфорсов, необходимых для столь высоких сооружений, построенных из сырцовых кирпичей.

Несмотря на значительную толщину стен, все же малая прочность стенового материала, каким является кирпич-сырец, заставила опытных строителей усилить стены добавочными массивными контрфорсами полукруглого или прямоугольного очертания ([175], с. 187). Какие же крупные постройки могли быть созданы в те времена, кроме оборонительных сооружений, дворцов и замков? Конечно, храмы, а их обилие говорит о силе и богатстве духовенства Мидии, влияющего на духовную и политическую жизнь страны.

Вообще в те отдаленные времена строили прочно, на века, причем архитектор отвечал головой за качество своих сооружений. Как гласил один из 282 законов Шумерского царя Хамурапи (первая половина XVIII в. до н. э.): «Если архитектор строит для кого-нибудь дом, и этот дом непрочен и обрушивается на его владельца, этот архитектор достоин смерти» [135]. Законы эти в той или иной трактовке, по всей вероятности, применялись во всех странах Древнего Востока. Отсутствие прочных строительных материалов заставляло идти на массивность конструкций, т. е. утолщение стен и усиление их контрфорсами.

Внимательно исследуя ассирийский рельеф, изображающий горную крепость Кишессу, мы видим, что отдельно стоящие башенные сооружения не все одинаковой сохранности, это говорит о разном их возрасте. Некоторые из них прекрасно сохранились, у одних разрушена венчающая часть, у других кое-где повреждены стены. Ко времени создания рельефов, изображающих завоевание мидийских крепостей (конец VIII в. до н. э.), отдельные башенные храмы относительно недавно построены, а некоторые можно отнести к более древним временам. Судя по рельефам, видно, что в разных городах-крепостях обширного Мидийского государства, а по наскальным рисункам в Кобустане и в Каспиане, на протяжении многих веков сложился вполне оригинальный тип культовых башенных сооружений, которые в композиционном отношении сильно отличались от оборонительных и культовых башенных сооружений, характерных для последующих веков. По всей вероятности, единственным сохранившимся типом каспио-мидийских башенных храмов является бакинский храм (Гыз галасы).

В мидийских горных крепостях Кишессу и Хар-Хар мы видим не один башенный храм, а целые храмовые комплексы, имеющие известные аналоги с храмовыми ансамблями (X в. н. э.) Буханешвара, Каджурахо и Паттадакале в Индии ([109], с. 116) или храмовыми комплексами

около Киото и Нары в Японии и др. ([109], т. 38, 61, 99, 101). Очевидно, того требовали религиозные законы и обычаи.

В Баку мы, по-видимому, имели несколько древних небольших храмов ([73], с. 45), два находились в непосредственной близости от Гыз галасы, на фундаментах которых в XIX в. были построены небольшая армянская церковь* и русская часовня, а на фундаменте третьего в XIV в. была построена Джума мечеть, отстоящая на 400 — 450 м от громады башенного храма. Кроме существующего храма Гыз галасы в бакинской крепости или рядом с ней в настоящее время не сохранялись аналогичные сооружения. Это дает нам право предполагать, что другие храмы, видимо, построенные не на скале, со временем разрушились или были разрушены в связи с прекращением свободного выхода газа в районе бакинских храмов.

Возможно, отсутствие выходов газа на поверхность послужило причиной прекращения дальнейшего строительства целого комплекса аналогичных храмов? Другой причиной могло быть падение Мидийской державы, происшедшее в VI в. до н.э. ([196], с. 41). Отсутствие выхода газа, конечно, могло послужить причиной прекращения функционирования бакинских храмов и перенесения их на новые места свободного выхода газа, например, храмовый комплекс Сабаиль или в Сураханы (на расстоянии семи фарсангов) и др.

Судя по второй приводимой нами легенде, это событие могло произойти в период расцвета зороастризма и относится нами примерно к VI — V вв. до н. э.

Был ли бакинский башенный храм построен в эпоху древних Каспианы и Мидии VIII — VII вв. до н. э. или эпоху Мидии — Атропатены IV — III вв. до н. э., несомненно одно — это дозороастрийское, а позже зороастрийское культовое сооружение, построенное под влиянием древних каспийских и мидийских храмов, столь удачно увековеченных на скалах Джингир-даг в Кобустане, III — II тыс до н. э. ([57], с. 4, 5) и на Ассирийских рельефах. Однако в пользу более древней его датировки говорит отсутствие в исследуемые нами поздние периоды аналогичных построек. Таким образом, мы высказываем предположение, что бакинский башенный храм мог быть построен самое позднее на рубеже VIII — VII вв. до н. э., а возможно, значительно раньше [49]. Рядом с бакинским храмом Гыз галасы северо-западнее от него примерно в 50 м находится здание караван-сарая — гостиницы, сильно реконструированного в XIV в. на базе более древней постройки, видимо, имевшей то же назначение. Это здание до сего времени носит свое древнее название — караван-сарай «Мултаны» по имени индийского племени огнепоклонников Мултаны**.

По всей вероятности, это название перешло к караван-сарая XIV в. по наследству от древнего, построенного еще в эпоху догматического зороастризма, эпоху Сасанидов, а может быть, и раньше, так как трудно представить, чтобы в период владычества исламской религии какому-то новому зданию могли присвоить языческое название. В предпоследний раз этот караван-сарай был реставрирован в XVII в. В 1974 — 1976 гг. производили последнюю реконструкцию этого древнего сооружения. Построенный в непосредственной близости от высокой каменной стены, ограждавшей храмовый участок, и невдалеке от главных ворот, которые были несколько западнее главного храма, караван-сарай «Мултаны» служил приютом для зороастрийских паломников далекой Индии.

Индийские паломники часто приезжали в древний город Атеши-Багуан, Багаван (город божественных огней) и останавливались в своем караван-сарая для того, чтобы принять участие в богослужениях и жертвоприношениях крупнейшего святилища маздаистов, а позже зороастрийцев, каким, видимо, был в те отдаленные времена бакинский храм семиглавых огней.

Присутствие рядом с башенным храмом караван-сарая огнепоклонников Индии и напротив него Бухарского караван-сарая для пришельцев из Средней Азии***, реконструирован-

* Армянская церковь повторяет плановое решение старой албанской церкви, возведенной на развалинах древнего храма, новой является колокольня, убрав которую мы имели бы здание албанской церкви, очень близкое по архитектуре к храму Апат Напата (Храм Нефти) — Д. А.

** Караван-сарай «Мултаны» был подробно обмерен Н. Рзаевым и Ш. Фатуллаевым в 1965 г. В настоящее время он полностью реставрирован.

*** Бухарский караван сарай XIV в. подробно обмерен Н. Рзаевым и Ш. Фатуллаевым в 1965 г. В настоящее время он полностью реставрирован.

ного в XIV в. также на месте более древнего здания*, служившего в свое время, видимо, приютом для огнепоклонников Согда, Хорезма, Бактрии и др., говорит о том, что бакинские главный и ряд других храмов были издревле посещаемы приверженцами зороастрийской религии. Если бы в Баку не было бы культового комплекса сооружений, известных далеко за пределами древнего Азербайджана, вряд ли возникали бы рядом с ним специальные караван-сарай для пришельцев из далеких стран, всегда совмещавших деловые цели с поклонением своему божееству.

Видимо, до землетрясения или по какой-либо другой причине, вызвавшей прекращение выхода газа у бакинских храмов, основным культовым центром маздаизма и зороастризма, пользовавшимся широкой популярностью в Каспиане, Албании и Мидии — Атропатене, был храмовый комплекс древнего города Атеши-Багуан со своими «вечными» огнями.

Храм огнепоклонников в Сураханах, а вернее капище огнепоклонников, мог возникнуть, как говорилось в легенде, после прекращения выхода газа в бакинских храмах уже на закате зороастрийской религии, иначе вокруг него возник бы также караван-сарай, а не только кельи для небольшой группы верующих. Еще невероятнее предположить, что пришельцы из далеких стран селились бы в Баку, т.е. в семи фарсангах от храма, и потом ежедневно совершали бы этот далеко не легкий и небезопасный в те времена путь от города до Сураханов и обратно.

Все это лишний раз подтверждает, что в Азербайджане основным храмовым комплексом в эпоху расцвета зороастризма были бакинские храмы с главным башенным храмом семиглавых огней, впоследствии названным Девичьей башней.

Изображенные на Ассирийских рельефах башенные храмы, родственные бакинскому как по внешнему виду, так и по конструктивному решению, по нашему мнению, отдельные исследователи без достаточного основания ошибочно причисляют к жилым строениям ([236], с.110).

Строительство в Мидии подобных сооружений интересно в связи с нерешенным вопросом генезиса некоторых башнеобразных сооружений Ахеменидского Ирана.

Внимание исследователей привлекала проблема генезиса известного башенного сооружения Ка'аба-и Зардуш (Кааба Зороастра) в Некш-и Рустаме (559 — 430 г. до н. з.), расположенного неподалеку от Ахеменидских скальных гробниц.

Этому квадратному в плане, небольших размеров башенному сооружению (4,3х 4,3 при высоте 6,5 м) ([258], с. 9) отдельные исследователи приписывают всевозможные функции, то это погребальная зороастрийская башня Ахеменидской Персии для выставления трупов на съедение птицам ([106], с. 287), то «Дом основ», т.е. хранилище официальных хроник, документов и религиозных постановлений, а может быть и списка священной Авесты ([258], с.13). Э. Херцфельд считает его своеобразным воспроизведением древнеиранских типов жилья ([413], с. 23). Н. Брунов, например, говорит: «Возможно, персидские погребальные башни связаны с формой жилой архитектуры, так как они очень напоминают башни на углах дворцовых зал» ([109], с. 282). В. Крачковская же связывает возникновение и распространение башенноподобных жилищ в Мидии (как и в Южной Аравии) с необходимостью защиты оседлого населения от нападения кочевников ([236], с. 110).

Судя по небольшим размерам, Кааба Зороастра вряд ли служила «Домом основ», так как размеры внутреннего помещения, согласно плану на рис. Р. Кер-Портера, равны 7,36 м². Скорее всего это погребальная зороастрийская башня, похожая на некоторые квадратные «Дахмы» в Азербайджане, в решении фасадов которой поименены элементы жилой архитектуры, аналогично трактовке фасадов пещерных гробниц, решенных также с применением элементов жилой архитектуры, причем в гораздо большей степени, чем вышеописанное погребальное сооружение.

Это небольшое квадратное в плане сооружение, совершенно не имеет ничего общего с круглыми в плане громадными башнями, изображенными на ассирийских рельефах крепостей Кишессу и Хар-Хар. Непонятно, где Э. Херцфельд усмотрел сходство мидийских башен с

* Во время обмера этого памятника Н. Рзаев также обнаружил более древнюю часть здания.

Ка'аба-и Зардушт*. В Азербайджане и в республиках Закавказья имеется много образцов средневекового жилья башенного типа. Эти здания, как правило, строятся или отдельно стоящими, являясь цитаделью какой-либо семьи, или группами, создавая небольшое поселение.

Характерно то, что такие жилые дома башенного типа, как правило, не строили рядом с городом или крепостью, так как в таком случае роль укрытия оседлого населения, живущего вокруг, брали на себя уже город или крепость.

Говоря о башенных постройках, расположенных вокруг крепости Кишессу, В. Крачковская, видимо, не обратила внимание на то, что аналогичные постройки имеются и в крепости Хар-Хар. Строить же жилье башенного типа в крепости, нам кажется, никто не стал бы, тем более, что в этой крепости имеются и дворец и неприступная цитадель. Так что, эти башенного типа здания с мощными контрфорсами могли быть только храмами, ставшими в какой-то мере прообразом для бакинского семиалтарного храма, оказав, несомненно, влияние на дальнейшее развитие культовой архитектуры Азербайджана и Ахеменидского Ирана.

Археологические раскопки последних лет несколько расширили сведения о развитии строительной техники северных областей Азербайджана на рубеже нашей эры ([413], с. 23, 24).

Интересны методы захоронения в древних поселениях Азербайджана например, в поселении Кюль-тепе (IV — III тыс. до н. э.), в некоторые погребениях которого костяки бы ли окрашены в красный цвет. Этот обычай наблюдался у многих племен. Кроме Азербайджана в погребениях самых нижних слоев Тепе-Сиалха в Мидии (III тыс. до н. э.) также обнаружались костяки, окрашенные в красный цвет ([12], с. 43).

Этот факт говорит о предварительном очищении костей, а обычай этот при зороастрийской религии превратился в правило очищения трупов при помощи хищных птиц в специальных погребальных башнях молчания — дахмах.

Мы обратили внимание на обычай повторять в погребальных сооружениях формы жилой, но чаще культовой архитектуры, что нашло распространение и в северном Азербайджане, причем некоторые из них решены под сильным влиянием башенного храма в Баку.

Интересны некоторые погребальные сооружения, связанные с маздаизским обрядом очищения костей покойника, обнаруженные в отдельных районах Азербайджана, где имеется несколько типов таких сооружений.

Рассмотрим одно башеннообразное сооружение, так называемую «дахму» или «башню молчания», которая сохранилась неподалеку от селения Будух Конахкендского района, в плане напоминающую цифру восемь, в виде основной башни и контрфорса.

В районе селения Будух найдены пещеры (магара), служившие обиталищем древнего человека, поселившегося в них в связи с изменением климата — наступлением похолодания ([196], с. 4). Таким образом, этот район Азербайджана заселен с древнейших времен и люди, жившие там, вероятно, в свое время поклонялись культу очага и женщины, как это наблюдалось в круглых жилых домах, найденных в Шому-тепе, Гаргалар-тепеси, Тейре-тепе в Казахском районе и Кюль-тепе в Нах. АССР. Этот культ, впоследствии развиваясь, превратился в учение маздаизма с его обрядом очищения костей. Не случайно там возникали погребальные башни — дахмы**, видимо, под большим влиянием архитектуры бакинского башенного храма.

Обычно дахмы были сравнительно небольшие, в плане квадратные или овальные сооружения. Овальные в плане дахмы, нам кажется, являются дальнейшей стилизацией темы дахм, имеющих в плане форму цифры восемь, а следовательно, и бакинского храма огня.

Возводили их из крупных грубооколотых, а порой из совсем необработанных камней. Примерной датой сохранившихся дахм считают I — IV вв. н. э., а может быть несколько и раньше. Будухская дахма представляет собой два сомкнутых цилиндра неправильной формы. Высота этой дахмы, сложенной из грубообработанного камня, равна 8,0 м. Плоская верхняя площадка обоих цилиндров имеет обрамление в виде парапета, равного по высоте одному метру ([413], с. 36, 37).

* Э. Херцфельд в последнее время все больше отстаивал мнение, что Персепольский памятник являлся могилой Заратуштры [462].

** В этом же районе выявлена еще одна дахма, по архитектуре схожая с Будухской. Обнаружил ее арх. В. Гаджиев.

У многих народов, исповедовавших разные религии, тема храма в какой-то мере, правда, в упрощенной форме, всегда повторялась в погребальных сооружениях. Это хорошо прослеживается как в христианских храмах и склепах, так и в мусульманских мечетях и мавзолеях. Не исключением, видимо, была и религия зороастрийцев с их погребальными башнями.

Если будухскую дахму относят к первым векам нашей эры, а возможно, и к первым векам до нашей эры, то одним из храмов огня и солнца на территории древнего Азербайджана, который мог послужить прообразом для объемно-пространственной и планировочной ее трактовки, конечно, был бакинский башенный храм («Гыз галасы») и ряд других, которые были, видимо, построены, но не дошли до нашего времени.

Это лишний раз говорит в пользу нашего предположения, что дата создания бакинского храма относится к VIII — VII вв. до н. э., а возможно, он и древнее.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАКИНСКОГО БАШЕННОГО ХРАМА 2. ГЫЗ ГАЛАСЫ

Весь Апшеронский полуостров, но особенно его южное побережье, был местом многочисленных источников нефти ([224], с. 56) и выходов на поверхность земли и моря естественных нефтяных газов, часто самовозгоравшихся и горевших «вечными» огнями ([383], с. 65).

Эта земля и ее прибрежные воды еще с глубокой древности, благодаря пылавшим газам, приобрела широкую известность на всем Древнем Востоке, а с возникновением дозораострийского огнепоклонничества, видимо, стала местом поклонения, паломничества и появления небольших поселений. Еще в Авесте в качестве божества воды упоминается Апам Напат — «Создатель всех живых существ». Этот мифологический образ возник на Ближнем Востоке в местности, изобилующей нефтью и близкой к морю, которую А. О. Маковельский видит либо в Месопотамии, либо на Апшероне ([262], с. 140). Если же принять во внимание, что в другом месте своей «Авесты» он пишет: «Апам Напат — это огонь в воде»*, учитывая газовые факелы, пылавшие прямо из воды, среди скал, расположенных в отдалении от берега или на близлежащих островах ([8], с. 89), то мы считаем, что эта легенда ближе связана с Апшероном.

О Апам Напате говорится в самой древней части «Авесты» в Яште, излагающей первобытные мифы о богах, религия которых восходит к III — II тыс. до н. э. ([262], с. 141). Джаксон говорит: «Ученые сходятся в убеждении, что Зороастр родился во второй половине VII в. до н. э.** в области Атропатена — Азербайджан или еще точнее в окрестностях озера Урмия», а поэтому он считает, что можно отнести с верой и к другому свидетельству предания, что отец Зороастра был родом из Азербайджана — страны нефтяных колодцев ([162], с. 69), иными словами с Апшерона.

Это, в свою очередь, дает основание предполагать, что в VIII — VII вв. до н. э. на Апшероне были, пусть примитивные, но уже известные на Востоке нефтяные промыслы, возникновение которых, по-видимому, можно отнести ко II, а возможно, и к III тыс. до н. э. Как показали археологические раскопки, большинство жилых поселений на Апшероне также относятся к III — II тыс. до н. э. ([41], с. 67 — 73).

Плиний рассказывает, что Зороастр целых двадцать лет жил в пустыне. По словам Порфирия и Диона Хризостома, он провел это время на горе в естественной пещере, которая была убрана изображениями, символически представляющими землю и небесные тела. Гора была освещена сверхъестественным огнем и сиянием ([162], с. 80).

Гора, освещенная огнем и производившая впечатление сверхъестественного сияния, могла быть на южном берегу Апшерона, на вершине и по склонам ее пылали естественные

* Апам Напат упоминается в гате Яшт, 19, 46 — 52 ([262], с. 123).

** Это мнение проф. Джаксона разделяли В. В. Струве, А. О. Маковельский ([262], с. 117).

«вечные» огни газовых факелов* и в ней могла быть пещера, служившая пристанищем Зороастру. Возможно, именно пылающая гора явилась причиной того, что жертвоприношения магов Ахура Мазде совершались на высоких горах, но они не возжигают огня ([143], с. 80), так как в культуре Ахура Мазды священный огонь считался вечным ([143], с. 506). Известным же местом вечных огней в те времена был Апшеронский полуостров.

В возрасте 30 лет (630 г. до н. э. по вычислению Веста) над головой Зороастра просиял божественный свет откровения, ему явился в видении архангел благого разума Vohu Manah ([162], с. 81). Нам кажется, именно на горе, освещенной многими огнями, под влиянием постоянных ветров дымные тучи, на фоне яркого сияния горящих газовых огней, могли сложиться в определенный образ, который экзальтированным Зороастром был принят за божество.

После получения откровения Зороастр начал страннический образ жизни. Арабский писатель Табари писал: «Он пришел в Азербайджан и проповедовал там религию магов...». Видимо, закончив самоуглубленное затворничество в пещере пылающей горы на Апшероне, Зороастр впервые начал свои проповеди в Азербайджане. Хронист Ибн-аль Атаир (XIII в. н. э.) прибавляет, что, проповедуя по своей книге Авесте, Зардушт пришел из Азербайджана в Фарас (Персию), но никто не понимал то, что в ней заключалось ([162], с. 82, 83). Таким образом, видимо, еще раз подтверждается, что не в Персии зародилась непонятная для них религия.

По Видевдату, одним из противотворений Ангра Майнью (Ахримана) был религиозный скепсис и неверие. В качестве центров неверия назывались Нисая — столица Парфянского царства и Рага, главный город Мидии в ту пору ([262], с. 99).

Ф. А. Розенберг отметил, что письменные источники не оставляют сомнения в том, что «маздаизм был первоначальной религией согдийцев» ([369], с. 85). Однако вряд ли эта религия была идентична зороастризму, известному по памятникам сасанидской эпохи ([356], с. 13). Согласно преданию, маздаизм был принесен в Бактрию магом Заратуштрой, который был преобразователем первоначальной религии Мазды ([262], с. 115). Таким образом, ни Средняя Азия, ни Персия не могли быть колыбелью новой зарождавшейся религии Зороастра. Все пути, как нам кажется, ведут к Апшеронскому полуострову, к его горючим маслам (нефти) и вечным «священным огням», горевшим по побережью, по склонам прибрежных гор и на близлежащих островах.

На основании проделанных исторических историографических исследований мы приходим к выводу, что Апшеронский полуостров издревле слыл на Ближнем Востоке священной землей, на которой в связи с имевшимися естественными огнями возникало большинство поселений.

Почти во всех древних жилых домах на основе домашнего очага, зажженного от священных газовых огней, возникали так называемые микрокультовые ячейки ([51], с. 11), постепенно перерастающие в отдельные капища, а уже из них слагались малые и крупные храмы. Развитие этих храмов на Востоке пошло по двум направлениям: первое — многокомнатные дворовые храмы и второе — башенные монообъемные храмы, слагаемые из ряда микрокультовых ячеек, расположенных друг над другом по вертикали ([64], с. 8 — 11).

В Кобустане на скалах холма Язылы имеются палеографические изображения трех башенных сооружений, относящихся к III — II тыс. до н. э. ([168], с. 27 — 29). По нашему мнению, это древние монообъемные башенные храмы, сооружавшиеся в Азербайджане еще в глубокой древности ([56], с. 15, 16). Интересна архитектура этих храмов: одна башня возведена методом циклопической кладки, средняя — полностью декорирована горизонтальными членениями на восемь ярусов (этажей) и последняя в верхней своей части решена горизонтальными членениями с нижней, решенной крупными каменными квадрами в виде террасы или мощного контрфорса. Возможно, именно архитектура этого типа культовых башен легла впоследствии в основу декоративного решения восьмизэтажного бакинского храма.

* Другие места на Ближнем Востоке, кроме Апшеронского полуострова, где бы горели естественные газовые огни, нам неизвестны (Д. А.).

Большинство религий древних народов, несмотря на их отличие, несли в себе много общих черт. Во главе арийского пантеона стояло семь высших существ, которые как в Индии, так и в Иране имели своеобразное значение и составляли единую группу божеств. В индийской мифологии — «это семь сыновей Адиты, неограниченности». Эта безграничность воплощалась как в отвлеченном божестве, так и в богах природных — солнце, луне, светилах ([338], с. 7).

Индийское семибожье во главе с Варуной находит себе параллели в иранской религиозной системе, признающей высшего бога Ахура Мазду («Премудрый господь») с его шестью Амеша Спента («бессмертными святыми») ([262], с. 20).

Распространенность во всех перечисленных странах семибожьих культов* привела к тому, что наряду с алтарями, капищами и храмами отдельным божествам, соборными сооружениями были храмы, посвященные всем семи богам.

Примерами культовых сооружений башенного типа можно привести: восьмиэтажный храм Бела на холме Биз-Нимруд близ Вавилона ([187], с. 59), восьмиступенчатый зиккурат в Вавилоне, посвященный Зевсу-Белу ([462], с. 101), башенные храмы Мидии в крепостях Хар-Хар и Кишессу ([24], с. 4), храмы древнего Хорезма в крепостях Джанбас-кала, Топрах-кала, три храма, изображенные на скалах холма Язылы в Кобустане, прямоугольный башенный храм в священном комплексе Сабаиль ([47], с. 9) и, наконец, сохранившийся до наших дней в Баку восьмиэтажный башенный храм с семью поэтажными алтарями огня и семью каменными тумбами газовых горелок ([48], с. 5; [56], с. 20, 21), пламя которых поверху опоясывало башню огненной короной семиглавых огней**.

Византиец Приск Панийский (первая половина V в.) со слов римлян, описывая путь, ведущий из Скифии в Мидию, отмечал бакинские вечные огни, где пламя подымается из скалы подводной ([437], с. 86, 89). Во времена Римской империи сырая нефть была предметом торговли. В 623 г. император византийский Ираклий овладел Нахичеванью, а затем Газакой и разрушил там знаменитый храм огнепоклонников ([196], с. 96), в 624 г. он вторгся в район Баку и разрушил много храмов, в которых поклонялись горящему газу ([39], с. 114), возможно, тогда и был разрушен священный комплекс Сабаиль и его четырехугольный трехступенчатый башенный храм. Анонимный автор географического трактата «Аджаиб аддунья» («Диковинки мира»), написанного в начале XIII в. на персидском языке, говоря о Баку, отмечал, что «это город в области Ширвана на берегу моря. Всю ночь земля его горит и вода на земле закипает» ([105], с. 35, 36).

Вышесказанное лишний раз подтверждает наше мнение, что город Баку обязан своим названием «вечным» огням***.

Именно в древнем городе огня Атеши-Багуан на берегу Каспия среди большого количества естественных газовых огней, под большим влиянием башенных храмов Каспианы и Мидии в VIII — VII вв. до н. э. мог возникнуть восьмиэтажный храм семи богов ([14], с. 18; [75], с. 46) — Ахура Мазды и шести его Амеша Спента ([263], с. 20).

В Мидии, в крепостях, изображенных на каменных рельефах из Дур-Шаррукина, видно, что одни башни в прекрасной сохранности, другие несколько испорчены временем, а третьи совсем оплывшие. По нашему мнению, эти рельефы подтверждают, что такого типа храмы строились в Мидии в глубокой древности, видимо, еще со времен дозораострийского маздаизма.

Исследование показало, что ритуальные и культово-мемориальные сооружения строились всегда по древним жреческим канонам ([285], с. 15) и указаниям ([263], с. 130). Ахура

* Зороастризм был широко распространен от Мидии и Афганистана до Греции, от Вавилона до Азербайджана и Армении включительно ([262], с. 50). В Месопотамии поклонялись семи планетным богам во главе с богом Зевсом-Белом ([187], с. 25, 26). В древнем Шумере пантеон богов представлял собой нечто вроде собрания под председательством верховного богоправителя. Следующие за ним по рангу были семь богов, «вершащих судьбы» ([234], с. 102).

** "Наличие по верху башенного храма определенного количества каменных тумб-горелок можно явно увидеть на картине неизвестного художника «Вид Баку, снятый с приезда от г. Шемахи» и на гравюре Шелковникова «Вид города Баку» ([216], с. 142, 154).

*** Отдельные исследователи, видимо, вместо Апшерона, где горели священные газовые огни, приписывали их комплексу Тахте Сулейман в Атропатене, но геологи опровергли эту версию ([127], с. 48).

Мазда учит строить из кирпичей, высушенных солнцем ([263], с. 73), поэтому башни, построенные в Мидии из сырцовых кирпичей, при восьмиэтажной высоте должны были возводиться из стен, видимо, толщиной в 5 — 6 м, так как более тонкие стены, ввиду непрочности строительного материала, не выдержали бы давления и развалились. Однако пятиметровая толщина стен создавала колоссальную тяжесть всему сооружению, а из-за чешуйчатой структуры глины эта башня могла бы сползать по наклонной платформе, на которой ее возводили, для отвода атмосферных вод. Чтобы этого не случилось, в Мидии, Каспиане, Хорезме, Индии башни укреплялись контрфорсом. На протяжении многих столетий этот конструктивно необходимый в глиняных постройках контрфорс вошел в ритуальный образ храмов. Когда каспийские и мидийские маги захотели построить на священной земле вечных огней свой храм, то, несмотря на то, что строительный материал на Апшероне был прочный камень-известняк, храм был возведен согласно установившемуся канону с толщиной стен 5 м, хотя можно было бы принять двухметровую толщину, и укреплен контрфорсом, который здесь был конструктивно лишним и применен из соображений давно сложившегося ритуального образа этих храмов (таблица 1).

Правильный перевод С. Ашурбейли явно случайной надписи, видимо, установленной на четырнадцатиметровой высоте при ремонте разрушений, нанесенных башне ядрами во время бомбардировки города, показал, что Ханыков в свое время неправильно ее перевел, где вместо слова «гоббе» — свод, небесный свод ([294], с. 378) было переведено «гале» — башня. По предположению С. Ашурбейли, эта надпись относилась к какому-то захоронению, где был похоронен некий Ма'суд сын Давуда, возможно, в XII в. После разрушения мавзолея или надгробия этот камень вместе с другими, также явно не относящимися к башне камнями, был применен при ее ремонте. Неправильный перевод Ханыковым этой малограмотной надписи ([75], с. 47) и его предположение, что она построена в XII в., было повторено в 20-х годах Александровичем-Насифи, а позже Пахомовым. Эта ошибочная датировка почти никем теперь не утверждается, отдельные исследователи относят ее то к V — III вв. до н. э., то к эпохе Сасанидов I — III вв., считая ее кто храмом, а кто по-прежнему почему-то совсем бездоказательно оборонительным сооружением.

В бакинском башенном храме полностью отсутствуют фортификационные устройства: мерлоны, машикули, бойницы и специальные сливные окна для горячей нефти*. Если же предположить оборону с верхней площадки, то семь каменных тумб-горелок могли быть использованы для прикрытия, но из-за сильных ветров и большой высоты храма стрелы и дротики относились бы в сторону и падали бы на землю, потеряв убойную силу. Все это полностью опровергает предположение о его оборонительном назначении.

Древний зодчий, творец этого культового сооружения, сумел добиться сильной архитектурно-художественной выразительности тем, что башенный храм, фактически состоящий из двух, решенных по-разному в плане вертикальных объемов, был слит в композиционно единое здание. Разбив оформление стен на гладкую нижнюю часть и на пластично-декорированную верхнюю, автор не разделил разные в плане объемы на равные по вертикали части. Крупный, круглый в плане объем собственно башни он решает с более низкой гладкой ей гладкой частью. (в), разбив верхнюю (а) на горизонтально расположенные концентрические, выступающие и втопленные членения. Выступающий контрфорс учитывая его меньший объем, вытянутую в плане форму и почти одинаковую с башней высоту, автор решает тем же приемом оформления фасада, только применяет его по вертикали наоборот. Нижнюю гладкую берет точно такой же высоты, как декорированная у башни (а), а ребристую по размерам гладкой части башни (в).

* Чертеж Девичьей башни, обнаруженный в Центральном военно-историческом архиве и датированный 1807 г. ([377], с. 85, 86), вычерчен явно схематично, видимо, как основание под мачту для подъема русского военно-морского флага с подробным указанием подпорок и подъемных тросов. Разрез указан неправильно, северный фасад вычерчен небрежно, на нем указано несуществующее вертикальное членение, а почему-то прерывистый, видимо, полуразрушенный карниз, ничего общего не имеющий с машикулями, был продолжен на контрфорсе неправильно вычерченный — на одном уровне с башней, хотя на картинах многих художников он всюду изображается несколько ниже самой башни (Сергеев, Шелковников, Дорн и др.). Поэтому ссылаться на этот, явно неграмотный с архитектурной точки зрения, чертеж и на его основе строить гипотезу, что бакинский храм огня о поэтажных алтарях является оборонительным сооружением, нам кажется более чем ошибочным.

Размеры по высоте декорированной части башни (а) равны диаметру верхнего (д), а более низкая гладкая (в) равна величине выступа контрфорса (с), в нижней гладкой части от линии сопряжения его с башней до начала грани и до начала закругления в верхней части. Иными словами, $a+v = d+c$, т. е. высота рассматриваемой части башни равна ширине и вписывается по внутреннему абрису в квадрат-1.

Если же вписать по нижнему размеру в квадрат-2, то он, пройдя по внешнему абрису башни, отойдет от нее в верхней части на некоторое расстояние. Строгая закономерность и взаимосвязанность в построении всех отдельных частей храма с его замыслом в целом подсказывает нам, что или высота самой башни должна быть выше, или, что нам кажется ближе к истине, до этой высоты доходили семь отдельных тумбообразных очагов по типу возвышающихся на крыше сураханинского храма огнепоклонников «Атешге».

Именно эта строгая закономерность и взаимосвязанность отдельных частей между собой и отсутствие в интерьере башни следов надстройки*, нам кажется, убедительно опровергают предположение отдельных исследователей, считающих, что бакинский храм строили в два приема: сначала нижнюю гладкую часть, а впоследствии декорированную ребристую ([20], с. 157; [105], с. 30). Л. С. Бретаницкий, повторяя предположение Александровича-Насифи, писал, что строилась она не одновременно — нижняя часть в V — VI вв. н. э. ([105], с. 30), высказывая предположение, что она, возможно, была связана с местным зороастрийским культом ([104], с. 41).

Считаем правильным предположение Л. С. Бретаницкого, что возведение этого сооружения, пусть даже, по его мнению, нижней части не могло быть в мусульманскую эпоху. Не можем согласиться лишь с датировкой V — VI вв. н. э., так как в то время народ Кавказской Албании был разделен на две группы — христианскую, которая совместно с христианскими Иберией, Арменией и Византией представляла значительную силу, и на языческую, которая исповедовала в основном зороастризм, митраизм и ряд древних местных культов.

Как пишет албанский историк Моисей Каланкатуйский, в V в. в Албании существовали школы, в которых обучались дети, была даже организована специальная школа, куда албанский царь Вачаган приказал собрать детей волхвов, чародеев, жрецов, персторезов, знахарей и учить их божественной науке ([410], с. 313, 314), т. е. христианской (Д. А.). Вот к этому времени резкого ослабления зороастрийского влияния и усиления роли христианской церкви относит Л. Бретаницкий начало строительства бакинского храма Ахура Мазды и шести его Амеша Спента. Зороастрийским магам V — VI вв. н. э. было бы не под силу строительство столь монументального сооружения.

Бакинский башенный храм, видимо, был наиболее крупным из всех имевшихся на южном побережье культовых сооружений. Римляне, бывшие в I в. н. э. в Кобустане ([196], с. 66) (60 км от Баку), несомненно, не могли пройти мимо известных в древнем мире священных огней Атеши-Багуана, а увидев громаду восьмиэтажного храма, увенчанного огненной короной, назвали этот храм (по мнению С. Ашурбейли) башней Кесаря ([74], с. 18), а по нашему мнению, Кесарь-башней, т. е. Царь-башней, как самую величественную из всех окружавших ее храмов ([54], с. 7).

В армянской географии VII в. в провинции Пойтакаран отмечен топоним «Еотн-паракиан Багинк» ([32], с. 50, 51), что на армянском языке означает «Семиямное или Семиалтарное капище». Если обратить внимание на перевод Паткановым фразы «Еотн-паракиан Багинк» — «Капище с семью выступами» ([75], с. 46), то можно считать, что речь идет о семи выступах бакинского храма, внутри которого имелись семиалтарные капища, пламя которых горело в честь семи богов. Так эту фразу трактовал Агафангел (IV - V вв.) ([14], с. 51). Как видно, указанный топоним относится и к интерьеру, и к экстерьеру монументального бакинского храма.

Кроме того, исследована и реконструирована вторая бакинская крепость, замок и донжон которой выполнены, как видно, под влиянием архитектуры древнего Хорезма ([52], с. 52).

* В 1946 г. Ниязи Рзаев, подробно обмерив бакинскую башню, не нашел следов надстройки. Мы также, тщательно исследовав башню, не смогли обнаружить следов надстройки (Д. А.).

Недалеко от второй бакинской крепости в 1898 г. на месте строительства русского Александро-Невского собора были обнаружены дохристианские и домусульманские некрополи, где во время раскопок найдены древние захоронения в каменных саркофагах-ассуариях*.

На Апшероне местные огнепоклонники хоронили очищенные птицами кости завернутыми в циновки, поэтому мы считаем, что каменные ассуарии являются доказательством того, что вокруг древнего храма жили также и пришельцы из тех земель Закаспия, где захоронение совершалось указанным способом.

Вокруг соборного храма семи богам имелось множество небольших храмов и капищ, посвященных отдельным божествам Маздеизского и Митрайского пантеонов. В иллюстрированном географическом словаре, изданном в Венеции в 1903 — 1905 гг. на армянском языке, говорится о Баку V века и о том, что со временем армянская церковь в бакинской крепости была построена на месте языческих храмов, воздвигнутых в честь бога огня и бога морей. Конечно, казалось бы, парадокс — одна церковь над двумя храмами, но это, видимо, имелся в виду храм Апам Напата — бога огня в жидкости, в воде — море** ([263], с. 123).

Крупное капище находилось раньше и на месте Джума-мечети, которая была построена на храме огня, от которого долгое время в интерьере мечети оставались 4 арки-чахартак ([413], с. 167).

Такое скопление храмов, капищ, алтарей, караван-сараев, крепостей вокруг Атеши-Багуан и его башенного храма говорит о том, что именно это был главный храм, куда не случайно сасанидский царь приказал в 217 — 218 гг. отправиться паломником армянскому царю Хосрову I Великому ([32], с. 50, 51), а не к главному храму огня — Атропатены в Газаке.

Проделанное исследование дает нам право предположить, что Апшеронский полуостров и особенно его южное побережье, благодаря большому количеству самовозгорающихся газовых фонтанов, приобрел широкую известность на Древнем Востоке. Апшерон был местом не только поклонения и паломничества, а священной землей, где великие державы Древнего Востока, поклонявшиеся богу огня, стремились возводить свои священные комплексы и отдельные храмы.

Видимо, эта земля со своими многочисленными естественными огнями была своего рода «Меккой» огнепоклонников в дозораострийский период, во времена Зороастра и долгое время после него, вплоть до завоевания Апшерона арабским халифатом.

Подтверждением популярности апшеронских огней может служить существующий до настоящего времени башенный восьмиэтажный храм с массивным контрфорсом в крепости Атеши-Багуан, Бак-ван (первая главная крепость — Баку). Построенный явно на основе древних канонов ([285], с. 15) каспийских, албанских и мидийских жрецов-зодчих, повторивших на пылающих естественными огнями берегах Апшерона образ древнего дозораострийского храма Ахура Мазды и шести его Амеша Спента, распространенного в древней Каспиане ([57], с. 3 — 15) и в Мидии до завоевания ее ассирийцами. Такого типа храмы после создания Зороастром своей религии уже не строили, так как создавались храмы с большим алтарем, который посвящался одному богу — Ахура Мазде.

На высоком холме, занимающем стратегически удобное положение, была построена вторая бакинская крепость. Цитадель и оборонительная башня этой крепости были построены под влиянием архитектуры древнего Хорезма ([52], р. 2, 3). Южнее описанных двух древних бакинских крепостей, на расстоянии более километра возвышались стены священной крепости Сабаиль. Прямоугольный башенный храм этой крепости с южной стороны укреплен контрфорсом и, судя по плану раскопок и первого варианта нашего проекта реконструкции, был решен под сильным влиянием архитектуры башенных сооружений Средней Азии и Ахеменидского Ирана ([54], с. 10; [59], с. 59, 60), в какой-то мере переключаясь с погребальными башнями Аланов — западзанами в городах мертвых — Даргавсе и Кобане ([402], с. 51). Архитектурно-

* Об указанных каменных саркофагах вспоминал бывший протоиерей г. Баку А. Юницкий. Из личной беседы с А. Юницким. Баку, 1937 (Д. А.).

** Раскопки 1983 — 1984 гг. в указанной церкви подтвердили то, что она была построена путем реставрации старой албанской церкви, возведенной на древних явно культовых постройках (Д. А.)

художественное решение фасадов, согласно первому варианту реставрации, было под большим влиянием восьмизэтажного храма в Баку и древних башен, изображенных в Кобустане на скалах холма Язылы. По второму, основному варианту нашей реконструкции башенный храм решен в виде трехступенчатого зиккурата под сильным влиянием месопотамской архитектуры. Наличие на южном побережье Апшерона столь плотной застройки культовых и оборонительных сооружений, решенных под влиянием архитектур крупнейших цивилизаций Ближнего Востока, лишний раз подтверждает наше мнение, что Апшеронский полуостров был известен в древности как земля священных огней, место паломничества и поклонения огнепоклонников большинства стран Древнего Востока, где они строили свои храмы, укрепленные священные участки и караван-сарай.

Жреческое сословие магов образовало в районе Раги, Мугани и, видимо, Апшерона свои обширные священные земли, которые находились под его полной властью.

Б. Тураев предполагает: «Образованные люди того времени знали чужие страны не хуже, чем наши современники. Торговые отношения и связи, осуществляемые пешком или караванами, заставляли изучать языки, быт и культуру многих стран. Пилигримство к святым местам, путешествия к центрам мудрости и знания, способствовали общению народов на почве духовной культуры, религии, литературы, науки» ([412], с. 56).

В I тысячелетии до н. э. вечные огни на Апшероне были известны далеко за пределами древнего Азербайджана и у огнепоклонников должны были считаться святыми местами, куда стремились попасть верующие пилигримы. Не исключено, что среди пилигримов и путешественников могли быть архитекторы, опытные мастера-строители, керамисты и представители других специальностей.

В это время в Азербайджане (Каспиане, Албании) было много экономически цветущих городов, сильных крепостей, замков и целый ряд населенных пунктов ([292], с. 37), которые, особенно до нашествия халдов, определенно являлись центрами мудрости и знаний, а это еще больше вызывало взаимное общение его с разными странами. Можно предполагать, что в городе Атеши-Багуан, который, возник первоначально как святое «место бога огня», а впоследствии перерос в город-крепость с несколькими храмами, имелась большая и богатая Каспио-Мидийская община, представитель которой мог быть главным — верховным жрецом существовавшего старого храмового комплекса.

Храмы в эпоху зороастризма обладали несметными богатствами ([473], с. 115), а имея большие средства, они вполне могли осуществить желание иметь на «священном месте неугасимых огней» новый храмовый комплекс или по крайней мере главный храм, который был бы похож на башенные храмы одного из центров маздаизма, каким была в ту эпоху Мидийская держава. Существование в описываемый период в Азербайджане множества городов и крепостей говорит о наличии здесь большого количества мастеров-строителей, собранных в отдельные «артели» по разным строительным специальностям, а также специалистов различных искусств, художников и архитекторов. Возможно, кто-либо из архитекторов, к сожалению, оставшийся в неизвестности, был паломником в Мидии, где изучил башенные храмы, образ которых впоследствии мог претворить у себя на родине. Могло случиться и наоборот, в большой группе пилигримов-паломников, пришедших к бакинским огням, оказался архитектор или опытный строитель, который был привлечен верховным жрецом для строительства бакинского храма.

Какая из двух гипотез верна, сейчас трудно судить, но то, что образ бакинского храма возник под влиянием башенных храмов Каспианы и Мидии, нам кажется неоспоримым. Этим объясняется, что он совершенно не похож ни на одно башенное сооружение Азербайджана и всего Закавказья, кроме изображенных в Кобустане на камне девять трех башенных храмов ([168], с. 27 — 29). То, что возводили его местные мастера, каменотесы, тоже у нас не вызывает сомнения, и в дальнейшем мы это постараемся доказать. Все в этом здании производит впечатление устойчивости и долговечности. Ни одно произведение архитектуры Закавказья не создавало впечатления столь подавляющей грандиозности.

Если представить себе этот храм вскоре после окончания его строительства или в первые века до н. э., то перед нами предстанет живописный силуэт черной громады законченного храма, по верху которого из семи тумбообразных очагов вырывалось с ревом высоко взметнувшееся ритуальное пламя газовых факелов. Эти факелы то уменьшались, то вновь взметали ввысь яркие языки пламени.

В довершение всего на верхней площадке были видны силуэты служителей храма, и сквозь затихающий порой шум огня доносились жертвенные гимны, возносимые божественному Ормузду ([193], с. 40).

Вокруг огороженного храмового участка, после нескольких караван-сараев, живописными рядами располагались одноэтажные жилые дома городских жителей, которые вместе с паломниками и путешественниками благоговейно слушали доносившееся до них священное пение и жертвенные гимны.

Все это было давно, в далекую дозорастрийскую эпоху, но пронеслись тысячелетия, и все такая же незыблемая, мощная и несокрушимая стоит эта башня, прекрасно вписавшая в многоэтажный силуэт современного города, являясь его самой запоминающейся достопримечательностью.

По всей вероятности, Атеши-Ба-гуан (Баку) был центром древнего огнепоклонничества, а позже зороастризма Албании и священным местом для многих стран, поклонявшихся богу огня. После завоевания Албании арабским халифатом и массового принятия албанцами-зороастрийцами магометанства южное побережье Апшеронского полуострова со своими священными крепостями и храмами (Багуан, Сабаиль, Шых и др.) было с точки зрения мусульманской религии нечистым, проклятым. Поэтому большинство крепостей-городов, храмов и капищ было разрушено, а уцелевшие жители, а среди них мастера и зодчие, разбежались, поселившись во многих окрестных деревнях. Видимо, этому мы обязаны многими высококачественными по архитектуре сооружениями Апшерона, которые были построены опытными мастерами, ранее творившими в священных городах-крепостях.

Апшерон вместо централизованной власти жрецов магов, которые управляли этой священной землей, был разбит на мелкие феодалы, в которых каждый феодал строил свои замки. Сначала это были более мощные и грубые цитадели с квадратными башнями гюлля-донжонами (VIII — XII вв. н. э.)^{*}, а позже замки с изысканными круглыми башнями (XI — XII вв. н. э.). Со временем нефть, соль и удобное географическое положение бакинской бухты вынудили вновь возродить почти обезлюдевший город Баку. Видимо, для защиты новых жителей пока не были восстановлены старые и достроены новые крепостные стены, был возведен небольшой замок с квадратной башней Джаббахана (арсенал) X в. н. э. Возможно, были укреплены стены второй бакинской крепости и началось строительство мусульманских храмов, чаще всего на древних капищах. Во второй бакинской крепости была построена мечеть Гейдар-шаха — X в. ([374], с. 114), а в XI в. — мечеть Мухаммеда в большой первой крепости Баку.

Так, видимо, началось второе рождение Баку, ставшего со временем важным морским портом, торговым центром и почти единственным местом, в окрестностях которого велась промысловая эксплуатация нефти, где до настоящего времени возвышается восьмиэтажный башенный храм Ахура Мазды и шести его Амеша Спента. Весь облик старого храма напоминает о древних религиях, о прошедших тысячелетиях, о славной истории города Баку.

^{*} Л Бретаницкий, А Саламзаде, Л Мамиконов считают что все квадратные в плане башни построены в XIV в., т. е. в период владычества монголов.

3. АЛТАРЬ БОГА АПАМ НАПАТА В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ АТЕШИ-БАГУАН

Напротив Девичьей башни, в метрах пятидесяти к западу, археологи О. Исмизаде и Г. Джидди в 1964 году на глубине четырех метров от существующей поверхности земли обнаружили и обмерили почти сохранившийся алтарь огня ([195], с 185, 187). У алтаря, к сожалению, не сохранилась верхняя каменная чаша, в которую наливалась нефть, горевшая «вечным» пламенем.

Такие алтари чаще всего строились парами или в несколько пар, по обеим сторонам крупной храмовой постройки.

Проделанный нами эскизный проект реконструкции вернул истории архитектуры Азербайджана образ древнего алтаря, пылавшего в общем культовом комплексе, посвященном планетным богам. Из этого культового комплекса, к счастью, дошел до наших дней древний восьмиэтажный башенный храм Хунзар, Гюнзяр, названный впоследствии Девичьей башней ([44], с. 21), посвященный Ахура Мазде или Великому Митре.

Хочется отметить, что лишь самоотверженная настойчивость археологов сохранила для истории фотографию, обмер и описание обнаруженного древнего алтаря, который, к сожалению, вскоре был уничтожен.

Алтарь имел восьмигранное трехступенчатое основание, каждая ступень была высотой 22 — 25 см, в центре верхнего основания была установлена восьмигранная колонна высотой 110 см и шириной 45 см. На колонне была установлена каменная чаша. Местом опоры ее служило неглубокое круглое сферическое углубление на верхней части колонны, вся высота алтаря была примерно равна 225 — 235 см. В колонне, а следовательно, и в чаше не было отверстия для газа, а отсюда вывод, что в чаше горела нефть. Следы огня и нефти явно прослеживались в верхней части колонны. Задумываясь по этому поводу, можно прийти к двум выводам: первое, что алтарь древнее храмов, в которых горели газовые факелы, а второе, что он возведен в честь бога Апам Напата — бога жидкой нефти, наиболее древний храм (II тыс. до н. э.), который был возведен поблизости, за стенами храмовой цитадели, именованной «Девичьей крепостью» — Гыз галасы ([56], с. 23). Алтарь, несомненно, возведен по установившемуся на Апшероне жреческому канону и впоследствии был широко распространен в странах Ближнего Востока, являясь, видимо, наиболее древним образцом культовых сооружений указанного типа. Как в первом, так и во втором случае, алтарь был возведен за несколько веков до нашей эры. Возникнув на Апшеронском полуострове, среди «вечных» газовых и нефтяных огней, исследуемый высокий жертвенник — алтарь огня в дальнейшем был перенесен в Южный Азербайджан — Мидию, где, судя по рельефу на скальной гробнице Кызгапан ([413], с. 23, р. 20), и в Сасанидский Иран, где, судя по изображениям на многих монетах ([258], с. 222 — 232), он претерпел некоторые изменения, превратившись в невысокие алтари огня, в основном ниже человеческого роста. Композиционная структура алтарей оставалась единой, видимо, подчиненная канонизированным требованиям, на основе которых были созданы апшеронские жертвенники огня.

Согласно законам древних религий человек представлял себе картину мира в виде многоступенчатой структуры. На основе такого познания мира он создавал свои культовые и мемориальные сооружения. Человек представлял себе картину мира в виде древа познания и жизни, вырастающего из ступенчатой горы (символ земли), ниже которой идет подземный мир, само древо жизни — земная сфера, а выше расположена райская сфера ([70], с. 1, 4, 16). Реконструированный нами алтарь подчинен вышеприведенным канонам: трехступенчатое основание — символ горы, стержень алтаря — это продолжение темы древа жизни — земная сфера, а огонь, пылавший в чаше, — это райская сфера Арта, ипостась бога Ахура Мазды на земле.

Культовые комплексы древнего Азербайджана и всего Ближнего Востока всегда состояли из крупного храма соборного типа, одного или нескольких небольших храмов и группы разнообразных алтарей.

Храмовая цитадель (Девичья крепость) на территории древнего города Атеши-Багуан — Баку состояла из восьмиэтажного храма соборного типа, предположительно датируемого нами XI — X вв. до н. э. Однако самой близкой датой этого строительства может быть VIII — VII вв. до н. э., так как после середины VII в. до н. э. семиалтарных храмов уже не строили, а возводили лишь одно - или трехалтарные ([56], с. 17) небольшие храмы. Теперь уже мы можем утверждать, что состояли они также из группы алтарей огня, нефти и др. Аналогичного типа алтари изображены на картине, где на территории второй Бакинской крепости рядом с храмом огня расположена группа алтарей. С обнаружением алтаря выявлен весь культовый комплекс, который своим каноническим составом полностью отмечает ничем не доказанное утверждение о якобы оборонительном назначении древнего храма, именуемого Девичьей башней, а тем более ее ошибочную, ничем не подтвержденную датировку ([56], с. 18). Этот древний храм, видимо, на протяжении своего трехтысячелетнего возраста бывал посвященным различным богам: Ахура Мазде, Митре, а впоследствии богине Анахите-Ардвисуре или зелено-голубой богине Веге. От одной из указанных женских богинь и возникла легенда о богине огня, рожденной в пламени алтаря храма и спасшей древний город от осаждающих его врагов ([419], с. 151 — 154), а благодаря легенде, видимо, появилось название Храм Девы — Девичья башня — Гыз галасы.

Весь культовый комплекс древнего города Атеши-Багуан со всеми храмовыми постройками и алтарями дошел до нас из глубин истории. Учитывая наличие восьмиэтажного башенного храма, фундаментов древнего малого храма, решенного в форме Чахартага, и обнаруженный алтарь огня, необходимо открыть фундаменты малого храма и восстановить его по образу Сураханского храма огнепоклонников. Необходимо срыть насыпной грунт вокруг Девичьей башни, открыв скалу, на которой в древности был возведен башенный храм, восстановив его прежний силуэт. Необходимо также восстановить семь тумб-горелок на Девичьей башне и семицветные огни в семи поэтажных алтарях башенного храма ([54], с. 13). Провести на всей территории археологические раскопки и, несомненно, будут обнаружены еще какие-либо свидетели глубокой старины. Восстановить храм Апам Напата, очистив его от церковки, возведенной на рубеже XIX и XX вв. Восстановив весь комплекс, нужно зажечь газовые горелки на зданиях и вокруг них, придав этому уникальному комплексу прежнее архитектурно-живописное звучание, и он станет самым древним и интересным памятником архитектуры, наиболее посещаемым многими исследователями, гостями нашего древнего города.

4. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И АРХИТЕКТУРА ВТОРОЙ БАКИНСКОЙ КРЕПОСТИ

В период между 806 и 816 гг. х. (1403/4 — 1413/14 гг. н. э.) Абд ар-Рашид ал-Бакуви в своем географическом сочинении, говоря о Баку, писал: «Город, построенный из камня на берегу моря Хазар, в одной из областей Дарбанд, близ Ширвана. Его стены омываются водами моря, которое затопило много ственных башен и приблизилось к мечети». Далее он говорит: «Город имеет две прочные крепости из камня, чрезвычайно укрепленные. Одна из них большая стоит близ моря, волны которого бьют в ее стены. Это та крепость, которую не смогли одолеть татары. Другая крепость выше первой. Ее верхушка с одной стороны разбита баллистами» ([8], с. 89).

Задолго до Бакуви, еще в XIV в. Хамдаллах Казвини, описывая город Баку, упоминает крепость на горе высоко над городом ([81], с. 780). Иными словами, он подчеркивает, что чисто оборонительным сооружением в Баку была крепость, расположенная над городом, который в

описываемое время давно уже был обнесен крепостными стенами. Эти стены были настолько мощными, что их, как описывал Бакуви, не смогли одолеть татаро-монголы ([8], с. 89).

Известный на Востоке путешественник Эвлия Челеби — «Турецкий Ибн Баттута» ([235], с. 428), как его иногда называли, — был автором десятитомного произведения, называемого либо «Тарих-и сейях» («История путешественника»), либо «Сийахет-наме» («Книга путешествий»). Во втором томе он описывает свои путешествия в Баруса, Никомидию, Батум, Трапезунд, Эрзерум, Азербайджан, Грузию и сопредельные области ([23 б], с. 624 — 626).

Описывая путешествие в Азербайджан, Эвлия Челеби сообщает очень интересные сведения о Баку, куда он прибыл, по И. Ю. Крачковскому, где-то между 1646 — 1648 гг., а по книге А. В. Саламзаде — в 1656 г. «Бакинская крепость... построена на высоком холме и представляет красивую квадратную крепость. Внутренняя крепость имеет ворота, обращенные на запад. Ворота из нахичеванского железа. Периметр крепости семьсот шагов, она имеет семьдесят башен и шестьсот зубцов ([448], с. 301, 302). Высота стены сорок мекканских локтей ([105], с. 76). Поскольку крепость расположена на скалистом основании, она не имеет рвов. Внутри крепости семьдесят старых домов, покрытых земляной крышей (видимо, карадамы. — Д. А.). Имеется мечеть без минарета, называемая мечеть Гейдар-шаха. Нет признаков постоянных дворов, бань и др. Но находящийся на берегу моря большой рабат представляет благоустроенный город, имеющий до тысячи домов, сады, мечети, постоянные дворы, бани, крытый рынок и базар. Он обнесен с трех сторон крепостными стенами с тремя воротами... Здесь виднеются семь минаретов, имеются три бани» ([374], с. 114).

Эвлия Челеби, как Хамдаллах Казвини и Абд-ар-Рашид ал-Бакуви, совершенно ясно говорит о двух обособленных территориях бакинских крепостей. Джон Белл, путешествовавший в начале XVIII в., также, отмечая наличие значительной застройки за городскими стенами, говорил о двух самостоятельных городах с различными названиями ([374], с. 114). Самуил Готлиб Гмелин, бывший в Баку в 1796 г., писал о Ханском доме за городом, о развалинах прежнего города (крепости) Баку, о старинном замке. Конечно, многих исследователей волновал вопрос, где, на каком холме находилась красивая вторая квадратная или прямоугольная крепость с внутренней цитаделью (Ич-кала). Внимательно изучая высказывания путешественников, которые, начиная с XIII в. ([8], с. 6) по 1796 г., в своих трудах упоминают о двух бакинских крепостях, мы пришли к выводу — обе крепости находились относительно недалеко друг от друга. Верхний город-крепость с цитаделью был преимущественно фортификационным сооружением, а нижний, вначале огороженный храмовый участок, а позднее — благоустроенный город, обнесенный крепостными стенами со всеми присущими городу жилыми, общественными и культовыми зданиями.

Храмовый участок возник на основе существовавших с древнейших времен естественных выходов нефтяного газа, горевших «вечными», считавшимися священными огнями, а место было названо — «местом бога» ([48], с. 4).

Некоторые исследователи, учитывая большое число индийских паломников, отправлявшихся к священным огням Апшерона ([374], с. 41), считают, что название Баку произошло от слова «Bakhu», что на древнегуджеретском языке означает «к огню». Анонимный автор географического трактата «Аджаиб-ад-дуния» («Диковинки мира»), начало XIII в., говоря о Баку, отмечал, что «это город в области Ширвана на берегу моря. Всю ночь земля его горит, и вода на земле закипает» ([109], с. 35, 36). Вышеказанное лишней раз подкрепляет наше мнение, что Баку обязан своим названием «вечным» огням. Постепенно вокруг священного — храмового участка начали селиться люди, первоначально так или иначе связанные с культом огня. Священный участок впоследствии был обнесен крепостной стеной, объединившей наибольшее количество пылавших «вечных» огней, на базе которых возникло множество храмов и капищ — это была первая бакинская крепость ([50], с. 36, 37).

Баку являлся не только религиозным центром; по одним источникам, более 2 тыс. лет ([457], с. 347), а по другим — около 3 тыс. лет ([162], с. 80) тому назад он был местом, где существовали древние разработки нефтяных месторождений. Вокруг священного участка Баквана со временем образовалось большое поселение, поблизости с которым должно было

возникнуть какое-то оборонительное сооружение. Вначале, видимо, была возведена цитадель, впоследствии обнесенная крепостной стеной, за которой построили более семидесяти жилых домов, а цитадель стали именовать внутренней крепостью (Ич-кала). Это и была вторая бакинская крепость ([50], с. 37). Единственные источники, которые могли нам помочь найти ее, были историко-географическая литература, зарисовки и картины художников, посвященные Баку. Поэтапно изучая их, мы обратили внимание на одну характерную деталь. На картине художника Сергеева, изображавшей бакинскую крепость со стороны Баилова, в левой верхней ее части за пределами городских стен очень схематично показано какое-то сооружение, обнесенное несколько наклонными стенами, за которыми возвышаются два здания, одно из них завершено зубцами, говорящими о его фортификационном назначении. На гравюре Шелковникова ([216], с. 142) на том же месте изображено оборонительное сооружение со стенами, увенчанными крупными зубцами: над ним возвышается другое, более высокое, также зубчатого очертания, сооружение. На очень условно нарисованной картине Гмелина рядом с городом, но уже с противоположной стороны, недалеко от берега, изображен прямоугольный в плане комплекс сооружений, окруженный крепостными стенами с башнями ([413], с. 240). Внутри имеются четыре здания, одно из которых перекрыто куполом, видимо, мечеть. Нам кажется, что этот комплекс изображает вторую бакинскую крепость, но нарисован он не там, где находился.

На панораме Б. А. Дорна, посетившего Баку в XIX в. ([172], [410], с. 27), примерно на том же месте, как и на картинах Сергеева и Шелковникова, изображены две башни и какие-то крепостные стены с открытыми воротами. Одна башня расположена на переднем плане у ворот, другая (по всей вероятности донжон) расположена в глубине за стенами. Весь комплекс, схематично изображенный силуэтом и несколько сдвинутый в левый угол картины, все же лишний раз подтверждает, что на одном и том же месте рядом с большим городом находился сильно укрепленный город-крепость.

Все перечисленные картины неизменно изображают явно фортификационные комплексы сооружений, но являлись ли они второй бакинской крепостью, по ним судить невозможно. Необходимо было найти изображение Баку с противоположной от моря стороны, тогда оно могло бы разрешить многие наши сомнения. Поиски привели к картине неизвестного художника ([216], с. 154) «Вид города Баку, снятый с приезда от г. Шемахи». Внимательно изучая эту картину и сопоставляя изображенные на ней сооружения с историческими материалами и воспоминаниями путешественников, мы пришли к заключению, что на ней очень ясно изображены остатки стен укрепленного города, называемого второй бакинской крепостью, а также руины ее внутренней цитадели с башней, верхушка которой разбита (видимо, баллистами, как отмечал Бакуви) ([8], с. 36). На территории крепости сохранилась мечеть без минарета, по всей вероятности, Гейдар-шаха. Рядом видна четырехарочная постройка с куполом — чахартак, напоминающая Сураханский храм огнепоклонников. Видны также остатки каких-то строений ([8], с. 36). На основании описаний путешественников, географов и пусть несколько схематичных изображений на вышеописанных картинах мы смогли предложить эскиз реконструкции крепости и цитадели. В нем привлекает внимание оригинальный и совершенно нехарактерный для Азербайджана вид башни-донжон, имеющей внизу пирамидальное основание с двумя изломами поверхности: верхний — около 40° , а нижний — около $60 - 65^\circ$, расширение основания устроено с двух сторон, а с двух других оно вертикально. На вертикальной стороне имеются три характерных отверстия для слива горячей нефти. Поверху на квадратном основании возведена основная часть оборонительной башни, каждая сторона которой имеет по четыре бойницы. С северной стороны перед башней, где, видимо, имелся вход, построена меньшая, с наклонными стенами, продолговатая башня для защиты входа в донжон и ворот первой крепостной стены.

Возможно, донжон цитадели второй бакинской крепости был одновременно жилой башней по типу Тешик-кала ([406], с. 40) и в период военных действий заменял бакинскому правителю или верховному жрецу жилой дом, упоминавшийся Гмелиным ([374], с. 113).

Э. Челеби отмечает: «Крепость Баку — красивая крепость четырехугольной формы, воздвигнута на высоком холме на берегу моря Хазар во владениях шаха Дария, т. е. Персии»

([105], с. 75). Учитывая, что Закавказье определенное время находилось в номинальной зависимости от ахеменидской Персии ([143], с. 169), можно считать возникновение разных легенд и преданий вполне возможным. Это позволило Э. Челеби отнести дату возникновения крепости к временам Ахеменидов. Чтобы изучить истоки фортификационной архитектуры, оказавшей немалое влияние на создание своеобразного образа бакинской цитадели, мы обратились к памятникам ахеменидского периода Ирана и Средней Азии. Интересным примером может служить крепость ахеменидского Ирана — «Stakhr» [504], стены и бойницы которой имеют много общего с фортификационными сооружениями Средней Азии, в архитектуре которых явно прослеживается взаимовлияние. Творчески переработанные элементы архитектуры Ирана и зодчества древнего и эллинистического Хорезма оказали влияние на архитектуру второй бакинской крепости. К памятникам древне-хорезмского типа можно отнести поселения: Джанбас-кала. III в. до н. э. ([346], с. 32), Кой-Крылган-кала, IV в. до н. э. ([227], с. 307) и др., а также ряд сооружений эллинистического периода истории Хорезма, город Топраг-кала, III в. до н. э., три дворцовых донжона и сорок две башни крепостной стены, которые покоятся на пирамидальном основании ([346], с. 43), замки Якке-парсан, IV в. н. э. ([406], с. 126) и Тешик-кала, VI — VII вв. н. э. ([346], с. 119).

После изучения всех перечисленных сооружений, мы убедились, что основной донжон с защитной малой башней перед входом и все стены внутренней цитадели могли отразить некоторое влияние фортификационных сооружений ахеменидского Ирана, но в основном они создавались под сильным воздействием архитектуры древнего эллинистического Хорезма, где на протяжении почти тысячелетия были очень распространены оборонительные сооружения описываемого типа.

Поэтому мы считаем, что относить вторую бакинскую крепость к эпохе Ахеменидов было бы ошибочно, она строилась в несколько этапов. Начало строительства можно отнести к первым векам до н. э., а окончание или достройку — к эпохе Сасанидов*.

Сасанидский Иран упорно насаждал и поддерживал зороастризм, ставший догматической государственной религией.

Албания при Сасанидах окончательно подчинилась Ирану и вошла вместе с Южным Азербайджаном (Атропатеной) в состав Северного наместничества ([196], с. 80).

В отличие от Атропатены, бывшей чисто зороастрийским государством, Албания, в основном, исповедовала ряд древних религий.

Страбон указывал, что албаны «почитают богов — Гелиоса, Зевса и Селену, в особенности Селену ([387], с. 503), иными словами бога Солнца — верховного бога Неба и богиню Луны** ([410], с. 151). Но Баку и весь Апшеронский полуостров, на котором имелось множество естественных «вечных» огней, несомненно, в древней Албании ([47], с. 9, 10) был средоточием поклонения астральным культам, в особенности солнцу и огню. Видимо, на Апшероне, особенно в южной его части, могла быть упоминаемая Страбоном храмовая (священная) область ([387], с. 535, 557), в которую входило несколько священных участков (Атеши-Багуан. Сабаиль, Шых и др.). Храм являлся не только культовым, но и административным, юридическим и военным центром. Во главе такой области стоял жрец, пользовавшийся всей полнотой власти ([387], с. 535). Некоторые крупные исследователи, ссылаясь на отсутствие достаточной письменной истории сомневались в значении апшеронских огней как маздаистского, а позже зороастрийского центра Албании ([81], с. 776). В то же время, как мы уже упоминали, «в 624 г. византийский император Ираклий вторгся в район Баку и разрушил много храмов, где поклонялись горевшему газу» ([4391], с. 114).

Отсюда вывод, что верхняя, вторая бакинская крепость была возведена раньше основных стен города. Слова Бакуви, что верхушка башни была разбита баллистами, а не снарядами, указывают на то, что она существовала задолго до огнестрельного оружия.

* Возможно, это было в конце III в. н. э. при Шапуре I, когда наставник царя царей и верховный жрец (Магупат) всего государства Картир, укрепляя единую веру, основывал храмы огня, устанавливал статус жреческих корпораций, искоренял еретические учения, разрушал «капища девов» ([258], с. 16).

** Греческая богиня Луны Селена идентична шумерскому богу Луны Наина *Син (ред)*.

Реконструкция подтвердила наше мнение, что вторая бакинская крепость была чисто оборонительного типа, а необходимость в ней могла возникнуть лишь тогда, когда еще не были полностью возведены крепостные стены, охватывающие жилую застройку и священный комплекс Бак-Ван ([48], с. 4, 5; [52], с. 51). Это название впоследствии было присвоено всей огоженной территории и, претерпев ряд изменений, из Бак-Ван, Багуан, Атеши-Багуан, Бак-ви (армянское название) оно превратилось в Баку.

На картине «Вид города Баку, снятый с приезда от г. Шемахи» среди развалин второй бакинской крепости изображен Чахартак, видимо, бывший гарнизонным храмом зороастрийцев. Это еще раз говорит в пользу нашего предположения о возникновении отдельных построек в эпоху Сасанидов. Если стены и донжон внутренней цитадели решены под сильным влиянием цитаделей Хорезма, то наружные стены второй бакинской крепости построены уже в чисто апшеронской манере, о чем говорят вертикальные каменные стены, круглые башни, прямоугольные бойницы и характерные стрельчатые мерлоны ([50], с. 36). Надо сказать, что на внутренних стенах и донжоне мерлоны и бойницы приняты также апшеронского типа, а не хорезмские.

Совершенно разные по своей архитектуре внутренняя цитадель и наружные крепостные стены говорят о том, что цитадель была, несомненно, построена раньше, чем наружные стены, после сооружения которых она вошла в комплекс второй бакинской крепости ([50], с. 36).

На этой территории со временем разместились жилые дома и культовые сооружения, весь комплекс, вероятно, служил резиденцией правителя, так как в описываемый период в городе, территория которого лишь впоследствии была полностью обнесена крепостной стеной, видимо, не было зданий, которые смогли бы служить безопасной базой для размещения правителя и его двора.

На территории второй бакинской крепости, судя по последней картине, имеются мечеть и капище огня. Отсутствие христианского храма, который, несомненно, дошел бы до середины XVIII в, когда, видимо, была нарисована картина, говорит, что крепость или по крайней мере цитадель, несомненно, была построена до принятия Албанией христианства, т. е. раньше IV в. н. э., как уже отмечалось, где-то в первых веках до нашей эры.

Внешнее сходство донжона второй бакинской крепости с башнями древнего Хорезма подчеркивается также наличием предвходной башни, защищающей подступы к ее входу. Кроме того, стены, окружающие башню, имеют характерный для крепостей Хорезма наклон с бойницами в невысокой вертикальной верхней части.

Главная башня второй бакинской крепости имеет и отличительные черты, появившиеся под влиянием местной апшеронской архитектуры. Донжон возведен не из сырцового кирпича, а из прочного камня-известняка. Учитывая это, архитектор использовал пирамидальный цоколь под активную оборону, разместив в нем помещение со специальными сливными бойницами, выходящими, видимо, на две стороны, чтобы иметь возможность поливать противника горячей нефтью; третья и четвертая сторона, в которой была устроена входная дверь в башню, решена без таких бойниц.

В хорезмских башнях пирамидальный цоколь из-за того, что он возводился из относительно непрочного кирпича-сырца, решался сплошным, в нем только устраивали узкие проходы или лестницы, а иногда и неширокий колодец ([406], с. 140). В бакинской башне этаж, размещенный в пирамидальном цоколе, был, вероятно, перекрыт сводом. Это позволило легко использовать вертикальные боковые стены под бойницы. Второй верхний этаж с наружными размерами, приблизительно равными 7,0 м, перекрыт уже или плоским куполом или дарбазообразным ступенчато-балочным перекрытием с люком на крышу, которая была обрамлена каменным парапетом со стрельчатыми мерлонами. Крыша являлась как бы третьим ярусом обороны. Вся башня имеет примерную высоту до верха мерлонов 18 — 20 м.

Так как на первый ярус обороны башни можно попасть через специальную площадку, расположенную между донжоном и предвходной башней, приподнятой на высоту 3,6 — 4,0 м, то не исключена возможность, что под первым ярусом было склепообразное помещение для хранения продуктов или оружия.

Принимая во внимание большую толщину стен нижней части пирамидального цоколя, можно предположить, что в нем могла быть устроена винтовая лестница в кладовую.

Таким образом, донжон второй бакинской крепости представлял собой боевую башню с круговой трехъярусной обороной. Хорезмские башни в основном обеспечивались одним оборонительным ярусом, реже двумя, но они часто имели рядом с основным донжоном одну или две вспомогательные башни, создававшие более широкую оборону основного донжона ([406], т. 40). Если проанализировать внешний облик и разрез реконструированного нами донжона, становится понятным, что он, несомненно явился первоосновой в создании образов средневековых оборонительных квадратных в плане башен-донжонов апшеронских замков, относящихся к VIII — XII вв. н. э.*

В связи с землетрясением, происшедшим в 1176 г, причинившим значительные разрушения Шемахе, город Баку на короткое время становится столицей ширваншахов.

Сильно укрепленная вторая бакинская крепость, по всей вероятности, была использована как резиденция. Отдельные исследователи предполагают, что временная резиденция была построена на месте существующего дворца ширваншахов, сооруженного в XV в. ([374], с. 113).

Раскопки, которые велись на территории дворца В. Н. Левиатовым в 1944 г. ** и раньше, в 1924 г. (руков. Е. А. Пахомов), АзЦУОПом в 1932 — 1933 гг. (руков. И. П. Щерблюкин ([249], с. 44, 45), Музеем истории Азербайджана АзФАН в 1938 — 1939 гг., показали, что до строительства на исследуемой территории дворца ширваншахов находились обычные жилые дома апшеронского типа. Во время раскопок в 1932 — 1934 гг., проводимых АзЦУОПом, было обнаружено, что дворцовое здание частично перекрывает массивные фундаменты какой-то постройки ([249], с. 9). Но предположить, что это была временная резиденция, когда имелась сильно укрепленная вторая бакинская крепость с внутренней цитаделью, нам кажется маловероятным. Кроме того, если это была бы резиденция ширваншахов, то она, конечно, просматривалась бы гораздо обширнее, а не только под какой-то частью здания дворца.

Ширваншах Халилулла I в XV в. построил существующий комплекс дворца, который был обнесен самостоятельной стеной с башнями, превратив ее во внутреннюю цитадель основной бакинской крепости ([249], с. 7). Одновременно он построил новую часть городской стены, охватившей с северо-западной стороны холм с резиденцией, создав еще одну линию обороны. Новая городская стена, обогнув холм далее, видимо, прошла по склону, соединившись с выступающей частью старой городской стены, ограждавшей вторую очередь первой основной бакинской крепости и проходившей по внутреннему юго-восточному абрису холма. Третьей очередью бакинской крепости была та самая главная крепость, которую, как писал Абд ар-Рашид ал-Бакуви, не смогли одолеть татары. Оставшиеся внутри новой территории старые стены были, видимо, впоследствии разобраны.

Такой была третья и последняя очередь развития первой главной (Баш гала) бакинской крепости большинство стен которой дошли до настоящего времени.

Именно в XV в., с появлением новой цитадели ширваншахов, вторая бакинская крепость потеряла прежнее значение и постепенно превратилась в руины, которые в XVIII в., к счастью, были зарисованы неизвестным художником ([216], с. 154), что и дало нам возможность создать эскиз реконструкции и вернуть ее, правда, несколько предположительный облик истории архитектуры. Но потеряв значение ширваншахской резиденции, вторая бакинская крепость долгое время служила чисто оборонительным целям. Это подтверждается словами Эвлия Челеби, писавшего в середине XVII столетия, что она представляла собой сильно укрепленную красивую крепость.

Развалины прежнего города (крепости) и ее цитадели — старинного замка, как вспоминает Самуил Готтлиб Гмелин, еще в 1796 г. возвышались по соседству с городом Баку.

За сорок лет до Гмелина, т. е. в 1756 г., когда неизвестный художник запечатлел описанные нами развалины второй бакинской крепости, они, несомненно, находились в более лучшей сохранности, хотя, к сожалению, значительная часть их уже отсутствовала.

* Имеются в виду квадратные башни голле-донжоны Баку — Джаббахана, в Раманах, Мардакянах и Шаганах (А. Д.).

** Автор участвовал в раскопках 1944 г.

Окончательно развалины этой крепости, видимо, были разобраны в конце XIX в., а скорее в начале XX в.* в связи со строительством. Реального училища городской управы и ряда других зданий.

На основе проделанных нами исследований и результатов последней работы мы смогли составить архитектограмму взаимовлияний архитектур Азербайджана и стран Ближнего Востока.

Учитывая, что анализ посвящен древнему Азербайджану (Каспиане и Албании), где главным священным участком был Апшеронский полуостров с его «вечными» огнями, мы помещаем его в центре основного круга, обозначающего древний Азербайджан и разбитого на отдельные участки от палеолита до раннего средневековья ([51], с. 11).

За центральным кругом идет второй, где указаны последовательность возникновения культур на территории древнего Азербайджана — Ходжалы-Кедабекского, Каспийского, Албанского племенных образований и государства Албании.

Сверху и снизу в отдельных кругах размещены древний Шумер и Средняя Азия (Хорезм, Согдиана, Бактрия и Парфия).

Между этими кругами расположены два полукруга, в которых показаны взаимовлияния и последовательность развития сопредельных древних государств и их произведений архитектуры — Урарту, Ассирия и Вавилон, Манна, Мидия, Ахеменидский Иран, Малая Азия, Хетты, Сибирь, Алтай, Иверия, Колхида и др.

Указано, в какой последовательности и зависимости друг от друга находятся все остальные элементы архитектограммы. Эта архитектограмма наглядно показывает те генетические взаимосвязи, которые способствовали развитию ближневосточной архитектуры.

В истории древнего и средневекового градостроительства встречались примеры возведения второй крепости — «замка» рядом с городом-крепостью, примером могут служить Кабала, Шемаха в Албании „Qasr al-Nayz al-Sharqi" в Сирии ([501], с. 105 — 120) и ряд др.

Наиболее существенным выводом, который может быть сделан на базе освещаемых нами материалов сопоставлений, анализов и эскизов реконструкций, является то, что благодаря им окончательно, с нашей точки зрения, решается большой, дискуссионный вопрос, волновавший многих исследователей. Это вопрос о том, что из себя представляла и где находилась вторая бакинская крепость и каков был характер ее архитектуры ([52], с. 54).

5. УКРЕПЛЕННЫЙ СВЯЩЕННЫЙ УЧАСТОК САБАИЛЬ И ЕГО ТРЕХСТУПЕНЧАТЫЙ ХРАМ

На территории древнего Азербайджана имелись храмовые (священные) области, посвященные определенному божеству или группе богов. Во главе такой области стоял полновластный верховный жрец.

Еще Страбон указывал, что в Кавказской Албании имелась храмовая священная область ([387], с. 475 — 480; [557], [410], с. 150 — 152). К одной из таких областей можно отнести Апшеронский полуостров, который благодаря своим грязевым вулканам и «вечным» огням, пылавшим на склонах прибрежных гор, по берегам небольших бухт, а порой «выходящих прямо из моря и видимых издалека ([8], с. 89; [383], 65), давно снискал на Древнем Востоке славу священной земли.

Возможно, именно Апшеронский полуостров называли первой мифической страной, описанной в Видевдате и именуемой Айриана Ваего (Ариана Веджа), ставшей местом пребывания первого человека Иимы и праведников. (Отдельные исследователи место возникновения этой легенды определяли в Северном Азербайджане (см. гл. IV, раздел 1). Иима

* По картине Дорна, бывшего в Баку в XIX в., видны еще развалины второй бакинской крепости (Д. А.).

Ообразовал красные пылающие огни на земле ([263], с. 48). Может быть пылающие газовые огни южного побережья Апшерона легли в основу этой красивой легенды.

Как показало изучение материалов истории и археологии, южное побережье Апшерона, благодаря наличию «вечных» огней, пресной воды, защищенности от сильных ветров и крупным этническим миграциям, видимо, издревле стало местом, где жрецы многих великих держав, исповедовавших огнепоклонничество, возводили свои священные комплексы или отдельные культовые здания ([56], с. 23, 24). Постепенно обрастая жилыми и хозяйственными постройками, они стимулировали возникновение укрепленных населенных пунктов ([54], с. 10, 11). Одним из таких священных мест был, расположенный в юго-западной части бакинской бухты, небольшой укрепленный город-крепость Сабаиль, возведенный невдалеке от главного священного комплекса — первой бакинской крепости — Атеши-Багуан (место божественных огней) с его семиалтарным ([32], с. 50, 51; [321], с. 598) башенным храмом (Гыз галасы) и впоследствии возникшей на высоком скалистом холме второй бакинской крепости с укрепленным замком.

Как сообщает письменное свидетельство историков в начале XIV столетия (1306 г.), южная часть побережья Каспия была сильно разрушена землетрясением, которое вызвало частичное затопление Баку, где вода дошла до дворцовой мечети, полностью затопив священный участок с башенным храмом Сабаиль. В это время башенный храм был уже, несомненно, разрушен, так как в противном случае он не был бы полностью затоплен и возвышался бы из воды. Вода сначала поднялась на двадцать метров, а потом, постепенно понижаясь, дошла до первоначального уровня, описав за неполные семьсот лет почти полный цикл колебаний уровня моря ([150], с. 50).

Сильное падение уровня Каспия ([77], с. 26) вновь обнажило затопленные стены древнего сооружения Сабаиль.

Возможно, эти многовековые колебания уровня Каспия, особенно в период его постепенного понижения, а следовательно, и увеличения прибрежных земель, явились причиной возникновения и другой части легенды о первом человеке Ииме: процарствовав триста лет, он увидел, что земля для людей стала тесной. Тогда Иима пустил золотую стрелу в землю и, ударив по земле бичом (их ему дал Ахура Мазда), сказал «Любимая, священная Арматай! Увеличься и раздвинься», и земля раздвинулась. По истечении шестисот лет, а затем девятисот лет царствования Иимы, он последовательно увеличивал землю, которая стала вдвое больше, чем была ([263], с. 71,72).

Вокруг древних храмов на юге Апшерона селилось множество людей, создавались укрепленные поселения, жить становилось тесно. В такое время отход вод Каспия был очень кстати и, конечно, приписывался божественной силе, как нам кажется, — Ииме.

Во второй книге Авесты Ясна IX (Легенда об Ииме) в переводе акад. Залемана интересно девятое описание: «Змей Срувара, глотавший коней, глотавший людей, ядовитый, зеленый, по которому зеленый яд протекал толщиной с большой палец, на котором Кересасп варил в котле пищу в полуденное время, и загорелся змей и взвился он вскочил из-под котла, разлил шипящую воду...» ([189]. с. 33).

Змей Срувара, глотавший коней и людей, ядовитый, зеленый — здесь, видимо, имелось в виду ярко (ядовито) зеленого цвета топкое болото типа бинагадинского, где раскопки выявили большое количество костей древних животных. «Зеленый яд толщиной с большой палец», — видимо, струйка нефти, которая вытекала из небольшой трещины и затем, вливаясь в болото, протекала по его поверхности. Видимо, из трещины одновременно с нефтью выходил газ, загоравшийся от любой искры. На этом пламени готовил Кересасп обед, а очередной, более крупный выброс газа с пламенем, опрокинул котел на раскаленные камни.

Южное побережье Апшерона в древности было единственным местом, где повсюду пылали газовые факелы, которые часто использовались жителями для бытовых нужд ([105], с. 35, 36; [215], с. 42). Вышесказанное может служить доказательством, что определенное количество текстов Авесты, в том числе и легенда об Ииме, возможно, были написаны на Апшероне ([159], с. 61) и про Апшерон.

О Большой интерес на протяжении многих десятилетий вызывают у исследователей остатки затопленных стен священного участка башенного храма и других строений крепости Сабаиль, но почему-то до настоящего времени никто не интересовался, под чьим влиянием возник этот храмовый комплекс и откуда у него такое непонятное название.

Владычество Месопотамии, начиная от Шумеро-Аркада и до Нововавилонского царства, временами распространялось от Персидского залива до Средиземного моря ([366], с. 230), а это не могло не вызвать, пусть хотя бы частичное, взаимовлияние разных религий. Во многих мидийских городах, название которых часто заменялось именами ассирийских богов, почитались боги, близкие по своему характеру ассирийским богам Нергалу, Набо, Ададу (Адару) и др. В анналах царя Саргона II в. 716 — 714 гг. до н. э., после взятия чилийских поселений, Кишешим был переименован в Кар-Нергал, Киндан стал городом Сина*, а Пит-Багайя городом Кар-Иштар и т. д. ([390], с. 124). Следы шумерской культуры найдены в Афганистане ([230], с. 44) и во многих странах. Подтверждением этому может служить Согдийский календарь и список двенадцати великих богов Вавилонского пантеона, семь из которых посвящены планетам, олицетворяющим семь дней недели ([366], с. 304, 305). Согдийский календарь содержит полный перечень названий дней недели, месяца и так называемых лунных станций. По этому документу видно, что они все посвящены авестийским божествам, ставшим позже именами планет ([85], с. 44). Эти названия планет и дни недели полностью совпали с месопотамскими (таблица 2).

В силу географической близости народы Древнего Востока наблюдали один и тот же небосвод с его объективными закономерностями движений планет, а это объясняет сходство астрономических концепций, которые легли в основу их календаря.

Интересное символическое олицетворение небесных тел солнечной системы и изображение земли имелись в пещере на горе, освещенной сверхъестественным сиянием и огнями, где Зороастр, по словам Порфирия и Диона Хризостома, провел двадцать пять лет, создавая свою религию ([162], с. 80). Мы считаем, что эта пещера скорее всего была расположена на южном берегу Апшеронского полуострова ([56], с. 14).

На Ближнем Востоке в древности были известны всего два места, где добывалась нефть — «волшебная жидкость, обладающая свойствами воспламеняться»: это прибрежная часть Месопотамии и Апшеронский полуостров ([263], с. 140), имевшие много общих географических и климатических факторов. Указанная общность не могла не породить многих параллелей, казалось бы, в разных религиях и в то же время имеющих много общего в культовых значениях и магическом содержании тех или иных богов, по-разному называемых, но фактически идентично значимых. Все это не могло не обусловить возникновения сходных ритуалов, вызвавших, в свою очередь, много общего в культовых сооружениях, архитектуре и искусстве многих народов, вовлеченных в единую древневосточную Ойкумену.

На апшеронском полуострове почиталось древнее божество, локализовавшееся там еще с III — II тыс. до н. э. — это Апам Напат — бог огня в воде (в жидкости) — «создатель и покровитель всех живых существ» (таблица 4). В мифе об Апам Напате выражено верование, что все источники глубоко под землей сообщаются с океаном и все источники нефти также сообщаются с глубиной океана, где находится местопребывание Апам Напата ([263], с. 123).

Несомненно, известные в древности нефтяные месторождения в Месопотамии считались выходящими из единой глубины океана (Апсу) бога Эа (владыки морской пучины). Таким образом, глубины океана бога Эа были местом нахождения Апам Напата — бога огня в жидкости ([56], с. 23). В Месопотамии был очень популярен бог Гибиль (огонь), Нуску — хранитель и покровитель, посланец бога Ана (посланец неба), исполнитель приказов Бела [513 а]. Гибиль (огонь) — покровитель жилья, семьи, создатель света в чертогах тьмы, приносит мир и покой всему творению ([366], с. 203, 204), имеет много общих черт с Апам Напата ([366], с. 203, 204). Отдельные исследователи высказывают предположение, что шумерийцы перед своим

* Шумерский бог Луны Наина Син олицетворялся в пластическом образе быка с человеческой головой (*ред.*).

вторжением в долину Евфрата в течение долгого времени жили на берегу моря, может быть Каспийского ([362], с. 248 — 251).

Общность климатических условий, наличие в недрах земли нефти, близость моря, несомненно, являлись причиной возникновения родственных культов, а наличие на Апшеронском полуострове естественных газовых огней создавало ему ореол священной земли «вечных божественных» огней.

Подробное изучение космогонии, религии, культово-ритуальных и эстетических факторов народов Индии, Месопотамии, Манна-Мидии, Персии, Средней Азии и Кавказа навело нас на несколько версий происхождения названия крепости и храма Сабаиль.

На ряде индоевропейских языков, на санскритском, авестийском, древнеперсидском [71], древнеармянском ([71], [73], с. 40) и пехлевийском языках, а также в Бехистунской клинописной надписи VI в. до н. э. [9] слова «Бак», «Баг», «Bhaga», «Бага» означают бог, солнце, луна, божество. Слово «баг» вошло в состав названия восьмиэтажного башенного храма Багван в главном священном комплексе на Апшероне Атеши-Багуан, вблизи которого возник храмовый комплекс Сабаиль. Поэтому, нам кажется, название храма и всего комплекса Сабаиль могло произойти от слов са (сэ) — на фарсидском языке означающего три, Баг — бог и Иль, Бель, Бел, т. е. Са-Баг-Иль, храм трех богов во главе с верховным богом вавилонян Белом, иными словами, верховная (первая) троица — Ану (Ана), Эа (Апсу) и Иль-Бел (таблица 2б, 4)*.

На ряде кавказских языков, в том числе и грузинском, слово «Са» означало место, «Баг» — это бог и Иль — бог Бел Солнце. Это сочетание также звучало Са-Баг-Иль и означало место бога или храм первой его троицы. Бог Бел, согласно вавилонской мифологии, считался сыном бога Эа ([366], с. 296).

Не исключена возможность, что это был храм огня, где в трех священных этажах горело ритуальное пламя, посвященное богу огня Ахура Мазде, Апам Напату или Гибилу (в вавилонской трактовке), Сагибилу, Сабагилу, Сабаилу. Иными словами, трехалтарный храм бога огня. Возможна еще одна версия о том, что храм Сабаиль — это чертоги древнего бога Эа — великого духа земли и вод, владыки морских пучин. Храм бога Эа (Апсу — океан) носит название Э-Саггилы ([366], 333, 347), Э-Саггила, Э-Саббила, Сабиль, Сабаил. Слово «Сабиль» на многих восточных языках означает — питьевой источник, построенный и пожертвованный кем-то народу**, иными словами, отголосок древних жертвоприношений богу воды.

Таким образом, можно высказать предположение, что Сабаиль мог быть храмом бога Эа (Э-Саггила), который жрецы древней Месопотамии, видимо, возвели на небольшом холмистом мысе среди вод морских и прибрежных огней, аналогично храму Эа (Э-Саггила) в Эриду ([366], с. 333).

Таким образом, даже на авестийском, древнеперсидском, кавказских и многих других языках подтверждаются, как нам кажется, наши гипотезы, что Са-баг-иль, Сагибиль, Сабиль — это храм, построенный на священной земле «вечных» огней жрецами Месопотамии или их представителями храмовых объединений из Средней Азии, которые поступали так же, как когда-то жрецы Манна-Мидии и как впоследствии жрецы древнего Хорезма.

Апшерон — священная земля, место, где горело множество «вечных» огней, омываемая с трех сторон морской водой, из которой у отдельных скал и близлежащих островов вырывалось газовое пламя, земля, на которую почти круглый год глядело ясное, то солнечное, то звездное небо, земля, обдуваемая сильными ветрами, часто переходившими в бурю.

Поклонники древней религии Бага Мазды, по всей вероятности, считали ее страной священного огня на суше и в воде — в море (Ахура Мазды и Апам Напата), мощных небес (одеяние Мазды), с которых на землю глядели звезды (тело Мазды), землей сильных ветров — бури (созданной Маздой) ([363], с. 68) (таблица 4).

* Здесь более подходит шумерская троица в своем полном составе во главе с верховным богом шумеров Энлиль, который еще лучше мог бы служить ключом к раскрытию семантики названия крепости «Сабаиль», чем его вавилонский прототип Бел. Тем более, что трехступенчатый храм Сабаиль более соответствует шумерским Зиккуратам (*ped*).

** Эти сведения любезно сообщил нам Ниязи Рзаев.

Жрецы Месопотамии, видимо, зная о божествах, земель которых издревле слыл священный полуостров, могли назвать его именами почти идентичных двух или трех богов вавилонского пантеона. Рассмотрим, оба варианта: именем бога Эа (Апсу — океан, море) и Ану, Ана (небо), бога морских пучин и владыки звездного неба и тьмы, иными словами земель Апсу Анна — Апшерон, которую, несомненно, можно считать страной звездного неба и морских пучин. А учитывая штормовые ветры и сильные бури, можно предположить, что название Апшерон возникло от имен трех вавилонских богов Эа — Апсу, Ану — Ана и Рамман — владыки бури, грозы и дождя, т. е. от слов Апсу-Рамман-Ана, Апсу-Рам-Ана, Апшерон. Страна морских пучин, сильных ветров и звездного неба (таблицы 26, 3).

На первом этапе изучения развалин древнего Сабаилья мы считали, что его прямоугольный в плане башенный храм был создан под влиянием парфянской и ахеменидской архитектуры и представлял собой прямоугольную в плане башню, столь распространенную в крепостях Средней Азии (Джанбас-кала, Топрах-кала и др. ([54], с. 10), с контрфорсом с южной стороны башни и примыкающим к ней с севера небольшим храмом — ([346], с. 42, 43).

Дальнейшие исследования и изучение материалов раскопок, обследование и дообмер древнего комплекса, а также изучение культов народов древнего Востока, навели нас на мысль, что храм Сабаиль мог быть сооружением, возникшим на основе архитектуры Месопотамии, но, несомненно, под влиянием апшеронского зодчества, местных строительных приемов и материалов.

Если считать, что храмовый комплекс Сабаиль возведен на священной земле, которую вавилонские жрецы, видимо, называли землей трех богов, то прямоугольный в плане храм мог быть посвящен также трем вышеуказанным богам, под эгидой верховного бога Бела и построен в виде трехступенчатой башни, с тремя священными ярусами. На верхнем ярусе, по всей вероятности, был храм Бела или Эа (Э — дом, а — вода). Архитектура его, возможно, напоминала Зиккурат (священную гору) в Уре, который так же был не квадратным в плане, а несколько вытянутым четырехугольником ([421], с. 158), но у храма Сабаиль были лишь две боковые наружные лестницы без центрального лестничного марша, столь характерного для храма в Уре. Стены первого яруса могли венчаться тематическим фризом с изображением богов и фантастических животных и других культовых символов.

План священного участка Сабаиль представлял собой вытянутый неправильный многоугольник (180 — 40 м). Необычно вытянутая и с точки зрения обороны неудобная конфигурация плана, видимо, отражала форму холма, вершину которого некогда венчало это сооружение ([463], с. 11), а также желание охватить большее число пылавших естественных газовых факелов. Вышесказанное лишний раз доказывает необоронительное назначение данного комплекса. Ограждающие стены участка Сабаиль, судя по сохранившейся их части, решены в местных — апшеронских архитектурных формах так же, как и крепостные стены Атеши-Багуан и второй бакинской крепости ([52], с. 51, 52), у которых башенный храм и башня Гюлла возведены под сильным влиянием архитектуры Манна-Мидии и Хорезма.

Обнаруженное во время раскопок, крайне незначительное количество бытовых предметов также лишний раз подтверждает не жилое, а ритуальное назначение исследуемого комплекса. Были найдены отдельные каменные архитектурные детали сооружений, находившихся внутри укрепления, среди которых встречались элементы декоративных арок и грубовато высеченные из камней куски, похожие на сталактиты, а возможно, декоративные камни дарбазных сводов и куполов, на базе которых впоследствии возникли сталактиты. Очень интересен фрагмент ствола круглой колонны, редко встречающейся даже в более поздние времена в архитектуре Азербайджана. Нам кажется, что сооружения с такими колоннами могли быть творением пришлых зодчих, не исключено, что из Месопотамии или Средней Азии, но комплекс Сабаиль, несомненно, создан руками апшеронских мастеров.

Слияние религии авестийских Согдианы и Месопотамии, кроме того, несомненное влияние последней на религию и ритуальную архитектуру Южного Туркменистана (Алтын-депе, Намазга-депе и др.) и Апшерона, сказалось на идее возведения ступенчатого башнеобразного храма Сабаиль. Как пишет Г. Френкфорд, месопотамские храмы с древнейших времен отлича-

лись от обычных зданий широким применением контрфорсов как в интерьерах, так и на фасадах [497]. Ступенчатые в плане контрфорсы идентичны алтыновским ([280], с. 21), так как и те и другие воздвигались из глиносырцовых кирпичей, а ввиду малой их прочности в монументальных сооружениях необходимы были контрфорсы.

Башенный храм Сабаиль, несмотря на общую ступенчатую композицию, отличался от месопотомских и среднеазиатских ступенчатых храмов отсутствием контрфорсов, нужда в которых отпала полностью ввиду возведения его из прочного местного камня-известняка, и поэтому не нуждался в укреплении контрфорсами, а некоторое расчленение нижней террасы на два угловых объема со втопленной в центре частью стены — скорее дань сложившемуся ритуальному образу, чем конструктивной необходимости.

Обнаруженные осколки гончарных труб разного диаметра и хорошего обжига ([413], с. 67) говорят о разветвленной сети коммуникаций. Это могли быть водопровод, канализация и, несомненно, газопровод, который подводили от мест естественного выхода газа к алтарям и капищам в храмах.

Три угла крепостных стен, ограждающих участок исследуемых сооружений, закреплены круглыми в плане башнями, имеющими небольшие помещения, четвертый угол укреплен круглым в плане контрфорсом. Вдоль стены расположены десять полукруглых каменных башен — контрфорсов ([413], с. 66), которые ввиду небольших размеров, видимо, служили лишь для закрепления стыков стен и не являлись оборонительными устройствами. Только одиннадцатая полубашня, расположенная севернее башенного храма и имевшая небольшое помещение, по всей вероятности, охраняла подходы к храму со стороны берега.

Местами, где стояли часовые небольшой храмовой охраны, были указанная северная полубашня и три крупные угловые башни, защищавшие узкие входные двери (1,3 м). Они, возможно, были укреплены характерными, стрельчатого очертания, мерлонами.

Северо-западная башня имела внутреннее помещение в виде правильного круга, рядом с ней в западной стене находилась дверь в священный участок, при входе в толще башни — ниша, в которой, видимо, был алтарь огня или скульптурное изображение божества. Отдельные исследователи считают, что эта ниша предназначалась для часового ([107], с. 95, 96).

Примерно в средней части огороженного участка, вплотную к западной стене возвышался четырехугольный в плане башенный храм размерами по низу 15х9,6 м. С юга и севера, видимо, к верху первого яруса храма вели две крутые одномаршевые лестницы. Некоторые исследователи высказывали предположение, что, возможно, это были пандусы ([413], с. 66). Но, учитывая небольшую длину (6 м) и ширину (2 м) сохранившейся части их основания и относительно небольшие размеры скалистой площадки (около 30х22 м), на которой покоился храм, мы считаем, что это были лестницы. Лестницы или пандусы лишней раз полностью доказывают, что данное сооружение никак не могло быть оборонительной башней. И М. Джафарзаде считал, что башня эта была храмом огнепоклонников ([167], с. 11). В описываемом храме, несомненно, пылали священные огни, но на раннем этапе они горели не в честь бога Ахура Мазды и его окружения, а в честь богов вавилонского пантеона во главе с богом Белом (Верховная троица, таблица 3).

В южной части исследуемого нами комплекса сооружений во время археологических работ 1940 — 1941 гг. были обнаружены фундаменты многих помещений, примыкающих с внутренней стороны к ограждающим «крепостным» стенам. Эти помещения образовали внутренний дворик перед южным входом. Две угловые башни фланкировали южный вход, в них имелись двери, которые вели в помещения, устроенные в этих башнях и, видимо, к лестницам, ведущим к помещениям верхнего этажа. У самого подножья стен сквозь толщу кладки проходят наружу стоки в виде небольших лотков, обложенных каменными плитами. Помещения с лотками располагались в глубине плотной застройки зданий и слагались из нескольких небольших двухкомнатных комплексов и двух больших комнат ([107], с. 94, 95). Предположение отдельных исследователей, что описанные помещения были уборными, а лотки служили для отвода нечистот ([107], с. 95), нам кажется неправильным, так как в те времена в храмовых комплексах уборные, как нечистые помещения, выносились куда-либо подальше, а учитывая най-

денные во время раскопок гончарные трубы разного диаметра и хорошего обжига ([413], с. 67), можно предположить, что нечистоты выводились при помощи труб закрытым способом, а не в открытых лотках.

Все указанные помещения, видимо, служили для священных очистительных омовений или других каких-то ритуальных действий, связанных с поклонением богу Эа — великому духу земли и вод, владыке пучин.

По периметру наружных стен священного участка, невысоко над землей имелось несколько выступающих каменных плит. Эти плиты, закругленные с наружной стороны, каждая имеет, сильно стертые от употребления, круглые отверстия, несомненно, служившие с материковой стороны — коновязью, а с морской — для привязывания лодок и небольших морских судов, привозивших верующих и паломников. Это еще раз подтверждает необоронительный характер всего комплекса Сабаиль.

В эпоху Сасанидов, особенно в последней четверти III в. н. э., в Иране полностью утвердилась догматическая зороастрийская религия. Картир — главный жрец (Магупат) Ахура Мазды начал насаждать ее в странах неиранских: в Армении, Иберии, Баласакане и далее вплоть до Албанских ворот, где он разрушал храмы чуждых культов, а магов организовывал в Магустан ([258], с. 88, 96, 97, 126) — жреческие корпорации. Видимо то, что в числе названных стран не указана земля священных огней — Апшеронский полуостров, где имелось большое количество храмовых объединений и мимо которой не могли не пройти полчища иранских войск, указывает на то, что там уже имелся Магустан, возникший на основе главного храма огня Ахура Мазды в крепости Атеши-Багуан — Арта Багуан.

Но невдалеке от главного святилища Ахура Мазды стоял храм трех месопотамских богов. По всей вероятности, требование времени, региональные особенности, а главное, слияние религий, привели к тому, что он постепенно превратился в зороастрийский храм божественной троицы Ахура-Арта-Вогу-Мана ([100], с. 127), сохранив былое название Сабаиль, в противном случае этот храм был бы разрушен еще в конце III в. н. э.

Видимо, скульптуры старых божеств были разбиты, а на их месте появились зооморфные изображения — символы зороастрийских богов, столь характерных в период реформатской деятельности Картира ([258,] с. 96).

Мы считаем, что священный огороженный участок Сабаиль был, видимо, разрушен византийским императором Ираклием, который в 624 г. вторгся в район города Баку и разрушил много храмов, где поклонялись горящему газу ([439], с. 114). Если же Сабаиль удержался и не пал под ударами византийцев, то, несомненно, был уничтожен арабским халифатом, который сметал места языческих культов.

Среди разрушенных стен обнаружено большое количество каменных плит (около 700 шт.) с высеченными на них буквами и отдельными словами на фарсидском языке и скульптурными изображениями. Одним из первых в 1852 г. о них упоминает К. Ф. Спасский-Автономов ([204 а], с. 297), в 1861 г. — А. Иванинцев, в 1875 г. — Б. Дорн ([172], с. 182) и др.

Интересна каменная плита с фрагментом реалистически изображенной, взнузданной конской головы. Нам кажется, отдельные исследователи правильно считают, что это изображение относилось к какому-то большому панно, которое, возможно, находилось на одном из внутренних зданий и не связано с фризовыми рельефами, принадлежащими к другой эпохе, видимо, значительно более ранней ([413], с. 67). По нашему мнению, этот фрагмент принадлежит скульптурной группе, украшавшей ступенчатый храм Сабаиль.

После разрушения, возможно, отдельные камни прежних скульптурных панно, всевозможных фризов и вставок были использованы в начале XIII в. под изготовление новых фризовых камней. Не исключена возможность, что наличие изображения людей, особенно фантастических и других животных объясняется тем, что, высекая в старых каменных плитах буквы арабского шрифта, мастера оставляли имевшиеся изображения в тех местах, где они не мешали надписям.

Все найденные каменные плиты плоские высотой 70 — 71 см и шириной 25 — 50 см. Обследование рельефных изображений на этих камнях показывает, что они выполнены в раз-

личной манере и масштабности, а это говорит о том, что не все каменные плиты изготавливались для данного сооружения. Нам кажется, что в 1234 — 1235 гг., видимо, было принято решение восстановить древнее сооружение, когда-то служившее чуждой религии, возведя на его месте культовый комплекс служения исламу, вполне возможно мусульманский монастырь-ханега, но, видимо, не успели, и все развалины и фризové рельефные камни были поглощены морем. Камни с рельефными рисунками изготавливались, видимо, артелью каменщиков как снаружи, так и в сохранившихся комнатах. Об этом говорит определенное количество камней, найденных в одном из помещений в южной части комплекса ([413], с. 66). Это опровергает версию будто бы все фризové камни свалились с наружных стен.

Разный масштаб, характер рисунков и разная манера исполнения говорят, возможно, о том, что камни эти изготавливались не только для Сабаила, но и для других городов Каспия, особенно группа камней, на одном из которых изображен крылатый лев с повернутой в анфас головой, возможно, изображавший бога Митру, а не исключено, что это было геральдическое изображение шахиншахов Ирана. Большое количество камней с остатками изображений животных и фантастических существ, видимо, дошедших от эпохи Сасанидов, не могло быть изготовлено для культового мусульманского сооружения, а, по всей вероятности, высекалось для какого-то светского здания. Монголоидный тип лица крылатого льва говорит о том, что группа камней, возможно, предназначалась для дворцовой постройки в Средней Азии.

Все эти камни свидетельствуют о втором, а может быть, и третьем периодах функциональных преобразований комплекса сооружений и, конечно, никакого отношения не имеют к древнему священному комплексу Э-Саггила-Сабаиль, построенному на священной земле трех богов Апсу-Рам-Ана — Апшероне, относящемуся, по-видимому, к последним столетиям владычества халдо-вавилонян, где-то между VII и VI в. до н. э.

Завершая главу, хочется коснуться интересной рабочей гипотезы о древнем названии города Баку.

Среди целого ряда городов Кавказской Албании, упоминаемых Птолемеем, указывается город Албана, который пока никем не был локализован.

Албанское царство имело свою столицу Албану на берегу Каспийского моря и было уничтожено тюрко-татарским нашествием ([99], с. 298, 299).

Ф. Крузе, описывая древнюю Албанию, указывал на «огни», которые выходили из земли ее ([410], с. 25). В 1835 г. в Петербурге начал выходить «Энциклопедический лексикон». В его первом томе была статья об «Албании азиатской, древней». В ней, в частности, отмечалось, что «главный город Албана лежал поблизости нынешнего Баку» ([469], с. 415). Столицей Албании также назывался город Албанополь, о котором упомянуто в связи с тем, что в нем был распят св. Варфоломей ([297], с. 218), который шел от Индии в Армению, крестя народы.

М. Орманиан (бывший константинопольский патриарх), говоря о первых основателях церкви апостолах св. Фаддее и св. Варфоломее, отмечал, что церковь хранит их гробницы, окруженные поклонением в древних святилищах Артаза (Маку) и Албака (Башкала). Название Албанус, которое христианские церкви дают месту, где апостол Варфоломей претерпел муки, сливается с названием Албакус ([328], с. 9, 10).

Приставка «Ал»* не имеет никакого отношения к арабскому «Аль», которое могло появиться в Закавказье лишь после прихода халифата (VII — VIII вв.), а Баг, Бак, как мы уже указывали, означает Бог.

У дагестанских народов, а вся южная часть Дагестана входила в состав Албании, в фольклоре имеется множество мифических существ женского рода, которые начинаются именно с «ал» — Алпаб, Албаслы, Албасуп, Алмайед и др.

В. М. Котович пишет: «Первая часть этих имен, вероятно, восходит к слову «ал» (дан), передающему у многих кавказских народов понятие «божество», «всемогущий», «всевышний» ([231], с. 9), кроме того, ал — алов на тюркских языках — это пламя, огонь.

* «Ал» — название божественного, оберегающего духа азербайджанского и других тюркских народов, символом которого является красный цвет (*ред*).

Ал-Бак-ус, таким образом, означает священный Баку, божественный Баку или город всемогущих огней. Иными словами, то же самое, что и Атеш-и-Багуан (Атеш-и-Бак-ван) — город божественных огней: *Албана — Албанополь — Албака — Албанус — Албакус* (Ал-Бак-ус, Атеш-и-Бак-ван).

Учитывая, что на южном побережье Апшеронского полуострова существовали три, а может быть, и более древних города-крепости, а из них Албака, Ал-Бак-ус (Атеш-и-Багуан) — Баку был главной крепостью, т. е. Башкала (Албака). Иными словами, это была столица Албанского царства в период его расцвета.

Наличие в древнем Баку согласно преданиям пяти башенных храмов (беш-гюлля), один из которых (Гыз галасы) сохранился, возведенный согласно нашей гипотезе в X — IX вв. до н. э., а наиболее близкой датой которого мог быть VIII — VII вв. до н. э., говорит о том, что город Албака — Албана был не только столицей государства, но и, что главное, он был религиозным центром Албании и всего маздаизского Ближнего Востока. Это заложено в самом названии, которое несет в себе сокральное начало, — Ал-Бак-ус.

На основании вышеизложенного считаем, что наиболее древней столицей Кавказской Албании был город Албана. На определенных этапах этот город носил следующие названия: Албана, Албанополь, Албанус, Албака (Баш-кала), Ал-Бак-ус, Атеш-и-Багуан, Бакван, Баку. Таким образом, древним священным городом божественных огней, стоявшим на берегу Каспия, столицей государства и религиозным центром Кавказской Албании, возведенным на земле «вечных» божественных огней, был город Албана, постепенно переименованный в город Ал-Бак-ус — Баку (карты I, II).

Глава III ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНИХ СООРУЖЕНИЙ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА

ПАЛЕОЭСТЕТИКА И ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ СО СТРАНАМИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1. ИССЛЕДОВАНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЛИКА ДРЕВНИХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ПО НАСКАЛЬНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ КОБУСТАНА

В уникальном заповеднике древних наскальных изображений Кобустане, на поверхности более тысячи крупных и малых каменных глыб обнаружено около трех с половиной тысяч силуэтных и линейных рисунков людей, животных, символических и культовых композиций, всевозможных знаков и надписей ([168], с. 6). Археологические раскопки, которые ведутся в Кобустане, обнаружили древнее жилье, культовые и ритуальные сооружения. Находки говорят о том, что эта территория, видимо, северная часть Каспианы, с глубокой древности была заселена и что наскальные изображения являются творчеством многих поколений людей, тысячелетиями живших на этой земле. Но нужно отметить, что тематика и манера некоторых рисунков говорят, что они, видимо, принадлежат отдельным пришлым племенам и народам, которые в силу каких-то исторических событий были подвержены племенным или крупным этническим миграциям.

Учитывая тематику исследования, мы особенно заинтересовались изображениями на камне 9, находящемся на холме Язылы, расположенном в самой северной части заповедника Кобустан ([168], с. 4). На этом камне изображены три башенных сооружения. Постараемся разобраться в магической сущности архитектурно-художественного декора башенных сооружений, изображенных в Кобустане. Высокая узкая башня, возведенная в верхней своей части методом циклопической кладки, декорирована тремя символическими знаками, самый верхний изображен в виде колеса с шестью спицами, разделившими всю плоскость на шесть участков с седьмым в виде малого круга в центре. Кроме культового значения бога Солнца, такое колесо могло быть символическим изображением деления земли на семь частей (крашваров), где лишь центральный крашвар (хванирата) считался обитаемым* (таблица 4). В нижней части башни в окружности изображен символ бога Неба — необъятного света, позднее этот символ часто присваивался богу Митре, слово Митра означает в Авесте «верность клятве». Между этими двумя символическими знаками расположено изображение двух сплетенных змей, обхвативших все тело башни. Они, видимо, имели несколько культовых значений — великое всеобъемлющее божество, бог Земли и подземного царства и, наконец, могли быть одним из символов Луны** ([407], с. 116, 209). Сочетание указанных трех символов в одном башенном сооружении говорит, что это, видимо, главный храм бесконечного пространства Света, иными словами, это храм Великого Митры*** (таблица 4). На росписях храмов Митры парфянского времени в Дура — Европосе (в Сирии на Евфрате) это божество изображается в сопровождении своих спутников: льва, змеи, сосудов, птицы ([409], с. 244). К. В. Тренер приводит объяснение Ф. Кюмоном****

* В Авесте принималось деление земли на семь частей (крашвара), но аналогии с колесом с шестью спицами военной колесницы. Учение Заратуштры о крашварах изложено в Ясне 32, 3. Но это учение существовало и до Заратуштры, как видно из древней песни о Митре, включенной в Яшт 10, 13 ([263] с. 66, 67). Настоящее изображение наглядно подтверждает древность учения о семи крашварах, возникновение которого можно отнести к III тыс. до н. э. (Д. А.)

** Дж. Томсон считает, что одним из символов Луны является змея.

*** На более поздних примерах расщепление образа Митры на составные символические элементы нашло отражение и в изобразительном искусстве (Д. А.)

**** Интерпретация Ф. Кюмона не соответствует изображению на фреске. Учитывая описание «Митра-Яшт» о выступлении Митры на врагов, его сопровождают спутники Сроша и Рашну в виде газелей с парными лентами на голове... (ред.)

значений этих спутников: лев — это огонь, змея — земля, сосуд с влагой — вода, птица — воздух ([409], с. 244).

Если внимательно посмотреть на изображение первого храма, мы видим, что в верхней его части с левой стороны нарисованы два распростертых крыла гигантской птицы.

Известно, что лев является одним из спутников Митры, как элемент огненного тепла ([409], с. 244), лев — спутник и ипостась Митры есть элемент света (огня) солнечного, лунного и земного ([210], с. 77). Таким образом, на изображении присутствуют все элементы, создающие образ Митры. Крылья символизируют небесное господство, колесо с шестью спицами — эмблема солнца — света, может быть идентична символу льва, змеи говорят о земном, следовательно, и подземном господстве, круг со знаком рогатки — символ Митры ([210], р. 1 — 5), возможно, изображал сосуд с влагой — водой. Хумбах считает, что знак «двойной вилки» можно объяснить как равноценный знакам солнца или счастья ([511], с. 231). Нам кажется, он прав в одном, что знак этот может быть символом счастья — фортуны, но не солнца, так как Митра предшествует Солнцу, которое является лишь глазом Митры (таблица 4).

Этот древний храм явно доказывает, что культ Митры был близок аборигенам древнего Азербайджана. «Михр-Яшт» гласит: «Митра защищает преданных Арте» ([100], с. 10, 38). (Возможно, жителей страны священных огней ([205], с. 359), Апшеронского полуострова)*.

Отдельные исследователи утверждают, что Митра более поздний бог, чем культ солнца и огня. Митра в санскритском Нутрам — друг ([455], с. 139), он первый, предшествуя солнцу, овладевает высями, обозревая все арийские жилища и «шествует после заката солнца, широкий как земля» ([100], с. 10, 13. 95). Как бог света выступает и Митра Ригведы, где солнце считается глазом Митры, Варуны. Агни ([323], с. 28, 44).

Справа от первой башни изображено сооружение с подчеркнутым горизонтальным членением на восемь ярусов (этажей). Нам кажется, прав И. М. Джафарзаде, который считает, что это изображение является символом неба ([168], с. 28). Мы считаем, что это храм семи планетных богов под эгидой бога Нэбо. Третье изображение представляет собой башенное сооружение, в верхней своей части декорированное горизонтальными членениями и покоящееся на крупном стилобате, решенном как нижняя терраса или выдвинутом в виде мощного контрфорса. Нижняя часть сооружения возведена, видимо, из крупных каменных квадров и расчленена вертикальными рустами ([156], с. 15. 16). Около контрфорса изображен конь, подчеркивающий размер и масштабность башни, часто символически связанный с культом Солнца и Огня ([385 а], с. 250 — 253; [542], с. 127 — 130). С левой стороны почти вплотную к описываемому сооружению изображен полумесяц, а несколько ниже — свернувшаяся в круг небольшая змея, примерно в центре круга расположен малый круг. Полосатый горизонтальный декор верхней части башни олицетворяет символ Неба (света), два круга один в другом — это символ Солнца, а небольшая змея, видимо, символизирует божество Луны, голова змеи направлена к указанному храму. Изображение змеи отдельные исследователи считают специфически кавказским ([415], с. 17, 18; [26], с. 390), нам кажется, скорее закавказским, точнее относящимся к Кура-Аракскому двуречью.

В гимне Солнцу (Яшт 6,1 и 6,4) сказано: «Сияющее Солнце бессмертное, богатое (обладающее) быстрыми конями, мы почитаем» ([486], с. 19). В Авесте (Видевдат XXI, 20) говорится: «Солнце с быстрыми конями». Г. Виденгрэн считает, что существует тесная связь между представлениями о коне, солнце и Ахура Мазде ([254], с. 20).

Древнейшее представление о связи Ахура Мазды с Солнцем (светом) прослеживается в Авесте. В Ясна Ахура Мазда многократно ассоциируется со светом, про него говорят, что он «сотворен из света».

В Авесте Митра не является солнечным богом, «он свет рассвета», но Митра, путешествуя с солнцем по небосклону, тесно связан с ним. Позже Митра превращается в солярное божество.

* На албанских землях пайтакарана имелось 14 областей, среди них Еотипоракиан-Багинк (семиалтарное, семивыступное капище) могло относиться к семиалтарному башенному храму в атеши-Багуан-древнем Баку (Д. А.)

Геродот, говоря о религии Массагетов, сообщал: «У них существовал культ верховного божества с ярко выраженной солярной окраской. Возможно, это Ахура Мазда или Митра, или быть может Митра-Ахура»*.

В греческой надписи I в. до н. э. из Коммагены сравниваются имена божеств: «Зевс Ормозд и Аполлон Митра — это Солнце» ([513 а], с. 172).

Парные символы Неба (света), Солнца (света) и Луны в первом и третьем храмах, возможно, говорят, что один из них мог быть посвящен парному божеству Митре-Ахура, а другой, главный храм комплекса, Великому Митре или древнему Мазде и Луне (греческому Зевсу, Аполлону и Артемиде).

Эту мысль подтверждает ритуальная композиция на камне 14 того же холма Язылы, которая, как пишет И. Джафарзаде, возможно, изображает жреца, стоящего в позе адорации и молящегося солнцу ([168], с. 35, р. 8 — 11). Почему-то он не обратил внимания, что над правым символом Солнца, изображенным в виде колеса, разделенного на шесть частей, расположены символы Луны и Месяца, а слева — сверкающая звезда, иными словами, парное божество Митра-Ахура по аналогии с богом Будда-Митра, две статуи которого были обнаружены в Индии ([533], с. 16, 17). По нашему мнению, это не жрец, а сам «великий» бог Митра (таблица 4). Об этом говорит характерный знак над головой и как бы для усиления этого символа у него подняты кверху руки с растопыренными пальцами, он как бы охватывает небосвод, весь бесконечный свет с главными светилами — солнцем, звездами и луной, повторенными дважды, символизирующими этим бесконечность света. Этот рисунок является как бы символом «великого» Митры-Джингир-баба, олицетворенного в образе Джингир-даг. Таким образом, на камнях 9 и 14 мы имеем изображение храмов и богов, которым они посвящены.

Холм Язылы составляет фактически одно целое со скалами горы Джингир-даг (шумерийское Ка-Дингирра) ([366], с. 439), которая еще в прошлом веке называлась Джингир-баба (дед) и была пиром — святилищем ([168], с. 18).

Отдельные исследователи отмечают, что шумерское, древнетюрко-монгольское, а позже персидское слово «Дингир», «Тенгри» (Джингир) — это бог ([24], с. 52; ([159], с. 19)** Тогда можно считать, что Джингир-баба — старейший верховный бог — Великий Митра (таблица 4).

В данном случае вполне подходит древняя легенда о том, что Митра родился из скалы и умер, уйдя в скалу, превратившись в божественную гору, в данном случае Джингир-даг в Кобустане Плутарх, ссылаясь на сочинение Ктесифонта, упоминает предание о Митре, связанное с горой Диорф, прилегающей к р. Аракс ([337], с. 503, 504). Важным моментом, вытекающим из легенды, является предание о том, что сын Митры — Диорф произошел только от отца (Митры) [337], иными словами, от священной горы, не исключено, что от Джингир-дага. Если скалы Джингир-баба совместно со скалами холма Язылы олицетворяют верховное божество, то становится вполне понятным, почему среди тысячи скал заповедника Кобустан, имеющих различные рисунки, именно там были в древности изображены три башенных храма. Изображение «этих храмов как бы символически олицетворяло всеобъемлющее, необъятное божество, заключенное в самом названии священной горы «Джингир-баба»***.

В древности на священных участках строились храмы, чаще всего посвященные 1, 3, 5 и 7 богам. Это наглядно видно из таблицы систематизации храмов Древнего Востока (таблица 5).

Исследуемые наскальные рисунки трех башенных храмов, видимо, изображают главное святилище древних культов, посвященных архаическим божествам, являющимся магической первоосновой возникновения многих религий, которым поклонялись предки каспиев, албан и других сопредельных народов. Эти народы имели много общих географических и климатических факторов, что не могло не породить определенные параллели в казалось бы разных религиях, но в то же время имеющих много общего в культовых значениях и магическом

* С почитанием этого божества были связаны культы огня и коня. Парное божество Митра-Ахура, эквивалент веддической пары Митра-Варуна, почиталось иранцами с древнейших времен ([254], с. 37, 38, 40 — 43).

** Из текстов Персепольской стены известно, что маги совершали культовые возлияния рекам, горам и т. д. ([156], с. 28). (Джингир — возможно, албано-каспийское слово. — Д. А.)

*** Шумерийский бог Энлиль — это «Великая гора» ([234], с. 116).

содержании тех или иных богов, по-разному называемых, но фактически идентично значимых. Вышесказанное не могло не обусловить возникновение сходных ритуалов, что, в свою очередь, вызвало много общих приемов в культовой архитектуре и искусстве народов единой древне-восточной Ойкумены.

Реконструкции трех исследуемых храмов, разработанные нами, позволяют высказать мнение о высоком уровне архитектуры и художественно-эстетической продуманности их бразы и символов. Закономерен вопрос, где находился священный комплекс, три башенных храма которого вдохновили древнего художника, изобразившего их на камне 9 в Кобустане. Нам кажется, что этот комплекс был расположен на южном побережье Апшеронского полуострова, земли и огни которого считались священными ([8], с. 89; [263], с. 140; [56], с. 14, 23). Известные с глубокой древности «вечные» огни Апшерона еще совсем недавно так легко возгорались... «Кто хочет воспламенить огонь, должен немного вскопать землю, поднести к ней извне луч огня и тогда земля тотчас же вспыхнет» ([215], с. 42). Древние башенные храмы, архитектура которых изображена на скале в Кобустане, несомненно, оказали влияние на объемно-пространственные и архитектурно-планировочные решения многих храмов, а позднее и отдельных минаретов Азербайджана ([56], с. 16). Примером может служить декоративное оформление бакинских башенных храмов, один из которых дошел до нашего времени — что известная Гыз галасы ([56], с. 20 — 22, р. 3 — 5) (влияние башен 2 и 3). Судя по реконструкции под некоторым влиянием архитектуры башни 3, видимо, создавался храм в священной крепости Сабаиль ([54], с. 10, р. 5), а под влиянием башенного храма 1 — донжон в крепости Чирах-галах ([413], с. 29 — 31). Кроме того, примером могут служить две модели древних храмов, найденные в Мингечауре ([42], с. 120 — 131), и ряд других сооружений. Аналогичный прием архитектурного декора можно наблюдать и в сооружениях ряда стран Кавказа и Ближнего Востока [513]. Как пример можно привести мидийские башенные храмы в крепостях Кишессу и Хар-хар, относящиеся к XI — VII вв до н. э. ([412], с. 4; [175], с. 178), башню в крепости Астиага, башни-склепы в городах мертвых в Кобанском и Даргавском ущельях Северной Осетии — Аланы ([402], с. 15 — 17), раннесредневековые храмы Индии, имевшие более или менее гладкую нижнюю часть с верхней, часто оформленной строгими горизонтальными членениями ([498], р. 3, 19, 25; [529], р. 25, 26).

Кроме древних башенных сооружений, принцип членения культовых зданий горизонтальными линиями или поясами перешел впоследствии в архитектуру раннего средневековья, а позже, как нам кажется, и в мусульманскую культовую архитектуру, особенно при решении минаретов мечетей Апшерона и близлежащих земель. Следует отметить минарет мечети Мухамеда (1078 г.) в старой крепости Баку, минарет мечети в Ханеге на реке Пирсагат (1256 г), минарет Джума-мечети в старом Баку XIV в. ([413], с. 75 — 77, 166, 167), а также очень интересно решенный минарет мечети из сел. Шихово* - близ Баку ([463], с. 21, 23), построенной в XIV в. и, наконец, минарет мечети в комплексе дворца Ширваншахов XV в. ([45], с. 24, 25; [489], с. 26). Зодчие, построившие все эти минареты, как бы привнесли архаическую манеру архитектурного декора, не внося ее в сооружения мусульманского средневековья, они, конечно, не придавали ей ту магическо-ритуальную значимость, которая, несомненно, ломилась в основу произведений мастеров древности.

2. ПАЛЕОЭСТЕТИКА ДРЕВНИХ СООРУЖЕНИЙ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА

В 1968 г. в Азыхской пещере были обнаружены остатки древнего человека ашельского периода ([138], с. 14, 15; [155], с. 3) (таблица 7). В 1974 и 1976 гг. раскопки выявили каменные

* К сожалению, это интереснейшее сооружение было разрушено в 30-х годах нашего столетия (Д. А.)

орудия людей, живших более полутора миллиона лет тому назад, т. е. людей олдовайской эпохи.

Ни пещеры в Азыхе и Таглар ([156], с. 77, 78) в Азербайджане, Кииккоба в Крыму ([386], с. 9 — 11), Тешик-Таш, в Южном Узбекистане, Тюк д'Одубер, Пеш-Мерль, Монтеспан во Франции, Петерсхеле в ФРГ и Драженлох — в Швейцарии ([134], т. 1 — 1), ни целый ряд других естественных пещер, служивших пристанищем древнего человека, ни гроты и искусственные пещеры, ни спальные ямы и примитивные землянки, ни самое первое на земле, грубо сложенное из естественных каменных глыб, примитивное подобие будущих жилых домов, не обладали вначале эстетическими достоинствами. Эти древние очаги человеческой жизни служили лишь утилитарным целям — защита от внешней среды, кров, место для сна, еды, отдыха, исполнения древних ритуальных обрядов и т. п. В этот период перед человеком стояла одна задача — удовлетворение его насущной потребности в создании элементарно простого жилья ([444], с. 11). Цель эта достигалась устройством ветрозащитных стенок, плоского и полукруглого очертания, приспособлением к примитивным жилым условиям естественных пещер с завалом камнями входного отверстия, позже — возведением оборонительной стенки или созданием защитных огней перед входом. В дальнейшем древний человек пришел к сооружению искусственного жилья, строившегося в хаотическом нагромождении примыкавших друг к другу небольших зданий или стоящих отдельными грубыми громадами коллективных жилых построек. Одно из раскопанных сооружений — «Родовой дом» ([413], с. 16) достигал 130 кв. м.

Древние люди на основе многовековой строительной практики, методом последовательного исключения нерациональных по тому времени конструктивных приемов, пришли к двум типам сооружений — в безлесых районах к круглым или овальным в плане зданиям с ложнокупольным перекрытием ([134], с. 16, 17) и к почти прямоугольным в плане постройкам с вертикальными стенами и внутренними столбами, поддерживающими скатную, шатровую или дарбазообразную крышу; эти здания характерны для районов, богатых лесом.

В местах, где не было леса и строительного камня, изготавливались сырцовые кирпичи в основном из смеси глины, песка и крупнорубленной соломы. Сначала это были «булкообразные» комья глины ([342], с. 14; [128], с. 42, 43) (Джейтун, Чагаллы-депе и др., Южный Туркменистан)*, после — плосковыпуклые кирпичи (Шомутепинская группа поселений в Закавказье и Сиро-Киликии, в раннединастической Месопотамии и др. ([51], с. 8) и, наконец, кирпичи прямоугольной формы. Из всех этих типов кирпичей человек, видимо, начал возводить дома в виде неправильной в плане окружности, но они быстро разрушались, и после длительного опыта он убедился, что необходимая прочность и устойчивость купольных построек достигается в зданиях с планом в виде правильной круглой или эллиптической формы. Постепенно человек сделал практический вывод что купольные постройки достаточно прочны и долговечны даже если стены их возводить небольшой толщины, т. е. в половину плосковыпуклого сырцового кирпича (17 — 18 см) с двухсторонней обмазкой стен глиняным раствором того же состава, который, постепенно слившись с однородным материалом стен здания, превращался как бы в сплошной глинобетонный монолит (20 — 24 см). Чтобы уберечь тонкостенные постройки от разрушительного воздействия атмосферных и талых вод, человек стал строить их на более толстом цоколе, а желая избежать попадания стекающей по стенам дождевой воды внутрь помещения, начал срезать сферическую часть входного участка стены, возводя ее вертикально, устраивая в ней дверной проем, иногда обрамляя входы выступающими небольшими порталами, поднимая их на отметку цоколя, и устанавливал перед ними крупные валуны в виде входной ступеньки. Такого типа дома обнаружены в целом ряде древних поселений Закавказья — в Азербайджане — Шому-тепе (середина VI тыс. до н. э.), Тойре-тепе, Гаргалар-тепеси (V — IV тыс. до н. э.) и в Грузии — Шулаверис-гора, Имирис-гора, Арухло-1 (V — IV тыс. до н. э.) и др. Эти тонкостенные постройки эпохи неолита и энеолита вызывают удивление своей высокой строительной грамотностью. Правдивость и лаконизм восстановлен-

* Хотя поселение Джейтун было построено немного позже, чем Шому-тепе, но кирпичи из комьев глины «булкообразной» формы являются примером более примитивных, а следовательно, более древних элементов строительных материалов (Д. А.) О Бердыев очень правильно назвал их — «батанообразные протокирпичи» ([89], с. 20).

ных нами образов отдельных древних сооружений и целых жилых поселений говорят о их высокой архитектурно-конструктивной и художественной выразительности, что, несомненно, является самой настоящей, видимо, интуитивной палеоархитектоникой ([51], с. 8).

Сооружения возведенные на основе отмеченной палеоархитектоники, сначала местами примитивно окрашивались, впоследствии более художественно декорировались. Это наглядно свидетельствует о гармоническом слиянии в них функциональных и конструктивных задач с архитектурными и художественно-декоративными, т. е. палеоэстетическими ([54], с. 3).

Художественная деятельность человека есть своеобразная форма познания окружающей действительности, возникшая в процессе творческого труда задолго до разделения общества на классы ([135], с. 11), а это означает, что главной причиной палеоэстетического совершенства продуктов труда человека являлось не внеисторическая «способность человека чувствовать красоту природы» ([444], с. 11) и не стремление к «свободной игре видимостью» — свободной от какой-либо практической цели, от логической и моральной оценки* ([135], с. 13), а создание им в процессе труда определенных предметов (орудия труда, произведения искусства и сооружения), которые возбуждали эстетические чувства своей логичностью, целесообразностью, удобством и внешними качествами, формируемыми им по законам красоты ([134], с. 15).

Изучая и сопоставляя древние поселения, рассматриваемые нами в настоящей работе, мы имеем возможность проследить, как в жилых домах постепенно зарождались элементы культа — огня, матери огня ([250], с. 223), хозяйки огня, старухи огня ([404], с. 257), бывших символами безопасности домашнего очага, изобилия и плодородия, а также культа сил природы — солнца, луны и различных тотемических образов, нередко получавших магическо-символическое значение.

Большинство культов часто сопровождалось поклонением огню, который возжигался для многих из них, являясь их неотъемлемой частью. Примером разнообразных культов и их сочетаний в архитектуре и скульптуре можно привести неолитическое поселение Шому-тепе, где в круглом купольном жилом доме была обнаружена примитивная костяная статуэтка широкобедрой женщины, прикрепленная над очагом на высоте 40 см, созданная более семи с половиной тысяч лет назад ([312], с. 47).

Во многих странах мира в древности зажигались огни перед статуэтками домашних божков ([404], с. 255; [230], с. 288), а часто огонь олицетворялся в женском образе — мать огня, хозяйка огня и др. ([174], с. 63, 66 — 70). Культы домашнего очага и надочажной цепи имелись у ингушей, осетин, адыгейцев и у сванов ([404], с. 264). На Ближнем Востоке в целом ряде стран были найдены женские статуэтки — идольчики. Женские обнаженные статуэтки обнаружены в древних поселениях Азербайджана (Шому-тепе, Гаргалар-тепеси), Мингечаур — в трех сельбищах Исмаиллинского района и др. При всей общности их образцов они обладают чувственной выразительностью. Это статуэтки молодых женщин, которые резко отличаются от скульптуры эпохи палеолита, изображавшей всегда зрелых матерей древнего рода.

Статуэтки, найденные в Азербайджане, изображают женщин земледельческих поселений, где магия плодородия полей тесно переплетается с магией человеческого плодородия ([372], с. 28). Женские статуэтки, обнаруженные в Мингечауре, покрыты точечным и рельефным рисунком ([329], с. 237), а статуэтки в Гаргалар-тепеси имеют по всему телу небольшие вмятины; в обоих случаях это, по всей вероятности, оттиск зерна, как идея семени — новой зарождающейся жизни**.

Магическое изображение плодородия при помощи колоса, нарисованного на животе, мы наблюдаем на энеолитических женских статуэтках, найденных в поселениях Имирис-гора ([164], с. 93, 111) Груз. ССР и Алтын-депе ([282], с. 429), Южный Туркменистан.

* Теория «игры», базировавшаяся на эстетике Канга и Шиллера ([135], с. 13).

** Аналогичный метод придания магической значимости женским идольчикам наблюдается в антропоморфных скульптурах, относящихся к раннему этапу Трипольской культуры. Обнаруженная в Лука Врубелевецкой статуэтка «рожаницы» (богини плодородия) изготовлена была из глины, замешанной на зернах и муке ([92], с. 135). В других поселениях Триполья были найдены статуэтки, у которых на животе имелись оттиски зерна, небольшой бугорок, обозначающий беременность, или же изображен колос ([372], с. 29).

Для Южного Туркменистана характерны женские статуэтки богини-матери с богатой прической, с двумя очень живописно извивающимися косами-змеями ([342], с. 23; [282], с. 429; [283], с. 89), ниспадающими на грудь. Эта прическа являлась как бы рамкой для лица, главным элементом которого были глаза. Большие, с мудрым прищуром глаза этих богинь обладали глубокой проникновенностью и выражали скрытую угрозу. Эта гамма ритуальных чувств в остановившихся глазах древних богинь подчеркивает художественную активность магической вещи ([54], с. 7).

Тема богини изобилия, Великой матери-прародительницы очень своеобразно и выразительно решалась керамистами разных стран Европы и Ближнего Востока.

Трипольская ритуальная пластика создала интересные по замыслу огромные чаши, которые группа обнаженных женщин возносит к небу, как бы в мольбе о влаге, которая должна оросить нивы древних земледельцев.

Совершенно прав Б. А. Рыбаков, говорящий, что эти чаши «раскрывают перед нами самую главную, самую существенную и устойчивую сторону земледельческого мировоззрения — просьбу воды, обращенную к небу». Далее он задает вопрос: «Но к кому были обращены эти просьбы, в каком образе воплощалось то верховное божество?» и вполне логично, в результате своего исследования, приходит к выводу, что это невидимая Великая мать — прародительница мира. Кроме того, он отмечает, что на чаше из Греновки написано: «Великой богине неба и дождя» ([372], с. 33, 34).

Во многих земледельческих культурах Европы и Ближнего Востока от неолита до бронзового века включительно встречается в качестве одного из важных сюжетов орнамента и пластики мотив женской груди.

Для трипольского искусства характерны большие сосуды, которые лепились таким образом, что со всех четырех сторон выступают четыре массивных груди, выполненные рельефно и натуралистично, иногда встречаются парные изображения грудей*. Отдельные сосуды неантропоморфны, а некоторые как бы продолжают формы женской фигуры ([372], р. 1, 10, 12).

В Закавказье на территории Кавказской Албании подобные декоративные мотивы применялись в VII — VI вв. до н. э., а также и в более поздние времена ([352], р. 1, 6). Аналогичный декор использовался в более древние времена манейскими керамистами для украшения тулова глиняных сосудов из Тепе-Гиян ([492], т. 6). Не так тщательно моделированное, как у трипольских мастеров, изображение Великой Матери — богини плодородия и изобилия, при помощи определенного числа женских грудей или сосков, очень ясно прослеживается в керамике, обнаруженной на территории Кавказской Албании.

Интересно эта тема решена на кувшине, обнаруженном в могильнике у сел. Гамза Исмаиллинского района ([331], т. 1) (последняя четверть I тыс. до н. э.). По центру тулова кувшина проходит сплошной пояс женских грудей — Прародительницы, расточающей изобилие во все стороны; по обеим сторонам у основания горловины расположены две пары грудей, а под вытянутым носиком кувшина имеется пара выпуклостей, от которых в обе стороны, выделяя локальность этого участка сосуда, идет к верху цепочка овальных углублений, придавая ему фаллическое значение. Сочетание в одном сосуде символов двух культов встречается очень редко.

Керамический сосуд из Ялойлы-тепе (раскопки 1926 г.) желто-розового цвета III — I вв. до н. э. решен примерно аналогичным декоративным приемом: центральная полоска тулова отмечена несколькими рядами волнообразных врезных кругов и лепными парными бугорками — пуговками, обращенными на четыре стороны по горизонтальной оси сосуда. Подобные парные выпуклости имеются и на уровне основания горловины ([358], с. 73, р. 47). Та же тема, что и в кувшине из сел. Ганза, но схематизированная до двух круглых точек, обозначающих соски богини. Тема многогрудых богинь наблюдается в красноглиняной фляге III — I вв. до н. э., обнаруженной в сел. Деимедере Варташенского района и в сосуде I в. до н. э. — I в. н. э. из

* Изображение женской груди переходит и в развитое Триполье, где оно выполнено рельефом и живописью, позднее этот мотив схематизируется до двух круглых точек, обозначающих соски [372], с. 34).

Мингечаура ([358], с. 41, р. 27, с. 92, р. 63) — груди на них расположены в шахматном порядке в несколько рядов.

Богиня неба и воды, изображаемая только одним символом — ее сосками, это и есть, очевидно, та архаическая Прародительница, которую уже три тысячи лет назад считали первоначальной основой Сущего и Матерью всех поздних богов. Археологический материал убедительно доказывает, что в IV — III тыс. до н. э. верховным божеством, к которому возносились моления, было беспредельное женское божество, а изобразить ее как трипольские ([373], с. 35), так и ближневосточные художники могли лишь тем или иным количеством грудей — ее основным признаком.

Постепенно эта древняя ритуальная тема в искусстве стала применяться в керамике и скульптуре I тыс. до н. э., дойдя до первых веков нашей эры, где она, сохраняя свою внешнюю форму, то есть эстетические качества, уже утратила глубокую теологическую значимость.

Для мидийского, древнеалбанского и трипольского ритуально-магического декора очень характерен змеиный узор, особенно на раннем этапе (IV — III тыс. до н. э.). Спирали змеи обвивают массивные груди Великой Матери, змеи имеются на сосудах и крышках к ним ([263], р. 15, 18, 21, 68; [24], т. 30, 34, 37), змеи составляют основу татуировки трипольских «рожаниц» и являются одним из элементов, рождающих знаменитую трипольскую спираль*. На отдельных сосудах иногда помещается четкое изображение змеи, как отдельного символа ([226], с. 26; [428], с. 71), но чаще мы видим парные изображения змеи.

Эта тема — женщина-богиня, обвитая змеями или держащая в руках змею, генетически перекликается с темой двух фаянсовых и одной из слоновой кости ([521], с. 279; [135], р. 106 а) статуэток богинь со змеями, найденных в святилище дворца в Кноссе XVI в. до н. э. Кносские богини, правда, одеты в длинные до пола платья с причудливыми головными уборами, обнажены у них лишь крупные груди (символ материнства и изобилия), обрамленные у одной фаянсовой статуэтки с двух сторон длинными косами. Эта богиня держит в обеих руках по змее и смотрит прямо расширенными, остановившимися глазами ([135], с. 139), выражающими застенчивую угрозу (дальнейшее развитие магической темы женских идольчиков из Алтын-депе и Намазга-депе II тыс. до н. э.). Другая богиня вся обвита змеями. У нее от головы, обрамляя обнаженные груди, спускаются змеи в виде двух кос, опускаясь ниже они сплетаются в клубок в области живота. Змеи, извиваясь, оплетают руки, шею, даже головной убор ([382], с. 121 — 126). Судя по тому, как она держит руки и куда устремлен ее пристальный взгляд, по всей вероятности, на ее руках был наиболее крупный и главный змей, глядящий на богиню, чем, видимо, объясняется ее зачарованный, остановившийся взгляд.

По этому же принципу решена и статуэтка богини из слоновой кости: ее стройная фигура одета в богатое платье, на вытянутых руках она держит двух змей, устремивших свой взгляд на ее лицо, которое по сравнению с фаянсовыми статуэтками трактовано более реально и тоньше моделировано ([135], с. 139).

Исследуя группу статуэток, обнаруженных в Азербайджане на территории Кавказской Албании, мы видим, что некоторые из обнаруженных в Исмаиллинском районе имеют на шее налепные валики. На одном из них вмятинами показаны, по мнению автора раскопок, бусины ([329], с. 237), а по нашему — пятнистая поверхность змеиной кожи аналогично змеям второй кносской богини. Отдельные статуэтки, найденные в Мингечауре, имеют на ногах и шее валикообразные налепы, также, по нашему мнению, изображающие змей. Две женские статуэтки, найденные в 1933 г. в селе Моллаисаклы Исмаиллинского района, имеют также на шее налепные валики.

За последние годы обнаружено большое количество глиняных антропоморфных фигур различной величины (4 — 12 см). Они найдены в основном в поселениях и погребальных полях. До этого времени в Азербайджане такие статуэтки не обнаруживались в погребениях, в то время как на территории Ирака имеются захоронения, где были обнаружены десятки

* На раннетрипольских статуэтках такая же пара змей изображалась в области живота, где змеи выступали охранительницами чрева, вынашивающего плод. Отдельные «рожаницы» покрыты опоясывающими их концентрическими кольцами, изображающими также змей ([372], с/ 30, 34, 38, р. 5, 9 — 13).

небольших женских статуэток Тель-эс-Савван ([516], т. 24) и др. Указанные погребения в Ираке древнее найденных в Азербайджане. Среди последней группы статуэток имеется головка глиняной фигурки с богатой прической из четырех косичек и чалмы, на ее шее имеется шесть обхватывающих выступов ([329], т. 33, р. 7).

При всей относительной примитивности исполнения вышеописанные статуэтки обладали несомненной магической значимостью и служили чисто ритуальным целям.

Имеются женские статуэтки, совершенно отличающиеся от всех остальных, обнаруженных в Азербайджане. Две из них совершенно плоские, небольшого размера, выполнены в архаической манере, у них отсутствуют руки, ноги, высокая шея охвачена несколькими рядами концентрических, углубленных полос. Эти статуэтки, по всей вероятности, были амулетами.

К следующей группе относятся две женские статуэтки, обнаруженные в поселении Галагах. Обе фигурки имеют колоколообразные уширения книзу и плоское основание, придающее им устойчивость ([329], т. 33, с. 8, 9, 11, 12). По силуэту статуэтки похожи на женщин, одетых в длинное, до пола платье, напоминая с одной стороны трех богинь со змеями из святилища Кносского дворца, а с другой — финикийских богинь ([421], с. 194, 197) из Угарита, особенно глиняная статуэтка красного цвета с узкой талией и высокой грудью. Со стороны спины она имеет косу, идущую от основания, видимо, отломанной головы. Если у кносской богини руки, а у сидячей богини из Угарита плечи, руки были обвиты змеями, то у рассматриваемой статуэтки руки заменены спиралевидными налепами, по нашему мнению, изображающими двух змей. У этой статуэтки, как и у кносской и угаритской богинь, обнажены лишь груди, что, несомненно, относит ее к вышеуказанной группе богинь.

Другая статуэтка серого цвета в верхней своей части на уровне плеч имеет две пары, противоположно расположенных, налипных бугорков, которые, несомненно, изображают женские груди а скорее сосцы этой богини ([535], с. 35, р. II, 1).

В Моравии на Дунае найдена женская статуэтка с несколькими парами массивных грудей. Обе эти статуэтки являются воплощением культа материнства, расточающего свои блага на все стороны ([372], с. 35, р. II, 1), и относятся к культовой пластике, изображающей многогрудых богинь. Наиболее совершенным, но более поздним отзвуком их, явился культ Артемиды Эфесской.

Две последние статуэтки, найденные в поселении Галагах, были обнаружены в культурном слое, относящемся к I в. н. э., но по своему исполнению и магическому замыслу относятся к периодам: красная статуэтка к культу змеи, а серая статуэтка к культу Великой Матери-прародительницы, которую, как мы уже говорили, три тысячи лет назад считали первоначальной основой Сущего и Матерью всех поздних богов ([42а], с. 435, 671). На этом основании мы считаем, что эти две статуэтки относятся к более древним эпохам и, видимо, на протяжении длительного периода передавались из поколения в поколение, а возможно, на рубеже нашей эры или раньше они были найдены в более древнем сельбище и принесены в поселение Галагах.

По нашему мнению, все эти валикообразные налепы на некоторых статуэтках, заканчивающиеся суживающимися змеиными хвостами, а также втопленные или нарисованные полосы, концентрическими кольцами охватывающие шею, грудь или всю фигуру, являются не украшениями, как предполагают отдельные исследователи ([329], т. 33), а змеями. Изображение змеи, обвивающей своими кольцами область живота или весь торс женщин богинь-идольчиков, наблюдается также на статуэтках, найденных во время раскопок в Ниппуре ([515], с. 95 — 106), Ярым-тепе ([522], с. 125 — 131) в Ираке и недалеко от Иркутска в древнем сельбище у сел. Мальта (XXV тыс. до н. э.) ([202], с. 19; [416], с. 6 — 8). Втопленные кольца на телах женщин изображают или места, где только что обвивалась змея, или символического змея-защитника.

Интересным примером слияния магического с декоративным, т. е. с искусством, можно проследить на большой костяной бляхе, найденной в двадцатых годах нашего столетия при раскопках древней стоянки у сел. Мальта.

На одной стороне бляхи вырезаны извивающиеся большеголовые змеи, несомненно, служившие целям древней змеиной магии, а с другой стороны, глубокие точки изображают одну

большую спираль, окруженную несколькими маленькими спиральками. В центре большой главной спирали проделано круглое отверстие ([202], с. 19, р. 10, 11), как бы путь в неизведанное, в магическое. Эти спирали уже символическое изображение главного бога; змея в окружении нескольких малых змеиных богов, своего рода змеиный Олимп.

Вторая сторона описываемой бляхи является произведением искусства, созданного на основе древней палеоэстетики, лишней раз подчеркивающей теологическую значимость изображенных спиралей.

С другой точки зрения, большая спираль в окружении шести малых спиралей могла быть символом бесконечного света - собственно Небо (небосвод), где указано главное божество (Великий Митра, Зевс, Джингир-баба, Тенгри) в окружении шести светил (таблица 4). На обратной стороне бляхи изображены три змеи, средняя с большой, почти круглой головой, левее змея с меньшей головой, а правее с маленькой головкой. Средний змей, возможно, верховное всеобъемлющее божество, с меньшими головами — божества земли и преисподней.

На территории левобережного Мингечаурского некрополя у поселения III, в катакомбном погребении была обнаружена низка бус. На первом дискообразном медальоне изображено спокойное мужское лицо, над головой распахнуты крылья, между которыми изображен знак (рогатка), ниже головы — две скрещенные змеи ([210], с. 73). Опять главное божество и две змеи, а распахнутые крылья и храмовый знак (рогатка) говорят о космогонической направленности изображений данного медальона, что через многие века и расстояния роднит два эти произведения древнего искусства.

Если смотреть из центра древнего купольного здания на верх, то концентрические окружности каждого, постепенно суживающегося к верху ряда кладки создают впечатление свертывающейся к верху спирали, в наиболее узкой центральной части которой имеется отверстие, служащее, как и очаг, двум целям — утилитарным и магическим. Отверстие в верхней части купольных построек, несомненно, в понятии древнего человека, это окна в неизведанное — в магическое, но только уже в большом космогоническом масштабе. Магическая тема Великой Прародительницы из ритуальной скульптуры и керамических изделий перешла в культовую архитектуру.

Одним из ранних примеров можно привести очень интересно решенный дольмен, обнаруженный на Северном Кавказе в Адыгее у сел. Адигналово (Вьючная гора), фасад его украшен двумя выпуклостями, напоминающими женские груди. Дольмен такого типа на Кавказе встречен впервые ([126], с. 69). Кроме того, имеются опоясывающие в два ряда круглые налесты на глиняной модели древней культовой постройки купольного типа, найденной в Мингечауре, относящейся к XIII — VIII вв. до н. э. ([42], с. 129 — 131, р. 100). Но, возможно, круглые налесты на глиняных моделях могли означать непрерывное движение планет.

Проделанное нами исследование древней ритуальной скульптуры, образцов прикладного искусства и архитектуры, в которых в той или иной форме сказывалось влияние культов змеи и Великой Матери, позволило прийти к некоторым выводам:

1. У женских идольчиков Кура-Аракского двуречья и Финикии. необычна одежда, у которой юбка колоколом или тяжелыми складками спускается до самого пола и обнажены только груди или полностью вся верхняя часть тела (явное влияние скульптур Афганистана ([484], т. 21 — 34) и Мидии ([498], т. 86, 98, 109). Головы этих статуэток украшены богатой прической с ниспадающими на грудь и спину косами-змеями (Кносс, Алтын-депе ([282], с. 429; [223], с. 21, р. 5), Намазга-депе ([342], с. 28, р. 4), Галагах, Угарит. Красную статуэтку из с. Галагах можно отнести к группе ритуальных скульптур, у которых обнажены лишь груди ([385], с. 116 — 125) (Кносс, Угарит), а серую — к группе скульптур, у которых обнажена вся верхняя часть тела (Угарит) ([421], с. 197), (Афганистан, Индия).

2. Общим для всех скульптур рассматриваемых стран является переплетение мотивов Прародительницы Великой Матери, богини плодородия и изобилия с изображением божественного змея. Змеиный узор у них повсеместен, спирали змей обвивают массивные груди Великой Матери ([372], с. 35). Змеи имеются на ритуальных сосудах, наконец, змеи составляют основу

магического декора кносских, угаритских и галагяхских богинь, а также татуировку трипольских «рожаниц» и статуэтки у селения Мальты ([416], р. 3).

Змеиный декор прослеживается также на женских идольчиках, обнаруженных на территории современного Ирака, в древнем Шумере — Ниппуре ([516], с. 57 — 60), Ярым-тепе и Тель-эс-Савване.

Вышеизложенные выводы указывают на несомненную связь древних культов — огня, Великой Матери, Матери-огня, Старухи-огня, Девы-огня ([416], с. 154, 161), а также связь с культом змея — Великий змей, Добрый змей — охранитель чрева, дома, священных сосудов и др.

В решениях всех описанных нами ритуальных статуэток наблюдается примитивность, доведенная до искусства, так как в них мы явно усматриваем зачатки художественного реализма древних.

Характерна общность методов и приемов в изготовлении древней пластики, но главное — это единая нить их последующего декора, которая объединяет невидимыми связями искусство как близких соседей, так и очень отдаленных народов (Эгейская, Трипольская культуры, древние Азербайджан и Грузия, Средняя Азия, культура народов Сибири, древние шумерские поселения и т. д.).

Такая взаимосвязанность, видимо, легла в основу символизации этих культов, часто взаимосвязанных ([372], р. 10, 12, 13), а это отразилось в архитектуре и искусстве, что, в свою очередь, объясняет возникновение храмов, связанных с культом змея. Примером можно привести глиняную модель храма, стены которого декорированы изображениями змей. Здание прямоугольное, в плане имеет скатную крышу и круглые окна, охраняемое каждое двумя змеями — Болгария ([372], р. 12). Купольный храм на змеином холме — Иланлы-тепе, Азербайджан ([54], р. 1). Фасад, видимо, был разделен на несколько ярусов горизонтальными концентрическими кругами. Интерьер святилища этого храма имеет приподнятый от пола абсидообразный алтарь, выступающий со стороны фасада в виде глухого эркера. Этот тип древнего алтаря нашел в дальнейшем применение во многих мечетях в виде эркерообразных михрабов ([433], с. 138 — 140) — в Кавказской Албании на территории современного Дагестана. Видимо, этим объясняется генезис темы священного змея и превращения его натуралистического изображения в символическую спираль или ряд концентрических окружностей, изображение которых всегда придавало ритуальным сосудам, скульптуре или культовым сооружениям магическую — теологическую значимость. Поэтому понятно, почему именно в странах Кура-Аракского двуречья, в Финикии, у хеттов (Анатолия) был наиболее распространен в архитектурном декоре мотив всевозможных спиралей и концентрических окружностей ([57] с. 4, 6).

Интересная тема Великого змея наблюдается нами в изображении трех башенных храмов на камне 9 в Кобустане. Главный башенный храм композиционно разделен на три части: первая, нижняя часть снабжена знаком бога Митры (рогатка в круге). В культовой символике Передней, Малой и Средней Азии вышеописанный знак нес определенную символическую нагрузку, имеющую глубокие генетические корни* ([210], с. 74, 75; [4046], с. 347). Вторая часть украшена символом Солнца (колесо с шестью спицами и центральным кругом, таблица 4). Верхняя часть украшена двумя гигантскими крыльями — символом Воздуха — Неба. Первая часть отделена от второй двумя сплетенными гигантскими змеями, обхватывающими всю башню — это всеобъемлющее божество беспредельного света, собственно небо (Великий Митра — Зевс, таблица 4).

Башенный храм, посвященный божествам Неба, Солнца и Луны, декорирован следующими символическими знаками: верхняя часть оформлена горизонтальными полосами — символ бога Неба, справа у начала декорированного оформления имеются изображения месяца,

* На египетской фреске III тыс. до н. э., изображающей отделение Неба (Нут) от Земли (Гебы), под изображением неба символично 4 раза повторяется подобный знак (рогатка). На оттиске хурритской печати середины II тыс. до н. э., изображающей человеческое жертвоприношение, на голове одного из присутствующих (видимо, главного жреца — Д. А.) имеется схожий знак храмов. На сасанидских геммах IV в., где присутствует элемент распахнутых крыльев, упомянуты магупаты-Верховные жрецы ([99], с. 17, 18, 44)

а ниже изображение свернувшейся небольшой змеи с точкой в круге — двойной символ Луны и Солнца.

С правой стороны башни у ее основания изображен конь — символ Солнца. Описываемый храм, как и главный храм, посвящен божественной триаде.

Следующий башенный храм полностью декорирован полосатыми членениями на восемь ярусов ([57], с. 9, 10, р. 1, 2). Внешне создается впечатление, что он обвит гигантским змеем и, возможно, является наиболее древним храмом, посвященным в свое время беспредельной богине Матери.

Постепенно символы культа материнства, плодородия — женщин-богинь с оттисками семян на теле, увитых змеями, и многогрудых предшественниц Артемиды Эфесской начали перерождаться в символику мужских богов (Митру, Ахура Мазду, Апам Напата и др.), приобретая космогоническую направленность (беспредельный свет, собственно Небо, Солнце, Луна и др.), и уже определенное количество выпуклостей на произведениях прикладного искусства и архитектуры часто означало бесконечное движение светил, а парные и тройные символы являли собой дуалистическое божество или священную триаду.

Апшеронский кромлех, близ селения Мардакяны, явно посвященный культу Оленей и Козлов, имеет ряд примыкающих к нему небольших, почти круглых и овальных в плане сооружений с очагами, бывшими, несомненно, примитивными капищами и хранилищами огня ([390], с. 144).

На окраине сел. Шувеляны вскрыты различные могилы и постройки; камни, из которых они были возведены, имеют выбитые рисунки, изображающие людей, сцены охоты, различных животных (оленей, козлов и др.). Однако хорошо видно, что рисунки сделаны до применения камней в открытых зданиях и могилах. Эти камни, видимо, были взяты из каких-то более крупных и древних сооружений. Мы предполагаем, что это был кромлех, аналогичный мардакянскому, тем более что на территории заповедника Кобустан также был в древности сооружен круглый в плане кромлех, что говорит о распространенности таких сооружений в данном регионе.

На глыбах камня, которыми огорожена ритуальная площадка в Мардакянах, и на камнях, обнаруженных в сел. Шувеляны, мы видим тематические рисунки, в большинстве своем изображающие оленей и козлов. Изображены они в линейной технике, рисунки очень динамичны, — то это испуганно застывшие самец с загнутыми назад рогами и робко прячущаяся за ним самка, то это олень-самец, в нем чувствуется мощь бойца — хозяина оленьего стада, то это группа оленей, живописно изображенных на крупном камне ([41], с. 70, 71).

На Апшеронском полуострове, особенно в удобной подковообразной бухте, где впоследствии возникли священные крепости Атеши-Багуан (Ал-Бак-ус) и Сабаиль, горели неугасимые священные огни, давшие название городу ([48], с. 4). Французский востоковед М. Ж. Сен-Мартен указывал, что город Баку с древних времен почитался как священное место, где во многих местах огнепоклонники поддерживали «вечный огонь» ([153], с. 153).

Ахмед Кесрави Тебризи отождествлял Багаван и Атеши-Багуан с древним Баку. Город назывался так потому, что в нем находился один из главных храмов огнепоклонников ([73], с. 42).

По нашему мнению, имелся в виду восьмиэтажный башенный храм Ахура Мазды и шести Амеша Спента, являющийся разновидностью культовых сооружений поклонения беспредельному свету, Солнцу, Луне с алтарями огня, построенный по типу каспийско-албанских и мидийских храмов в VIII — VII вв. до н. э. ([263], с. 123; [56], с. 17) и названный в I в. н. э. римлянами за его величину Кесарь-башней ([74], с. 18 — 20), а впоследствии народом Гыз галасы (Девичья башня).

Культово-ритуальная архитектура в истории развития общественных сооружений играла, несомненно, более активную роль, чем живопись и скульптура в изобразительном искусстве; как продукт архитектурного творчества она, кроме идеологической, выполняла и чисто утилитарную роль — это храм, капище, алтарь, гробница и т. д. ([444], с. 10). Эта архитектура,

возникшая из жилой микрокультовой ячейки, на первых этапах отличалась от жилья лишь размерами, а после все увеличивающимся декором экстерьера и интерьера.

Искусство декора из робкого цветового оформления ритуального очага в древней жилой микрокультовой ячейке постепенно сильнее и всеобъемлюще утверждается в культовой архитектуре, превращаясь в ритуальную, поэтажную окраску башенных храмов Месопотамии ([462], с. 110, 117), Мидии и Азербайджана* (таблицы 3, 4). Искусство и религия имеют различную социальную и гносеологическую сущность и нельзя связывать становление древнего искусства полностью с магией, как ранней формой религиозных представлений ([444], с. 9). Поэтому хотим отметить следующее: наблюдения показали, что древние наскальные рисунки, выполненные как в линейной, так и в силуэтной манере, несли в себе определенную, пусть примитивную, идеологическую и магическую направленность. Это изображение ритуальных танцев [168], жертвоприношений, удачных охот ([196], с. 15, 16, 21) и указание наиболее уязвимых мест на телах нарисованных животных ([444], с. 46; [135], с. 25). Последнее, по словам К. Варналиса, является классическим заблуждением ([119], с. 126), но не перестает от этого быть символическим изображением магических пожеланий древнего человека. О магическом значении рисунка можно судить по древнеиндийской легенде: «Брахма воскресил сына Брахмана, нарисовав его портрет» ([449], с. 20). Если бы множество поколений древних людей не сосредоточивали способность своего мышления на поимке зверя — основного источника жизни первобытного человека, им не пришлось бы в голову изображать этого зверя ([135], с. 12), тем более с указанием мест его поражаемости. Несомненно, истоки появления элементарных ростков религии следует искать в перенесении этих качеств прежде всего на крупных животных, служивших объектом добычи, а затем на многие явления окружающей природы ([444], с. 72), особенно на естественные источники огня. Все эти качества элементарной религии и есть примитивная магия древнего человека на самой низкой ступени развития, т. е. на грани между средним и верхним палеолитом.

В более поздний период создания ритуальных сооружений отдельные элементы архитектурного декора, несомненно, служили «магическим целям», т. е. имели религиозную направленность. Поэтому мы считаем, что прав М. Алпатов, который писал: «Нам очень трудно сказать, где кончалась магия и начиналось искусство» ([27], с. 43). Теологическая целеустремленность в культово-ритуальных зданиях не только просматривалась в элементах магического декора, но и была заложена в архитектурно-планировочной и объемно-пространственной трактовке большинства этих зданий. В древности цифры 3, 5, 7, особенно цифра 7, считались магическими, священными**. Это семь священных небес, семь планетных богов, семь планетных цветов, семь священных огней, храм семицветных огней и т. д. ([47], с. 9; [54], с. 13, 14). В древних поселениях Ближнего и Переднего Востока постепенно начали выкристаллизовываться разные типы культовых сооружений, развитие которых шло в основном по двум разным архитектурно-композиционным направлениям.

Первое композиционное решение культового здания пошло путем объединения ряда микрокультовых ячеек в многокомнатные, часто с внутренним двором сооружения — так называемые «дворовые храмы». Одним из ранних и характерных примеров храмов данной группы может служить погребальная урна с о. Мелос III тыс. до н. э. ([109], с. 12 — 14), хранящаяся в Мюнхене. Она была решена из семи круглых в плане микрокультовых ячеек, сгруппированных вокруг центрального двора (преддверия храма), замкнутого полукруглыми стенами святилищ и плоской стеной пластично решенного входного портала с навесом-портиком. Таким образом, магическая цифра 7 заложена в самой композиции здания храма и

* Судя по рассказам Геродота и по обсерватории в Хорсабаде, число этажей определялось числом планет и они были окрашены в цвета, символизовавшие небесные светила. Начиная снизу этажи раскрашивались в белый, черный, пурпурный, голубой, красный цвета, верхние два этажа отделялись серебром и золотом. Возможно, этой расцветки придерживались и маги Мидии (Д. А.).

** Дж. А. Миллер считал, что магические числа произошли от сочетания цифр 5 + 2, но чаще встречается цифра 7, как лучше воспринимаемое число информации [295]. Со временем люди начали приписывать этим числам чисто магическое значение (Д. А.).

лишь оттеняется сплошным магическим спиральным орнаментом наружных фасадов, усиливая идеологическо-теологическую сущность данного сооружения.

Спиральный узор архитектурных сооружений так же, как и оформление фасада концентрическими кругами, порой в несколько рядов, часто связан с идеологическими представлениями древних племен, несомненно, служившими целям древней магии.

Указанный узор в декоре архитектурных сооружений Азербайджана обнаружен на каменной стене в поселении Баба-дервиш ([189], с. 58). Декор с концентрическими кругами имеем на двух башнях, изображенных в Кобустане, и в форме выступающих налепов, отверстий или углублений также круглого очертания, расположенных концентрическими кругами, можно проследить на глиняных моделях жилых микрокультовых ячеек, а скорее чисто культовых сооружений купольного и башенного типа, найденных в Мингечауре.

Как указывалось выше, рельефные украшения обычно встречаются еще и на сосудах больших размеров, составляя характерную особенность Закавказского энеолита, являясь ведущим декоративным мотивом энеолитической керамики Кура-Аракского двуречья. Аналогичный орнамент прослеживается в керамике северо-восточного Кавказа, в ряде памятников Восточной Анатолии — в древних поселениях Яйцы и Хазар-тепе, в некоторых странах Центрального Средиземноморья, в Иране — Гей-тепе, Хасанлы и в более отдаленных от Закавказья Сирии и Палестине. Необходимо отметить, что в памятниках, находившихся за пределами Кавказа, исключая Восточную Анатолию, спиральный мотив представлен в единичных находках ([189], с. 56 — 58). Из орнаментики Центрального Средиземноморья можно привести каменную урну с о. Мелос, обломок надгробной плиты из погребения в Микенах ([214], с. 49) и единственный в своем роде глиняный диск из Феста, скорее анатолийского происхождения ([171], с. 329, 330). Большой интерес представляют каменные шкатулки, или пиксиды, с крышками. Прямоугольная в плане пиксида с о. Наксос — III тыс. до н. э. ([382], с. 30, 43, 44) покрыта сплошь спиральным орнаментом, а круглые в плане пиксиды из Маронеи с о. Сирок — середина и вторая половина III тыс. до н. э. ([382], с. 62) орнаментированы лишь в верхней своей части. Эти пиксиды, как и ритуальная урна с о. Мелос, являются прототипом культовых зданий, фасады которых покрыты спиральным магическим, в понятии древнего человека, орнаментом.

Восьмиэтажные зиккураты в Вавилоне и в других городах Месопотамии часто решались круглой или прямоугольной спиралью, постепенно сворачивающейся к верхней площадке, на которой находилось главное святилище в виде небольшого храма ([462], с. 100, 118).

Сворачивающаяся кверху спираль композиционно подчеркивала значимость верхнего яруса со святилищем и являла собой яркий пример слияния эстетических и теологических требований с функциональными и архитектурными.

Этот композиционный прием впоследствии перешел в архитектуру: зороастрийскую — Атеш-гах ([368], с. 176, 177) в Иране и в мусульманскую — спиралевидный минарет аль-Мальвия мечети Мутаваккил г(847 — 861 гг.) на территории современного Ирака ([132], с. 34). Разница заключалась лишь в том, что для древних храмов астральных культов требовался добавочный этаж — подиум, приподымавший священные этажи, дабы молящийся планетным богам находился над землей, а в мусульманских храмах, ввиду того, что молитва аллаху возносится в основном на земле или первом этаже, это требование не учитывалось. По принципу спирали решены винтовые лестницы большинства минаретов, с верхней площадки которых муэдзин призывает к молитве.

В бакинское башенном храме путь к верхней площадке семи священных огней, в связи с необходимостью попадания на каждый ритуальный этаж, решен поэтажно разорванной, но самой настоящей внутренней спиралью.

Если на верхней площадке зиккурата находился храм, бывший основным его святилищем ([462], с. 118, 119), то верхняя площадка бакинского башенного храма была святилищем главного божества света, неба и солнца — Ахура Мазды или Митры-Ахуры. Семь ритуальных факелов яркого, возможно, семицветного пламени в семи тумбообразных газовых горелках являлись символом небесного светила, беспредельного света, первозданного огня ([56], с. 13).

Тема спирали с символическим и космогоническим значением применялась в культовой архитектуре и искусстве Древнего Востока.

Проверенные нами сопоставления и сравнительный анализ, а также выявленные генетические связи ритуального декора культовых сооружений эпохи энеолита и бронзы показывают несомненные взаимовлияния культовой архитектуры и ее декора в странах Ближнего Востока.

В качестве интересного примера культово-ритуальных сооружений можно указать группу примыкающих друг к другу двух зданий в энеолитическом поселении Имирис-гора, Груз ССР ([164], с 66, 69). Этот комплекс состоит из собственно храма, скомпонованного из двух помещений — примитивного «мегарона» и примыкающего к нему ритуального помещения с апсидообразной прихожей, служащего, видимо, для очищения и освящения огнем. Здание имеет в центре очаг, к нему ведет небольшой коридор из двух глухих стенок, доходящих вплотную к очагу, так что попасть в помещение можно лишь перепрыгнув через пламя. У этого очага, видимо, происходило также освящение оружия, этим и объясняется большое количество обломков обсидиана, который не в пример каменному оружию от пламени трескался и, по всей вероятности, отбрасывался в сторону.

Здания храма, в виде примитивного мегарона и ритуального помещения с очагом, относятся хотя и к разным, но очень близким горизонтам раскопок, и поэтому не исключена возможность их совместного функционирования, в связи с чем мы в своем эскизе реконструкции решили их вместе.

Культовое здание для совершения аналогичного ритуала очищения в Азербайджане было обнаружено в древнем поселении Кюль-тепе Нах. АССР. Оно относится к V — IV тыс. до н. э. Это круглое в плане, купольное здание внутри было разделено перегородкой на два помещения. Меньшее, видимо, служило преддверием святилища, куда вела узкая дверь, перед которой со стороны более крупного, ритуального помещения был установлен мангалообразный круглый очаг. Попасть в святилище можно было лишь перепрыгнув через пылающий очаг. В ритуальном помещении имела дверь в почти прямоугольную, небольшую пристройку, служившую, видимо, хранилищем примитивного ритуального инвентаря и запасов топлива для очага.

Более архаично исполнение ритуала очищения, видимо, было решено в древнем неолитическом поселении Шому-тепе (VI тыс. до н. э.), где в его юго-восточной части имелось небольшое здание, в центре входа которого находился круглый очаг. Через последний необходимо было перепрыгнуть, чтобы войти в помещение ([51], с. 6).

Этот ритуал очищения огнем перед тем, как пройти на священную территорию, был применен в I тыс. до н. э. у северного входа в храмовый участок первой крепости Атеши-Багуан ([50], с. 37) или Ал-Бак-ус, расположенного северо-западнее восьмизэтажного храма Ахура Мазды (Гыз галасы). Под воротами был обнаружен газовый колодец, видимо, в свое время перекрытый каменной плитой с отверстиями для газа, пламя которого служило очистительным целям*.

Описанный вход выполнял двойную роль, служа культово-ритуальным и эстетическим целям. Входной проем, в центре которого горело пламя, бросавшее живописные отсветы на строгие крепостные стены и окрестные скалы, придавало всему священному участку глубокую художественную и теологическую значимость. Аналогичный ритуал очищения огнем совершался и перед входом в башенный храм Ахура Мазды и шести Амеша Спента (таблица 4) — Гыз галасы. В центре перед входной дверью обнаружен узкий колодец ([194], с. 226), бывший, видимо, скважиной, по которой шел газ, пылавший перед входом в храм.

Как и перед воротами крепостной стены, огораживавшей священную территорию, ритуальный газовый факел (видимо, одиночный) так же выполнял ряд функций — очищение перед входом в главный храм, мистико-ритуальное воздействие и, наконец, создание художественно-эстетической выразительности. Ночью колыхающееся пламя придавало освещенной части

* Описанная дверь с колодцем была обнаружена Ниязи Рзаевым во время раскопок вокруг Девичьей башни. Дверь обнаружена в стене, являющейся продолжением стен, примыкающих к башенному храму, но в настоящее время засыпанной (Д. А.).

фасада всевозможные «фантастические» очертания, подчеркивая доминирующее значение главного башенного храма.

Темная громада башни, увенчанная семью пылающими ритуальными алтарными тумбами, создававшими огненную корону священных огней, имела также освещенный ритуальным «вечным» огнем вход, который, видимо, был доступен лишь избранным. Этот древний ритуал очищения огнем путем перепрыгивания через пламя сохранился до настоящего времени в Иране, в некоторых деревнях Азербайджана и республиках Средней Азии, потеряв культовое значение стал лишь атрибутом проведения празднования Новруза — первого дня весны 21 марта, дошедшего до нас с дозораострийских времен и считавшегося в древности днем Нового года.

Возвращаясь к культово-ритуальному комплексу неолитического поселения Шому-тепе (Азерб. ССР), хочется отметить, что в его композицию была заложена цифра 3: два купольных здания с отверстием для дыма от очагов и одно цилиндрическое с шатровой или дарбазообразной кровлей, к которому с наружной стороны примыкал очаг. Здания, возможно, были декорированы ([51], с. 10). Хочется отметить, что та же цифра три была учтена, по нашему мнению, и в ритуальном комплексе Имирис-гора ([51], с. 6).

Наиболее развитым и архитектурно-композиционно законченным культовым сооружением первой группы, т. е. многокомнатно-дворового типа, можно считать богато декорированный древний храм в Тель-эль-Обейде, Месопотамия, построенный около 3000 лет до н. э. ([109], с. 145), и многие многокомнатно-дворовые храмы.

Композиционное решение культово-ритуальных зданий второй группы имеет тот же архитектурно-планировочный принцип, отличаясь лишь объемно-пространственной трактовкой образов храма, в которой ритуальные помещения расположены не по горизонтали, а по вертикали и создают монообъемные; или ступенчатые башни.

Учитывая общность планировочного и близость объемно-пространственного решения, можно заключить, что во всех храмах этой группы, по-видимому, первый этаж являлся своего рода преддверием храма, а верхние, где семь, а где пять или три этажа, служили святилищами.

Примером культовых сооружений второго типа можно привести группу древних храмов: восьмиэтажный храм Бела на холме Бирз-Нимруд близ Вавилона ([187], с. 26), восьмиэтажный зиккурат в г. Вавилоне, посвященный также Белу ([462], с. 101), башенные храмы Мидии в крепостях Хар-Хар и Кишессу ([24], т. 55, 56) и башенный храм огня (Атеш-гах) в Иране ([368], с. 176, 177). В Азербайджане на Апшеронском полуострове в главном священном комплексе Албана, Атеши-Багуан, Ал-Бак-ус — Баку был построен восьмиэтажный башенный храм неба, всеобъемлющего света и огня, прозванный впоследствии Гыз галасы. Откуда могло произойти это название? На протяжении тысячелетий человек поклонялся огню, матери и деве огня, как символу вечной жизни. В народе восьмиэтажный храм в Ал-Бак-ус с семью поэтажными алтарями огня, несомненно, олицетворялся с девой огня — это видно и из легенды ([419], с. 151 — 154). В связи с землетрясением или по какой-либо другой причине в бакинском храме «вечные» огни потухли. Поэтому храм огня и девы был постепенно переименован в храм девы, в башню девы — Гыз галасы. Недалеко от Ал-Бак-ус был возведен укрепленный священный участок Сабаиль ([47], с. 9, 10) с прямоугольным в плане башенным храмом. Эта священная крепость впоследствии, видимо, была разрушена либо византийцами ([439], с. 114), либо несколько позже Халифатом. Судя по отсутствию строительного камня, который, по всей вероятности, был разобран окрестными жителями до затопления развалин, этот комплекс так и не был восстановлен*.

Кроме указанных священных комплексов, мы предполагаем, что на Апшероне было еще несколько крупных святилищ, так же связанных с культом огня. Одним из них могли быть храмы на священном участке Шых-Иших (свет) близ Баку. Кроме того, вблизи Апшеронского полуострова была расположена крепость-светильник Чирах-гала. Интересны модели башенных и купольных храмов, найденные в Мингечауре: одна модель концентрическими кругами разде-

* Эту мысль, с которой мы согласны, высказал академик З. М. Буниятов.

лена на пять, а две другие — на три части ([42], с. 128 — 131). На скале Язылы в Кобустане изображены три башенных храма ([196], с. 115). В древнем Хорезме сохранились башенные храмы в городах Джанбас-кала, Топрах-кала и многие другие ([406], с. 120; [346], с. 40 — 43). Вышеописанные монообъемные ритуальные башни были созданы на основе второго творческого пути, по которому пошли древние зодчие Ближнего и Переднего Востока.

Как первая группа храмов, так и вторая являются результатом закономерного палеоархитектонического генезиса микрокульта ячейки древнего человека.

Большинство из приведенных храмов были магически декорированы или окрашены в так называемые планетные цвета. Не только храмы, но и крепостные стены в целях магической охраны специально декорировались. Столица Мидии Экбатана, согласно Геродоту, построена Дейоком, который окружил ее замок семью концентрическими зубчатыми стенами, окрашенными в семь «планетных цветов» ([412], с. 77), что точно соответствовало расцветке небесных сфер ([462], с. 118).

На данном примере, как и на урне с о. Мелос, мы видим, что магическим целям подчинены как архитектурно-композиционное решение, так и эстетическо-декоративное оформление. Семь в плане концентрических окружностей оборонительных стен и окраска каждой из них в свой специальный «планетный» цвет в мировоззрении древних мидян должны были вдвойне обезопасить их столицу.

В семь «планетных» цветов был окрашен восьмиэтажный зиккурат Зевса-Бела в Вавилоне, у которого первый этаж не был окрашен, а лишь приподымал семь священных этажей над землей. По этому же принципу были построены храм Бела на холме Бирз-Нимруд, в древности Борсиппа ([366], с. 59) и, видимо, круглые в плане мидийские храмы в крепостях Хар-Хар и Кишессу, возведенные из глиносырцовых кирпичей и укрепленные массивными контрфорсами. Мы видим, что их объемно-пространственная и конструктивная трактовка решена логично, инженерно грамотно, на основе принятого ритуального канона для сооружения восьмиэтажных башен с семью священными этажами.

Архитектурно-планировочное решение рассматриваемых крепостей говорит о том, что зодчие, создававшие их, так же стремились усилить теологическую значимость этих комплексов.

Крепость Кишессу, расположенная на крутой горе, окружена тремя концентрическими стенами. В связи с большим уклоном и небольшими площадями внутрикрепостного пространства архитектор был вынужден расположить семь башенных храмов перед крепостью. Судя по пропорциям этих башен, они решены восьмиэтажными с семью святилищами.

В более просторной крепости Хар-Хар мидийский зодчий разместил пять аналогичных храмов уже внутри крепости наряду с монументальным дворцом и неприступной цитаделью.

В городе Албана, Ал-Бак-ус, Баку — столице неугасимых огней, естественных источников газа и нефти ([224], с. 56; [439], с. 114), видимо, возвышалось несколько крупных башенных храмов, из которых до настоящего времени в Баку сохранился восьмиэтажный башенный храм, построенный по некоторому подобию глиносырцовых мидийских башен ([48], с. 4), на основе древних жреческих канонов ([285], с. 15), созданных каспийскими и мидийскими жрецами-зодчими. Это сооружение является единственным сохранившимся образцом древних каспио-мидийских башенных храмов.

Мидийцы, попав на новые места, поступали так же, как в свое время ассирийцы, которые, придя в Месопотамию, продолжали строить по сложившимся у них канонам, не вводя почти ничего нового ([366], с. 63,64). Сооружениями греко-римского стиля отмечен завоевательный путь римлян, которые также никогда не строили в стиле захваченной ими страны.

Бакинский башенный храм, видимо, был наиболее крупным из всех имевшихся в описываемом комплексе культовых сооружений и имел в первом этаже как бы преддверье храма и семь священных этажей с нишами, где горели «вечные огни».

Семиэтажные святилища в восьмиэтажных башнях в основном посвящались планетным богам, во главе с богом Солнца или беспредельного Света и поэтому всегда окрашивались в семь «магических» планетных цветов ([462], с. 101).

Анализируя исследуемый интерьер святилищ бакинского храма, мы не могли найти следов былой раскраски.

Казалось бы, бакинский храм представляет собой исключение, но это было не так. Ключ к разрешению этого вопроса, по нашему мнению, был найден в легенде, посвященной бакинскому храму (Девичья башня), где говорилось, что в святом храме горели семицветные огни ([419 а], с. 153). Таким образом, каждый ритуальный этаж бакинского храма был расцвечен в свой цвет, которого жрецы-маги спокойно могли добиться путем определенных химических добавок к пламени поэтажных газовых факелов в ритуальных нишах.

На Ближнем Востоке в древней Мидии, на территории современного Азербайджана возникла «наука магов» ([265], с. 24), которая, по свидетельству Диогена Лаэрти, была примитивным атомизмом. Этот самобытно возникший в древней Мидии атомизм стал известен грекам уже во второй половине V в. до н. э. ([264], с. 112) из трудов Демокрита, бывшего в детстве учеником магов и халдеев, от которых он, по словам Геродота, научился богословию и астрологии ([260], с. 191). Впоследствии Демокрит предпринял далекое путешествие в страны Ближнего Востока. В Египте он изучал математику (в особенности геометрию), в Вавилоне приобрел знания по астрономии, в Мидии он изучал атомистику и познакомился с учением Авесты ([264], с. 112).

О величайшем значении возникновения «науки магов» — древней атомистики, а от нее впоследствии и атомной гипотезы говорилось следующее: «Если бы в результате какой-то катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными и к грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это атомная гипотеза» ([417], с. 23).

Таким образом, жрецам-магам, жившим на территории современного Азербайджана и занимавшимся вопросами древней атомистики, конечно, не представляло труда добиться при помощи химических добавок ритуальной расцветки для каждого священного этажа своего, традиционного на Ближнем Востоке планетного цвета.

Низами Гянджеви в XII в. н. э., видимо, зная о потухших семицветных, семикрасочных огнях некогда могучего языческого храма, писал: «...Не надежен шатер семикрасочный» ([321], с. 542).

Наружные фасады бакинского храма пластично декорированы концентрическими полосами втопленных и выступающих рядов кладки (втопленные ряды могли быть расцвечены в планетные цвета). Они завершались семью тумбообразными газовыми горелками*, располагавшимися вокруг верхней, круглой в плане, священной площадки и создавали как бы огненную, золотую корону ярко-желтого пламени, бывшего ритуальным цветом бога Солнца** или в этих тумбах горели семицветные огни, символы беспредельного света.

Несомненно, желтое пламя, как символическая частица светила, горело и в святилище самого верхнего этажа башни, бывшем алтарем бога Солнца. Таким образом, в бакинском храме для ритуальных целей были использованы полихромные огни в газовых светильниках, что было наиболее передовым методом ритуальной расцветки по сравнению с аналогичными башенными храмами. Это и неудивительно, так как он был одним из более поздних храмов, построенных между VIII — VII вв. до н. э. ([48], с. 5).

Желая выявить глубокие корни и первопричину возникновения декора культовых сооружений горизонтальными членениями, мы обратились к произведениям прикладного искусства древности, выполненным в керамике, камне и бронзе. Изучение показало, что большинство из них декорировано крашеными, а чаще врезными или вдавленными горизонтальными полосами. Для выявления их количественных соотношений была составлена таблица 6, из которой стало видно, что из отобранных нами подряд 906 изделий — 260 были совершенно гладкими, 562

* Тумбообразные горелки ясно видны на картинах худ. Г. Сергеева «Вид крепости Баку» и неизвестного худ. «Вид города Баку, снятый с приезда от г. Шемахи» ([216], с. 142, 154, р. 3).

** Ярко-желтое пламя в газовых горелках бакинского храма могло достигаться добавкой обыкновенной поваренной соли, в избытке имевшейся на Апшероне (Д. А.).

изделия, т. е. 87% всех художественно оформленных, декорированы горизонтальными линиями. У определенного количества плоскости между этими полосами заполнены волнообразными линиями, орнаментом или тематическими рисунками. Из 562 изделий 470, т. е. 72,9% всех декорированных, оформлены горизонтальными линиями лишь в верхней своей части с гладкой нижней частью. Судя по данным таблицы 6, в рассматриваемый период наиболее распространенным видом декора было оформление только верхней части сосудов горизонтальными линиями с гладкой нижней поверхностью.

Характерным как для крашеной керамики, так и для чернолощенной был декоративный прием оформления сосудов — при помощи нанесения горизонтальных линий с разделением их на нижнюю гладкую и на верхнюю декорированную. Этот прием мог быть обусловлен тем, что, используя гончарный станок для декорирования сосудов, наиболее легко можно было наносить горизонтальные линии одинаковой или разной ширины.

Орнамент на сосуды наносили на плоскости, разделенные между собой горизонтальными полосами. Это можно наблюдать на сосудах из Мингечаура — эпоха бронзы, из Човдара, II тыс. до н. э., из Шахтагты — XVIII — XVII вв. до н. э., из Ходжалы — IX — VIII вв. до н. э. Особенно интересно решен чернолощенный сосуд из Ханлара, XI — IX вв. до н. э. Он разделен на меньшую нижнюю, конической формы, гладкую и на большую, суживающуюся к горлу, верхнюю, разделенную на одинаковые горизонтальные выпуклые ряды ([360], с. 150 — 152), определенно напоминающие оформление верхней части бакинского храма Ахура Мазды «Гыз галасы».

Декоративное оформление поверхностей горизонтальными линиями, местами сплошь, а большей частью — полосатым верхом и гладкой нижней частью, можно хорошо проследить и в керамических изделиях, найденных на территории бывшей Мидии и в археологических раскопках на территории древних Каспианы и Албании (северный Азербайджан).

Собрав множество сосудов (таблица 6), найденных на территории Албании ([24], т. 22, 30 — 35, 46; [362], с. 144, 145), Иберии [336], т. 52 — 65), Армении [432], т. 11, 14, 17), Хеттов, Ирана и ряда стран Средней Азии ([279], т. 2, 8, 12, 17), мы сделали соответствующие выводы. Отдельные исследователи считают, что декор горизонтальными линиями верхней части тулова сосуда образует кольцо от 3 до 11 параллельных вдавленных канавок, кроме прямых или волнистых линий на тулово наносился орнамент из врезных кругов и точек вокруг или в середине этих кругов, чаще всего в количестве семи или девяти точек. Такие круги располагались на тулове сосуда от трех до одиннадцати композиционных элементов ([26], с. 346). Орнаменты по содержанию часто отображали мировоззрение местного населения. На сосудах из грунтовых погребений встречаются рельефные лунообразные изображения.

Анализируя вышеописанные художественные приемы, мы можем сделать предположение, что сосуды, декорированные горизонтальными линиями, отражают культ бога Неба, а декорированные изображениями змей — спиралями, двумя кругами один в другом, кругами с точками внутри или снаружи, кругами, разделенными на четыре или шесть частей в виде колеса, говорят о посвящении этих сосудов богу Солнца, а количество их от трех до одиннадцати указывает на вечное движение Солнца ([372], с. 42, 44). Сосуды с рельефными лунообразными изображениями, в виде чистых кругов или полумесяцев, лишней раз подтверждают существование в древнем Азербайджане культа божества Луны ([363], с. 112, р. 103, 105). Сосуды, решенные в сочетании целого ряда символов, т. е. чередования горизонтальных полос, в промежутках между которыми расположены змеиные — разнообразные спирали ([189], с. 55, 57), солярные, лунарные и ряд других изображений, говорят о посвящении их всеобъемлющему божеству Беспредельного Пространства Света, первоосновы возникновения культов древних богов с их символикой. Таким образом, мы видим, что и в архитектуре и в прикладном искусстве распространены были культы древних богов Беспредельного Света, Неба, Солнца, Луны, иными словами, древняя основа возникновения митраизма.

Определенное количество рисунков и орнаментов на керамических сосудах которые в первооснове своей содержали глубокую теологическую или магическую сущность, фактически

со временем превратилось в чисто декоративное оформление, лишенное магического смысла и содержания, но по традиции повторявшее форму и манеру символического декора.

Устойчивые законы синтеза архитектуры и искусства говорят нам, что, по-видимому, горизонтальные параллельные членения являлись более простым, но очень выразительным методом декора, принятым в глубокой древности и в архитектуре.

Наглядным примером могут служить храмы, изображенные на камне 9 в Кобустане (III — II тыс. до н. э.), башенный храм Ахура Мазды в Атеши-Багуане (Баку) (VIII — VII вв. до н. э.), мидийские башенные храмы, увековеченные на ассирийских рельефах, изображенные в VIII в. до н. э. ([412], с. 187). Часть из этих храмов в столь запущенном состоянии, что их явно можно отнести к середине или концу II тыс. до н. э., башня крепости Чирах-гала, видимо, самое древнее сооружение этой крепости, которое можно отнести к V — IV вв. до н. э., башни-склепы в Кобанском и Даргавском ущельях в городах мертвых в Северной Осетии ([402], с. 15 — 17) Их можно датировать IV — I вв. до н. э. — I — VIII вв. н. э. Архаические образы архитектуры этих башен говорят об их древнем происхождении.

Если исследовать отдельные храмы Индии, правда, построенные в раннем средневековье и позже, мы можем наблюдать тот же архитектурно-декоративный прием ([498], т. 3, 4, 6, 16 — 20, 23 — 26).

С гладкой нижней частью и полосатым дарбазным куполом была решена Джума-мечеть в крепости Баку, построенная на базе древнего храма огня в XIV в. Как видно из приводимых нами рисунков северо-осетинских башенных склепов, индийских храмов и Джума-мечети, все они имеют более или менее гладкий низ, часто насыщенный порталами или проемами, и верхнюю часть, оформленную строгими горизонтальными членениями. Для индийских храмов, намного позже построенных, чем бакинский башенный храм, характерно скульптурное заполнение втопленных, а иногда и выступающих частей горизонтального членения верхней части.

Примером горизонтального оформления башенных сооружений Азербайджана можно привести главную башню крепости Чирах-гала, относимую к V — IV вв. до н. э. ([413], с. 29 — 31), но это пример, когда прообразом для создания новых сооружений явно послужил древний храм Ахура Мазды г. Баку. Интересно трактованы стены башни Чирах-гала, ряды кладки которой решены чередованием каменных квадр с рядами из обожженного кирпича. Тут можно предположить несомненное влияние ряда местных азербайджанских кладок, сочетавших булыгу с кирпичом, булыгу с тесаным камнем. И, наконец, учитывая тесные связи древнего Азербайджана с Ближним и Средним Востоком, можно предположить, что на кладку стен башни Чирах-гала оказало влияние оформление стен фасадов дворцового комплекса в Баальбеке, где многие стены решены в сочетании горизонтальных рядов каменных квадр и трех рядов обожженного кирпича ([337], с. 98).

Но сходство кончается на принципе оформления стен, в остальном — это совершенно разные по назначению постройки. Во всех приведенных нами зданиях сказывается синтез древнего искусства с архитектурой, который в наиболее чистом виде мы можем наблюдать на примере бакинского башенного храма, где автором очень талантливо применен принцип разделения на рубчатую верхнюю и гладкую нижнюю части. Причем решено это просто и строго, в разных объемах по-разному, с объединением их на северном фасаде в единый декоративный прием. Таким образом, оформление фасадов бакинской «Гыз галасы» — не случайная прихоть зодчего, а закономерный и современный для эпохи строительства декоративный прием, применяемый во многих образцах прикладного искусства и, кроме того, характерный для башенных храмов описываемого и более позднего периодов.

Уникальность образа бакинского башенного храма и несовпадение мнений о его назначении заставили нас, для уточнения ряда спорных вопросов, проделать подробный архитектурно-конструктивный анализ.

Конструкции башенного храма города Баку решены без излишней изощренности, в нем чувствуется архаическая первооснова древних мидийских башенных храмов, начало строительства которых, судя по ассирийским рельефам крепостей Кишессу и Хар-Хар, явно уходит во II тысячелетие, видимо, в эпоху древнего государства Манна.

Глухая масса стен с редкими проемами, местоположение и конструкции которых подтверждают, что они решены лишь для освещения нижних лестничных площадок и для вентиляции каждого ритуального этажа. Лестничные марши запроектированы древним зодчим в толще стены и перекрыты ступенчатым сводом, являющимся разновидностью древнеазербайджанского сводчатого «дарбази».

Этот метод перекрытия — наиболее архаичный, но конструктивно логичный — в те времена, видимо, широко применялся на Апшероне для перекрытий наклонных лестничных коридоров. Ступенчатый свод прекрасно выдержал испытание временем, а отсутствие трещин в нем говорит о том, что этот тип перекрытия хорошо передает на основание нагрузки, приходящиеся на него от вышележащих стен. Оригинальность и разумная осмысленность конструктивного решения ступенчатого свода заключаются в следующем: вся нагрузка, приходящаяся на длинный наклонный свод, не давит распором в нижнем своем основании, а дробится на столько частей, из скольких ступеней состоит перекрытие в целом, и каждой ступенькой передается на стену, причем сила тяжести передается перпендикулярно на основание ступенчатых камней, без разложения сил, а это значит, что в них отсутствуют растягивающие и складывающие усилия.

Этим и объясняется, что сравнительно тонкие камни, из которых составлен ступенчатый свод, сохранились до настоящего времени без деформации и трещин, а только выветрились и местами осыпались, но все же продолжают нести нагрузку.

Это конструктивное решение перекрытий наклонных лестничных коридоров явно внесено местными мастерами-каменотесами, так как в Мидии ввиду отсутствия камня аналогичные наклонные коридоры, видимо, перекрывались скорее всего деревянным ступенчатым потолком или полуциркульным сводом, аналогично перекрытиям наклонных галерей, ведущих в погребальные камеры египетских пирамид, — пирамида в Гизе и др. ([462], с. 69; [420], с. 30).

Возможно, мидийцы подобно египтянам и ассирийцам применяли кирпичные своды и купола, которые они сооружали без помощи кружал, возводя их, по выражению Страбона, «вследствие недостатка дерева» ([462], с. 90).

Древнее дарбазное ступенчато-балочное перекрытие могло зародиться скорее всего там, где есть в изобилии строительный лес: карадамы* — дарбази в Азербайджане, глхатун — в Армении, гвиргвини — в Грузии. Кроме того, ступенчато-балочные своды успешно применялись там, где имелся прочный камень — Гыз галасы в Баку, туркменские дарбази и др. ([342], с. 205).

Поэтому в конструкциях Девичьей башни очень гармонично переплетаются местные приемы апшеронского зодчества с привнесенными из других стран Древнего Востока, где они использовались на основе местных строительных материалов и традиций.

Купол в качестве покрытия жилого дома начал складываться еще в эпоху доклассового общества. Световое или вентиляционное отверстие помещалось на вершине куполов, имевших вид полусферы или яйцеобразное очертание ([109], с. 170, 171). Последние очень распространены на Апшероне, располагаясь на крышах попарно над тендирами — печами для выпечки чуреков — хлеба. Этот принцип проветривания через купольное отверстие явно дошел до наших дней от древних ложнокупольных домов неолита, энеолита, а также от более поздних домов, перекрытых дарбазными куполами.

Плоский сферический купол с отверстием на вершине мы имеем и в междуэтажных перекрытиях бакинского храма «Гыз галасы». Здесь опять прослеживается тема круглых в плане древних микрокультовых ячеек с отверстием на вершине купольных перекрытий.

Купола бакинского храма, небрежно реставрированные, в настоящее время почти не могут повторить прежнее их очертание. Только в некоторых этажах мы можем увидеть их плавную, конструктивно оправданную линию перехода от стен к куполу.

Вопрос возведения восьми бакинских куполов — междуэтажных и верхнего перекрытий «Гыз галасы» был гораздо легче разрешим, чем в ассирийских храмах и жилых домах, так как нужно было перекрывать круглые в плане помещения. Зодчий, возводивший этот древний храм,

* Карадам — это полуземляночное сооружение, перекрытое дарбазным куполом. Поэтому неправильно называть конструкцию «дарбази» карадамом, хотя оно иногда применяется в народе (Д. А.).

видимо, был грамотным строителем, правильно решавшим вопросы конструирования. Это подтверждается тем, что он внутреннее пространство башни решил уширить кверху, облегчив стены верхних этажей, что, в свою очередь, вынудило делать купол каждого этажа по-новому, так как они все немного отличались друг от друга. Принцип построения сферических куполов с отверстиями, служившими ритуальным целям и одновременно для отвода горячего воздуха и дыма от священных факелов в нишах каждого ритуального этажа, как можно судить по рельефу из Куянджика и азербайджанским «дарбази», относится к очень древним временам, а метод их построения, конечно, не был чужд местным мастерам-строителям II и I тысячелетия до н. э.

На втором и последующих этажах наклонно уложенные перемычки образуют входной проем, ведущий от нижней лестничной площадки к наклонным коридорам, в которых проходят одномаршевые лестницы, часто переходящие на забежные ступени при повороте к проему, ведущему в верхнее ритуальное помещение.

Все вышеописанные конструкции, наряду с местными строительными приемами, характерными для апшеронской архитектуры, имели много общего с хеттскими, ассирийскими и далекими индийскими архитектурно-строительными формами и приемами. Интересно решен входной узел бакинского храма, расположенный в свое время на высоте около четырех метров от уровня земли. Полуциркульный свод высотой 2,16 м прямо выходит к наружной стене и является единственным входом в преддверье храма. Весь входной узел длиной 4,25 м состоит по длине из трех сводчатых отсеков: 1-й отсек — 0,99 м; 2-й отсек — 1,29 м; 3-й отсек — 1,97 м, почти равных по ширине — 1,13 м в первом отсеке и 1,10 м — в третьем. Каждый отсек отличается от другого последовательным повышением на 0,28 м.

Полуциркульные своды, которыми перекрыты три отсека входного коридора, решены по принципу безкружальных сводов. История древних сводов — это история тех приемов, при помощи которых становилось возможным возведение их без всяких лесов ([462], с. 22).

Апшерон в I тыс. до н. э. был именно таким местом, где не было своего строительного леса, а имелся в неограниченном количестве прекрасный камень-известняк.

Полуциркульное очертание единственного входа бакинского храма очень похоже на единственные входы мидийских башенных храмов, крепостей Кишессу и Хар-Хар, кроме того, и на главные ворота тех же и ряда других горных мидийских крепостей изображенных на ассирийских рельефах из Дур-Шаррукина в конце VIII в. до н. э. ([24], т. 5; [175], с. 166, 211).

Полукруглая форма входов, видимо, была основной в зданиях и сооружениях Мидии. Это лишний раз подтверждается ассирийским рельефом из Ниневии VII в. до н. э., изображающим насильное переселение мидян, где схематично показан фрагмент мидийской крепости с воротами, перекрытыми полуциркульной аркой ([175], с. 200).

Полукруглой арочкой завершились щелевидные окна бакинского храма, ориентированные на юго-восток и защищенные выступом контрфорса от сильных нордовых ветров, которые, обтекая широкий объединенный массив собственно башни и контрфорса, вызывали в подветренном пространстве разряженную атмосферу, а это создавало оптимальные условия для создания вытяжного вентилирования внутренних помещений семи святилищ храма, где через вышеуказанные оконные проемы горячий воздух устремлялся в разряженное пространство. В случае, если дули юго-западные ветры, то они, обтекая цилиндрический объем башни и постепенно суживающийся в плане контрфорс, создавали добавочную тягу, которая стимулировала усиление вытяжного вентилирования. Нами были проделаны опыты по проверке вентилирующих способностей поэтажных окон, ступенчато поднимающихся от пола и постепенно суживающихся к наружной стене. Окно каждого этажа, расположенное намного выше отметки пола, в специальной нише, постепенно расширялось с боков к внутренней стене и особенно резко несколькими ступенями книзу, что создавало возможность вентилировать помещение и освещать нижнюю лестничную площадку, не затрагивая естественным светом ритуальное помещение, где в алтарной нише горел «священный» огонь.

Исследование, которому посвящен данный раздел работы, еще раз подтверждает, что Апшеронский полуостров, особенно его южное побережье, благодаря наличию множества естественных газовых огней, ясного Неба, знойного Солнца и яркого свечения Луны, с глу-

бокой древности стал местом возникновения архаических религий, а следовательно, и древних культовых сооружений, архитектурный облик которых так наглядно сохранил для потомков художник, изобразивший на скале 9 в Кобустане примерно в III — II тыс. до н. э. три характерных типа храмов древних каспиев.

Архитектурно - композиционная закономерность генезиса древних культовых сооружений, ритуально эстетическая взаимосвязанность методики изготовления и единая нить магического декора произведений прикладного искусства и антропоморфных скульптур в разных странах Древнего Востока показывают творческий путь становления и взаимовлияния их палеоэстетики и палеоархитектоники (карты I и II).

Глава IV РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СООРУЖЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА И НЕКОТОРЫХ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХРАМОВ ИРАНА В ЭПОХУ ПЕРВЫХ АХЕМЕНИДОВ. РЕКОНСТРУКЦИЯ И ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ИХ К КУЛЬТУ АХУРА МАЗДЫ

В начале I тыс. до н. э. большую часть древнейших племен, обитавших на территории южного Азербайджана, составляли маннеи, которые жили к югу от озера Урмия. По сравнению с соседними областями государство Манна в экономическом и культурном отношении было наиболее развито. Восточнее и юго-восточнее маннеев располагались племена мидян, первые сведения о них (IX в. до н. э.) встречаются в ассирийских надписях, в которых области их расселения назывались «Мадай» или «Амадай» (Мидия). Согласно Геродоту, Мидия состояла из шести племен. В 70-х годах VII в. до н. э. возникло Мидийское государство, которое в конце VII и начале VI вв. до н. э. подчинило государство Манну.

Строительное искусство получило большое развитие в Мидии, где имелись опытные мастера, трудом которых пользовались при строительстве дворцов в Сузах — старой столице Элама.

В середине VI в. до н. э. при последнем мидийском царе Астиаге внутреннее положение страны осложнилось. Обострились классовые противоречия и раздоры среди правящей верхушки, которые привели к сильному ослаблению государства.

Ослаблением Мидии воспользовались персы. В 553 г. до н. э. они восстали против Астиага. Их вождь Кир из рода Ахеменидов в 550 г. до н. э. завоевал Мидию, а после Вавилонии, создав государство Ахеменидов, ставшее наследником большой мидийской культуры — письменности, искусства, в особенности культового. Множество храмов, капищ и алтарей, посвященных мидийским богам, были расположены на территории Ахеменидского государства.

Геродот ([143], к. 1. 131), говоря о религии персов, писал: «Они не считают правильным воздвигать кумиры, храмы и алтари, но тех, которые это делают, они упрекают в глупости, как мне кажется, потому, что они не рассматривают как эллины богов человекоподобными», «они имеют обыкновение приносить жертвы Зевсу на высочайших горах»*. После Зевса (Ахура Мазды), отождествленного с небесным сводом (таблица 4), персы поклоняются природным стихиям. «Приносят они жертвы также Солнцу, Луне, Земле, Воде и Ветрам» ([391], с. 116). Иными словами, основных богов было семь во главе с Зевсом — Ахура Маздой ([412], с. 148).

Многие исследователи на основании высказываний Геродота пришли к убеждению, что в эпоху первых Ахеменидов в Иране не было храмов, капищ и алтарей, посвященных главному богу Ахура Мазде, и что они вообще там не строились. Мы постараемся доказать обратное.

Перед своим походом на Египет (526 г. до н. э.) Камбис, сын царя Кира, приказал убить своего брата Бардию (греч. Смердис), сатрапа Бактрии. Убийство было совершено тайно, и об этом почти никто не знал ([176], с. 80).

Во время отсутствия царя Камбиса начались волнения среди иранских племен в Мидии. Во главе их стали два брата жреца («мага»). Один из них Гаумата объявил себя Бардией (лже-Смердис), братом царя Камбиса ([388], с. 119). Камбис бросает свои дела в Египте и спешит в Иран, по дороге он умирает. После его смерти персидская держава распалась.

* Одним из центров древнего огнепоклонства, как мы постарались доказать, был южный берег Апшеронского полуострова, где имелись горы, сиявшие «сверхъестественными вечными» огнями газовых факелов. Возможно, именно это послужило причиной того, что Ахемениды приносили жертвы Ахура Мазде на высочайших горах ([56], с. 15).

Во главе движения становится мидийское жречество — «маги», которые в союзе со знатью захватывают власть в свои руки. Недовольные народными массами, организованными в войско, они разрушают храмы народа и захватывают общественные пастбища, нанося этим народу огромный ущерб ([388], с. 421, 422).

Против лже-Бардии выступил царевич Дарий (древнеперс. Дараява (х) уш) из боковой линии Ахеменидского дома. Дарий захватывает крепость Сикаяуватиш в области Нисая в Мидии, убивает Гаумату (522 г. до н. э.) и берет власть в свои руки ([176], с. 83).

В Бехистунской надписи сказано: «Говорит царь Дарий: ...Я с немногими людьми погубил этого Гаумату и его знатнейших приверженцев... Волей Ахура Мазды я стал царем. Храмы, разрушенные магом, я возобновил (реставрировал. — Д. А.). Народу выгоны, стада и храмы, отнятые Гауматой, я возвратил...»*.

Опираясь на ученье Заратуштры и широкие народные массы свободных, Дарий побеждает Мидию и все окружающие ее племена, присоединив их к Персидскому государству ([388], с. 422 — 424).

Но в Бехистунской надписи нет ничего о священной книге зороастрийцев — Авесте, а это говорит о том, что, победив магов и вернув Персии былое могущество, Дарий отказался от почитания верного пророка Ахура Мазды, Заратуштры, являвшегося посредником между Ахура Маздой и человечеством, считавшегося спасителем (саошиантом) человечества.

Дарий и его сын Ксеркс, оставив всю сущность зороастрийского учения, очевидно, заменили собой пророка и стали считаться посредниками между Ахурой Маздой и человечеством, объявив себя «саошиантами», именно поэтому в их религиозном мировоззрении не было места для Зороастра. Э. Герцвельд пишет: «В Накши Рустамской надписи Дария все юридическое и этическое содержание надписи, вся композиция с четким противопоставлением добра и зла являются зороастрийскими» ([389], с. 136 — 138).

Заменив собой пророка Заратуштру, Дарий и Ксеркс, понятно, ни в одной из своих эпиграфических надписей не упоминают ни его имени, ни его священной книги Авесты. Видимо, в этом была причина, что нигде в книгах истинных зороастрийцев не упоминаются имена первых ахеменидских царей Ирана, столь ревностно поклонявшихся Ахура Мазде.

Этим антагонизмом, по всей вероятности, объясняется тот факт, что Геродот, интересовавшийся Персией и персами, не отметил в своем повествовании имени Заратуштры ([391], с. 115), так как оно в период пребывания Геродота в Персии и посещений им дворов малоазиатских сатрапов нигде не упоминалось, видимо, запрещенное царями Ирана, которые сами в то время считались саошиантами, а не потому, что оно было еще мало известно на Западе и в Персии ([391], с. 116).

Подтверждением факта почитания Ахура Мазды в столь раннее время является табличка царя Ариарамна, прадеда Дария I, найденная в Хамадане — древней Экбатане.

В Бехистунской надписи Дарий I говорил, что он с помощью Ахура Мазды разрушенные храмы возобновил, видимо, имея в виду храмы Ахура Мазды, которые по его приказу были восстановлены, т. е. реставрированы. Значит, задолго до восстания мага Гауматы в Персии имелось множество храмов, которые были им разрушены. Царь Дарий I поднял их из развалин и уже функционирующими вернул народу. В гаремной надписи сказано: «Когда Дарий сделался царем, он построил много прекрасного» ([390], с. 125). В надписи Ксеркса о дэвах написано: «Говорит Ксеркс царь: Затем мне Ахура Мазда помощь принес, волей Ахура Мазды те страны покорил и в них порядок восстановил. И среди этих стран были (места), где раньше почитались дэвы (дайва). Затем волей Ахура Мазды я те капища дэвов разрушил и издал запрет: «Дэвы не должны почитаться». Где раньше дэвы почитались, там я Ахура Мазду почитал и именно через право (арта), (т. е.) через священный огонь. Надпись о дэвах должна быть датирована самым

* В. В. Струве говорит «В это тяжелое для народных масс Мидии и Персии время появляется одна из крупнейших личностей — «пророк» Заратуштра (Зороастр), который является выразителем стремлений широких масс, представителем оседлых скотоводческих племен. Заратуштра считается творцом или, во всяком случае, организатором религии зороастризма. Дарий принимает его религиозную систему и становится верным поклонником Ахура Мазды» ([388], с. 424).

началом царствования Ксеркса» ([39], к. 122)*. Если в большой Бехистунской надписи говорится о восстановлении и реставрации Дарием I разрушенных магом Гауматой храмов, то в надписи Ксеркса о дэвах говорится о разрушении капищ дэвов, а не их храмов, которые в вавилонской версии называются домами зла. Разрушив в этих храмах капища дэвов, Ксеркс велел возводить на их местах капища или алтари, на которых он Ахура Мазду почитал и именно через право (арта), т. е. через священный огонь превращая таким образом дома зла в дома добра — храмы Ахура Мазды. Видимо, в первоначальный период Ксеркс новых храмов не строил, а занимался сакральной реконструкцией многочисленных храмов, в которых он уничтожал капища дэвов и устанавливал капища-алтари священного огня.

Мы считаем, только этим можно объяснить, что Геродот, который был в середине V в. до н. э. в Персии и во многих ее сатрапиях, не замечал строительства новых храмов, а наоборот, мог видеть множество заброшенных храмов с разрушенными капищами дэвов, до которых пока не дошла очередь сакральной реконструкции, и поэтому решил, что персы храмов не строят.

В. В. Струве, соглашаясь с мнением Геродота, считает, что это утверждение его перекликается со свидетельством надписи Ксеркса о разрушении храмов (капищ) дэвов. Далее он считает необходимым отметить, что большая Бехистунская надпись также сообщает о разрушениях каких-то святилищ (храмов.— Д. А.) магом Гауматой ([391], с. 120).

Видеть в религиозных реформах Ксеркса повторение действий, уже совершенных Гауматой, нам кажется, ошибочно, так как Гаумата разрушал храмы, чтобы, с одной стороны, уничтожить владычество жреческих корпораций, а с другой стороны, ослабить народные массы, организованные в войско, а не с религиозной точки зрения. Храмы, которые были разрушены Гауматой, не были посвящены дэвам, и, судя по Бехистунской надписи, это были храмы Ахура Мазды. Ксеркс же не разрушал храмов. Он пишет: «...Я капища дэвов уничтожил, а там, где раньше дэвы почитались, я Ахура Мазду почитать заставил»**. То есть он уничтожал в храмах дэвов их алтари или капища и на их местах устанавливал алтари огня — символическое олицетворение этого божества***. Поэтому мы считаем, что совершенно прав В. В. Струве, который подверг критике Ф. Кенига, предполагавшего, что Ксеркс разрушал некоторые большие храмы огня, находившиеся, вероятно, в Мидии. Это предположение опровергается свидетельством греческих источников, которые указывают на то, что огонь почитался в западном Иране в эпоху Ахеменидов, тем более Ксеркс, издав повеление почитать Ахура Мазду через священный огонь, конечно, не мог одновременно уничтожать места поклонения огню. Культ огня, по свидетельству Фирдоуси и других средневековых авторов, восходит к глубокой древности. На ассирийских рельефах, изображавших взятие мидийских городов и поселений, имеются изображения алтарей огня, которые напоминают сосуды огня, применявшиеся в культуре персов. Эти мидийские алтари огня, изображаемые ассирийцами в VIII в. до н. э., были близки к тем, которые стояли под открытым небом на горах над городом Персеполем ([391], с. 123). Это, несомненно, говорит о влиянии мидийских культовых искусства и архитектуры на аналогичные сооружения Персии как в монументальных сооружениях — храмах, культовых башнях****, так и малых формах — капищах и алтарях.

Соглашаясь с предположением С. Гартмана и Ф. Кенига о том, что алтари огня выполняли иные функции, нежели жертвенные алтари греков, начинаем понимать заявление Геродота, что персы не знали алтарей, т. е. алтарей, свойственных греческому культуру ([391], с. 123).

В результате исследования В. В. Струве приходит к выводу, что во многих мидийских городках почитались боги, близкие по своему характеру также ассирийским богам Нергалу,

* Надпись о дэвах была снабжена эламской и вавилонской версиями ([391], с. 118; [259], с. 122).

** Реформа Дария, завершенная Ксерксом, имела успех, поэтому официально персами признавались лишь Ахура Мазда и весьма близкое ему божество Митра. Племенные боги «дэвы» были лишены своей божественности и низведены до простых сил природы ([143], к. 131).

*** В надписях Ахеменидов Ахура Мазды называется «Бага», богом, а «бага» является специфическим эпитетом бога Митры ([390], с. 247).

**** Примером можно привести остатки круглого башенного храма на горе близ г. Исфагана, стены которого сохранились на 170 — 180 см, по высоте и диаметр которого примерно равен 12 м.

Набу, Ададу и др. (таблица 3). Это были великие боги древнего Иранского пантеона, т. е. те самые дэвы, капища которых разрушались по приказу Ксеркса. Нам кажется, Ф. Кениг ошибочно считал, что мидийцы храмов своим богам не строили, ссылаясь на то, что ассирийцы, сообщая о разрушении храмов враждебных народов, ничего подобного не писали при походах на Мидию ([391], с. 124). По-видимому, вышеприведенная общность мидийских и ассирийских богов была причиной того, что ассирийцы не разрушали храмов родственных культов*, а не того, что у мидян не было храмов. Храмы, капища и алтари дэвов и других богов были мидийского происхождения. Мидия, бывшая владычицей почти всей территории, где впоследствии возникла Ахеменидская держава, несомненно, строила сама и заставляла покоренные народы строить храмы своим богам. Создатели Ахеменидской державы цари Кир и его сын Камбиз были в основном заняты войнами, и им было не до строительства. Царь Дарий I, согласно Бехистунской надписи, разрушенные храмы восстановил и вернул народу. Дарий сам, видимо, много строил и в его время создавались новые храмы, капища и алтари, но уже посвященные богу Ахура Мазде (таблица 4).

Учитывая большое количество восстанавливаемых храмов мидийской архитектуры, мы считаем, что в этот период в Иране не создавались культовые сооружения ахеменидского стиля. Об этом можно судить по алтарям огня, которые стояли на высоких горах над Персеполем, решенные в мидийском стиле. Мы можем предположить, что все культовые сооружения возводились по древним жреческим канонам, созданным на основе архаических храмов Манна-Мидии и Каспианы, в состав которой входила «страна огней» — Апшеронский полуостров, башенные храмы его (III — II тыс. до н. э.), как выше указывалось, увековечены на камне 9 горы Джингирдаг в Кобустане ([168], с. 28, 29; [57], с. 3, 4). Храмы, построенные на основе указанного канона, возводились по всей огромной Мидийской империи и по обширным землям Каспианы.

Анализ ассирийских изображений — взятие мидийских крепостей Кишессу и Хар-Хар, а главное, наши реконструкции ([55], с. 49 — 51), убеждают нас в том, что у мидийцев имелись башенные, видимо, восьмиэтажные храмы с семью священными этажами ([54], с. 12). Объемно-пространственное решение восьмиэтажных храмов на основе определенной общности богов, несомненно, роднило их с башенными храмами Зевса-Бела в Вавилоне, в Бира Нимруде ([187], с. 15) и многими другими.

Аналогичный башенный храм, построенный под сильным влиянием канонизированной мидийской и каспио-апшеронской ([57], с. 10) архитектуры, созданный жрецами-зодчими, сохранился до настоящего времени в Баку, созданный, несомненно, в доахеменидский период, т. е. тогда, когда Ахура Мазда почитался вместе с другими богами до объявления их бессмертными святыми (Амеша Спентами) ([56], с. 16).

Разрушая только капища дэвов — древних богов мидийского и персидского пантеонов, Дарий и Ксеркс чтили не только Ахура Мазду, но и богов его круга ([191], с. 123). В то же время они не уничтожали культы богов завоеванных стран, а следовательно, и их храмы. Об этом свидетельствует политеистическая формула Дария I: «Ахура Мазда великий, который величайший из богов», «Ахура Мазда со всеми богами» продолжается в надписях Ксеркса, также заявлявшего «Ахура Мазда, который величайший из богов» — и он молится о том, чтобы его защитил Ахура Мазда вместе с богами**.

Зороастр, конечно не считал бы правоверными зороастрийцами ни Дарния, проповедуя, ни Ксеркса, что Ахура Мазда единственный добрый бог, тогда как у них Ахура Мазда лишь величайший из (многих) богов ([254], с. 31, 32).

Возвращаясь к свидетельству того же Геродота, «культ Ахура Мазды совершался вне стен храмов», иными словами, храмы имелись, но Ахура Мазде жертвы приносились под

* С. М. Кашкай отмечает, что в области Приурмийского бассейна изображений божеств, полностью идентичных ассирийским или урартским, не найдено ([213], с. 109). Это вполне закономерно, так как любая религия, несмотря на общность богов, всегда обладает локальными, чисто региональными чертами (Д. А).

** Эламская версия Бехистунской надписи называет Ахура Мазду «богом арийцев», то есть мидийцев и персов, ведущих племен западного Ирана ([159], с. 28).

открытым небом, на высочайших горах. Это правило восходит к очень глубокой древности, когда племена Ирана еще не знали храмов. Нам кажется, этот обычай возник в связи с особенностями жертвоприношений Ахеменидов, приносивших в жертву большое количество скота.

Прибыв к реке Скамандру, Ксеркс велел принести в жертву Афине Илионской 1000 быков ([143], к. VII, 42, 43, 54). По любому случаю персы часто приносили в жертву большое количество быков. Понятно, что такое количество скота закласть на алтарях в храмах невозможно, и поэтому возникла необходимость в ахеменидской Персии, кроме храмов, иметь еще святилище под открытым небом на высочайших горах или в специально огороженном месте, где горели священные огни. Массовое жертвоприношение скота первыми Ахеменидами лишней раз подтверждает, что, несмотря на ревностное поклонение Ахура Мазде, они не были зороастрийцами.

Зороастр гневно обрушивается на противников оседлого скотоводства, на их кровавые жертвоприношения ([100], с. 122; [176], с. 62, 63). «Горе лжежрецам, приверженцам кровавых жертвоприношений, уничтожающим скот, Карпанам и их покровителям, Кавиям...» ([100], с. 122).

Но отдельные исследователи утверждают, что религия первых Ахеменидов и магов с их храмами была одной из форм раннего зороастризма, считая, что почитание огня, исполнение ритуала хоамы — хомы и принесение кровавых жертвоприношений не находятся в противоречии с учением Заратуштры ([159], с. 31, 32, 529). Мы считаем, что религия первых Ахеменидов была разновидностью древнего маздаизма, но никак не зороастризма.

Дарий I приказал вырезать для Ахура Мазды большую победную надпись и над ней рельефы, изображающие царя Дария I перед пленными вождями мятежников. Рельеф венчает изображение Ахура Мазды, вырастающего из крылатого солнечного диска*.

Аналогичное изображение Ахура Мазды имеется во дворце Дария в Персеполе ([425], р. 30; [187], с. 39, 70, 74) и в ряде других мест. На наш взгляд, это все-таки сотворение кумира, что еще раз не совпадает со словами Геродота. Дарий был реформатором не только в религии и в искусстве, он также провел письменную реформу. Дарий царь говорил: «Волею Ахура Мазды я писание другим способом составил по-арийски, чего раньше не было как на глине, так и на коже...» ([392], с. 46, 48, 49, 51). Это нововведение Дарий считал настолько важным, что упомянул о нем в Бехистунской надписи. Таким образом, по повелению Дария документы стали писать по-арийски, т. е. арамейским алфавитом. В. В. Струве в своих интерпретациях (§70 Бехистунской надписи) пришел к выводу, что до Дария существовал другой способ написания арийских, т. е. персидских текстов, — то клинообразное письмо, которое называли персидским.

Стало быть, надписи в Парсагадах, упоминающие царя Кира, были составлены им самим, а не Дарием. Возведение рождения персидской клинописи ко времени Кира, занятого бесконечными войнами, мало вероятно, поэтому В. В. Струве, Ф. Борк, Ф. Кениг и др. относят создание персидской клинописи к эпохе до Дария, а Хюзинг уже в 1900 г. утверждал, что персы свою клинопись должны были перенять от мидян. В. В. Струве считает, что так называемая клинопись была создана по повелению Киоксара, т. е. в эпоху Мидийской державы.

В 1964 г. британская экспедиция произвела раскопки в Парсагадах в «Священной ограде», выяснив первоначальную конструкцию двух великолепных алтарей. В центре платформы должно было находиться еще одно культовое сооружение — возможно, небольшой храм.

Три культовых сооружения возведены в пределах «Священной ограды» Парсагад. Какому божеству они были посвящены? Существует предположение, что они были посвящены божественной триаде — Ахура Мазде, Митре и Анахите, были и другие предположения, но, как считает В. Г. Луконин, перед нами, несомненно, свидетельство об алтарях огня уже раннеахеменидской эпохи ([259], с. 97).

* Изображение Ахура Мазды восходит к иконографии Ассура, главного бога Ассирийской державы. Сопоставление изображений бога Ассура и Ахура Мазды дано в труде Э. Герцфельда ([505], с. 254).

Рисунки ассирийцев — взятие мидийских крепостей с изображением на них башенных храмов и алтарей, архитектурный облик которых родственен алтарям огня, стоявшим на горах над Персеполем, и храму огня на горе вблизи г. Исфагана. Несомненное сходство наблюдается также с комплексом башенных храмов, изображенных на камне 9 священной горы Джингирдаг в Кобустане (III — II тыс. до н. э.) с башенным храмом Ахура Мазды и шести Амеша Спента в священном городе Ал-Бак-ус, Атеши-Багуан, Баку ([56], с. 15) (VIII — VII вв. до н. э.) и, наконец, башней в крепости Чирах-гала, IV — III вв. до н. э. (Каспийские ворота) ([60], с. 19). Все это говорит о несомненной общности архитектурно-планировочного и объемно-пространственного решения вышеуказанных алтарей и храмов, а следовательно, несомненной связи мидийских и персидских культовых сооружений с алтарями и храмами каспиев и албан.

2. АРХИТЕКТУРА ИНТЕРЬЕРОВ 2.1. ХРАМОВ МИТРЫ

В Казахском районе на левом берегу Акстафачая, одного из притоков р. Куры, были обнаружены пять холмов, по культурным слоям которых прослеживается развитие оседлой земледельческой культуры. Это был известный многослойный памятник Баба-дервиш ([319], [451], с. 100 — 105; [22], с. 123). Первые три холма были исследованы в 1958 — 1964 гг. Материалы раскопок относятся к разным этапам энеолита и бронзы.

На первом холме были обнаружены круглые в плане землянки (диаметром 3,8 м) с пристенными очагами, а в самом нижнем слое четыре землянки, относящиеся к эпохе энеолита*. На этом поселении были найдены мелкие антропоморфные и зооморфные скульптуры, а также модели колес**.

Соседний холм также был представлен круглыми в плане постройками, в центре которых находились керамические переносные очаги с внутренними выступами и полусферическими ручками. По сравнению с пристенными земляными очагами эти свидетельствуют о более высоком уровне развития данного поселения.

В центральной части раскопа в культовой яме была обнаружена стела (обломок древнего — вишапоидного менгира) с орнаментом в виде двойной спирали ([190], [451], с. 105).

В 1966 г. начинались исследования четвертого и пятого холмов. В результате раскопок на четвертом холме были выявлены жилища, культовые здания, остатки глинобитных очагов с алтарями, хозяйственные ямы и тендиры (печь для выпечки хлеба). Исследование установило, что эти поселения относятся к эпохе поздней бронзы и начала железа***.

Почти четырехугольные в плане жилые и культовые здания строились из речных камней и глины. В некоторых сооружениях имелись деревянные столбы, видимо, поддерживающие двухскатные крыши из соломы и глины.

Углубления для основания столбов были обнаружены как по центру здания, так и в фундаментах стен, где эти столбы, видимо, являлись, своеобразным каркасом, воспринимавшим нагрузки от стропил крыши. Стены и пол были обмазаны глиной.

Наиболее ценным в этом поселении было открытие двух культовых сооружений (храмов) с очень интересными и сложными по композиции алтарными устройствами.

Первый храм. Почти на две трети глубины помещения молельного зала этого храма находился глинобитный алтарь трехплановой композиции****, состоящей из следующих элементов: в нижней части на основной композиционной оси расположен подковообразный

* И. Г. Нариманов считает, что указанная группа характеризует более развитый этап культуры Шому-тепе.

** Эти скульптуры говорят о тотемическом их назначении, а так называемые «модели колес», по всей вероятности, изображают символ солнца (солнечные колеса) ([57], с. 4).

*** В настоящей работе мы останавливаемся лишь на открытиях четвертого холма (Д. А.).

**** Слово «алтарь» впервые введено в конце II в. Тертулианом ([459], с. 16). Произошло оно от латинского «Alta ara» высокий жертвенник (БСЭ. М., 1926, т. 2, с. 276). Условно это более позднее слово мы применяем к жертвенникам и святилищам храмов бога Митра, относящимся ко II тыс. до н. э. ([62], с. 16).

ритуальный очаг высотой 45 см, шириной 40 см. Мощные оскаленные клыки льва охраняли священное пламя. Перед очагом устроено круглое углубление для золы диаметром 100 см и глубиной 20 см. Над ритуальным очагом на втором плане имеется площадка, по краям которой возвышались, крутые рога священного быка*, за ними, завершая всю композицию, проходила стенка-преграда, слегка скругленная по верху и обрамленная строго прочерченным меандром; плоскость стены декорирована сложнопереpleтёнными свастиками, которые симво-лизируют необъятность и бесконечность света, собственно небо — небосвод ([209], с. 108, 101; [62], т. 1).

Большого совершенства достигла техника исполнения пластики и рельефа. Здесь наблюдается нарастание художественной декоративности с проявлением своего рода геральдической отвлеченности и стилизации.

За декорированной меандром и переплетением свастик алтарной стенкой расположена наиболее священная часть алтаря в виде невысокой стенки, изображающей в плане огромные рога барана (овна).

В нишах описанного алтаря были обнаружены пинтадеры и ритуальные сосуды. Думается, что так называемые пинтадеры-штампы на самом деле были ритуальными амулетами, которые молящиеся держали в руке. Прямоугольные амулеты были декорированы свастикой, а округлые — в виде свернувшихся змей.

Такие глиняные пинтадеры-амулеты в Азербайджане обнаружены в памятниках эпохи поздней бронзы в Мингечауре ([40 а], с. 561), в Сары-тепе ([428], с. 70), в Шому-тепе и Тойре-тепе, известны они и в Грузии ([335], т. VII, 5) и на Северном Кавказе [318].

Второй храм. В поселении Баба-дервиш исследуемый храм располагался юго-западнее первого. В северной части его в молельном зале также имелся глинобитный алтарь, представляющий собой двухплановую асимметричную композицию. В нижней части расположен подковообразный ритуальный очаг который, как и очаг первого храма, завершался мощными львиными клыками (лев — это символ огня). Над этим очагом на втором плане возвышалась крупная глиняная скульптура сильно вытянутой в длину человеческой головы** с большими круглыми ушами и бесстрастным выражением лица.

Символическое построение описываемой головы, видимо, позволяет считать, что это изображение бога Митры. Об этом говорят узкий длинный нос, который на переносице как бы расходится ритуальной рогаткой (символ неба), являющейся основанием надбровных дуг, решенных в виде двух крыльев (символ воздуха). Митра — всеслышащий бог правды, который должен услышать солгавшего и покарать его ([100], [263], с. 41, 110). Об этом говорят его неестественно большие уши, в виде двух круглых валиков.

В изображении божественной головы древний художник нашел те реалистические черты, которые, казалось бы, были недопустимы при создании мистического образа бога Митры ([57], с. 4 — 6, 9, 10).

Снежная белизна стен храма, ярко-красное оформление ритуальных мест вокруг алтарного очага*** еще больше подчеркивали священное пламя, бросавшее свой отсвет на застывшую, как бы прислушивающуюся к земным делам, голову Великого Митры.

Справа от головы между стенками первого и второго плана было сделано прямоугольной формы, чашевидное углубление, куда могли ставить ритуальные сосуды. В двух углублениях-нишах, расположенных по краям очага, были обнаружены четырехугольные глиняные пинтадеры, декорированные сложным переплетением свастик. Эти пинтадеры-амулеты, несомненно, имели ритуальное назначение.

* Аналогичное решение, завершающееся бычьими рогами, наблюдается в Чатал-Гуюкском храме, реставрация по Меларту ([489 а], с.75).

** Аналогия этой головы нами прослеживается в менгерообразном монолите (II тыс. до н. э.) в южной Сибири ([202], с. 83, р. 103).

*** Во многих микрокультовых и культовых очагах Азербайджана места вокруг алтаря покрывались красной краской и, хотя в Баба-дервише ввиду плохой сохранности памятника не сохранились следы раскраски, мы считаем, что места вокруг алтаря также были раскрашены в красный цвет (Д. А.).

В самом здании и вокруг него были вскрыты 32 хозяйственные ямы, в которых были обнаружены керамические изделия, крупные сосуды, кюпы, кувшины, жаровни, глиняные пинтадеры, «модели колес» и др. ([22 а], с. 224 — 227).

Два описанных алтаря, находящиеся в разных, расположенных рядом, сооружениях, несомненно, объединены в единый архитектурный и культово-ритуальный комплекс.

В поселении Баба-дервиш жизнь прекратилась в первой половине VIII в. до н. э. Это, очевидно, было связано с экспансией со стороны Урарту ([292], с. 5 — 7).

Древнее поселение Баба-дервиш, обнаруженное на четвертом холме, является памятником Ходжалы-Кедабекской культуры и относится к XII VIII вв. до н. э.

Много общего с культовыми сооружениями Баба-дервиша было у расположенного на расстоянии 2 км от него на окраине г. Казаха храмового здания поселения Сары-тепе. Сохранившееся культовое помещение размером 9х4,4 м посередине имело три большие ямы для столбов, поддерживающих, видимо, двухскатную крышу. Вдаль стен помещения расположено 25 ям для несколько более тонких столбов, являвшихся своего рода каркасом глиносырцовых стен и на которые опирались концы стропильных ног крыши.

Очень интересно было решено внутреннее оформление ритуального помещения: на расстоянии 2 м от восточной стены имелось специальное глинобитное сооружение, также представляющее собой своеобразный алтарь. Западная стена алтаря сравнительно высокая, над ней возвышаются три небольшие колонны. Вся поверхность стены и колонны, завершающей северный ее край, покрыты лепными узорами. Невдалеке были обнаружены две вылепленные из глины головы животных, которые, судя по отверстию в них, видимо, покоились на колоннах. Одна из этих фигур двуглавая: с одной стороны, рогатая голова барана, а с другой — вепря с клыками [428]. Другая скульптура напоминает голову барана без рогов и, наконец, третий шест, вероятно, завершался стилизованным изображением головы барана*.

Вокруг этого алтарного сооружения, согласно нашей реконструкции, вдоль северной и южной стен были устроены полукруглые углубления. На западе этого помещения около входа расположенные у северной стены углубления завершались своеобразным глинобитным устройством с низкими стенами.

В отдельных углублениях стояли различные ритуальные сосуды, на полу помещения были обнаружены всевозможные глиняные сосуды, один из которых был зарыт по горлышко в землю, модели колес (соляные знаки — ДА), а также разнообразные пинтадеры.

Интересен культовый сосуд в виде двух сообщающихся кувшинов. На ручке сосуда помещено изображение змеи, плечики сосуда украшены полусферическими налепами, у одного они расположены парами, на другом сплошным поясом, над головой змеи расположены три налепа — один у головы, а два над ним. Мы считаем, что парные налепы — это изображение Солнца и Луны, а сплошной пояс олицетворяет вечное движение светил, необъятный беспредельный свет, собственно Небо — Великий Митра, Джингир-баба. Подтверждением нашей мысли является символическая композиция из змейки — Луны и трех налепов на ней — Солнца, Луны и Огня, которые все вместе создают рогатку, извечный символ Великого Митры.

Решая интерьер первого храма в Баба-дервише, древний зодчий, учтя его небольшие размеры, расположил алтарь во второй трети зала и этим искусственно сумел создать необходимую пространственную глубину.

Возведенный фронтально против входной двери алтарь, хорошо вписавшись в интерьер зала, игрой разных по формам и высоте объемов являл собой зрелое и впечатляющее произведение искусства и архитектуры.

Если стенка (преграда) первого храма в Баба-дервише своим оформлением отличается геометрической сухостью неглубокой резьбы меандрового пояса и свастик, то стенка (преграда) храма в Сары-тепе отличается глубокой пластикой более живописного рисунка, который все же подчинен определенной закономерности. Живописная композиция этой стенки завершается по верху валиком, загибающимся на колонну с двуглавым навершием.

* Образ барана был распространен одновременно на территории Ходжалы Кедабекской культуры Мингечаура, а в более позднее время т. е. в V — I вв до н. э. и в пределах Мильской степи ([209] с 99, 100).

Расположение алтарей в интерьере и место, которое занимают в них стенки (преграды), говорят о почти едином объемно-пространственном приеме, всегда характерном для решения алтарей одного и того же божества.

Структура алтарных стенок (претрад) отражала отношение храма к распорядку ритуала богослужения, а художественное оформление их, установленных на границе между допущенными к культовому ритуалу и просто исповедывающими религию, представлялось значительной и почетной задачей архитекторов и художников своего времени ([459], с. 7).

Выявление облика алтарных стенок в храмах Кавказской Албании рисует картину длительного и своеобразного развития этого элемента храмового интерьера.

Впоследствии повышение алтаря относительно остального уровня пола и ограждение стенкой (преградой), отделявшей его от внутреннего пространства храма ([459], с. 26-27), перешло во многие церкви Закавказья* и других стран христианского Востока ([160a], с. 115 — 119).

Пространственная многоплановость алтарей и помещений, где они были воздвигнуты, придавала всей композиции интерьера глубоко продуманную художественную выразительность. Помещения, видимо, не имели окон, а освещались небольшим ритуальным очагом и отверстием на крыше для отвода дыма. Кроме того, возможно, во время богослужения зажигались факелы, которые, освещая внутреннее пространство с разных мест, придавали алтарям еще большую мистическую значимость. Они были созданы как бы для вечных сумерек, и при внезапном вторжении света, сочетание многоплановых объемов алтарей и их цветов делалось предельно резким, но выразительным.

С разных точек зала молящимся открывались совершенно неожиданные для них гармонические сочетания игры света и теней как на самих алтарях, так и в глубоких рельефах символических узоров, покрывавших поверхность стенок алтарей Баба-дервиша и Сары-тепе. Рождалось созвучие форм и цвета, создающих пространственно-художественную гармонию.

В храмах Баба-дервиш и Сары-тепе мы наблюдаем наличие ярко выявленных солярных символов. Одновременно, правда, несколько приглушенно там были обнаружены также и символы Луны**.

Скульптура бараньих голов на колоннах алтаря в Сары-тепе ([209], с. 100) и гигантские бараньи рога храма 1 в Баба-дервише свидетельствуют об ассоциации в мировоззрении предков древних азербайджанцев второй половины II тыс. до н. э. образа барана с солнечным культом. Наличие же лунных символов в этих храмах говорит о том, что образ барана связывался также и с лунным культом.

Очень интересно изображение Луны на барельефе кремационной печи ([209], с. 100), культового сооружения № 58 в долине Ганджа-чая [154], которое говорит о восприятии поклонения Луне в начале I тыс. до н. э. и как заупокойному культу. Это подтверждается еще тем, что одним из символов Луны являлась ладья мертвых ([455 a], с. 27).

На примере четырех разных культовых сооружений (2 храма в Баба-дервише, храм Сары-тепе и сооружение № 58) мы усматриваем явление поклонения двум формам космического огня — солнечного и лунного.

Нам кажется, правы исследователи, считающие, что изображение баранов и их рогов в описанных храмах свидетельствуют о слиянии образа барана и огня и что нельзя видеть в нем олицетворение только солнечного огня (света), но и лунного и поэтому считают, что баран выступает вообще как ипостась Огня — света ([209], с. 100, 101).

Храм Сары-тепе имеет двойное изображение навершия одной из алтарных колонн — голова барана и кабана, поэтому мы считаем, что в этом навершии воплощается дуалистическая идея Мира и Войны в образах мирного барана Агнца и неприступного мужественного Кабана.

* Дальнейший генезис алтарных преград в грузинских церквях очень подробно и вдумчиво разработала Р. Шмерлинг. [459].

** Солярными символами являются изображения свастик на стенке алтаря и прямоугольных пинтадерах, львиные клыки, рога быка и др. Лунарные изображения — переплетения змей на круглых пинтадерах, змейка на спаренном сосуде, парные полусферические налепы на том же сосуде символизируют Солнце и Луну (Д. А.). Д. Гомсон считает, что одним из символов Луны является, видимо, змей ([407], с. 116, 209). Э. Церен отмечает, что «главные символы Луны — бык («Золотой телец»), баран (агнец), рыба и змея, а также ладья мертвых и ковчег..», «козел, слон, кабан и буйвол» ([455 a], с. 26, 27).

Храм мог быть назван как именем бога Света, праведности и воинственности Митры, так и именем связанного с Митрой божества войны и победы Вертрагны ([209], с. 101), но скорее это храм Митры-бога воинов и скотоводов ([62], т. 1,2).

Особо интересно отметить сообщение Страбона ([387], кн. XI, гл. II, разд. 17) о соседней стране Мосхов, где находилось основанное Фриksom святилище Левкофеи, в котором не приносили в жертву барана. Страбон отмечает, что некогда это святилище было очень богато, но к его времени оно было разграблено и пришло в упадок.

В первом храме Баба-дервиша, где перед алтарной стенкой, окаймленной меандром и сплошь декорированной переплетением свастик, как уже говорилось выше, имеется невысокое сооружение, концы которого по краям загнуты в виде больших бычьих рогов. Таким образом, перед ритуальной стенкой, символически олицетворявшей солярное божество, было как бы темя гигантского божественного быка, а перед ними имелся алтарный очаг бога Огня (света). Следовательно, можно предположить, что храмы в Баба-дервише — это чертоги Митры — бога земледельцев и ремесленников, изображение быка часто было связано с культом земледельцев ([62], т. 5).

Интересна аналогия изваяний голов барана на колоннах алтаря храма Сары-тепе с головами баранов Южной Сибири, найденных близ Усть-Бирского чаатаса, и так называемого «Ахмарчинского барана», находившегося на кургане Верхне-Биджинском. На обоих изваяниях, высеченных из гранита и относящихся ко II тыс. до н. э., решенных в форме крупных стелл, имеются солярные символы в виде круга в круге или круга с точкой. Кроме того, у основания шеи на обеих зооморфных стеллах нанесены пламяобразные рисунки ([202] с. 84). Эти рисунки на изваяниях двух разных баранов, изображающие сочетание солярных символов и огня, говорят о том, что баран не только являлся олицетворением солнечного или лунного огня, а выступал по аналогии с храмом Сары-тепе вообще как ипостась огня (света).

В 1960 г. в Сары-тепе были обнаружены три помещения, в двух имелись остатки очаговых глинобитных сооружений ([313], с. 81 — 98), плановая композиция которых родственна алтарю первого храма в Баба-дервише.

Алтарное устройство этих храмов как художественно, так и символически перекликается с группой более ранних алтарных устройств из Анатолии в Чатал-Гуюке (реконструкция по Мелларту), где в одном храме над декорированной стенкой установлены три бычьи головы, а справа за алтарем баранья голова, все головы покрыты не то квадратными, не то ромбическими символами, между бычьими головами два полусферических налета (символы Солнца и Луны). Слева на соседней стенке стилизованное изображение быка с громадными рогами ([108 а], с. 87).

На других храмах из Чатал-Гуюка темы быка, барана, оттисков ладоней символически переплетались ([108 а], с. 73, 74, 89). В храме Предков имеется одна большая бычья голова, расположенная недекорированной алтарной стенки, и рядом расположенные треугольником три бараньи головы. Рядом справа от алтаря на уровне с бычьей головой расположена была крупная баранья голова, обвитая змеей ([108 а], с. 73).

Почти все бычьи и бараньи головы храмов в Чатал-Гуюке завершаются кабаньим пяточком, а на стенной росписи из храма Охоты изображен гигантский кабан с бычьими рогами в виде полумесяца*. Эти изображения говорят об аналогичном переплетении культов мирного барана Агнца, воинственного кабана и божественного быка, олицетворявшего часто культ земледельцев.

В Чатал-Гуюке обнаружены интересные иконографические амулеты, большинство из которых имеют сходство как с Баба-дервишскими, так и с Сары-тепинскими: те же змеевидные спирали, переплетенные свастики, но имеются новые типы в виде сложного креста и трех фаз Луны ([108 а], с. 98). Мы считаем, что в основном эти храмы посвящены божеству, по культовой значимости, очевидно, близкому к Митре.

* Священный кабан с рогами в виде лунных серпов. Впоследствии он был вытеснен из областей Ближнего Востока ([1455а], с.28).

Мы считаем, что по устройству и композиции алтари Баба-дервиша и Сары-тепе имеют некоторое сходство с алтарями двух святилищ в Мецаморе — Армении, но ни символического декора, ни ритуальных скульптур, ни иконографических амулетов в этих памятниках не найдено.

Интересна параллель с алтарем храма в Ховле — Грузия. Двухплановая композиция его состоит из двух параллельно расположенных, разных по высоте стенок, на каждой установлены изваяния двух бараньих голов со свиными носами. Перед алтарем был невысокий полукруглый очаг ([432], с. 111, 114).

Близость двух храмов Митры — одного, посвященного в Баба-дервише мирным земледельцам и ремесленникам, и другого, в Сары-тепе — воинственным скотоводам и воинам, дает нам возможность предположить, что это были ворота Митры — Дар-и-Мир ([209], с. 99, 100), иными словами, ворота Мира и Войны*.

Все вышеперечисленные факты говорят о едином божестве, которому в них поклонялись**.

Приподнятость всех алтарей на один или несколько уступов от пола и богато декорированные алтарные стенки (преграды) легли в основу решений христианских раннесредневековых и средневековых алтарей и их преград в церквях Закавказья и всего христианского Востока.

3. АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ И ЦИТАДЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Своеобразна и самобытна архитектура оборонительных сооружений древнего Азербайджана. Обладая многими характерными архитектурно-планировочными и объемно-пространственными особенностями, присущими фортификационным сооружениям Азербайджана, они, несомненно, имели много черт с оборонительными сооружениями стран Древнего Востока.

Интересную и своеобразную группу таких сооружений представляли собой города-крепости и цитадели древней Нахичевани, расположенной в юго-восточной части Азербайджанской ССР. Неся в себе много общих черт, архитектура каждой крепости и цитадели в разных районах республики была своеобразна и индивидуальна.

На рубеже энеолита и эпохи бронзы характерны относительно долговременные поселения, где отдельные купольные круглые в плане односемейные дома стали заменяться многокомнатными крупными домами наземного типа. Планировка их была решена в виде то круга диаметром от 21 до 50 м ([191], с. 492; [306], с. 63, 69), то прямоугольника длиной до 20 м при ширине 8 — 9 м и более ([34], с. 54; [168], с. 147, 173). В одной части этих домов помещались люди, а другая сторона служила для содержания скота, в особенности молодняка, в зимнее время. Постепенно скот стал мериллом и символом богатства, а вместе с тем и с социального значения его владельцев.

С возникновением кочевого животноводства ценность скота еще больше возросла, умножились случаи его похищения и столкновения из-за пастбищ. Все это вызвало необходимость укрепления общественной организации, сильно повысив роль и значение военного дела ([34], с. 5, 6; [67], с. 9), что, в свою очередь, вызвало необходимость создания укрепленных поселений, отдельных цитаделей и, наконец, городов крепостей. Так из крупных многокомнатных жилых домов с внутренними дворами стали возникать небольшие цитадели, а впоследствии и крепости.

* Ассоциация с воротами Мира и Войны, Дар-бандом (Баб-ал-Абваб), Банд-дар-и Баку и Дарь-елом (Дарьяльские — Каспийские ворота) ([60], с. 22).

** Несмотря на тщательный анализ материалов (письменных и археологических данных), наименование бога Митры считаем гипотетическим. Однако следует отметить, что К. В. Тревер, говоря о богах Албании, называет их Арамазда, Михр Митра, Анаита [410].

Древняя Нахичеванская земля богата фортификационными сооружениями, которые долгое время оставались вне поля зрения исследователей.

Наиболее древним из пока нами изученных является город-крепость Нарынгала в Кюльтепе-2, расположенный в 12 км к северу от г. Нахичевани, рядом с сел. Юхары Узун-оба, у слияния рек Нахичеван-чай и Джагри-чай ([23], с. 30, р. 4). Это пока единственная на территории Закавказья крепость с четырехугольными башнями, относящаяся к эпохе средней бронзы (конец III — на II тыс до н. э.) ([22], с. 443, 444). Археологами обнаружены остатки мощных крепостных стен, ограждающих территорию, равную 2 га. Вокруг крепости был раскинут крупный город, по устной легенде, передаваемой стариками окрестных сел, бывший некогда старой Нахичеванью*. Эта крепость полностью отличается от многих оборонительных сооружений, обнаруженных на этой земле. Во-первых, она возведена из глиносырцовых кирпичей на каменном фундаменте. Стены не имеют углов, а слегка закруглены, почти на каждом повороте имеются мощные прямоугольные башни. Внутреннее пространство крепости разделено стенами на несколько отсеков для лучшей обороны, в случае захвата противником какой-либо части крепости ([60], с. 17). В отдельных местах к крепостным стенам примыкают с внутренней стороны крупные сооружения, одно из которых было мастерской гончаров, где обнаружена богатая расписная керамика ([23], т. 1 — 3).

На основе планов крепости и отдельных ее частей, а также множества фотографий, подробно освещающих любые уголки этого древнего сооружения, мы постарались восстановить внешний облик крепости Кюльтепе-2, составив эскиз ([23], с. 30), который показал, что она, несомненно, имела общие черты с многими оборонительными сооружениями Кавказский Албании, Каспианы, с месопотамскими — Тель-эс-Савван, с Хеттскими и Сиро-Хеттскими крепостями. Черты сходства усматриваются также с сооружениями Малой Азии (Хатту-шаш, Тель-Халаф, Сам'аль, Керхемыш, Мегидо, Иерихон), более поздними Урартскими крепостями в древней Армении — Тейшебаини, Арагац, Эребуни (Арин-берд), с крепостями Грузии, Мидии и др. Кроме того, прослеживаются взаимовлияния со многими среднеазиатскими замками и крепостями ([133] с. 232 — 236, 242 — 244; [54], с. 11).

О правильности наших графических прогнозов в области реконструкции и восстановления не полностью раскопанных сооружений, а следовательно, создания правильного облика древних произведений архитектуры, может свидетельствовать чертеж плана крепости Кюльтепе-2, исполненный нами по материалам раскопок 1972 — 1974 гг.

На этом чертеже нами были нанесены предполагаемые, еще не раскопанные части крепости с указанием мест расположения двух прямоугольных крепостных башен. Раскопки 1975 г. полностью подтвердили наши предположения. Стены и башни почти точно находились на указанных нами местах, только между двумя башнями, примерно в центре, были обнаружены еще одна прямоугольная башня и расположенные перпендикулярно к крепостной стене две параллельные стенки длиной около трех метров, служившие, видимо, укреплениями ворот этого крепостного города.

В результате новых раскопок открылась часть восточной и северной стен крепости, сравнительно хорошей сохранности. Высота сохранившейся части северной стены 2,6 м, толщина 2 — 2,3 м. Фундамент стен был сложен из булыжника на глиняном растворе, а цоколь из трех рядов плоских камней, на которых покоилось основное тело крепостной возведенное большими сырцовыми кирпичами из глины и соломы (38x38x11 см; 40x40x12 см; 42x42x12 см). В северном закругленном углу была расположена четырехугольная в плане башня высотой сохранившейся части 7 м, шириной 2 м. Башня внутри крепостной стены укреплена контрфорсом, рядом с ним имелся вход в нее шириной 2 м. Учитывая, что нижняя часть стены в настоящее время насыплена примерно на три-пять метров, при фундаменте глубиной до 2 м, можно предположить, что общая высота крепостной стены была не менее 10 м ([22], с.444) а скорее всего выше. В плане крепость Кюльтепе-2 представляла собой вытянутый пятиугольник с четырьмя закругленными углами. Все ответственные участки стен и входные ворота были

* Второй горизонт крепостных стен Кюльтепе-2 на основе радио-углеродного анализа, выполненного в Ленинграде 14 января 1976 г., датируется: 3750±80 лет (Д. А.).

усилены вкраплениями прочных крупных камней, вошедших в кирпичную кладку этого сооружения. Древний зодчий этим приемом добился одновременно большей прочности и архитектурно художественной выразительности.

. Изучая материалы камеральных работ и фотографии мы обратили внимание на крупные камни, аккуратно лежащие с внешней стороны развалин по всему периметру стен. Это навело нас на мысль, что если древний зодчий так широко использовал прочный камень для усиления стен, то не исключена возможность что им были уложены крупные каменные глыбы по верхнему парапету для защиты обороняющихся воинов. Иными словами, это были первые мерлоны, которые впоследствии, на более поздних крепостях, приняли определенную архитектурно-художественную форму, став не только фортификационным, но и декоративным элементом крепостных стен ([52], с. 52; [239], с. 52).

В середине II тыс. до н. э., на город-крепость Кюль-тепе было совершено нападение. Следы пожара хорошо прослеживаются, особенно у северной башни. Впоследствии обитатели этого города построили на расстоянии 10 м параллельно восточной стене вторую крепостную стену, характер кладки которой ничем не отличался от первой ([22], с. 444). Вся крепость, возвышаясь на сравнительно невысоком холме, представляла собой очень внушительное и впечатляющее оборонительное сооружение.

На горе Гара-тепе, расположенной на левом берегу Арпачая, вблизи сел. Улья-Норашен, во II тыс. до н. э. был построен сильно укрепленный город-крепость Оглан-гала. По нашему предположению, это был древний город Шарур, раскинувшийся на площади, примерно равной 40 га ([66], с. 66).

Своеобразным, очень сложным градостроительным и фортификационным сооружением явилась эта крупная крепость, имевшая, как показывало археологическое исследование, две цитадели. Она обследована частично, раскопки продолжались летом 1975 и частично в 1976 г. Археологические исследования этого города продолжаются, так как пока почти не исследована та часть города, где некогда возвышалась его вторая цитадель.

Внимательно изучив археологические материалы, план исследованной части и большое количество фотографий этого города, мы постарались на основе визуального обследования несколько продолжить его план и с учетом всех указанных материалов разработать эскиз, который, по нашему мнению, сможет создать пока лишь предварительный его образ. Несмотря на предварительный характер эскиза, перед нами предстает во всем величии сложное фортификационное сооружение неприступного города-крепости, стены которого решались с оборонительной точки зрения смело, умно и логично. Множество выступающих и втопленных участков стен создавали конструктивно продуманные и архитектурно-живописные решения. Стены трактовались отдельными террасами, по краям которых имелись выступы, позволявшие легко поражать наступающего противника. Северная и северо-западная стороны крепостных стен завершались двухъярусными башнями, представлявшими в плане два ряда соединенных двух трехчетвертных окружностей. Какая из них была ниже, пока не уточнено, но в эскизе реконструкции, учитывая террасовидные системы стен, мы решили их также в виде террас. Стены башни сложены из очень крупных квадров, уложенных параллельными рядами и тщательно пригнанных друг к другу. Высота сохранившейся части стены 3 м. Диаметр внешней башни 12 м, а внутренней — 7,8 м.

Город был защищен прочными крепостными стенами. Северная стена длиной 192 м, длина сохранившегося укрепления восточного склона достигала 120 м, а западного — 178 м. Южная стена крепости в настоящее время разрушена ([66], с. 68). Кладка крепостных стен велась слегка отесанной крупной квадратной кладкой, отдельные квадры достигали почти 3 т веса.

На самом возвышенном месте города была возведена первая и более крупная цитадель в виде правильного прямоугольника площадью 3400 м². Высота сохранившихся частей ее стен равна 2,0 — 2,5 м. Участок, на котором возведена цитадель, был укреплен с запада четырьмя стенами длиной 80 — 100 м и толщиной около 1 м. Расстояния между ними, решенные в виде трех террас, доходили до 10 м. С восточной стороны подступы к участку преграждали также четыре стены несколько меньшей протяженности, чем с восточной, также создававшие три

террасы шириной 2,5 — 3,0 м. К самой цитадели с востока примыкают две стены в виде двух террас, расстояние между которыми равно 2,5 м. Ко второй террасе стен цитадели примыкали предвратные укрепления в виде бастиона и крупной башни «Гюлля-донжон». На участке цитадели в трех местах обнаружены остатки прекрасно сохранившихся круглых колонн с базами из белого камня отличной обработки диаметром 1,2 м. Видимо, в этом сооружении имелся колонный зал, позволяющий указанную цитадель отнести к сооружениям дворцового типа ([66], с. 70, р. 4, 5).

Юго-западнее первой цитадели, на соседнем холме, была возведена вторая цитадель, тоже прямоугольного очертания в плане и защищенная несколькими рядами заградительных стен, образовавших ряд террас вокруг этого сооружения. Таким образом, в одном городке-крепости были созданы две цитадели, одна — дворцового типа была резиденцией вождя одного из крупных племен древнего Азербайджана, а другая — служила чисто оборонительным целям и была последним убежищем, где, в случае взятия города, можно было отсидеться в ожидании помощи.

Интересны прослеженные нами параллели между крепостью Оглан-гала и другими крепостями древней Нахичевани, а также особенно Хеттской и Сиро-хеттской крепостной архитектурой ([133], с. 241 — 216).

К крупным городам-крепостям типа Оглан-гала относится древняя крепость Газанчи (II — I тыс. до н. э.), занимавшая площадь, равную 40 га. Этот город, расположенный на высокой горе, решен по аналогии с Оглан-гала методом террасирования крепостных стен, но от него, к сожалению, в настоящее время остались лишь фундаменты и небольшие участки бывших крепостных стен. После того, как нами совместно с археологами будет составлен план всего сооружения, мы сможем взяться за реконструкцию, которая будет создана как синтез всех замков и крепостей Нахичеванской АССР.

Кроме городов крепостей на земле древней Нахичевани имелся целый ряд крепостей, чаще всего построенных на высоких труднодоступных горах. Одной из таких была, расположенная к северу от Кюль-тепе-2 на правом берегу Джагричая у сел Пайыз Чалхан-гала, крепость Чалхан-гала (III — II тыс. до н. э.) ([22], с. 444), возведенная на вершине горы, где она пересекала всю доступную часть склона — от обрыва до обрыва. Жилая и служебная часть территории с севера востока и северо-запада была защищена неприступным обрывом и стены там не были возведены. Крепостные стены возводились из крупных каменных глыб, местами циклопической, а порой крупной квадратной кладкой.

Изучая и сравнивая архитектуру многих крепостей и цитаделей Азербайджана, древнего и раннесредневекового Востока, мы постарались уточнить закономерности их построений и на этой основе выявить как архитектонику, так и характерные эстетические и фортификационные особенности крепостей Нахичевани. На основе проделанной работы проследили несомненные генетические связи архитектуры Азербайджана с зодчеством многих стран Древнего Мира, что помогло нам создать эскизы реконструкции крепости Чалхан-гала.

Видимо, древний зодчий-строитель этой крепости или не знал стеновых башен-контрфорсов или, учитывая большую толщину каменных стен (3,0 м) и зная по опыту, что стены, построенные на скалах, и без контрфорсов будут достаточно прочными, счел их лишними. Стена крепости решена в виде вогнутой дуги общей протяженностью около 430 м. Единственные ворота шириной 3 м были расположены в северо-западной части крепостной стены, возведенной из крупных каменных глыб. Стены в виде отдельных отрезков 18 — 27 м то выступают, то втапливаются, создавая двухметровые выступы, с которых было удобно вести боковую оборону. Небольшие отрезки выступающих стен говорят, что они продиктованы убойной силой стрелы 25 — 30 м. Толщина стен указывает, что по верху, очевидно, имелся парапет, на котором устанавливались через определенное расстояние необработанные глыбы камня, видимо, также являвшиеся подосновой возникновения впоследствии аккуратно и художественно выполненных мерлонов, наблюдаемых нами на многих крепостных стенах. В юго-восточном углу крепости имеются остатки трех помещений, конструктивно связанных с крепостной стеной, но отделенных друг от друга швом, составляющих как бы два здания из одной и двух

комнат, по нашему мнению, западный объем представлял собой башню, одно помещение имело подсобное назначение, а его крыша могла служить площадкой, где находились защитники крепости. На основе разработанных вариантов и сравнительных анализов был составлен эскиз реконструкции крепости Чалхан-гала. Это была, видимо, неприступная крепость, представлявшая собой тип глубоко продуманного оборонительного сооружения, бывшего одновременно образцом высокохудожественного произведения архитектуры.

Интересна по планировке и своеобразна по архитектуре расположенная на левом берегу Нахичеванчая у сел. Вайхыр-Гявур гала, цитадель Вайхыр-Гявур-гала ([22], с. 444) (II и начало I тыс до н. э.), занимавшая небольшую площадь, равную 2 га, и представлявшая в плане неправильный шестиугольник. Южный втупленный угол завершен надвратной башней, с воротами шириной 5 м, решенными в виде свода протяженностью 6,5 — 7 м. Наибольшая опасность, видимо, ожидалась с западной стороны цитадели и ее продолжения северо-западной стены толщиной в 3 м (далее пока не раскопанной), остальные стены приняты толщиной 2,5 м. Восточная стена закреплена тремя прямоугольными башнеобразными выступами шириной 5 м, которые, благодаря втупленности отдельных участков стен, выступают то на 2,5 м, то на 5 м на расстоянии 30 и 20 м друг от друга. Северо-восточная часть была ограждена естественными скалами, местами лишь усиленными человеком. На территории цитадели пока обнаружено одно прямоугольное здание 9x5 м невыясненного назначения, возможно, дом вождя. Реконструкция Вайхыр-Гявур-гала показала, что вся цитадель представляла собой компактную композицию, расположенную на скалистой вершине, живописно продолжая силуэт горы. Высокие стены, укрепленные надвратной башней и тремя прямоугольными выступами, бывшими предшественниками стеновых башен с бойницами, сливными желобами и грубыми, слегка отесанными мерлонами расположенными по всему периметру стен, представляли собой хорошо продуманное фортификационное сооружение, неприступную цитадель древнего правителя вождя.

На территории Нахичевани имелся еще целый ряд городищ, укрепленных поселений ([64], с. 34), крепостей, таких, как Карабаглар, Маккыз-гала, Галаджук (30 га), Алинджа-гала, основные сооружения которой расположены на ступенчатых скалистых склонах горы и др. Алинджа-гала состояла из двух больших ярусов, сообщающихся между собой труднопроходимой тропой. Второй ярус крепости, расположенный на более высоком уровне, общей площадью 800 м², назывался Шахтахты (Трон царя). В Шахбузском районе в 17 км к востоку от г. Шахбуз около сел. Кюлюс на склонах и вершине горы Гара-даг в 1976 г. обнаружены крепость и некрополь II — I тыс. до н. э. Крепость имеет в центре цитадель и окружена террасообразными стенами ([66], с. 74).

Развалины города-крепости Оглан-гала впервые, еще в тридцатых годах, были зарисованы на основе визуального обследования с уточнением некоторых основных размеров, что позволило создать ее эскизный план. Крепость была названа Баш-Норашен и, как ее описывали тогда, она была окружена двумя рядами оборонительных стен. Расположенную внутри стен вершину горы венчала цитадель ([413], с. 18, 19).

Археологические изыскания в этом древнем городе и подробные обмеры, проведенные В. Г. Алиевым, позволили нам создать вышеописанный проект реконструкции.

Таким образом, обнаруженный более пятидесяти лет тому назад древний город благодаря нашей реконструкции смог войти в архитектурную науку, как свидетель большого строительного и фортификационного мастерства древних зодчих азербайджанского народа. Интересно параллель, которая напрашивается, с крепостями Месопотамии, где внутри их часто возвышался искусственной горой зиккурат, на вершине которого всегда возводился храм. Примером может служить крепость Тель-эс-Савван и многие другие.

Крепостные стены города Оглан-гала, возведенные циклопической кладкой, сохранились не выше трех метров, верхняя часть их, видимо, возводилась из кирпича-сырца ([413], с. 18, 19), как это обычно имело место в стенах Мидийских и Урартских крепостей, с которыми эти сооружения имеют ряд сходных черт.

В Казахском районе на холме у Дидиванского водохранилища хорошо сохранились большие участки оборонительных стен крепости Дидиван-гала, сложенные из крупных

каменных квадров. Эта крепость площадью 8 га была ограждена то выступающими, то втопленными участками стен, которые в сочетании с полукруглыми башнями создавали мощную и развитую фортификационную систему. В юго-восточном углу крепости хорошо сохранилась круглая, в форме усеченного конуса, оборонительная башня «Гюлля-донжон», относящаяся, видимо, к раннему средневековью и имеющая много общего с башней на иранском берегу Аракса в районе Худаферинского моста. Пока в этой крепости не проводились археологические раскопки и мы по аналогии примерно датируем ее второй половиной I тыс. до н. э.

В Казахском районе имеется множество оборонительных сооружений — крепость Аскипара, видимо, ровесница Дидиван-гала, целый ряд сигнальных и боевых башен. Хочется остановиться на квадратной в плане боевой и сигнальной башне, возведенной из прочного камня и обожженного кирпича. На одном из углов башни имеется глубокая ниша, в которой зажигался огонь, отражающийся от побеленных сферических поверхностей ниши и приобретающий необходимую направленность и яркость. Архитектура башни с ее кирпичными поясами, мерлонами и бойницами имеет живописный вид, хорошо вписавшись в окружающий ее ландшафт. Внутренние перекрытия этажей разбиты и если их не реставрировать, то этому сооружению грозит полное разрушение.

В Нагорном Карабахе, древней албанской земле Арцах ([327 а], с. 155, 156) в 8 км от г. Гадрута обнаружены развалины албанской крепости. В настоящее время удалось обмерить лишь часть оборонительных стен, одну круглую башню диаметром 7 м и две полубашни диаметром 7 и 12 м. Общая протяженность обмеренных стен равна 160 м при толщине 3 м. Стены возводились циклопической, а местами крупной квадратной кладкой. На территории крепости обнаружены круглые и овальные жилые и хозяйственные постройки, говорящие об очень древних временах возникновения поселения на данном холме, которое впоследствии превратилось в исследуемое крепостное сооружение.

Крепостным сооружениям Апшерона посвящены самостоятельные разделы.

В Куткашенском районе, вблизи селения Чухур-Кабала, занимая обширную возвышенность, сохранились развалины городских сооружений, которые относятся к бывшей столице Кавказской Албании, древней Кабалаке или Хавале, городу Кабала, о котором упоминали Плиний Секунд и Птолемей*. Город-крепость Кабала граничил с востока с Джоурлучаем. Как гласят арабские источники «Кабала — укрепленный город, река вне городских стен...». В городе имелись благоустроенные бани, караван-сарай, рынки и водопровод ([455 а], с. 117). Город с севера имел естественные преграды в виде обрывистого оврага. Искусственный ров глубиной в двадцать метров разделял территорию Кабалы на две части — Сельбир и Гяур-галасы. Сельбир, имеющий форму неправильного пятиугольника, кроме южной стороны, был защищен мощными крепостными стенами с башнями; две башни фланкировали ворота, которые обнаружены в северной стене. Менее защищенная природными условиями южная сторона города — Гяур-галасы была укреплена мощной и развитой фортификационной системой. Хорошо сохранившиеся крупные фрагменты крепостных сооружений ярко свидетельствуют о их высоких защитных качествах, а также о развитии крепостных стен, которое шло от редко расставленных первоначально прямоугольных (Кюль-тепе-2, Оглан-гала. Дербент) к крупным, сильно выступающим цилиндрическим в крепости Кабала ([148], с. 25 — 26). Стены повторяют очертание местности, как бы подчеркивая абрис силуэта (Чалхан-гала, Оглан-гала, Чирах-гала). Поверхность фасадов отличалась фактурой и приемами кладки от стен, возведенных из сырцового кирпича, в отдельных случаях укрепленных каменными глыбами (Кюль-тепе-2, Кабала и др.), и от каменных квадр в Чалхан-гала, Оглан-гала, а позже от более аккуратно отесанной кладки в гг. Атеши Багуан и Дербенте.

На участке Гяур-галасы полукруглые в плане башни решены значительно чаще, не превышая расстояние 20 — 25 м, а между башнями, фланирующими городские ворота, оно равно 20,5 м, что давало возможность создания более плотного обстрела. Крепостные стены на этом участке вместо обычных трех метров приняты толщиной в четыре метра. Стены возводились из

* Плиний Секунд называл Кабалаку главным городом Албании. Среди 29 городов и селений Албании упоминаемых Птолемеем, до нашего времени сохранилось только название Кабалы — Хавала ([313] с. 40 - 42).

квадратного обожженного кирпича на каменном фундаменте из хорошо отесанных камней. Мощность и размеры стен города Кабалы напоминают древние города-крепости в Нахичеванской АССР — Оглан-гала, Вайхыр-Гязур-гала, Чалхан-гала (II — I тыс. до н. э.) и более поздние грандиозные укрепления — дербентские, гильгильчайские, бешбармакские и другие оборонительные сооружения эллинистического и раннесредневекового Азербайджана (нач. I тыс. до н. э. — I — IV вв. н.э.).

В Шемахинском районе на горных вершинах древнего Ширвана раскинулся крупный комплекс Кале-и-Бугурт, состоящий из крепости с цитаделью, оборонительных башен — гюлля, наблюдательных и сигнальных башен. Кроме того, на соседней вершине имела отдельная цитадель, называемая в народе Гыз галасы (Девичья крепость), защищавшая подступы к основной крепости.

Хорошо сохранившиеся большие фрагменты крепостных стен, башен и двух цитаделей, возведенных квадратной кладкой, наглядно свидетельствуют о высоком уровне военно-строительного искусства. Весь комплекс, созданный в раннем средневековье, видимо, возник на основе отдельных оборонительных укреплений, относящихся к более древним временам.

В Кедабекском районе сохранились величественные руины мощного оборонительного комплекса — крепости «Кёр-оглу», расположенной на труднодоступной горной вершине. Круглые в плане башни, в форме усеченных конусов, являлись основой фортификационного решения этой крепости. Множество бастионов и стен, расположенных террасами, усиливали ее обороноспособность и неприступность, одновременно придавая архитектурно-художественную выразительность этой совершенно своеобразной крепости. Кладка стен велась относительно небольшими отесанными каменными квадратами. Датируется она ранним средневековьем, а функционировала до XVIII — XIX вв.

На основе сделанного исследования мы можем предположить о появлении в Закавказье в начале II тыс. до н. э. раннегородской цивилизации с высоким уровнем производства и интенсивными торговыми связями.

Вышесказанное подтверждается тем, что на Апшероне были известные Древнему Востоку нефтяные промыслы, возникновение которых, по-видимому, можно отнести ко II тыс. до н. э. ([56], с. 14; [162], с. 80). Апшеронский полуостров был богат также поваренной солью, а нефть и соль, несомненно, служили предметом интенсивной торговли, тем более что Апшеронский полуостров был одним из перевалочных пунктов древнего караванного пути из стран Ближнего Востока через Каспийские (позже Албанские) ворота ([60], с. 12) к северным степям. Кроме того, недавно были обнаружены в Нахичеванской АССР древние соляные копи конца III — нач. II тыс. до н. э., находившиеся на глубине 150 м, в которых по подсчетам специалистов было добыто 12 тысяч тонн соли, несомненно, служившей предметом международной торговли. Это предположение подтверждается тем, что в районе Нахичевани и на яйлаге Батабат обнаружены следы древнего караванного пути, проходившего через ущелье параллельно р. Нахичеван-чай. Затем он, перевалив через яйлаг Батабат спускался к Зангезуру ([66] с. 74, 75) и далее.

Наличие раннегородской цивилизации в начале II тыс. до н. э., о которой говорит большое количество укрепленных поселений, городов-крепостей, отдельных цитаделей, пусть примитивные, но известные на Востоке нефтяные промыслы, крупные подземные соляные копи и древние караванные пути свидетельствуют о том, что земля древних азербайджанцев — каспиев и албан была местом, где на протяжении тысячелетий складывались и развивались самобытные образцы архитектуры и искусства, о чем повествуют все еще величественные развалины оборонительных сооружений, гордо застывших на высоких неприступных горах.

4. ПУТИ РАЗВИТИЯ КРУГЛЫХ И ПРЯМОУГОЛЬНЫХ В ПЛАНЕ ХРАМОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

С глубокой старины в стране древних каспиев и албан, на территории современного Азербайджана возникали поселения из круглых в плане жилых, общественных и культовых сооружений ([51], с. 4, 5). Пройдя длительный путь развития, древние жилые дома, в которых на заре человечества зародились микрокультовые ячейки — первые очаги поклонения людей того времени, постепенно превращались в чисто культовые, часто круглые в плане сооружения ([51], с. 11, 12). Эти культовые постройки явились основой возникновения множества храмов и мемориальных сооружений языческой, христианской и исламской религий.

Первая часть настоящего раздела посвящается круглым в плане культовым сооружениям, выявлению глубоких корней их возникновения и взаимовлияния на территории Закавказья. Исследование проводится на примере трех круглых в плане храмов Кавказской Албании, относящихся — один к античному времени, а два к раннему средневековью, построенных в Куткашенском, Кахском и Закатальском районах Азербайджанской ССР ([61], с. 3 — 17).

Круглый храм на Килисадаге (диаметр 12,4 м) у сел. Беюк-Эмили, судя по выявленной археологами цокольной части, остаткам стен и колонн, представлял собой центрально-купольную, ротондообразную двухъярусную композицию. Наружная плоскость стены трактована в виде неравностороннего двенадцатигранника, а внутренняя — в виде круглого цилиндра диаметром 10,4 м. Второй внутренний круг диаметром 8,4 м имеет высоту 0,40 м, ширину 1,0 м. Это был круглый стилобат для восьми каменных колонн, которые поддерживали барабан второго яруса с куполом. Круговой обход перед внутренним кругом имел однометровую ширину ([117], с. 487, 488). Главный порталый вход был расположен на основной композиционной оси храма со стороны западного фасада, два боковых входа вели с северной и южной сторон. У храма на восточном фасаде имелись два симметрично расположенных круглых в плане придела с внутренним диаметром равным 2,3 м, служивших, видимо, святилищами двух богов — возможно, Ахура Мазды и Митры ([57], с. 4).

Здание храма и его апсидообразные приделы покоились на двухступенчатом стилобате. Стены храма сложены из чистотесаного серовато-белого камня (пуч-даш) размером 30х60 см.

На основе изучения археологического материала и наших эскизов реконструкций как внешних фасадов, так и интерьера, считаем, что храм на горе Килисадаг является одним из очень ранних дохристианских памятников архитектуры Кавказской Албании, датировку которого можно примерно отнести ко II — III вв. н. э. Отдельные исследователи на основе двух выкопанных больших камней с высеченными на них крестами считают, что это памятник раннехристианской эпохи ([117], с. 488), но архитектурно-композиционная и планировочная структура его указывает на то, что это дуалистический храм, который впоследствии мог использоваться, а возможно, и переделан под христианскую албанскую церковь, давшую название горе, на которой она была возведена*.

Реконструкции здания храма изображают двухъярусную ротонду, у которой цилиндрический барабан второго яруса перекрыт крутым ложным куполом с отверстием в центре. Два апсидообразных придела были круглыми, а ложная граненность их наружных фасадов создавалась парными валиками, придающими им более стройный и парадный вид, по верху они, возможно, завершались небольшими капителями. Три центральные грани приделов, судя по аналогии с другими памятниками, имели узкие окна, а шесть граней основного объема здания, согласно нашей реконструкции, видимо, имели прямоугольные окна, перекрытые каменной плитой с ложной аркой. Двери трех выступающих порталов были перекрыты так же каменными плитами с ложной аркой, но декорированной волнистым узором и двумя розетками.

Нами исполнены два варианта реконструкции храма на Килисадаге. Первый и второй варианты в объемно-пространственном решении совершенно идентичны и отличаются друг от

* Килисадаг — это церковная гора (Храмовая гора) или гора Храм, аналогично божественной горе — Джингир-даг в Кобустане (таблица 4) (Д. А.).

друга лишь решениями порталов и количеством окон на нижнем основном объеме и в двух круглых приделах.

Порталы первого варианта решены в виде портика, каменные козырьки или небольшие фронтоны которого опирались на стенки, обрамленные трехчетвертными колоннами с базами очень пластичного и своеобразного рисунка. Форма капителей, к сожалению, неизвестна, так как не сохранились их детали или обломки.

Порталы второго варианта решены в виде неглубоких полуциркульных сводов, обрамленных трехчетвертными валиками, опирающихся на уже описанные базы, вертикальная часть валика завершается капителью, на которую зрительно опирается его арочная часть. Такие полуциркульные порталы более распространены в культовой архитектуре Закавказья ([87], т. 2, 9, 14, 16).

В первом варианте приделы, так как размеры их малы, освещаются одним узким окном, а во втором, по аналогии с Мамрухским храмом, имеющим почти такие же приделы, — тремя окнами. В первом варианте напротив главного входа по основной композиционной оси здания имеется окно, а во втором, так как этот храм, по нашему мнению, был возведен еще в эпоху языческой религии, окно отсутствует, ибо перед этой центральной стеной мог быть установлен алтарь или жертвенник. Узкие окна цилиндрического барабана второго яруса были перекрыты, видимо, полуциркульными арочками. Интерьер храма, по всей вероятности, был декорирован дуалистическими символами двух богов и их фарнов. В декоре как интерьера, так и экстерьера, согласно археологическим данным, применялась цветная обыкновенная и поливная керамика.

Второй круглый в плане храм возле сел. Мамрух Закатальского района Азербайджанской ССР был обнаружен и обмерен в 1974 — 1975 гг., далее дообмерен в 1982 и 1984 гг.* Руины когда-то величественного храма находятся на вершине горы Арматай в густом лесу, который пророс среди этих живописных развалин. Сохранились апсида, два придела, часть северного входного портала и два внутренних пилона**. Р. Меписашвили и В. Цинцадзе очень правильно сказали по поводу развалин одной из грузинских церквей: «Нельзя без горькой обиды глядеть на эти камни с жадно прорастающей сквозь них травой, на эти уцелевшие на месте, но готовые рухнуть части стен и сводов, на фрагменты, покрытые прелестной резьбой, рассыпанные по земле» ([287], с. 58).

Храм в Мамрухе, первоначально посвященный божественной триаде Митре, Ахура Мазде и Анахите (Беспредельному Свету — собственно Небу, Солнцу и Луне), представляет собой более сложную композицию. Он также решен с тремя входами, в виде сильно выступающих порталов, служивших своего рода контрфорсами, поддерживающими внешнюю круглую стену, на которую приходились силы распора от подкупольного барабана, покоящегося на четырех внутренних сегментообразных пилонах. В восточной части храм имеет глубокую алтарную апсиду, расположенную по главной композиционной оси здания, по обеим сторонам которой находились два придела — святилища и небольшие кельи при двух боковых входах.

Архитектура Мамрухского храма решена уже в местных албанских формах, более развито и сложнее, чем храм бога Митры на Килисадаге***. Относится он к III — IV вв. н. э. ([71], с. 28).

На внутренних четырех пилонах покоился верхний неравносторонний восьмигранный барабан, перекрытый граненым куполом или шатром, возможно, несколько криволинейного очертания. На четырех больших гранях барабана имелись по три узких арочных окна. Полуциркульная апсида, шириной 3 м, была одной высоты с двумя круглыми приделами и покрашена в красный цвет. Приделы и апсида имели три узких полуциркульных окна. Первый ярус, состоящий из двух приделов с кельями, главной апсиды и трех входных порталов, явился основой, на которой впоследствии стали возникать тетраконхи — композиция из четырех апсид, расположенных крестообразно друг против друга. Круглый цилиндр основного и

* Храм был обмерен автором в 1974 — 1975 гг., а дообмерен доктором архитектуры Ш. С. Фатуллаевым и канд. архитектуры Г. Г. Мамедовой в 1982 и 1984 гг.

** Материалы по Мамрухскому храму были опубликованы автором в 1976 г., а Г. Г. Мамедовой — в 1985 г.

*** Реставрация Мамрухского храма по Д. А. Ахундову и Г. Г. Мамедовой.

граненый барабан второго яруса имели более часто расположенные окна. Внутренность храма, несомненно, была богато расписана на религиозную тематику, о чем свидетельствуют остатки росписей на штукатурке.

Ввиду большой нагрузки от купола на пилоны последние разгружались на уровне кровельного перекрытия, передававшего распорные нагрузки на основной барабан храма. Два придела с кельями, центральная апсида и три портала, в свою очередь, воспринимали нагрузки от цилиндрического объема основного молельного зала и создавали жесткую пространственную систему. Общий диаметр здания равен 18,8 м. Описанная инженерная зрелость говорит о том, что строителям, которые возвели Мамрухский храм, было под силу создание сложных пространственных систем.

Храм близ сел Мамрух в композиционном отношении, как видно по эскизу реконструкции, является как бы промежуточным между Килисадагским и Лекитским храмами. В нем нет еще тетраконха, но уже имеется самостоятельная алтарная апсида, по бокам которой расположены два придела, а внутри появились четыре пилон, на базе которых впоследствии возник тетраконх ([61], с. 6 — 10, р. 2 а, б, 5 а, б).

Если в Лекитском храме внутренние колонны, установленные перед тремя входными дверями, прикрывали святилище храма, то в Мамрухском два пилон прикрывают собой двери, ведущие в приделы, расположенные по обеим сторонам центральной апсиды. Это пережиток, сохранившийся в архитектуре христианского храма еще от зороастрийской или митраизмской религий. За пилонами проходит общий для всех рассматриваемых нами храмов круговой проход. Объемное решение этого храма имеет некоторые общие черты с армянской церковью в Гагикашене, относящейся к IX — XI вв. ([301], с. 70 — 72).

На основе анализа планировочной и объемно-пространственной структуры Мамрухского храма мы приходим к выводу, что он возведен после Килисадага, но до Лекита. Возможно, археологические раскопки этого храма внесут определенные коррективы в его датировку.

Третий, Лекитский круглый в плане храм находился на расстоянии одного километра от сел Лекит Кахского района Азербайджанской ССР.

Храм был возведен над лесистым обрывом, оползни которого разрушили восточную стену и его приделы.

В конце прошлого века этот храм был обнаружен, но лишь в 1940 г. его частично реставрировали и расчистили ([79], с. 27; [301], с. 62).

Архаические приемы строительной техники, несколько более примитивные, чем в Кумской базилике, относящейся к V в. н. э. и расположенной в том же районе, позволяют учесть мнение ряда исследователей, относящих храм в Леките к концу V и началу VI в. н. э. ([413], с. 52; [203], с. 259), и постараться уточнить дату возникновения исследуемого храма.

В свое время П. Барановский высказал мнение, что храм в Леките выстроен значительно ранее, чем Звартноц, относя время его возведения к V — VI вв. н. э. и трактуя его как один из памятников, предшествовавших Звартноцу и явившихся основой формирования в Закавказье зданий этого типа ([79], с. 32, 33). В то же время правильное мнение П. Барановского было воспринято отдельными исследователями как гипотеза, с которой они не желали соглашаться. Сомнения эти высказываются и в наше время ([301], с. 63; [453], с. 227).

В настоящее время обнаружен круглый, как нам представляется, дуалистический храм на горе Килисадаг у сел. Бюк-Эмили ([117], с. 487, 488), II — III вв. н. э. и монастырский храм, огороженный оборонительными стенами у сел. Мамрух Закатальского района Азербайджанской ССР, который на основе исследования предположительно датируется нами III — IV вв. н. э. Огороженный участок представляет собой небольшую монастырскую крепость, стены которой укреплены полукруглыми и круглыми башнями диаметром 3 м. Стены толщиной в 1,0 — 1,4 м возведены из прочных камней и сохранились на высоту 2 — 3 м. На территории монастыря имеются остатки ряда сооружений, обнаружены гончарные водопроводные трубы и два крупных кюпа (кувшина) глубиной 3,5 — 4,0 м, шириной 2,0 м, с горловиной размером 0,8 м.

Сходство архитектурно-художественных приемов в круглых храмах Азербайджана позволяет видеть здесь хронологическую близость между ними. Устанавливается явная генетическая линия развития круглых в плане храмов Кавказской Албании*. Их архитектурно-планировочный и объемно-пространственный облик, видимо, лег в основу аналогичных храмов Закавказья, которые, будучи произведением более поздних веков, а следовательно, и более высокой строительной техники, часто превосходили своих собратьев архитектурно-художественной выразительностью, но больше размерами. Наиболее законченным и богато декорированным храмом типа Лекит был храм Звартноц, VII в. н. э. ([301], с. 18, 19). Плановая композиция Лекитского храма (диаметр 22 м) представляет собой тетраконх, апсиды которых образованы тремя мощными колоннами диаметром 1 м. В четырех углах тетраконха, создавая основу всех апсид, размещены прямоугольные пилоны, внутренний скошенный угол которых оформлен крупным валиком, проходящим на всю высоту пилон и, видимо, огибавшим арки апсид. Отдельно стоящие колонны, расположенные за пилонами, являются опорой восьмигранного основания, где находятся четыре апсиды и основной квадратный объем, к которому они примыкают. На квадратном основании покоится цилиндрический барабан с несколько вытянутым куполом, апсиды также перекрыты полукуполами аналогичного рисунка.

Нечетное количество колонн в апсидах и расположение центральной колонны трех апсидах против входов, были, видимо, неслучайными и преследовали определенные ритуальные цели. Не исключено, что в начале Лекитский храм закладывался как культовое здание какой-либо языческой общины**, религия которой требовала, чтобы святилище в храме не обзревалося снаружи. Однако усиление влияния христианской церкви, видимо, заставило закончить строительство его уже в виде христианского храма***. Эта планировочная особенность еще раз подтверждает мнение многих исследователей о том, что Лекитский храм относится к концу IV в. или к самому началу V в. н. э. [79], [413], [61].

Вопрос размещения окон разрешается нами и предыдущими авторами реконструкций [301] лишь по аналогии с квадратными и прямоугольными в плане храмами, а также с круглыми и многогранными мавзолеями, сохранившимися до настоящего времени. Прав С. Мнацаканян, предполагавший, что они размещались между полуколоннами верхнего ряда ([301], с. 64, 65). Декоративное оформление внутренней поверхности наружной стены осуществлялось небольшими полуколоннами диаметром 12 — 13 см и высотой 3 — 4 м, которые располагались друг от друга на расстоянии 3 м. Как описывал албанский историк Моисей Каганкатваци, в Албании искусство монументальной живописи достигло большого развития, а храмы и дворцы часто декорировались прекрасной росписью [205]. Поэтому мы считаем, что плоскости между полуколоннами, возможно, были также покрыты росписью, об этом говорят остатки раскраски на штукатурке. Выше, по всей вероятности, размещался красочный фриз, над ним проходил ритмичный ряд полуколонн, по мнению Мнацаканяна, завершавшихся небольшими арочками. Между полуколоннами в определенном порядке размещались окна, расстояние между которыми зависело от расположения их на барабане первого яруса наружного фасада, у которого, как и в Звартноце, ритм внешних декоративных форм не соответствовал внутренним ([330], с. 65).

Появление в Армении и Грузии храмов типа Лекит — храма Бдящих сил — Звартноц, кафедрального собора в Ишхане, VII в. н. э. и Бана, IX — X в. н. э. ([452], [163], с. 46, 47) — является подтверждением тесной связи между тремя этими народами, определяющей их общностью их исторических судеб ([413], с. 53). Кроме того, это указывает на появление новой композиционной формы и прогрессивного решения, каким явился тетраконх, пришедший на смену ротондальным трактовкам храмов.

* Четвертым круглым в плане культовым сооружением является церковь около сел. Мохренис VI в. н. э. Албанское княжество Арцах (в стадии исследования).

** Это мог быть храм Митры, Ахура Мазды, Ардвисуры-Анахиты или кого-либо из других богов, культы которых бытовали с древнейших времен на территории Кавказской Албании ([61], с. 5, т. 1).

*** Нам кажется, это могло произойти во времена албанского царя Вачагана в V в. н. э., проводившего активную борьбу против языческой церкви ([204], с. 37, 38).

Три исследованных круглых храма Кавказской Албании являются результатом длительного генезиса древних, круглых в плане культовых и мемориальных сооружений, подробно изученных нами; их реконструкции наглядно показали те сооружения древности, на базе которых могли возникнуть указанные три, совершенно разных в объемно-пространственной трактовке, раннесредневековых храма. Несмотря на различие фасадов и интерьера, планировка их имеет многие общие черты, указывающие на то, что исходным материалом для них, видимо, были одни и те же типы культовых и мемориальных зданий, построенных, возможно, на основе каких-то сложившихся архаических канонов древней архитектуры.

Храм на Килисадаге создан на базе древних круглых культовых и мемориальных зданий, зародившихся в Шому-тепе (VI тыс. до н. э.), Гаргалартепеси, Иланлы-тепе, Кюль-тепе-1 (V — IV тыс. до н. э.), Каракепек-тепе (III тыс. до н. э.), Мардакяны, Тюркяны, Зыря и др. на Апшероне (III — I тыс. до н. э.).

Мамрухский храм решен под сильным влиянием Килисадагского, от которого перешли два придела, круговой обход перед четырьмя внутренними пилонами (влияние древних чахартагов), три двери аналогично решенные и, наконец, единый принцип ярусной композиции объемно-пространственного решения здания. Новым было появление центральной апсиды (конхи).

Лекитский храм является как бы синтезом обоих культовых сооружений, в которых наблюдаются почти все архитектурные приемы, характерные для ранее исследованных храмов. Новым было наличие тетраконха, что с конструктивной точки зрения было более прогрессивным, так как он создавал предпосылки возникновения интересных пространственных композиций.

Некоторые исследователи видят в албанском Лекитском храме IV — V вв. не архаическую первооснову закавказских круглых в плане тетраконхов, зародившихся еще базе зороастрийских или митраизских храмов и поэтому созданных без излишней изысканности, пришедшей несколькими веками позже на примерах храмов в Босре — начало VI в., Звартноца — VII в., Бана — IX — X вв. и др. По их мнению, Лекитский храм — это провинциальная, упрощенная копия храма Звартноц, построенная в VII в. ([301], с. 64, 65), другие ученые почему-то относят этот храм к VIII — IX вв., необоснованно включая его в число памятников архитектуры Кахетии ([453], с. 226).

Как показало исследование. Лекитский храм входил в состав Албанского епископства и был построен в IV — V вв.

Реконструкции Лекитского храма, предложенные Л. Ишхановым и С. Мнацаканяном, нам кажется, не приемлемы по следующим причинам. Л. Ишханов опоясал Лекитский храм аркадой из подковообразных арок по аналогии с Кумской базиликой, но следов аркады, как это ни заманчиво, к сожалению, не обнаружено. Верхний барабан и апсиды перекрыты конусными шатрами ([413], с. 33, р. 25 — 26; [132], с. 367 - 368) по аналогии с современными армянскими и грузинскими церквями. В V в., нам кажется, они перекрывались полукруглыми куполами или крутыми ложными куполами, которые впоследствии превратились в шатры.

В реконструкции С. Мнацаканяна ощутимо желание воссоздать провинциальную модель Звартноца. По нашему мнению, это неубедительно, но он совершенно прав, перекрывая Лекитский храм куполом.

Указанные предложения были полезными в процессе разработки нашего варианта реконструкции Лекитского храма.

Для более полной характеристики развития раннесредневековой христианской архитектуры на территории Азербайджана, кроме исследования круглых в плане храмов, нужно изучить центрально-купольные квадратные и прямоугольные в плане сооружения, скомпонованные из одного или нескольких залов, а также одно-и многонефные базилики как языческих, христианских, так и мусульманских храмов. Многозальные храмы, видимо, произошли от древних многокомнатных жилых домов — круглого в Кельбаджарском районе III тыс. до н. э., прямоугольного Ханларского дома и многих других, в которых вначале зародилась жилая микрокультовая ячейка, а в дальнейшем возникли многозальные и однозальные храмы. Примером

могут служить храмы античной Кабалы I в. до н. э., I в. н. э. и ряд других культовых зданий Азербайджана (248 а).

Рядом с крупным административным и хорошо защищенным городом Кабала было обнаружено античное городище, где находился храмовый центр, видимо, с множеством культовых, общественных зданий и других сооружений, связанных с многогранной деятельностью храмов. На указанном месте визуально просматривается множество бывших сооружений, говорящих о наличии в прошлом здесь крупного комплекса, а определить назначение его помогли открытые археологами два крупных здания размерами 74x15 м и 11,5x11,5 м. Нашим эскизным проектом реконструкции первого здания было выявлено, что оно состояло из двух самостоятельных групп помещений: первая была культового назначения и состояла из главного молельного зала и изолированного святилища, перекрытых дарбази или куполами, и двух помещений, видимо, одно хозяйственного назначения, а другое — комната служителей храма. Вторая общественная группа помещений состояла из входного зала, перекрытого, видимо, полуциркульным сводом, далее шел коридор с купом, в котором, возможно, хранилось ритуальное вино хома (хаома), выпив которое, служители храма во главе с магупатом проходили в два крупных зала. В первом они могли совещаться все вместе, а во втором собирались главные жрецы для принятия решений. Молельный зал и святилище перекрыты дарбази, сквозь отверстие которого проходил широкий луч солнечного, а ночью лунного света, оживлявший аскетическую суровость ритуальных помещений.

Два продольных фасада композиционно решены асимметрично. Главный фасад, с сильно акцентированным объемом молельного зала, имел порталный вход, подчеркнутый двумя навесами-козырьками и специальным шпилем. На верху шпиля скорее всего находилась эмблема божества или его фарна (божественной благодати), возможно, в образе головы барана.

Молельный зал являлся композиционным ядром интерьера, решенного на контрастном сопоставлении кубического объема с дарбазным куполом и прямоугольной частью зала с плоским перекрытием, разделенным между собой колонной. Симметрия и лаконизм строгих форм придают им статичность и, видимо, необходимую аскетичность, что характерно для храмов культа Солнца, Луны и Беспредельного света — огня.

Общественная часть здания, имеющая входной зал со сквозным проходом, а возможно, и проездом, состояла, как уже указывалось, из двух залов. Обнаруженные в них каменные, отлично вытесанные базы колонн говорят о высоком мастерстве строителей этого комплекса и о том, что, видимо, парадная часть была несколько более богато декорирована. Кровля здания покрывалась крупной черепицей — плоской и двухскатной, которая защищала стыки между двумя плоскими черепицами, и, наконец, желобчатой коньковой черепицей.

В 1976 г были закончены раскопки второго культово-общественного здания, состоящего из одного зала площадью 90,3 кв. м, расположенного в 200 м к западу от первого. Во время раскопок были обнаружены обожженные кирпичи, черепица и плоские камни, которые указывают на то, что стены, видимо, возводились чередованием нескольких рядов кирпича и камня, а кровля была покрыта черепицей.

Нами запроектированы два эскизных варианта реконструкции: в первом — здание перекрыто ложным сводом, а во втором — дарбазным куполом. Оба варианта являются основой для сохранившихся раннесредневековых капищ в Закатальском, Белоканском и многих других районах. Указанные методы перекрытий были широко распространены в Азербайджане в античный и раннесредневековый периоды.

Два крупных культово-общественных здания, реконструированных нами, указывают на наличие в античный период рядом с городом Кабала крупного культового комплекса, бывшего, видимо, центром целой храмовой области.

Кабалинский храмовый комплекс несколько напоминает своих более древних собратьев — храмы в Баба-дервише и Сары-тепе ([62], р.1 - 5), одновременно являясь первоосновой для целого ряда раннехристианских и мусальманских храмов.

Так, впоследствии на основе исследованных храмов, возникла большая группа мечетей: в г. Шемахе трехзальная Джума-мечеть VIII в. с широким эйваном (крытой верандой) и анало-

гичной планировки мечеть VIII в. в сел. Ахсу. Обе эти мечети принадлежат к Ширванской группе памятников и уникальны в своем планировочном решении, так как каждый молельный зал имеет собственный михраб (священную нишу — результат генезиса пристенных алтарей огня древних микрокультовых ячеек). Более распространены как однозальные, так и многозальные мечети с одним михрабом. Однозальная мечеть Мухаммеда в старом Баку (XI в.) с выступающим объемом михраба (генезис культовой ниши в древнем храме Иланлы-тепе V — IV тыс. до н. э.) и дагестанские средневековые мечети ([433], с. 90 — 92), мечеть в Ханега на р. Пирсагат (XIII в.).

5. АРХИТЕКТУРА И КУЛЬТОВАЯ СИМВОЛИКА МОНАСТЫРЕЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Среди раннехристианских храмов можно привести мингечаурские храмы III — VII вв. Многонефные базилики в Кавказской Албании обнаружены с V в. Это базилика в сел. Кум, расположенном недалеко от сел. Лекит с его древним круглым храмом IV — V вв. Видимо, некогда существовала древняя дорога, соединявшая эти поселения с селением Киш и с участком Едди килься, объединяя их вокруг Лекитского епископства Албанской церкви ([440], с. 35).

V век был одним из значительных в истории Кавказской Албании, к власти пришел царь Вачаган III, который стал укреплять царскую власть, чему содействовала Албанская церковь ([196], с. 86). Это был период значительного подъема во всех областях культурной жизни.

В истории албанского зодчества прослеживается творческая линия его развития. В культовой архитектуре — круглые храмы, в результате длительного генезиса, от ротонд к первому в Закавказье тетраконху, а развитие прямоугольных в плане однозальных и многозальных храмов завершается созданием многонефных базилик.

Живописные руины Кумской базилики окружены густыми зарослями деревьев и тем печальнее на их фоне выглядят величественные арки, мощные столбы, пилястры и аккуратная кладка стен, глядя на которые можно постигнуть суть албанской раннесредневековой архитектуры: гармонию линий, устремленность ввысь и безупречное изящество.

Кумская трехнефная базилика в плане имеет размеры: длину 36,5 м и ширину 19,3 м. Две пары Т-образных в плане столбов создают трехнефную композицию интерьера, средний неф решен значительно шире боковых. Примерно в центре преддверия храма напротив главного входа имела колонна, хотя два других входа в храм, ведущих из боковых галерей, уже ничем не прикрыты. Этот факт говорит о том, что Кумская базилика была выстроена несколько позже, чем Лекитский храм — в V в., и в ней, как дань древнему языческому канону, сохранилась одна колонна, загораживавшая главный вход, прикрывая вид на центральную апсиду. Интерьер базилики решен сочетанием подковообразных арок и пилястров, внутренние стены, видимо, были покрыты богатой росписью, некогда храм был обстроен с двух сторон четырехпролетными арочными галереями, примыкавшими с главного фасада к объему преддверия. Восточный фасад по аналогии с Мамрухским и Лекитским храмами имеет два придела и центральную апсиду, боковые нефы базилики перекрыты коробовыми сводами, возведенными из грубоколотого камня. Центральный неф, перекрытие которого не сохранилось, судя по оставшимся верхним частям стен и проекту реставрации, видимо, был выше боковых.

Четкий план, тщательно выполненные конструкции, умелое использование местных строительных материалов (сочетание булыги и квадратного обожженного кирпича) говорят о зрелости мастера, сумевшего создать это строгое и выразительное здание ([413], с. 29 — 31).

Интересна базикальная Джума-мечеть в Дербенте. Наиболее древние элементы неоднократно перестраивавшегося огромного сооружения дают возможность предположить, что оно было возведено задолго до появления ислама. Отдельные предания донесли до нас сведения, что в VII в. под мечеть был перестроен христианский храм. Авторы истории архитектуры Азербайджана считают, что строительные особенности ее древних частей и базиликальный план, характерный для культовых сооружений Кавказской Албании и сопредельных областей, подтверждают эти сведения ([413], с. 168. 169).

Трехнефный собор в монастыре Цицернаванк на р. Аг-оглан в Лачинском районе был построен в VI веке. Средний неф, перекрытый стрельчатый сводом, завершается глубокой апсидой, а боковые нефы, перекрытые цилиндрическим сводом, заканчиваются двумя встроенными приделами. Апсида перекрыта полукуполом, арка, образующая апсиду, принята подковообразного очертания. Интерьер собора был оформлен фресковой росписью по штукатурке. Архивольты арок и пилоны, на которые они опираются, облицованы крупными, чисто тесаными плитами. В верхних частях сооружения применена декоративная резьба по камню, хорошо освещенная окнами среднего, более высокого нефа.

Внешний облик храма — это характерная базилика с более высоким средним нефом с четко и просто решенными фасадами. Интересна одна планировочная особенность: перед главными входами так же, как в Лекитском храме и Кумской базилике, расположены толстые столбы. Это явно языческий прием по старой жреческой традиции сохраняется в целом ряде христианских храмов на территории Азербайджана, не встречаясь в христианской культовой архитектуре Армении и Грузии, свидетельствуя о глубоких корнях, восходящих к зодчеству древних Каспианы и Албании.

Историческая область Арцах-Хаченское княжество* богата множеством произведений древних средневековых зодчих Кавказской Албании ([327], с. 155, 156). Особенно интересна группа христианских храмов, являющих собой блестящие образцы албанской церковной архитектуры.

Наиболее древним из них был монастырский комплекс Хашаванк или Хотаванк, расположенный на гребне покрытой лесом горы по левому берегу реки Тертер (Тар'тар) в Кельбаджарском районе Азербайджанской ССР. Хашаванкский монастырь возник вскоре после распространения христианства в Арцах-Хачене.

Согласно преданиям первая базиличная постройка, сохранившаяся в полуразрушенном состоянии, создана еще в I в. н. э.

На территории Арцах-Хаченской области проживали кавказские албанцы**, в состав которых входили также утии-удины, на языке которых слово «Хаш» имело двойное значение — Луна и свет, сияние ([152], с. 220).

Распространенность в Кавказской Албании поклонения планетным богам отмечена еще Страбоном — албаны почитали богов Гелиоса, Зевса и Селену ([387], с. 503). Поэтому мы считаем, что место, где возник древний культовый комплекс, в связи с поклонением бесконечному свету — сиянию — богу Митре и божеству Луны, являющемуся олицетворением одной из разновидностей беспредельного космического божественного огня — света, сияния, было названо на основе удинского слова «Хаш» Хашаванком. Это название с течением времени претерпело незначительные изменения и именовалось Хошаванк, Хотаванк, Хатаванк и др.***

К сожалению, Хашаванкский монастырский комплекс плохо сохранился. Относительно в целостности дошел до нас кафедральный собор, построенный албанским князем Ованесом Хаченским. Это интересное творение зодчих Кавказской Албании сильно отличается от произведений культовой архитектуры соседних народов. Собор решен асимметрично как в объемно-пространственном, так и в планировочном решениях. Кстати, он не имеет аналогий ни в одном из комплексов армянского средневековья ([412], с. 175).

Своеобразно решена колокольня, прообразом для которой, видимо, явился древний Чахартаг в Кельбаджарском районе, расположенный на высоком стилобате, под которым устроен полуциркульный сводчатый проход. В потолке было проделано световое окно для поклонения священной стеле с изображением древнего Митры, расположенной почти в центре Чахартага.

Четырехколонная колокольня расположена на массивном основании с высоким арочным входом, сильно напоминающим указанный древний Чахартаг.

В последующие столетия возле первого базиликального храма был возведен ряд прямоугольных в плане церквей и часовен, благодаря которым возник крупный культовый комплекс, ставший резиденцией албанского (агванского) епископства и одним из важнейших культурно-просветительных центров Хачено-Арцаха ([140], с. 36).

С X по XV век Хашаванк становится христианским духовным центром албанского Хаченского княжества.

* Арцах-Хачен — одна из областей Кавказской Албании, в настоящее время Нагорно-Карабахская автономная область и частично Кельбаджарский район Азерб. ССР.

** Большая часть албан, исповедовавшая ислам, впоследствии стала называться азербайджанцами, а исповедовавшие христианство после присоединения их церквей в 1836 г. к русской церкви, путем объединения с армянской (присоединенной к русской церкви в 1828 г.), постепенно стали называться армянами ([245], с. 303).

*** Лишь по течению реки Тертер наблюдается несколько архитектурных памятников, носящих в названии частицу Хота, Хатра, Хада и др. ([139], с. 331 — 334).

В период правления албанского князя Гасана, сына Сакар'а Вахтанга (1142 — 1182 гг.), в Хашаванке возвели купольную церковь ([327], с. 146). Когда пришел к власти сын князя Гасана — Вахтанг, значение монастыря еще больше укрепилось, там действовала гостиница, библиотека и была построена церковь жены Вахтанга Арзу-Хатун ([327] с. 163). Хорошо сохранившаяся, эта церковь является одним из ценных памятников архитектуры раннесредневековой Албании. Внутри храма имеются фрагменты фресок, авторами которых считают Арзу-Хатун и ее дочерей.

Их современник, албанский историк из города Гянджи, Киракос Гяндзакский писал что они наделены талантом и искусством изображения.

О значении описываемого монастыря можно судить по тому, что из других менее влиятельных монастырей свозили к нему разные рукописи и хачдаши (крест камни). Эта церковь в 1214 году была построена княгиней Арзу-Хатун в память о погибших сначала муже, а затем двух сыновьях. Церковь небольшая, имеет два барельефа: на восточной стороне над окном изображены по пояс князь и какой-то святой — оба держащие модель храма, а на южной стене — два князя также держат модель храма. В первом случае следует усматривать в изображении мужа Арзу-Хатун со святым, а во втором — их сыновей. Исполнение этих ктиторских портретов и других небольших украшений не отличается высокой художественностью ([174], с. 116).

В указанной церкви имеются росписи, изображающие на южной стене крупномасштабную сцену возвращения Николаю Чудотворцу Христом — Митры и Богоматерью — Омофора*, а на северной — сцену убиения камнями архидиакона Стефаноса. Культ Николая Чудотворца, не имевший распространения в Армении даже в более поздние века, является, видимо, чисто албанским. Эти росписи, мы считаем, могли быть исполнены княгиней Арзу-Хатун и ее дочерьми, а не во время реставрации храма в 1312 г., как это считает Л. Дурново ([174], с. 153, 154). В пользу нашего мнения говорит изображение Николая Чудотворца, а также большая любовь княгини Арзу-Хатун и ее дочерей к художественному творчеству.

Примером своеобразия в тематике церковных росписей Арцах-Хаченского княжества, относящихся к XIII и началу XIV веков, можно привести однефный храм в селе Довшанлы(Арачадзоре), в апсиде которого изображены два храма: один прямоугольный в плане, другой граненый. Должны были существовать особые причины почитания каких-то отдельных храмов, чтобы они могли заменить изображения святителей и апостолов ([174], с. 153). Тема двух разных по архитектуре храмов — прямоугольного и граненого в плане повторяется в скульптурных изображениях одиночных ктиторов на шестнадцатигранном барабане гандзасарского собора, построенного примерно в это же время, где они, расположенные каждый в отдельной нише, держат над головой модель храма ([469], с. 151 — 153). Этот пример лишней раз подтверждает локальность указанной темы, характерной для культовых сооружений Кавказской Албании ([62], с. 3 — 17).

В монастырском комплексе Хашаванк находится уникальный памятник гражданского зодчества средневековой Албании — дворцовый зал начала XIII века. Он расположен в южной группе сооружений среди остальных светских построек (трапезной, библиотеки, жилых и коммунальных зданий).

Строительная надпись на южном фасаде указывает, что возведен он в 1211 году Григорием, сыном князя Гасана.

Композиционное решение дворцового зала, построенного из базальтового камня, очень характерно для албанских и армянских притворов описываемой эпохи. План зала приближается к квадрату (внутренние размеры 8,4х9м), в центральной части его расположены четыре круглые колонны с восьмью полуколоннами у стен. Как колонна, так и полуколонны были высечены из целых базальтовых глыб, на них опираются арки, которые делят перекрытие зала на девять частей — восемь прямоугольных и квадратную центральную часть с восьмигранным шатром и световым отверстием (генезис древних жреческих мотивов в архитектуре культовых и

* Митра — головной убор высшего духовного лица: омофор — широкая длинная лента, возлагаемая ему на плечо ([340], с. 22).

общественных зданий). Колонны имеют профилированные капители и базы со сталактитовыми выемками на углах.

Здание дворцового зала лишено декора только в интерьере, над небольшим возвышением (возможно место, где стоял трон албанского князя) в стене установлен хачдаш, декорированный тонкой резьбой. Здание не имеет окон и освещается через световое отверстие в перекрытии.

Будучи творением албанской архитектуры, зал отличается от дошедших до нас средневековых армянских дворцов с единым перекрытием на перекрещивающихся арках.

В северной части Арцах-Хаченской области на территории села Ванклу находился древний монастырь Гандзасар, служивший родовой усыпальницей Хаченских владельцев Джалалидов и являющийся до XIX в. (1836 г.) кафедрой албанского католика ([469], с. 165).

В 1216 — 1238 гг. в этом монастырском комплексе хаченским князем, именуемым то «царем Албании», то «великим окраинодержателем Албании», был выстроен собор с притвором, который он назвал «престольным монастырем Албании» ([327], с. 157, 158, 161). Архитектура собора представляет собой крестово-купольную композицию, состоящую из подкупольной залы и неглубоких боковых ветвей креста, как бы являющихся неотделимой частью центрального зала и этим еще больше выделяющих подкупольное пространство, к которому с восточной стороны примыкает полукруглая апсида. Углы здания заняты в два этажа удлиненными помещениями. На второй этаж ведут крутые консольные лестницы. Слегка стрельчатые арки ветвей креста со стороны подкупольного пространства трактуются в виде тройного ступенчатого профиля, верхняя часть которого решена декоративным полуваляком. Планировочная структура собора решена по аналогии с крестово-купольной церковью (1142 — 1182 гг.) в Хашаванке и является примером ее дальнейшего развития.

Крестово-купольная объемно-планировочная структура культово-мемориальных зданий имела широкое распространение в Азербайджане и в соседних Грузии и Армении, но всюду она решалась несколько по-иному.

Корни албанских церквей эпохи расцвета ее архитектуры XI — XIII вв. нужно искать в ранних базиличных сооружениях V — IX вв. Мингечаура, Кума, Цицернаванка, Амараза и в центрально-купольных капищах и часовнях раннего средневековья.

Развитие крестово-купольных сооружений в Азербайджане можно проследить на примерах как христианских, так и мусульманских культовых и мемориальных произведений архитектуры (усыпальница ширваншахов 1435 г., Дворцовая мечеть 1441 г., церкви из монастырей святого Елисея, Буланлых-су в Арцах-Хачене и др.).

Начиная с V — VI веков наблюдаются изменения в планах и объемно-пространственных структурах церковных сооружений Кавказской Албании, увеличивается количество купольных сооружений базиличного типа. Примером могут служить кумская* амарасская, елисейская, бардинская и тазакендская базилики, имеющие все глубокие подковообразные в плане алтарные апсиды ([140], с. 36), которые впоследствии, сократившись в длину, превратились в полукруглые апсиды. Наиболее совершенным образцом крестово-купольных сооружений, с полуциркулярной апсидой является собор в Гандзасарском монастыре.

Собор по размерам, продуманности скульптурного убранства, по количеству и высокому качеству резьбы должен быть причислен к самым лучшим произведениям албанской и не только албанской архитектуры** ([174], с. 116).

На шестнадцатигранном барабане, пластично решенном ритмичным чередованием тройных валиков, подчеркивающих грани, и трехугольными нишами, вершины которых закреплены валиками-колоннами, с капителями расположены скульптуры. Со стороны западного окна расположены указанные ранее ктитории, державшие над головой модели храмов. Над западным

* Кумская базилика (V в) на основе нашего исследования и эскиза реконструкции относится к купольным базиликам (Д. А.)

** Л. А. Дурново ошибочно пишет: «К лучшим памятникам армянской архитектуры» и неправильно указывает дату строительства «1316 — 1341» Л. Дурново, А. Якобсон, Б. Улубаян, М. Аспятян. Тьерри, А. Айвазян и др. стремятся назвать армянскими архитектурные памятники Кавказской Албании (Азербайджана) отчуждая подобным образом от азербайджанского народа неповторимые произведения его архитектуры и искусства (Д. А.).

окном помещено вознесение, над южным — Богоматерь с младенцем, а по сторонам окна — две коленопреклоненные женские фигуры, над ними парит птица. Над восточным окном — две бычьи головы, над северным окном только орнамент, рядом с окном — две птицы с распущенными крыльями.

Четыре человеческие фигуры, вероятно, представляют: первая — самого строителя храма князя Гасан Джалала, вторая — его сына, две женские фигуры изображают — одна, вероятно, бабушку Гасан Джалала — Мама-Хатун, другая — кого-либо из членов их семьи. Так же тщательно и художественно исполнена резьба на карнизах, на наличниках окон, в нишах восточной стены, на больших крестах и порталах.

Большой интерес представляют культовая символика и декор щипцов северного, южного и западного фасадов собора, а также декоративное оформление его шестнадцатигранного барабана.

На северном и южном щипцах собора мы наблюдаем изображение многоступенчатой картины мира: подземный мир, вход в него, далее земля в виде ступенчатой горы, из которой вырастают два креста, один в другом — древо жизни. Над древами жизни, на северном щипце розетка, олицетворяющая солнце, небесную сферу, над крестом южного щипца черепаха, олицетворяющая собой небесную твердь. Оба завершения являли собой райскую сферу, собственно небосвод. На западном щипце, полуприкрытом пристроенным зданием притвора, изображена примерно та же символическая схема картины мира, но ввиду того, что это был главный фасад, на кресте изображен распятый Христос с монгольскими косичками. На его руках сидят две мифические птицы с женскими лицами, являющиеся символами воздуха, неба, а на горизонтальных ветвях древа-креста изображены крупные птицы, в настоящее время с отбитыми головами, продолжающими ту же символику о божественном значении распятого. По обеим сторонам Христа стоят на коленях два апостола с монгольскими шапочками на головах и двумя косичками. Эта скульптурная композиция, видимо, была исполнена в период владычества монгол над албанским Хаченским княжеством.

Шестнадцатигранный барабан также насыщен мифологическими символами, указывающими, что перед нами явная митраизская многоступенчатая картина мира, бытовавшая в познании древних и средневековых албанцев, бывших единственным народом в Закавказье, исповадовавшим три разные религии, символы которых переплетались в творениях архитектуры и искусства ([70], с. 1 — 16; [72], с. 39).

В соборе монастыря Хашаванк на высоких базах пилонов в центре храма лицом к западному входу вытесаны головы человека, барана и двух быков. Точно такая же группа рельефов установлена в парусах Гандзасарского собора, а также в церкви Санаинского монастыря ниже тропов подкупольного пространства, где они расположены аналогично Гандзасарским. С. Х. Мнацаканян правильно обратил внимание на тождественность некоторых скульптурных фигур Гандзасара и Санаина [303]. Это, несомненно, влияние более древних традиций символического декора албанских храмов.

А. Л. Якобсон и С. Х. Мнацаканян пришли к выводу, что это символы-обереги, и, как указывал Н. Я. Марр, они были образцами феодальной символики, восходящей к эпохе родового общества ([275 б] с 52, 53).

Если принять во внимание, что и на внешней плоскости граненого барабана Гандзасарского собора имеются изображения быков, птиц, коней и всевозможных розеток, изображающих солнце, луну, беспредельный свет — собственно небо, то мы считаем, что в символы-обереги превратились дохристианские божества, олицетворением которых являлись указанные изображения.

Как отмечалось выше, изображения коней, часто символические, связаны с культом Солнца и Огня ([542], с. 14). В гимне (Яшт — 6,1 и 6,4) сказано: «Сияющее солнце бессмертное, богатое (обладающее) быстрыми конями» мы почитаем. В Авесте (Видевдат XXI. 20) говорится: «Солнце с быстрыми конями» ([486], с.19; [57], с. 6). Две бычьи головы в интерьере и экстерьере собора символически олицетворяют солярное божество Митру, часто связанное с культом земледельцев и плодородия ([57], т. 5). Изображение головы барана (Овна) свиде-

тельствует об ассоциации в мировоззрении древних и средневековых азербайджанцев образа барана — Фарна бога Митры ([254], с. 37, 38) с солнечным и лунным культами, выступающего как ипостась Огня — света ([209], с. 100). Изображение птиц является символом воздуха в митраизмской культовой символике. Перенесение их в декоративное оформление христианских культовых сооружений вполне закономерно, если учесть, что христианство многое заимствовало из митраизма ([62], с. 29).

Место возникновения монастыря было издревле используется для расположения культовых сооружений, посвященных богам огня, солнца, света, а местом поклонения был алтарь огня — очаг.

Проведенное исследование позволило нам выдвинуть гипотезу, что, возможно, название монастыря «Гандзасар» состоит из нескольких частей, где первый слог «Га» означает на удинском языке место, очаг ([152], с. 104, 199).

К вновь выявленным памятникам Кельбаджарского района относится монастырь у слияния рек Тер-терчай и Буланлыг-су. Зодчие раннего средневековья, умело используя рельеф, расположили этот культовый комплекс в глубоком ущелье на площадке, примыкающей к отвесному краю горы, который вместе с огибающей ее рекой хорошо защищал монастырь от нападения.

Главным сооружением этого комплекса был трехнефный храм, средний неф которого завершался подковообразной апсидой; по бокам ее имеются два прямоугольных помещения. Кроме главного храма, комплекс состоит из небольших часовен, жилых и хозяйственных сооружений.

Прослеживаются следы оградяющих стен. Многие сооружения исследуемого комплекса богато орнаментированы, на них имеются надписи. Имеются интересные хачдаши ([10], с. 14).

В заключение хочется сказать, что произведения культовой и мемориальной архитектуры, искусства Кавказской Албании в период раннего и развитого средневековья всегда несли в себе переплетение элементов христианской, зороастрийской, митраизмской и магометанской религий. Это объясняется тем, что в отличие от сопредельных Грузии и Армении, которые также в начале IV века приняли почти всем народом христианскую религию, народы Кавказской Албании приняли ее лишь частично, правда, перешли в христианство царь, почти все князья и подчиненные им люди. Другая же часть народа продолжала исповедовать зороастризм, митраизм и ряд других местных культов. В этот период вплоть до VIII — IX веков архитектура страны, взаимовлияя, содержала в себе как христианские, так и языческие элементы и культовую символику. После того, как в Закавказье ворвался все сметающий на своем пути ислам, Грузии и Армении, хотя и с трудом, но удалось удержать христианскую религию, как исповедующую поклонение единому богу, в Кавказской же Албании в относительном покое осталась христианская часть, всю остальную насильно перевели в исламскую религию. И вновь стала развиваться архитектура христианская и магометанская, часто включая в культовую символику и декор элементы дохристианского зодчества ([111], с. 86 — 89).

6. КУЛЬТОВАЯ СИМВОЛИКА И КАРТИНА МИРА, ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ НА ХРАМАХ И СТЕЛАХ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Интересным, совершенно оригинальным путем шло становление и развитие раннехристианской мемориальной архитектуры и искусства Кавказской Албании, «бывшей великой, славной и густонаселенной страной (442, к 11, гл.8). Албания в VII — IX вв. во всех областях политической и культурной жизни Закавказья играла ведущую роль ([453], с. 3, 110, 267).

В настоящее время мы рассматриваем развитие архитектуры и картину мира, запечатленные в культово-ритуальной символике художественного декора дохристианских, христианских и мусульманских надгробных и памятных каменных стел Кавказской Албании. Мы

рассматриваем также взаимовлияния, черты сходства и отличия албанских хачдашей (камень-крест) от мусульманских надгробий стел-башдашей (камень у головы) и стел Армении — хачкаров (камень-крест).

В средневековой Албании известны многие мемориальные сооружения, в решениях которых запечатлен образ вертикального памятного знака, служившего культовым и надгробным символом с древнейших времен (менгир, фаллический образ, изображение женского и мужского божества, вишапоидные менгиры и межевые знаки). Эти простейшие и наиболее распространенные погребальные памятники представляли собой модель мира, но являлись не только мировой осью, связующей миры, но и межевым столбом на границе мира живых и мира мертвых, организуя не только вертикальное, но и горизонтальное пространство ([502], [70], с.1).

В мемориальной пластике Албании раннего и развитого средневековья налицо отражение определенных мировоззренческих и символических представлений дохристианского периода. Примером может служить то факт, что почти на всех исследованных нами некрополях имеются и безымянные надгробные стелы, которые возводились, видимо, на основе сохранившегося еще в те времена обычая умалчивания имен покойников, соблюдавшегося в древности кавказскими албанцами [426].

Образы албанских хачдашей на протяжении многих столетий складывались под влиянием сначала двух, а впоследствии трех религий, культовая символика которых гармонично переплеталась в образах стел.

Наиболее стабильными объектами являются мемориальные сооружения. Они сохраняют свою структуру в процессе грандиозных коллизий, которые потрясают жизнь, но не затрагивают смерть.

Исследуемую территорию могут захватить агрессоры, народ может быть поработен, его могут обратить в иную религию, сменяются формы домов и храмов, но неизменными останутся погребальные обряды и сооружения — дохристианские стелы, христианские хачдаши, мусульманские башдаши и др. Это не означает, что с течением времени в этих сооружениях вообще ничего не меняется, конечно, изменения происходят и большие, но лишь в деталях, а фундаментальная структура остается неизменной.

Смерть всегда внушала человеку чувство почтения и страха, душа мертвого — сила страшная и мало кому хотелось входить с ней в конфликт. Это во многом обуславливало поведение древних людей. Соответственно, когда в древности завоевывали какой-либо народ и захватывали его территорию, то в этой местности захватчики поклонялись местным богам. И это вполне понятно: боги рассматривались не в их связи с народом, а в их связи с территорией ([70], с. 3). Поэтому, даже в периоды религиозных гонений, редко доходило до попыток изменить погребальные обычаи, формы захоронения или мемориальные сооружения. Поясняя свою мысль, отметим, например, что в мемориальных стелах Кавказской Албании четко запечатлена трехуровневая модель мира: небесный уровень — райская сфера как обитель сакральных персонажей, средний — земная сфера, мир человека и нижний мир — подземная сфера, т. е. переходный уровень хачдаша или башдаша плюс сама могила. Эти уровни, в свою очередь, могут по-разному члениться, могут меняться персонажи или вместо них выступать их символические заместители и ипостаси. Могут меняться объекты, которые налаживают межуровневые связи, но это будет всего лишь изложение одного и того же сюжета на разных культово-художественных языках. Эти мемориальные сооружения могут использоваться при захоронении иноземцев и тогда на определенных уровнях появляются необычные персонажи, буддийские символы раскосые всадники с косичками и даже изображение Христа монголоидного типа ([15], с.162, 163). Эти персонажи не меняют структуру мира, запечатленную в хачдаше, они лишь сами входят в этот мир.

Соответственно нам представляется, что наибольшей информативностью будут обладать мемориальные сооружения, которые оставались структурно неизменными в условиях неоднократной смены религий, в условиях многорелигиозности населяющего страну народа, в условиях частых завоеваний, культурных влияний и т. д. Такая ситуация наблюдалась на террито-

рии древнего Азербайджана (Каспианы, Кавказской Албании, Мидии-Атропатены). Это наложило существенный отпечаток на всевозможные стелы Кавказской Албании, которые сюжетно разнообразно рисуют модель мира в разных кодах и языках, используют различные системы культовой символики. В этом они существенно от хачкаров Армении, которые на протяжении очень длительного времени изготавливались в условиях стабильной религиозной ситуации, что быстро привело к канонизации сюжета, в котором доминирующее место заняло изображение креста, основного символа христианской веры, который вытеснил более архаичные мотивы мифо-религиозного моделирования мира. В этом отношении армянские хачкары менее информативны для реконструкции древней космогонии.

В возникновении образов албанских надгробных, памятных и межевых стел хачдашей сыграли определенную роль дохристианские стелы с бытовавшими у албанцев, как указывалось, представлениями о построении мира и изображениями языческой символики, а крест, бывший ранее символом солнца, плодородия — деревом жизни, являлся лишь свидетельством того, что они относятся к новой христианской религии.

В хачдашах Албании образ креста как бы сливается с декоративным оформлением, часто раздробляясь на несколько небольших 2, 4, 6 крестов, которые растворяются в общей многоступенчатой как в глубину, так и по высоте художественной трактовке. По своему решению эти кресты приближаются к изображениям дохристианских древ жизни. Главное в хачдашах — это цельный художественно выполненный образ стелы, а не только крест.

Если же учесть, что крест часто расположен в стрельчатой нише, своего рода стилизованном мусульманском михрабе, а по верху и по низу имеются изображения чисто языческой тематики, то становится ясным основное отличие хачдашей от хачкаров, образ которых почти всегда подчинен требованиям художественных канонов христианской религии.

Чтобы проследить закономерности развития языческих надгробных стел, мусульманских башдашей и хачдашей Албании, необходимо остановиться на нескольких характерных их группах.

1. Хачдаши Хачена-Арцаха (Кельбаджарского района и Нагорного Карабаха).

а) Стелы Кельбаджарского района.

Определенная часть Кельбаджарского района входила в состав албанского Хаченского княжества. Интересна группа хачдашей и дохристианских стел, обнаруженных около древнего капища, решенного в виде Чахартага (четырёхарочной композиции), поднятого на высокий сводчатый стилобат.

В указанных стелах наблюдается искусство двух разных религий: христианской и, видимо, митраизской, не исключено также влияние отдельных местных религиозных верований.

Один хачдаш был установлен, по нашему мнению, в более позднее время в самом Чахартаге, с которого была снята чисто митраизская стела, обнаруженная невдалеке на склоне горы. На стеле в двойной прямоугольной рамке изображено антропоморфное божество, на голове которого вместо лица изображена звезда в круге — символ солнца, космического света — райская сфера ([57], с. 5, т. 1). В руке оно держит луну в виде круга в круге — символ плодородия, ниже живота, в круге меньшего размера, чем на голове, также изображена звезда — подземный мир, или вход в него. Явная трехступенчатая модель мира — в познании древних албанцев. Сама же фигура человека являет собой мировую ось, связующую между собой все отмеченные миры. Недалеко от первой была обнаружена другая дохристианская стела, на которой в прямоугольной рамке в линиарной технике изображено женское, видимо, лунное — божество — Селена, Артемида, Ардвисура, Анахита ([57], т. 1). Указанные стелы относятся нами к дохристианским временам нашей эры, а возможно, и к более древним эпохам. Кроме двух описанных, дохристианских стел, найдены четыре хачдаша — первый, лучше всех сохранившийся, установлен в Чахартаге.

Очень интересны два хачдаша из албанского монастыря Хашаванк-Хотаванк, установленные рядом. На первом хачдаше имеются две круглые розетки, расположенные одна над другой. Нижняя, большая символизирует подземное царство или вход в него, а верхняя, в которой меридионально расположены четыре маленькие розетки, возможно, была символом

четырёх стран света, или олицетворяла собой беспредельное пространство света с бесконечным движением планет. Над ними в виде древа жизни изображен крест. Художественно-символическая трактовка хачдаша завершается ажурным фризом, в центре которого над крестом в трехлепестковой арке расположены три переплетенные розетки, олицетворяющие созвездие, небесную твердь — райскую сферу (таблица 4). Левый хачдаш по силуэту решен похожим на своего правого соседа. У него в нижней части расположена крупная, художественно орнаментированная розетка, состоящая из переплетения ажурных окружностей, над ней по обеим сторонам расположены две малые розетки, создающие божественную триаду. Между двумя розетками расположен треугольник, на вершине которого имеются небольшие две окружности, помещенные одна в другой. Треугольник и круг олицетворяют землю ([151], т. 11, р. 2), из которого вырастает крест в виде древа жизни — символ плодородия. Этот хачдаш завершается аналогичным первому ажурным фризом. Только в трехлепестковой арке у него изображен бог, восседающий на троне. Совершенно оригинально и неповторимо завершаются кресты обеих хачдашей. Из верхней ветви креста выходит небольшая рогатка в крылатом круге. Явный символ парного божества Ахура-Митры, непостижимо слитый с христианской символикой, что наблюдается только на примерах стел Кавказской Албании.

б) Стела из Кедабекского района.

Своеобразно и интересно, подчиненным канонам, принятым повсеместно в Кавказской Албании, решен крестообразный хачдаш, установленный под колокольной церкви Хамшиванк (1633 г.).

Несмотря на то, что форма его решена в виде каменного креста, основной художественной и символической доминантой образа стелы является крупная розетка, расположенная на средокрестье стелы и состоящая из трех кругов.

В центре розетки изображен равносторонний крест, у которого также на пересечении имеется небольшая круглая розетка.

Вся композиция решена как символ солнца, света и плодородия, слившихся в образе синтезированной христианской стелы. Крест-дерево, расположенный за эмблемой солнца, вырастает из символической ступенчатой горы, олицетворяющей собой землю ([154], с. 80; [381], с. 89), а это характерный художественный прием, издревле применяющийся на территории древнего Азербайджана.

в) Стелы Нагорного Карабаха (Арцаха).

Совершенно в другой манере выполнен хачдаш из Арцаха XIV в. Стела представляет собой сплошь декорированную поверхность с большим количеством тематических изображений, принцип декора объединяет ее с албанскими хачдашами Джуги, а рисунок креста и плетеный орнамент — с Кельбаджарскими хачдашами, в особенности с установленными на Чахартате. Интересны культово-символические изображения господина бога с его лучистым нимбом, помещенного в центральной верхней части стелы, расположенной в крылатом круге (символ бога Ахура Мазды). С обеих сторон изображены три ангела и два апостола, а ниже с обеих сторон две бесовские личины, одна из которых сильно сбита.

Вся описанная скульптурная композиция являет собой яркий пример слияния христианской и митраизско-зороастрийской символики. В нижней части стелы изображена в форме плоской сферы, богато орнаментированная розетка — круг в круге, из которой произрастает крест в виде разветвленного древа жизни.

Гандзасарский монастырь был резиденцией албанских католиков. Во время завоевания Албании монголами (1235 — 1236 гг.) ([196], с. 177, 178) хаченский князь Гасан Джалал — строитель и владлец Гандзасарского монастыря — становится их союзником, тем более что в числе монголов были также и христиане*.

Свидетелями тех событий является обнаруженный обломок хачдаша, который имел в правом нижнем углу изображение монгольского всадника в характерных халате, шапке, с двумя косичками и с копьём в руке.

* Явно монгольского происхождения хачкар около о. Севан ([9], р. 162, 163).

Внутри Гандзасарского собора имеются два хачдаша, один из которых посвящен албанскому владыке князю Гасан Джалалу, сыну Вахтанга и Хоришах ([327], с. 147). Ввиду того, что Гасан Джалал не похоронен в соборе, указанный хачдаш имеет чисто ктиторское* назначение. Художественно-символическое решение стел подчинено общим культово-ритуальным канонам Кавказской Албании.

Своеобразно и неповторимо решены культовая символика и декор щипцов северного, южного и западного фасадов собора. Шестнадцатигранный барабан также является собой совершенно оригинальное творение, где гармонично переплетаются дохристианские и христианские мотивы, усиливая локальную особенность Гандзасарского храма.

Величина и монументальность, богатая символическая пластика и декор творений культовой архитектуры объясняются, видимо, возросшей силой и авторитетом албанской церкви и ее католикосата**.

Значительное количество христианских храмов, построенных с X по XV в., свидетельствуют о больших материальных возможностях и авторитете албанской церкви.

Как указывалось нами раньше, Албания являлась местом возникновения и развития круглых храмов, от ротонды до тетраконха (храмы Кильсадагский, Мамрухский и Лекитский). Новым подтверждением является круглая церковь в монастыре около сел. Мохренис (VI в.) в албанском княжестве Арцах.

Этот храм относится к типу тетраконхов с четырьмя угловыми акустическими нишами, служившими также и для облегчения каменной кладки этого небольшого храма диаметром, равным 9,4 м.

Указанная церковь является четвертым круглым храмом Кавказской Албании***.

2. Джугинские хачдаши.

Исследуемая группа надгробных стел расположена на берегу Аракса, у самой границы с Ираном.

Большое количество джугинских хачдашей интересно и совершенно своеобразно решены. В верхней части стел они имеют много раз повторяющееся изображение: два крылатых драконьих туловища, покрытых роговым панцирем, расположены друг против друга и имеют шееобразные длинные хвосты, завершающиеся драконьими головами, часто с разинутыми зубастыми пастьми, повернутыми в противоположные стороны. Между двумя драконами на месте их голов изображена мужская голова, окруженная нимбом или нимбообразно расположенными волосами, обрамленная двумя крыльями. По иконографическим признакам она напоминает голову Христа, но какая роль тогда отведена двум драконам? Изображения расположены на христианских надгробных стелах-хачдашах, об этом говорят крест или ряд крестов, тогда голова, несомненно, принадлежит Христу, которую, видимо, охраняют (обереги) в образах еще бытовавших тогда в народе добрых драконов-чудищ, заботливо прикрывают божественную голову своими мощными крыльями. Подтверждением могут служить те изображения, в которых драконьи головы обращены в сторону головы Христа, пасти у них чуть приоткрыты и нет оскаленных зубов.

Подчинены тем же законам, что и вышеописанные композиции с головой Христа, несколько иконографических изображений — своеобразный синтезированный митраизско-христианский «Олимп», где на переднем плане изображен бог, на втором плане — лев, бык (иногда олень), птица, а на третьем и четвертом планах — ангелы, если изображались апостолы, то на одном уровне с богом. Какое же место в христианской надгробной стеле могли занимать извечные спутники бога Митры — лев, бык и птица****, которые в четырех рассматриваемых

* Ктитор — основатель, учредитель, церковный староста.

** Армянская церковь во главе со своим католикосом в связи с наступлением с Сельджуков иммигрировала в Киликию, где она находилась с 901 по 1441 г. ([328], с. 55), т. е. ее не было в Закавказье 540 лет.

*** В настоящее время ведутся работы по созданию проекта ее реконструкции (Д. А.)

**** Правда, ангелы в откровении Иоанна Богослова изображаются в виде четырех животных, имеющих лица: орла, тельца, льва и человека. Из них орел поет, телец вопит, лев взывает, человек глаголет ([340], с. 69). Изображения на стелах не совсем подходят под приведенные символы, так как рядом с указанными животными и птицами изображены ангелы. Кроме того, птица в основном изображена в образе голубя, а телец часто заменяется оленем (Д. А.).

нами хачдашах* расположены у ног христианского бога, изображенного в образе и с атрибутами Митры. Вокруг головы этого бога изображен эллиптический валик, на который насажены три шара, один над головой, два по обеим сторонам лица; от валика к голове идут лучи света. Эллипс с меридионально расположенными шарами — символическое изображение космоса, беспредельного пространства света, характерного олицетворения Великого Митры ([57], с. 3). Космос характеризует зенит мифологии и является ее завершающей категорией ([70], с. 12).

Изображение на втором хачдаше очень схоже с первым, также расположено в широкой стрельчатой нише. Вокруг головы бога изображен эллиптический нимб с шарами-планетами, касающимися головы, на втором плане слева лев, за которым изображен ангел, а справа — бык и птица. Одевание бога аналогично изображениям его на третьем хачдаше, и держит он в руке не чашу с водой, а четырехгранную спираль, то же по аналогии с третьим хачдашем, в настоящее время увезенным из Джуги в Эчмиадзин. В центре композиции фигура бога, вокруг головы которого чашеобразный нимб. Три усеченных конуса, выходящие от треугольного завершения, головы соединены с краем нимба, от которого к голове направлены сильно стертые лучи. Как и на первых двух хачдашах, лев, бык и птица расположены на втором, а крылатые ангелы — на третьем и четвертом планах.

Аналогично решена композиция и на четвертом хачдаше из Норованка**. Весь хачдаш покрыт сплошным кружевом азербайджанского орнамента. Характерной и отличительной чертой его является то, что на вершине и у основания креста изображено по мужскому лицу, над головами которых расположены то ли полумесяц, а скорее митраизские рогатки***.

Из четырех рассмотренных хачдашей первые два наиболее архаичны, судя по эллиптическому нимбу с планетами вокруг головы бога, затем идет третий хачдаш, также весь покрытый сплошным азербайджанским орнаментом с крестом в виде разветвленного древа жизни, у основания которого расположено изображение человеческого черепа ([15], р. 92, 93).

Наиболее зрелый с точки зрения христианской символики хачдаш из Норованка датируется XIII в. Поэтому мы считаем, что ввиду ранней датировки, он является примером более архаичного культово-символического декора, характерного для стел, создававшихся в конце раннего средневековья. Видимо, христианское божество и Митра, которым в средние века поклонялись кавказские албанцы, являются дериватами одного и того же бога, как-то слившегося в единый культово-художественный образ.

Почитание бога Митры часто переплеталось с культами других богов, превращаясь в парные божества. Это был Митра-Ахура у Массagetов ([57], с. 7), бывший эквивалентом веддической пары Митра-Варуна ([254], с. 30 — 48). то Будда-Митра у Саков-Кушан в долине центрального Ганга [534]. Этот процесс, как указывалось выше, произошел, видимо, и у кавказских албан, где впоследствии создалось синтезированное парное божество Митры и господина Бога.

* Три хачдаша со старого албанского кладбища в Джуге, а четвертый — из Норованка — историческая Албания.

** Историческая Кавказская Албания — княжество Сюник.

*** По аналогии с оттиском Хуритской цилиндрической печати, где изображен верховный жрец, на голове которого имеется аналогичная рогатка, середина II тыс. до н. э. ([136], с. 315).

7. ДРЕВНИЕ СТЕЛЫ-МЕНГИРЫ, ХАЧДАШИ И БАШДАШИ СЮНИКСКОГО КНЯЖЕСТВА И РАЙОНОВ БАСАРКЕЧАРА, БЫВШИХ В ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ ТЕРРИТОРИЕЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Интересна большая группа мегалитических менгиров, расположенных в горах Сюника*, которые до настоящего времени называются Гошун-даш (каменное войско). Состоят они из грубоотколотых или даже совершенно необработанных каменных глыб, поставленных вертикально. Все вместе менгиры создают очень внушительное и живописное впечатление ([482], с. 5, т. 1). Хачдаши указанных территорий подразделяются на несколько характерных типов: первый, слегка суженный книзу и закругленный поверху, с крестом почти на всю высоту стелы. Наиболее ранним, обмеренным и изученным хачдашем указанного типа можно назвать находящийся в селении Большая Мазра, недалеко от г. Басаркечар, крупный хачдаш (высота 250 см, в основании 140 см и у начала закругления 160 см), установленный на могиле албанского князя Григора Нерина в 881 г. ([482], с. 20, т. 14), по другим источникам Григора Агтнернерсея ([481], а, т. 52), Атернерсеа ([111], с. 184).

Основой культово-символического и художественного решения его образа является повсеместно нами отмеченная закономерность — ступенчатая гора, а из нее прорастает древо жизни — крест**, из той же горы вырастают два стилизованных листа инжирового дерева, обрамляющие нижний ствол креста. В средокрестии расположена розетка из двух кругов, символ солнца или в данном случае центра самого святого, из верхней ветви креста выросли две грозди винограда.

Второй хачдаш несколько меньшего размера установлен в IX в. в Сюнике около селения Мартирос на могиле сюникского албанского князя ([15], с. 21, т. 11). Решен он аналогично стеле князя Нерина, слегка сужен книзу, а поверху арочное завершение опирается на узкие круглые колонки. Так же из ступенчатой горы вырастает крест, у которого из центрального стебля произросли стилизованные листья инжирового дерева, нижняя часть которых свернута в спирали, а из верхней ветви креста свисают аналогичные два листа. За средокрестием расположена розетка, меньшая выступающая часть ее является основной; из нее выходят все четыре ветви креста, на уширенных концах которого — небольшие восьмилучевые розетки-планеты, символически расположенные со всех сторон центральной розетки-солнца. Это своего рода беспредельное пространство света, райская сфера. Аналогично решен хачдаш на могиле знатного албанца в 1318 г. в некрополе Старой Джуги.

К указанным типам надгробных стел относится большая группа азербайджанских и дагестанских башдашей. Приведем несколько характерных примеров: два башдаша из Казахского района, расположенные рядом. Первый, более крупный, слегка суженный книзу, имеет полукруглое арочное завершение, символически разделен на четыре части, первая гладкая, частично зарытая, завершается поясом из шести розеток, из которых вырастают шесть треугольных древ жизни. Надписи, исполненные арабским шрифтом, коранического содержания, в докуфической манере письма, покоятся на девяти треугольных вершинах. Это опять символическое древо жизни, выросшее из гор. Рядом с первым крупным башдашем расположен второй, так же слегка суженный книзу, несколько меньшего размера, но имеющий много общего с первым. Он также символически разбит на четыре части, первая гладкая, затем вторая, состоящая из тонко декорированного прямоугольника, рисунок которого слагается из трехрядного обрамления, скомпонованного из сложного переплетения треугольников и других геометрических фигур.

* Земли исторического албанского княжества Сюник и других указанных районов в территории Советской Армении.

** В шумерской космогонии гора — первоначальная вселенная, единство неба и земли. В мифологии шумеров гора рассматривается как символ связи миров, как мировое дерево, как перпендикуляр, пересекающий три (или более) мира, эту же идею выражает зиккурат и вообще священные деревья ([355], с. 21, т. 11).

Интересную аналогию можно провести с азербайджанским башдашем близ гор Лениакана ([482], с. 12, т. 4) Армянской ССР. Стела имеет треугольное завершение, в верхней части ее расположены две розетки с шестилучевыми звездами, над ними перевернутый полумесяц. Три небесных светила — созвездие, олицетворяющее небесный мир. Под розеткой — горизонтальная ниша, заполненная коранической письменностью. От центра ниши, вниз до конца стелы проходит выступающая прямоугольная полоса. Если учесть фигуру, получившуюся между двумя розетками, и перевернутый полумесяц, полученное изображение походит на меч, но скорее это крест, но крест не христианский, так как надгробие исламское. Это опять все то же символическое древо жизни. Интересно, что вокруг описанного башдаша имеется ряд мусульманских надгробных стел с полуциркульными завершениями.

Исследуя стелы описанного очертания, мы считаем, что они произошли от древних антропоморфных произведений искусства.

Многие стелы Дагестана решены антропоморфной формой с явно подчеркнутой человеческой головой ([147], с. 145 — 152).

Три исследованных мусульманских башдаша и многие расположенные вокруг них показывают, что они решены в единых формах и символике с христианскими стелами, несмотря на совершенно разные культово-художественные средства. Все они, как христианские, так и мусульманские, являются характерными произведениями мемориального творчества одного народа, исповедовавшего две разные религии, но не избавившегося в своем творчестве от влияния ри-туальной символики более древних эпох.

Многоступенчатое познание мира в мифологии Кавказской Албании вынудило их создать стелы (хачдаши, башдаши, нишандаши и др.) вытянутых пропорций по высоте, равной от двух до пяти и более ширины самой стелы. В монотеистической христианской пластике Армении создавались хачкары иных, более компактных пропорций. Высота хачкаров принималась равной от 1,25 до 1,75 ширины стелы и лишь изредка делалась в две ширины или чуть выше.

Переплетение мотивов христианской иконографии, мусульманского декора и языческой символики в мемориальных произведениях албанцев, независимо от того, исповедовали ли они христианство или магометанскую религию, является главной отличительной их чертой, что особенно наглядно и интересно прослеживается на сотнях примеров хачдашей Джугинского, Арцахского, Кедабекского, Кельбаджарского и многих других некрополей, а также на примере каменного креста в алтаре церкви из городища Судагылан в Мингечауре.

8. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ И СООРУЖЕНИЙ ЗАКАВКАЗЬЯ

Во многих районах Азербайджана и в отдельных местах Грузии было обнаружено уникальное древнее жилье эпохи позднего неолита и энеолита. Жилые, общественно-культурные дома этих периодов строились в основном круглыми в плане с купольными и вертикальными цилиндрическими стенами. На ранних этапах они чаще всего имели пристенные очаги.

Исследование закономерностей построения кривых, образующих ложно-купольные здания, проводилось нами методом отвеса и перпендикуляров от него до точек на сохранившихся участках стен зданий. Получив ряд кривых, а затем сопоставив их между собой, постарались выявить методику построения исследуемых плоскостей, на основе которой нами была построена средняя теоретическая кривая. При помощи этой кривой мы смогли разработать эскизные решения реконструкции тех зданий, которые очень плохо сохранились или у которых образующие кривые не были замерены во время раскопок исследуемого древнего поселения.

На поселении Шому-тепе (VI тыс. до н. э.) начинается постепенное разделение сооружений на купольные и здания с вертикальными цилиндрическими стенами, хотя в плане они по-прежнему все еще круглые ([51], с. 6, 12) и возведены из плоско-выпуклых кирпичей 55x25x8 или 36x16x18 см.

Большая группа поселений, условно названная Шомутепинской, построена из кирпичей указанного типа, причем дома в основном круглые в плане, Тейре-тепе (4295±125 до н. э.), Гаргалар-тепеси, V — IV тыс. до н. э., Кюль-тепе-1 (3820±90 до н. э.) в Азербайджане, Шулаврис-гора (4660±210 до н. э.)^{*}, Имирис-гора, IV тыс. до н. э. в Грузии ([371], с. 3).

Внешний облик всего поселения Шому-тепе, судя по нашей реконструкции, представляет собой композицию вертикально-центрического строя, подчеркнутую ритмическим соотношением высот крутых куполов, как бы устремленных вверх, и цилиндрическими силуэтами отдельных зданий, разных по объему. По такому же принципу нами были сделаны эскизы реконструкции двух периодов развития Гаргалар-тепеси. В отличие от Шому-тепе, где поселение слагалось из трех типов сооружений, достаточно для нас ясных по своему назначению, в поселении Гаргалар-тепеси появилось здание с усложненным функциональным назначением. Здание № 12 с цилиндрическими стенами и перекрытое плоско-шатровой кровлей, имевшее внутри очаг, но не имевшее двери, по крайней мере в сохранившихся, на высоту более двух метров, стенах двери не обнаружены. Считать его кладовой, загружаемой сверху — нельзя, наличие очага отвергает эту мысль, тогда это жилой дом, но он очень неудобен для повседневной эксплуатации. Кроме того, наличие купольных жилых домов с дверьми явно подчеркивает нелогичность этой мысли. Тогда, что это за здание, в которое, видимо, можно было попасть лишь через люк к крыше. Это здание прослеживается в двух уровнях данного сельбища, значит оно было необходимо древним жителям исследуемого поселения. Если это культовое здание, то среди домов первого уровня было явно культовое здание № 1 с очагом, двумя зарытыми сосудами и двумя пристенными выступами для сидения во время совершения древнего ритуала, а во втором уровне поселения имеется здание с двумя очагами, которое также могло быть, если не чисто культовым сооружением, то, несомненно, микрокультовой ячейкой.

Если вышеописанные древние поселения очень немногим отличались друг от друга, составляя целую группу схожих между собой сельбищ, условно названных шомутепинской культурой, то совершенно новым селитебным образованием является энеолитическое поселение Иланлы-тепе, обнаруженное в Карабахской низменности, в районе г. Агдам (V тыс. до н. э.). Это сельбище, будучи ровесником Шомутепинских поселений, является новым этапом архитектурно-планировочного и объемно-пространственного решения древних жилых образований.

Исследуя археологические и обмерные материалы, мы смогли выполнить реконструкцию этого сложного поселения. Согласно эскизу реконструкции стала ясна архитектурно-планировочная структура данного поселения, где жилые и хозяйственные сооружения группируются вокруг крупного, почти эллиптического в плане культового здания. На полу и стенах жилищ сохранились следы окраски темно-красного оттенка. Очаги находились в углах, а по их краям стояли кирпичи-опоры для поддержки сосудов.

Очень интересно построено культовое здание, разделенное внутри на три крупных и одно малое помещения, видимо, кладовая культового инвентаря. В одном из помещений, возможно, святилище, имелась ритуальная ниша, приподнятая над полом и выступающая самостоятельным объемом, в виде небольшой апсиды. Этот прием сохранился во многих дагестанских мечетях, у которых михрабы приподняты над полом и выступают самостоятельной апсидой ([433], с. 139, 140). Вертикаль вытянутого купольного здания создает большую художественную и эмоциональную выразительность, являясь одновременно архитектурной доминантой всего поселения ([54], с. 4, р. 1).

Исследуя древние сельбища Шому-тепе, Кюль-тепе-1 и Имирис-гора, мы обратили внимание на то, что в них имеются схожие комплексы культовых зданий, причем сходство в основном было не архитектурно-планировочное, а в единстве совершавшихся в них ритуалов очищения огнем.

^{*} Датировки даны радиоуглеродным методом ([164], с. 112, 113).

Интересно, что в разных поселениях — одно в Грузии, другое в Казахском районе и в Нахичеванской АССР — культовый ритуал очищения огнем перед входом в храм был единым, хотя архитектурное решение этих сооружений имело мало общего между собой. Этот ритуал очищения огнем отмечен нами и перед входом на священную территорию Атеши-Багуан и в башенный храм Ахура Мазды или Великого Митры в г. Баку ([54], с. 8, 9).

Проведенные нами исследования и проекты реконструкции древних сельбищ воссоздали внешний облик поселений наших далеких предков, архитектуру их жилых, хозяйственных и культовых сооружений. Правильность наших реконструкций, нам кажется, подтверждается глиняными моделями архаических башенных и купольных сооружений, обнаруженных во время раскопок в районе древнего Мингечаура ([42], с. 128 — 131).

Интересен и самобытен Апшеронский полуостров, который благодаря множеству естественных «вечных» огней — газовых факелов, видимо, с глубокой древности приобрел известность на всем Древнем Востоке*.

Нами проделаны реконструкции двух священных крепостей (Ал-Баку-с) Атеши-Багуан и Сабаиль и одной оборонительной, так называемой второй бакинской крепости с башней «Гюлля-донжон».

На протяжении нескольких лет изучая эти сооружения, которые когда-то стояли недалеко друг от друга, и стараясь выявить их облик и размеры, расположение и бывшие границы, мы сталкивались с большими трудностями, особенно, при исследовании второй бакинской крепости. Суммируя многие данные, мы постарались воссоздать образ этой, как вспоминал Эвлия Челеби, «красивой второй бакинской крепости» ([52], с. 45 — 55).

Исполненный нами разрез квадратной башни показал, что она, несомненно, явилась первоосновой для более поздних средневековых квадратных башен Гюлля апшеронских замков, относящихся к VIII — XII вв. н. э. ([52], с. 53) (Раманы, Джаббахана в крепости Баку, в Шаганах и в Мардакянах). Полный эскиз реконструкции второй бакинской крепости, ее башен, культовых сооружений и жилых домов показал, что это была мощная неприступная крепость, с еще более неприступной цитаделью ([52], с. 53).

Очень трудной задачей было выявить примерные границы первоначальной священной крепости Атеши-Багуан, Ал-Баку-с, города Баку, с его восьмиэтажным храмом Ахура Мазды и несколькими другими башенными и малыми храмовыми сооружениями. Археологические раскопки показали в каком месте примыкающая к храму стена повернула на юг**. Многие легенды говорят, что древний храм стоял недалеко от моря, поэтому, продлив на два пролета стены с башнями в сторону моря, мы повернули их также к югу, обогнув древний храм Апам-Напата, над которым в раннем средневековье была построена албанская церковь, а в конце XIX в она была реставрирована как небольшая армянская церковь. Обследовав существующую застройку, постарались определить западные границы храмового участка, которые, возможно, отразились на примыкавшей к ней застройке. Существующая ломаная линия улицы, как мы считаем, могла повторять былой абрис стен, ограждающих священную территорию.

Около главного башенного храма имелся небольшой храм огня. Его размеры мы примерно смогли определить по фотографии небольшой русской часовни, под которую были переделаны развалины храма огня. Считаем, что внешне он мог походить на небольшой храм огнепоклонников в Сураханах.

На рисунке древней части Джума-мечети видно, что в XIV в в композицию здания мечети был включен древний храм огня, состоящий из системы арок, на которых покоился дарбазный купол, декорированный с фасада горизонтальными членениями*** На основе получившегося храма огня мы сделали эскизный проект реконструкции храма Апам Напата, перекрыв его так же дарбазным куполом, декорированным горизонтальными членениями с гладкими стена-

* До настоящего времени на Апшеронском полуострове имеются отдельные каньоны, склоны которых пылают «вечными» газовыми огнями (Д. А.).

** Эти данные были нам представлены канд. арх. Н Рзаевым, за что выражаем ему свою признательность.

*** А. М. Павлинов считал что использованная древняя часть состоящая из четырех арок (чахар-тага), была «языческим капищем» ([335а], с. 90).

ми, по аналогии с башенным храмом, многими культовыми и мемориальными сооружениями Индии, Осетии и др. На участке, огражденном под священную территорию, несомненно, имела жилая часть, где жили служители храмов. В основу решения жилой части нашего эскиза реконструкции легла существующая сеть улочек, тупиков и переулков, которые, как мы считаем, могли дойти до нашего времени почти без изменения, так как в случае разрушения старого здания новое возводилось лишь на его месте без нарушения планировочной структуры улиц, что во многих древних канонах и правилах строго каралось. Рядом с храмом мы поместили сооружение, в котором мог жить главный жрец-магупат данной священной области (Апшеронского полуострова).

Очень своеобразен священный участок Сабаиль, возведенный на берегу Каспия где-то в VII — VI вв. до н. э., т. е. в последних столетиях владычества халдо-вавилонян. Исследование этого своеобразного комплекса приведено в разделе 4 главы II нашей работы.

Самобытны и интересны города-крепости и цитадели древнего Азербайджана. Метод их исследования реконструкции подробно изложен в третьем разделе настоящей главы и, чтобы не повторяться, в данном разделе мы их и священного участка Сабаиль не касаемся.

Занимаясь реконструкциями древних поселений, мы обратили внимание на наскальные изображения холма Язылы на камнях 123 и 143. На них, по нашему мнению, в VI — V тыс. до н. э. были примитивно изображены «планы», а вернее, вид с горы на древние поселения, в основном состоящие из круглых в плане зданий, иногда спаренных из двух объемов, видимо, купольных домов ([168], с. 63, 64, 66 — 68). Аналогичные изображения древних поселений, но во много раз меньших по количеству домов, были найдены в Армении — Сюнике ([208], т. 176, 246, 286), в Средней Азии [456], в Африке в Тассилии [257]. Очень интересно прослеживается аналогия с Забайкальскими писаницами, изображенными на скале, возвышающейся около пос. Субуктуй, пункт IV*. Там нарисованы несколько типов жилых домов, аналогичных кобустанским ([326], с. 112).

Наглядно и интересно решены многие петроглифы Забайкалья, по которым мы можем убедиться, что это изображены жилые дома, так как во многих из них или рядом с ними изображены люди; есть здания, где с людьми изображена скотина или птица**. Петроглифы Забайкалья [326], Сюника и рисунки из Тассилии с большой наглядностью подтвердили наше мнение, что изображения на камнях 123 и 143 в Кобустане — это своего рода древнейшие «планы» двух, планировочно разных, поселений. По аналогии с неолитическими и энеолитическими поселениями Азербайджана и Грузии мы создали их эскизы реконструкции. Этими древними изображениями поселений и их эскизами реконструкции мы смогли, как нам кажется, доказать существование в древнем Азербайджане на определенных исторических этапах его развития строго определенных типов жилых поселений, которые, пережив тысячелетия, правда, несколько измененные, дошли до наших времен, свидетельствуя о незыблемости многих региональных факторов, влиявших на возникновение той или иной формы селитебных образований.

Связи и взаимовлияния произведений архитектуры древних времен с зодчеством раннего средневековья устанавливаются нами на примерах прямоугольных, а главное круглых в плане храмов Кавказской Албании — храм на горе Килисадаг II — III вв., Мамрухский храм IV—V вв. и Лекитский храм V в.

Обнаруженные археологами развалины храма на Килисадаге представляли собой как бы план восьмиколонной ротонды, с резанной на уровне 30 — 40 см выше ступенчатого цоколя.

Приступая к его реконструкции, мы изучали сохранившиеся два круглых в плане придела Мамрухского храма, проекты реконструкции Лекитского храма*** и его руины. Кроме того, тщательно были изучены проекты реконструкции храмов Звартноц, Гагикашен, Санаин,

* Мы считаем, что авторы ошибочно принимают нарисованные планы круглых домов с заборами и складскими постройками за сокращенные антропоморфные изображения (Д. А.).

** В одном доме, почти круглом в плане, изображенном в Сюнике (историческая Кавказская Албания) на скале в местности Ухтасар, расположенный на 8300 м над уровнем моря, также нарисованы два человека ([208], с. 39, т. 176).

*** Имеются в виду проекты реконструкций, созданные С. Мнацаканяном и Л. Ишхановым (Д. А.).

Абугамренц и др. в Армении, а также грузинский храм в Бана на территории Турции ([301], с. 65 — 75).

Указанные храмы Кавказской Албании и соседних стран ретроспективно помогли созданию двух вариантов эскизных проектов реконструкций храма в Кильсадаге.

Мамрухский храм сохранился лишь наполовину, примерно до поперечной оси здания на высоту первого яруса с двумя приделами, центральной апсидой и сводчатым внутренним обходом. Сохранившаяся часть помогла восстановить нехватящую часть первого яруса, запроектировать второй круглый или восьмигранный неравносторонний ярус. На верхнем граненом барабане нами возведен граненый купол.

Проекты реконструкции храмов на Килисадаге и в Мамрухе, а также созданные ранее проекты реконструкции храма в Леките (несмотря на то, что мы с ними не могли согласиться) помогли создать наш вариант Лекитского храма.

Метод сравнений, сопоставлений, использования родственных приемов и форм в реконструируемых объектах является основой наших творческих поисков, которые помогли создать большое количество реконструкций в древних Каспиане и Албании, а также отдельные комплексы и здания сопредельных стран.

Результаты выполненных нами многочисленных реконструкций привели к главному итогу нашего исследования — впервые были введены в научный обиход древнейшие, античные и раннесредневековые памятники архитектуры, что позволило воссоздать для истории зодчества содержание и внешний облик множества неизвестных ранее древних поселений и сооружений.

Проведенные нами многолетние работы по реконструкции древних памятников республик Закавказья и в особенности Азербайджана помогли в настоящей работе прийти к определенным выводам и решениям, что, в свою очередь, дало право выдвинуть ряд рабочих гипотез по поводу принадлежности и датировки того или иного памятника архитектуры. Некоторое количество наших первоначальных гипотез получило подтверждение в ходе настоящей работы.

Мы смогли выявить совокупность всех изучаемых объектов и применяемых методов исследования, наглядно показавших многовековой путь развития и формирования архитектуры древних каспиев и албан, логически подойдя к общему заключению.

Итак, в стране древних каспиев и албан, часть которой составляет современный Азербайджан, имеется большое количество памятников строительного искусства, правильно названных каменной летописью истории народа. Множество памятников — это не просто количественный показатель учета архитектурного наследия, а фактический материал, который таит в себе глубокий смысл, особенно если учесть относительно небольшую территорию страны. Эти памятники являются свидетельством большого и содержательного прошлого, а следовательно, высокой культуры народов Каспианы и Албании — одной из древнейших цивилизаций ближневосточной Ойкумены (таблицы 2, 3, 4).

До недавнего времени как в самом Азербайджане, так и за его пределами, в круг понятий азербайджанской архитектуры включались в основном сооружения только исламского периода, т. е. той части архитектуры, которая дошла до нас примерно с VIII — IX вв. н. э. Архитектура и искусство доисламского периода по непонятной причине обычно оставались в тени и часто сознательно затушевывались, а памятники и произведения искусства христианского, зороастрийского, митраизмского и более древних языческих периодов часто вообще отрицались.

В дохристианском периоде архитектура и искусство Кавказской Албании, кроме региональных особенностей, всегда несли следы тесных связей и глубоких взаимовлияний с сопредельными странами Древнего Востока.

В самом начале IV в. определенная часть албанского народа во главе с царем и знатью приняла христианство, которое стало официальной государственной религией. Оставшаяся часть народа продолжала исповедовать старые религии (зороастризм, митраизм и др.). Наличие в стране нескольких религий привело к тому, что их архитектура и искусство, в особенности культовые и мемориальные, стали развиваться совершенно оригинальным путем, гармонически сливаясь в сооружениях IV — VIII вв.

В 705 г. арабы завоевывают Албанию, Армению и Грузию. После насильственной исламизации, в основном нехристианской части албанского народа, вновь стали развиваться, оказывая взаимное влияние, архитектура и искусство уже мусульманского и христианского населения страны, нередко переплетавшиеся с архитектурой, декором и культовой символикой дохристианского зодчества. К сожалению, в азербайджанской архитектурной науке никто серьезно не занимался проблемами древнего зодчества. Изученные и систематизированные нами памятники архитектуры как христианских, так и более древних периодов раскрывают в архитектурной науке историю многих типов и видов зодчества последующих эпох, отдельные образцы которых дошли до наших дней. Систематизация и охрана этих древних сооружений сохранили бы их для грядущих поколений и обогатили историю архитектуры Азербайджана несколькими тысячами памятников народного зодчества.

В результате выполненного нами исследования и разработанных реконструкций удалось ввести в научный обиход большое количество ранее неизвестных памятников материальной культуры древнего Азербайджана. Указанные реконструкции как бы возрождают уникальное и оригинальное в своей трактовке зодчество народов, живших в далеком прошлом на территории современного Азербайджана и в ряде сопредельных республик.

Актуальность создания большого количества реконструкций памятников древнего и средневекового зодчества подтверждается тем, что немало исследователей в своих трудах, для подкрепления собственных анализов, стали применять целый ряд наших реконструкций, а это указывает на признание ими созданных нами образцов древнего и средневекового зодчества.

На протяжении всего исследования приходится обращаться к составленной нами хронологической шкале связей, архитектурных, археологических, антропологических, геологических находок и открытий (таблица 7).

В архитектурной науке благодаря настоящему исследованию появилась возможность создания новых обобщающих звеньев или групп среди как давно известных, так и вновь обнаруженных сооружений. На протяжении тысячелетий отдельные прогрессивные архитектурно-планировочные приемы и строительные материалы, конечно, в определенно измененной форме, но все же дошли до наших дней.

Прогрессивные планировочные традиции, уходящие своими корнями в глубь веков, неизменно использовались в застройке поселений и городов Азербайджана.

Настоящая работа позволила проследить истоки архитектуры Азербайджана, ее генезис и творческие связи со странами Древнего Востока, а также выявить исконные причины возникновения многих типов древнейших зданий (архитектограмма взаимовлияния и хронологическая шкала связей — таблица 7).

Думается, что нам удалось выявить живительные источники народного зодчества, которые питали творческую идею и мысли древних зодчих и строителей, направляя их на логический выбор архитектурных форм, конструкций и строительных материалов, отвечающих требованиям эпохи.

Именно глубокая мудрость и опыт древних зодчих явились причиной того, что отдельные образцы их творчества, наиболее рационально решенные, соответствующие местным требованиям и условиям, сохранились в практике строительного искусства в течение нескольких десятков веков. Одновременно это свидетельствует о постоянстве и неизменности основной этнической группы людей, живших на протяжении нескольких тысячелетий на территории современного Азербайджана (карты I, II, III).

Наименование и место сооружения	Примерная дата возведения сооружения	Толщина стен 1 этажа, м	Толщина стен верхнего этажа, м	Высота сооружения и сохранившейся части, м
1	2	3	4	5
Сооружения, возведенные из естественного камня				
Крепостная стена в Каракепек- тепе IV — V Физулинского района. Азербайджан	III тыс. до н. э.	3,0		0,5 - 1,0
Крепость Чалхан-гала, Нахичеванская АССР. Азербайджан	III — II тыс. до н. э.	3,0		Остатки стен 2,5
Дворец в Кноссе. Остров Крит	2000 — 1500 л	1,25 — 2,0		
Крепость Вайхыр-Гявур гала, Нахичеванская АССР	II — нач. I тыс. до н. э. (XVII — X вв. до н. э.)	3,0 — 3,5		2 — 3,5
Крепость Оглан-гала, Нахичеванская АССР	II — I тыс. до н. э.	2,5 — 3,0		3 — 4
Крепость Газанчи, Нахичеванская АССР	II — I тыс. до н. э.	3,0 — 3,5		2 — 3,5
Башенный храм Ахура Мазды и шести Амеша Спента (Девичья башня) в Атеши-Багуан — Баку Апшероно-мидийского типа. Азербайджан	VIII—VII вв. до н. э.	5,0	4,0	32,0 — 35,0
Стены укрепления вокруг храмового комплекса в Атеши-Багуан	Фун-ты стен предположительно ровесники храма	2,0 - 2,5	1,5 - 2,0	11,0 — 15,0
Кааба Зардуш (Зороастр), Ахемениды. Персия	VI — V вв. до н. э.	0,1	1,0	8,0
Священная крепость Сабайль с прямоугольным в плане башенным храмом Азербайджан**	VII — VI вв. до н. э. (1234/5 гг. н. э.)	1,8 — 2,0		

Крепость и башни Кале-и-бугурт, Шемахинский р-н. Азербайджан	Наиболее древние участки стен IV — III вв. до н. э.		1,20 — 1,6	5,0 — 10,0
Башня и крепость Чирах-гала, Сиазаньский р-н. Азербайджан	IV— III вв. до н. э. Перестроены в IV — V вв. н. э.	2,8 — 2,0 — 1,5	2,8 - 2,0 — 1,5	Сохранилось 14,0
Крепость в районе деревни Аскипара, Казахский р-н	Предположительно первые века н. э.	2,0 — 2,4		Сохранилось 5,0 — 10,0
Несколько десятков башен-склепов в городах мертвых в Кобанском и Даргавском ущельях. Родовые усыпальницы. Северная Осетия	IV — IX, IX — XIV вв. н.э.	0,8 — 1,0	Отдельные склепы уточняются 0,6 — 0,8	7,0 — 10,0
Башня замка в Раманах. Апшерон, Азербайджан	VIII— IX вв. н.э.	1,9	1,6	13,0
Прямоугольная башня в крепости Баку. Азербайджан	IX — X вв. н. э.	2,0 — 2,4	2,0 — 2,2	Была 30,0, сохранилось 12,0
Крепость Алинджа-гала Селение Ханега. Нахичеванская АССР***	XI — XII вв. н.э.	2,4 — 2,6	2,0 — 2,2	Сохранилось 9,0 — 10,0
Прямоугольная башня в Мардакянах. Апшерон	XII в. н. э.	2,11	2,0	22,0
Круглая башня в Мардакянах	1203/4 гг. н. э.	2,1	1,6	15,5
Квадратные боевые и сигнальные башни. Северная Осетия	X — XIV вв. н. э.	1,0 — 1,1	0,5 — 0,6	10,0 — 12,0
Башня в Мардакянском замке. Апшерон	1301 г. н. э.	1,85	1,56	12,2
Квадратная боевая башня в селении Джары. Азербайджан	XVI в. н. э.	1,0	0,6	9,0 - 10,0
Крепость Аскеран. Двойные крепостные стены, Нагорный Карабах. Азербайджан****	XVIII в. н. э.	2,0	2,0	9,0

Сооружения, возведенные из сырцового кирпича

Тепе-Сиалк. Остатки строений. План. III период, Мидия	IV — III тыс. до н. э.	3,0 — 4,0 - 5,0		
Крепость Кюль-тепе II. Нахичеванская АССР	II — нач. I тыс. до н. э.	2,0 - 3,0		5-6
Поселение Узерлик-тепе. Восточная окраина Агдама. Азербайджан	II тыс. до н. э.	2,6 — 3,8		
Крепость Эребуни, крепостные стены. Урарту. Армения	VIII в. до н.э.	4,0 — 5,0		
Стены дворцовых построек в крепости Эребуни. Урарту	VIII в. до н. э.	3,0 - 3,2		4,4 — 5,2
Дворец царя Саргона в Дур-Шаррукине (Хорсобад). Ассирия	707 г. до н. э.	5,0 — 7,0		
Дворец в г. Сендширли-Хетгы	VIII в. до н. э.	4,5 — 5,0		
Дворец царя Навуходоносора, г. Вавилон. Тронный зал перекрыт 18-м сводом	VII в. до н. э.	7,0	7,0	
Дворец Калалы-гыр. Парфия. Туркменистан	VII в. до н. э.	5,0 — 8,0		
Кой-Крылган-кала. Храм-крепость. Хорезм, Узбекистан	VI — III вв. до н. э.	6,0		
Джанбас-кала. Крепостная стена. Хорезм	III в. до н. э.	7,0 — 8,0	6,0 — 7,0	
Дворцово-храмовый комплекс в старой Нисе. Парфия	II в. н. э.	3,0 — 5,0 — 8,5		Внутренняя высота 8,0 — 9,0
Топрак-кала. Трехбашенный дворец. Хорезм	III в. н. э.	5,0 - 6,0	4,0	Башня была 30,0 м, сохранилось около 25,0
Наус в Мерве. Туркменистан	II — IV вв. н.э.	4,3 — 4,5		
Городище Урбниси. Башня и городские стены.	VI в. н. э.	3,0 — 5,0		Сохранилась 3,5 - 7,5

Картли, Грузия				
Варахша. Дворец и цитадель. Согдиана	VI — VIII вв. н. э.	3,0 — 4,0		
Стилобат дворца Варахша. Согдиана	VII — VIII вв. н. э.	8,0	6,0	15,0
Город Байлакан. Крепостные стены. Азербайджан	IX — X вв. н. э.	8,0		9,6 — 10,0

Примечания

* Сравнительная таблица толщины стен древних и средневековых храмов крепостных, башенных и дворцовых сооружений Азербайджана, Грузии, Армении, Северного Кавказа, Средней Азии и стран Ближнего Востока.

** Дата 1234/5 г. н. э., вероятнее всего, относится к периоду крупной реконструкции «священной крепости» Сабаиль под Ханега или под морскую базу Баку, вокруг которой - были многочисленные стоянки кораблей (по Рзаеву Ниязи). Судя по основанию на территории укрепления был башенный храм, несколько напоминающий бакинский храм Ахура Мазды (Девичью башню), а скорее небольшой зиккурат.

*** Основание стен крепости Алинджа-кала предположительно на несколько веков раньше.

*** Основание крепости Аскеран по всей вероятности, было возведено на много веков раньше.

ТАБЛИЦА 2

Согдиана ([85], с. 44)			Месопотамия ([366], с. 304, 305)		
а			б		
Михш заман	День Митры (солнца)	Воскресение	Солнце (Баббар)	Уту-Шамаш	Бел Энлиль (Верховный Бел)
Мах заман	День Луны	Понедельник	Месяц (Наннар)	Син	Эа, Апсу (океан) Э Саггила
Варахран заман	День Марса	Вторник	Марс	Нергал	Ану, Ана, Зи-Ана (небо)
Тир заман	День Меркурия	Среда	Меркурий	Нэбо, Набу	Эль, Иль, Бель, (Младший Бел)
Ормазд заман	День Юпитера	Четверг	Юпитер	Мардук, Умар-Удугг	Рамман (Мермер) — громовержец
Анахид заман	День Венеры	Пятница	Венера	Иштар, Нана	Белита (супруга Бела)
Кайван заман	День Сатурна	Суббота	Сатурн	Адар, Ниниб	Гибиль — огонь (молния — посланец неба)

ТАБЛИЦА 3

Страны	Планеты	Созвездия	Сферы	Элементы, явления и боги природы	Цвет	Боли и их культовые значения	Дни недели	
Месопотамия	Солнце (Баббар)		Вавилонское учение о семи небесных сферах, 1-я сфера	Бел Энлиль — сын бога Эа Старший верховный Бел	Верховная троица	Золотой	Уту-Шамаш	Воскресенье
	Месяц (Наннар)		2-я сфера	Эа, Апсу (Океан). Владыка пучины морской. Божественная премудрость		Серебряный	Син	Понедельник
	Марс		3-я сфера	Ану, Ана, Зи-ана (небо или дух неба). Владыка звездного неба и тьмы		Красный	Нергал, владыка преисподней, бог войны	Вторник
	Меркурий		4-я сфера	Эль, Иль, Бель, Младший Бел. Господин владыка Вселенной	Голубой	Нэбо, Набу — посланец богов (покровитель звездной науки)	Среда	
	Юпитер		5-я сфера	Рамман (Мермер). Громовержец, владыка бури, грозы и дождя	Пурпурный	Мардук, Умар-Удугг, Амар-Удугг	Четверг	
	Венера Луна		6-я сфера	Белита Супруга Бела, госпожа, владычица природы. Утренняя звезда	Черный	Нана-Иштар — вечерняя звезда. Богиня смерти и возрождения. Богиня-воительница. Богиня красоты и любви	Пятница	
	Сатурн		7-я сфера	Гибиль-огонь (молния, посланец неба). Покровитель жилья, семьи, создатель света	Белый	Адар, Ниниб. В старину Ниндар или Нингирсу	Суббота	

ТАБЛИЦА 4

Страны	Планеты	Созвездия	Сферы “Манна”	Элементы, явления и боги природы	Цвет	Боги и их культовые значения		Части Земли (7 Крашваров) Части света
Кавказская Албания, Армения, Персия, Индия и страны Средней Азии*	Бесконечный свет Собственно небо небосвод) Великий Митра (Зевс) Джингир-баба (Dingir, Tengri)	Овна (в образе барана)	Беспредельное пространство Света Райская сфера	Небесная твердь	Золотой	Носитель воздействия слова	Древний Мазда Ахура Мазда (Ормузд) Премудрый госполь (артопочитаемый) Спэнта Майнью — дух Ахуры	Восток
	Солнце (Глаз Митры) Гелиос	Льва	Сфера Солнца	Апам Напат Создатель всех живых существ. Бог огня в воде (в жидкости — нефти), III — II тыс. до н. э.	Красный (красный огонь)	Носитель мысли	Аша-Арта Вахишта Сын Ахуры. Священный огонь Фарн. Праведный божественный порядок. высшее благо. Дух огня	Юг
	Луна Селена, Артемида Геката (в образе змеи)	Рыбы	Сфера Луны	Ардвисура Анахита Выращивающая стада. Пресная вода — реки (артой освещенная)	Серебристая	Носитель дела	Вогу Мана Добрая благая мысль покровитель полезных животных. Благоволение. Дух скота	Юг
	Тиштрия-Сириус (Афшчитра) Самая могущественная среди звезд	Большого пса	Сфера звезд	Митра, Мирх (послереформенный) Защитник и покровитель, мститель и каратель. Божество нив и пастбищ (в образе льва и жеребца)	Белая, блестящая, сверкающая, излечивающая	Добрые духи	Вайра Хшатра Действенная прочная сила божественной власти. Дух металла	Центр (Хванирата). Единственно обитаемый Крашвар
	Антарес Сатавеса ----- Канопус Самая яркая	Скорпиона		Бог Хома, Хоама Устраняющий смерть (опьяняющий напиток), сер. II тыс. до н. э.	Золотистый, золотоглавый, желтый		Спента Армаити (Арматай) Дочь Мазды, сестра Арты. Практическое благочестие в душах верующих. Благотельная преданность. Дух земли	Север
	Ванант-Вега	Лиры		Сила ветра — буря, созданная Маздой	Голубой, синий, зеленый, изумрудный		Аурват, Хаурват Здоровье. Дух воды	Север
	Гафтаринга	Большой Медведицы		Раману — бог лугов (рост зерна)	Черный		Амерат, Амертат Жизненная сила (бессмертие). Дух растений	Запад

* Проф. Джаксон. Жизнь Зороастра. СПб., 1903; А. Л. Погодин Религия Зороастра. СПб, 1903; Абу-ль-Касим Захра Очерк литературы Ирана. Восток. Сборник второй. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1935; История Древнего Мира, т. I. Древний Восток, М., 1937; А. О. Маковельский. Авеста. Баку, 1960; И. С. Брагинский. Из истории таджикской и персидской литературы. М., 1972; М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана М, 1961; Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1978; Ригведа (Избранные гимны). М., 1972; И. М. Дьяконов. История Мидии. М. — Л., 1936; И. Г. Алиев История Мидии. Баку, 1960; Б. А. Литвинский. Кангуйско-Сарматский Фарн, Душанбе, 1968; Геродот. История. Л., 1972; Страбон. География. Л., 1964.

Храмы, посвященные одному божеству	Храмы, посвященные группе богов, чаще трем богам	Храмы семибожных культов
Микрокультовая ячейка Матери-огня — прародительницы всего сущего. Шому-тепе, VI тыс. до н. э. Казахский район. Каспии.	Простейший общественно-культовый комплекс из трех круглых в плане купольных зданий. Шому-тепе, VI тыс. до н. э. Каспии.	Восьмизэтажный башенный храм семи планетных богов под эгидой бога Неба — Мазды, изображенный на скале в Кобустане, III — II тыс. до н. э. Каспиана.
Простейший храм с алтарной нишей. Иланлы-тепе V — IV тыс. до н. э. Карабахские степи. Каспии.	Храм Луны и Солнца, изображенный на скале в Кобустане. III — II тыс. до н. э. Каспиана.	Восьмизэтажный зиккурат бога Бела — храм семи светил, Бирз Нимруд близ г. Вавилона, III тыс. до н. э.
Простейший храм огня. Гаргалар-тепеси. V — IV тыс. до н. э. Казахский район. Каспии.	Трехъярусная модель купольного храма Неба и Солнца из Мингечаура. II-I тыс. н. э. Албания.	Восьмизэтажный зиккурат Бела-Мардука в г. Вавилоне, III тыс. до н. э.
Простейший храм Каракепек-тепеси. III тыс. до н. э. Физулинский район. Каспии.	Комплекс из двух святилищ; 1 святилище — богу воды, дождя, 2 святилище — богу земледелия, хлеба, II — I тыс. до н. э. Мецмор, Армения.	Модель храма семи богов с острова Мелос, III тыс. до н. э.
Храм Наннар (Месяца) в Уруке. Конец III тыс. до н. э.	Храм Ахура, Арта, Вогу Мана в священной крепости Сабаиль (близ г. Баку), I тыс. до н. э. в Месопотамской транскрипции. Са-Баг-Иль (Бел.), Албания.	Семь восьмизэтажных семиалтарных башенных храмов в крепости Кишессу, Мана-Мидия, II — I тыс. до н. э.
Храм Апам Напата, III — II тыс. до н. э. Атеши-Багуан(Баку). Каспиана.	Дуалистический храм вблизи г. Кабала — столицы Албании, I в. до н. э.	Пять восьмизэтажных семиалтарных башенных храмов в крепости Хар-Хар, Мана-Мидия, II — I тыс. до н. э.
Бабадerviш, Храм (святилище) Митры — бога земледельцев и ремесленников. II тыс. до н. э. Каспиана.	Храм Анаиты, Омана, Анадата в Иране.	Восьмизэтажный храм Ахура Мазды и шести Амеша Спента в Атеши-Багуан (г. Баку), VII вв. до н. э. (Есть предположение, что всех башенных храмов было пять), Каспиана — Албания.
Бабадerviш, Храм с алтарем, увенчанным скульптурой головы бога Митры, II тыс. до н. э. Каспиана.	Дуалистический круглый храм на горе Кильсадаг. Куткашенский район, II — III вв. н. э. Албания.	
Сары-тепе. Храм (святилище) Митры — бога воинов и скотоводов, II тыс. до н. э. Каспиана.		

Два храма Арта (священного огня) Атеши-Багуан (Баку), II тыс. до н. э. Каспиана.

Храм Тахт-и-Сулейман, II тыс. до н. э. Газака. Атропатена.

Модели храмов из Мингечаура. II — I тыс. до н. э. Кавказская Албания*

Храм Анахиты в Экбатане. Мидия, I тыс. до н. э.

Храм Анаиты в Акилисене. Армения.

Храм Анахиты — Артемиды в Кенгавере.

Храм Анахиты в Истахре.

Храм огня второй бакинской крепости V — IV вв. до н. э. Албания.

Храм огня в крепости Чирах-гала. V — IV вв. до н. э. Албания.

Храм огня в Бишапуре. III в. н. э.

* В дальнейшем для краткости вместо Кавказская Албания будем писать просто Албания (Д. А.).

ТАБЛИЦА 6*

Декорированные примитивными рисунками		Декорированные изображениями фантастических животных, змей, древних пиктограмм		Декорированные горизонтальными линиями, иногда с заполнением между ними орнаментом или рисунком						Всего декорированных изделий		С гладкой отделкой по всей поверхности	Общее количество исследуемых изделий
				Декорированные полностью		Декорированные в верхней части с гладкой нижней частью		Итого декорированные горизонтальными линиями					
46	7,1%	38	5,9%	91	14,1	470	72,9%	562	87%	646	100%	260	906

* Сравнительная таблица декоративного оформления керамических, каменных и бронзовых изделий Кавказской Албании, Иберии, Армении, Хоттов, Мидии, Ирана, стран Средней Азии и Месопотамии

ТАБЛИЦА 7

Школа кокка		Группы	Системы	Отделы и ярусы		Абсолютны й возраст	Археологиче- ские культуры		Предки человека		Места находок	Архитектурные сооружения и произведения древнего искусства
1	2			3	4		5	6	7	8		
Брюнес	Прямая намагниченность	Кайнозойская	Четвертичная, антропоген	Голоцен	Субатлантический климат	1000	Железо		Люди современного типа	Homo Sapiens	Кавказская Албания, г. Кабала Каспиана, г. Атеши-Багуан-Ал Баку-с Мидия, г. Экбатана	Общественное здание (10,5x10,5 м), культово-общественное здание (780x15,0 м) Восьмиэтажный храм Ахура Мазды, Митры (Гыз галасы) Храм Ахура-Арта-Вогумана; Са-Баг-Иль (Бел) Храм Анахиты
						2000					Бронза	поздняя
						3000		средняя			Азербайджанская ССР	Город крепость Оглан гала — город Шарур Город крепость Нарын-гала в Кюль-тепе II Многокомнатный жилой дом в Кельбаджарском районе Курганы на Апшеронском п-ве Курганы. Три башенных храма, изображенные на скале 9
						4000	Энеолит	ранняя			г. Вавилон Бирз Нимруд Остров Мелос Азербайджанская ССР Африка, Инауанрхет	Восьмирусные зиккураты бога Бела-Мардука Модель Храма семи богов Кромлех д-50 м в Кобустане Изображение поселений в Тассилин Аджере
					Суббореальный климат						<p>РСФСР. Забайкалье Армянская ССР Узбекская ССР Азербайджанская ССР</p> <p>Азербайджанская ССР</p> <p>Узбекская ССР</p> <p>Армянская ССР Грузинская ССР</p>	<p>Изображение поселений в Субуктуре</p> <p>Изображение поселений в Ухтасаре</p> <p>Изображение поселений</p> <p>Изображение трех башенных храмов в Кобустане</p> <p>Изображение трех поселений на скалах в Кобустане.</p> <p>Кельтиминар — гигантские круглые шатры 300 м2</p> <p>Шенговит из смешанных жилых сооружений</p> <p>Квацхелеби, из почти прямоугольных в плане домов</p>

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Бронес	Прямая намагниченность	Кайнозойская	Челвертичная, антропоген	Голоцен	Атлантический климат	5000	Энолит		Люди современного типа	Homo Sapiens	Азербайджанская ССР	Аликемек-тепе. Круглые в плане дома Иланлы-тепе, из круглых и прямоугольных зданий Тойре-тепе, из круглых в плане домов Гаргалар-тепеси, многослойное поселение
						6000	Неолит				Грузинская ССР	Шулаверис-гора, поселение из круглых в плане, домов «Казбекский клад». Фаллические статуэтки и др.
						7000	Неолит				Центральный Кавказ Азербайджанская ССР Ирак. Хасунская культура	Шому-тепе, из круглых в плане домов Ярым-тепе I. Поселение из прямоугольных в плане домов, с камышовой крышей
					Бореальный климат	8000	Мезолит	Траденуаз			Туркменская ССР СССР. Памир Азербайджанская ССР	Грот Зараут-сая, живописное изображение Грот Шахты, наскальные изображения Заградительные стенки пещер Кобустана с изображением быков, козлов и др.
						9000					Азербайджанская ССР	Наскальные изображения в Кобустане Пещерное жильё, защищенное каменной кладкой Подскальное жильё
						10000						
				Плейстоцен	Субарктический климат	20000	Палеолит	Верхний (поздний)	Азиль	Украинская ССР Франция	Жилища из костей и бивней мамонтов Полихромная живопись в пещ. Ла-Мадлен, Фон-де-Гом, Ласко	
						30000			Мадлен	РСФСР. Сибирь РСФСР. Сибирь	Пещера Ла-Комб. Навесы Бланшар и Де-ла-Рошетт Стоянка Мальта. Резьба по кости — две бляхи с изображением змей	
						40000			Солотре	Кроме указанных обнаружены в разных местах Европы, Азии, Африки, Австралии	Стоянки Казар, Акиль, Джебель, Кафзех, Мугарель Пещера Джурчула в Грузии — нарезки на кости. Родовые дома в Костенках-1. Женские статуэтки из бивней мамонта, около Воронежа	
					Верхний	Вюрм	20000	Палеолит	Верхний (поздний)	Ориньяк	Неоантропы	Homo Sapiens fossilis

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		
Брюнес	Прямая намагниченность	Кайнозойская	Четвертичная, антропоген	Плейстоцен	верхний	Вюрм	50000 60000	Палеолит	Нижний или ранний	Палеонтропы	Франция Азербайджанская ССР В Европе — Киик-Коба Сакрпасторе, Крапины, Эрингсдорф Передняя и Средняя Азия — Тешик-Таш, Палестина Азербайджанская ССР	Навесы и пещеры. Простейший орнамент в Ла-Ферраси Пещеры в Таглар, Дамджиллы		
						Рисс-вюрм	70000 80000 90000 100000							
						Рисс	200000							
						Минд ель — рисе	300000							
							400000							
						нижний	Минд ель						500000	Ашель
					Гюнц — минд ель	600000	Человек из Тоша-веля				Франция-Перпенья			
							Человек из Сван-скомба				Англия			
					Абивиль (Шель)	Питекантроп из Штеркфонтейна	Человек из Штейн-хема				ФРГ			
							Синантроп				Азербайджанская ССР Китай (Мжоукачдянь, Лантянь)	Заградительная стенка в Азыхской пещере		
							Атлантроп				Африка — Алжир	Пещера Азых (найдена нижняя челюсть ашель-ского человека)		
							Гейдельбергский человек				ФРГ — Мауэр			
Питекантроп олдо-вайский (шельск. чел.) Человек из Азыха — азыхантроп	Африка — Таньганьика Азербайджанская ССР													

Матуяма	Отрицательная намагниченность	Кайнозойская	Четвертичная	Эоплейстоцен Виллафранк	Гюнц-верхний вилла-франк. Верхний	1млн. лет	Палеолит	Нижний или ранний	Олдовайская галечная культура	Австралопитековые	Кромдрави Сварткранс Манопанстат Африка Таунг Штеркфронтайн Азербайджанская ССР	Пещера Азых (11-й слой). Орудия древнего человека, один гигантолит со следами вто-ричной обработки. Ветрозащитная стенка		
					Дунай (нижний вилла-франк) Нижний	2млн. лет				Зинджантроп Homo habilis	Африка Олдовай-Танзания			
				Неоген	Плиоцен	5 млн. лет		Следов культуры нет		Древнейшие, австрало питековые	Африка, район озера Рудольфа. Уроч. Литол ил		Следы стоянок. Следы ног на вулкани- ческом пепле, кости, зубы	
					Миоцен	15 млн лет				Кенияпитековые и Рамапитековые	Кения и Северная Индия		4	
			Полеоген	Олигоцен	40млн лет	Эоцен		Египтопитеки — возможные общие предки гоминид и понгид	Египет					
												Яванские питекан- тропы	о. Ява — Меджокерто	

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

МОНОГРАФИИ И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- Аз.* — Архитектура Азербайджана (очерки)
А.АЭН — Архитектура Азербайджана эпохи Низами
АИАз. — Археологические исследования в Азербайджане
АНас. — Архитектурное наследие
АО — Археологические открытия
АПАр. — Археологические памятники Армении. Ереван
АЭИАз. — Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане
АИГр. — Археологические изыскания в Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВФ — Вопросы философии
ДАН — Доклады Академии Наук Азерб. ССР (Баку)
ЗД — Зодчество Дагестана
ЗКВАМ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (АН СССР)
Иаз — Искусство Азербайджана
ИААК — Известия Азербайджанского археологического комитета (вып. I — 1925 г., вып. II — 1926 г., Баку)
ИАНА (и. ф. н.) — Известия Академии Наук Азерб. ССР. Серия история, философия, право
ИАЭСА — История, археология и этнография Средней Азии
ИМАИАз — Исследования и материалы по архитектуре и искусству Азербайджана
ИООИА — Известия общества обследования и изучения Азербайджана
ИПАЭИАз — Итоги полевых археологических и этнографических исследований Азербайджана
КиРПИЗ — Консервация и реставрация памятников исторических зданий
КСИЭ — Краткое сообщение института этнографии
МКАз — Материальная культура Азербайджана
МСПИАЭИ — Материалы к сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований в СССР. Баку
МСПИАЭИАз. — Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в Азербайджане. Баку
МСАЭИ — Материалы к сессии археологических и этнографических исследований
//. МСГИ — II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977
ПААЗ — Памятники архитектуры Азербайджана (вып. 1 М. Баку, 1946, вып. 2. Баку, 1950)
ПИХЭ — Полевые исследования Хорезмской экспедиции
ПМКСО — Памятники материальной культуры Северной Осетии
П. Р. Х. — После рождества Христова
ПТ — Первобытный Туркменистан
СА — Советская археология
Сарх — Советская архитектура
СПАз. — Средневековые памятники Азербайджана
СЭ — Советская этнография
ТиПРР — Теория и практика реставрационных работ. Сборник № 3 М., 1972
ТраАЭ - Труды азербайджанской археологической экспедиции
ТМКЦАКЭ — Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху (т. I М., 1974; т. 2. М., 1975)
УЗазПИ — Ученые записки Азербайджанского политехнического института Азерб. ССР
УЗВМА — Ученые Записки Вузов Министерства высшего и среднего специального образования Азерб. ССР
УЗазИСИ — Ученые записки инженерно-строительного института Азерб ССР
ЭИСПКСА — Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии
ЮСАМ — Юбилейный сборник «Ученых записок» Азгосмединститута
ЮТАКЭ — Работы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

с. — страница
р. — рисунок
т. — таблица

к. — книга
г. — графа

ХҮЛАСӘ

Азәрбајчан ССР көкләри узаг кечмишә кедиб чыхан зәнкин ме'марлыг вә бәдии ирси олан бир өлкәдир.

Гәдим вә илк орта әср уstad-ме'марларын, рәссамларын вә һејкәлтәрашларын јарадычылығы Азәрбајчан ме'марлығы вә инчәсәнәти тарихинин кифајәт гәдәр өјрәнилмәмиш саһәләриндәндир.

Азых мағарасынын вә бир сыра башга мағараларын үзә чыхарылмасы ону көстәрди ки, Күр-Араз чајлары вадиси вә ону әһатә едән дағлар јер үзәриндә бәшәријјәтин ән надир бешикләриндән бири иди, бурада өзүмлү мадди мәдәнијјәтин тарихи 500 мин илдән 1,5 милјон илә гәдәрди.

Тәгдим олунмуш ишин мүрәккәблији ондан ибарәтдир ки, мадди мәдәнијјәтин јалныз ајры-ајры элементләри дөврүмүзә кәлиб чатмышдыр, лакин ме'марлыг вә инчәсәнәтдә мөвчуд олмуш сајсыз-һесабыз ганунаујгунлуғлар, санки әбәди итирилмишдир.

Гәдим тикилиләрин тәдричән неолитдән башлајараг тунч, дәмир дөврләри вә илк орта әсрләрә гәдәр вердијимиз бәрпа лајиһәләри онларын јаранмасынын әсасларындан бири олан палеоархитектоника ганунаујгунлуғларыны үзә чыхарды. Системләшдирмә вә мүгајисәли тәһлиләр јени формалары вә тикинти үсулларыны, һәмчинин илкин планлашма вә һәчми-фәза һәлләрини сахлајараг ме'марлығын кечдији инкишаф јолларыны үзә чыхармаға имкан верди.

Бүтүн дејиләнләр дини-мәрасим тикилиләриндә вә рәмзи әһәмијјәти олан һејкәлләрдә там тәчәс-сүм олунмушдур. Онлар гәдим халғларын килдә вә дашда әкс олунмуш космогоник тәсәввүрләри кими гаршымызда чанланыр.

Дини ме'марлығын вә онунла бағлы олан мәрасим инчәсәнәт әсәрләринин өјрәнилмәси палеоестетиканын әсасларыны үзә чыхармаға имкан верди.

Бу күн Совет ме'марлыг вә инчәсәнәт тарихи гаршысында дуран ән муһүм мәсәләләрдән бири гәдим инсанын јарадычылығында дүңјакөрүшү платформасынын дәрин марксист тәһлилидир.

Палеолит дөврүнүн әввәлләриндә даими јашајыш мәскәнләри јох иди вә кичик инсан групплары көчәри һәјат тәрзи сүрүрдү.

Заман кечдикчә баш вермиш сојуглашмалар инсанлары тәбии мағаралара чәкилмәјә мәчбур едирди. Археолоғлар гәдим инсанларын әмәк аләтләри тапылмыш бир чох мағаралары тәдгиг етмишләр.

Јахын Шәргин бир сыра өлкәләриндә, о чүмләдән Азәрбајчанын бир чох рајонларында инкишаф етмиш отураг әкинчилик-һејвандарлыг ичмалары дөврүнүн гәдим мәскәнләри хүсуси мараг доғурур.

Ајры-ајры гәдим мәскәнләри өјрәнәрәк биз онлары ме'марлыг-планлашма гурулушунда охшарлығына көрә бир нечә јерә ајырмышыг: Кортәбии тикинти әсасында јаранмыш, лакин кифајәт гәдәр дүшүнүлмүш вә ахар-бахарлы, кичик јашајыш говшағлары схемләринә малик мәскәнләр (Газах рајонунда Гарғалар тәпә, е. ә. V — IV миниллик, Фузули рајонунда Гаракөпәк тәпә, е. ә. III миниллик. Мил дүзүндә Гара-тәпә, е. ә. I миниллик вә с.).

Бөјүк дини тикили вә ја мәркәзи мејдан әтрафында групплашмыш биналардан ибарәт мәскәнләр (Нахчыван МССР-дә Күлтәпә, е. ә. VI — V миниллик, Мәрдәкан кәнди јахынлығында мәркәзиндә кром-лех јерләшән мәскән, е. ә. III миниллик).

Ајры-ајры чәпәрләнмиш һәјәтли евләрдән ибарәт мәскәнләр (Шому-тәпә, е. ә. VI миниллик, Иланлы-тәпә, е. ә. V миниллик вә с.).

Мүәјјән дәрәчә дүз күчәләр әмәлә кәтирән евләрдән ибарәт мәскәнләр (Ханлар рајонунда мәскәнләр, е. ә. III — II миниллик). Шәһәр типли мәскәнләр (Үзәрлик тәпә, е. ә. IV миниллик, Гаракөпәк тәпә, е. ә. III — II миниллик, Абшеронун Гала шәһәрләри, е. ә. II — I миниллик вә Нахчыван МССР-дә гала шәһәрләр, е. ә. II миниллик. Јухарыда көстәрилән мәскәнләрдә јашајыш евләринин әксәријјәти јасты-габарыг чиж кәрпичдан тикилиб, Абшерон јарымадасында, Фузули рајонунда вә Дағыстанда јашајыш евләри вә мәрасим тикилиләри енеолит вә гәдим тунч дөврләринин мегалитик ме'марлыг нүмунәләридир. Бүтүн биналар планына көрә дөрд типә бөлүнүр: даирәви, еллипсвари вә ја овал, күнчләри јумурланмыш дүзбучағлы, онлар адәтән даирәви биналарла бирликдә тикилирди. Бу биналар дафиәсиз күнбәз, дарбази вә чадыр шәкилли өртүкләрлә өртүлүрдү.

Абшерон жарымадасынын саһилиндәки тәбии жанар газлар, «эбәди» одлар бизим узаг эчдадларымыз үчүн «аллаһын» тәчәссүмү иди; онлар бу одлара сәчдә едир, өз мәишәт очагларыны да һәмин одлардан јандырыр вә «аллаһын» бир зәррәсини мәнзилләринә кәтирирдиләр. Гәдим атәшпәрәстлик белә јаранырды, инсанлар өз евиндә ода ситајиш едирдиләр. Бу елә бир микро-дини өзәк иди ки, сонралар онун әсасында мүхтәлиф дини вә мәрәсим тикилиләри јаранырды.

Гобустан гајаларында адамларын, һејванларын тәсвирләри илә јанашы еләләри дә вардыр ки, онлары ири вә кичик мәскәнләрин тәсвири һесаб етмәк олар; бу мәскәнләрин үмуми көрүнүшү вердимиз бәрпа ескизләриндә өз әксини тапыб.

Хәзәр саһили енсиз кечид гәдимдә Каспиана, сонралар Гафгаз Албанијасы, Атропатена вә Гәдим Шәргин бир чох өлкәләри халгларынын карван јолу, гәбиләләрин етник һәрәкәт, мәдәни әлагәләр вә гаршылыгылы јарадычылыгы әлагәләри јолу олмушдур. Бу јолла ејни заманда, һеродотун көстәрдији кими (I — II китаб, 104), шималда јашајан көчәриләрин һәр чүр һүчүмлары баш верирди.

Узаг кечмишләрдә Гафгаз Албанијасынын халглары бу енсиз кечид үзәриндә үч мүдафиә истеһкамы тикмишләр; онлар Бешбармаг истеһкамлары, Чыраг гала илә бирликдә эзәмәтли, отуз километр узунлуғунда Килкилчај истеһкамлары вә нәһајәт, шималда ән бөјүк (40 км-дән чох) Дәрбәнд истеһкамлары иди, — сонунчу адәтән Баб-әл-Әбваб, Дәмир гапы вә ја Дәрбәнд адланырды. VIII әсрдә албан тарихчиси М. Каланкатујски јазырды ки, «Иран шаһлары дәнизлә дағлар арасында чох бөјүк гурғуларын тикинтиси үчүн бизим өлкәмизи (Албанијаны) әлдән салырдылар». Көстәрилән јолу чәнубдан Абшерон галалары комплекси мүдафиә едирди. Бу комплекс, көрүнүр үмуми бир адла — Бәндәр-и Бақы адланырды. Истеһкамларын дөрдү дә Гафгаз Албанијасынын әразисиндә јерләшдији үчүн Албан гапылары ады бүтүн гурғулар комплексинә аиддир. Онлар Албан дөвләтинин ән мүгәддәс вә ән мәһсулдар торпагыларыны мүдафиә едирди.

Абшерон жарымадасынын чоғрафи мөвгеји, онун бир гәдәр тәчрид олунмасы, ағач тикинти материалынын олмамасы, әксинә јүксәк кејфијјәтли дашын боллуғу онун ме'марлығына мүәјјән бәдиестетик тә'сир көстәрмәјә билмәзди.

Абшерон кәндләринин чохунда «мүгәддәс эбәди» одлар јанырды, онлар күлли мигдарда мө'минләри вә зәвварлары чәлб едирди. Бир чох мә'луматлар сүбут едир ки, тәбии одлар групу этрафында јаранмыш бөјүк јашајыш мәскәни тәдричән мүгәддәс одларын жанар пајтахты гала шәһәрә — Албану — Албаку — Баку-ја чеврилмишдир. Гәдим шәһәрдә чохлу мә'бәдләр, бүтханалар вә сәчдә-каһлар (алтарлар) јаранырды. Онлардан бири, гисмән дөврүмүзә кәлиб чатаны Авестаја ујғун олараг, е. ә. III — II миниллијә аид едиләни Апам Напата аллаһынын мә'бәдидир.

Е. ә. I миниллијин әввалләриндә Апам Напата мә'бәдинин јахынлығында о дөвр үчүн эзәмәтли сәккизјаруслу гүлләвари мә'бәд тикилмишдир. Мә'бәдин једди мүгәддәс јарусунун једди аллаһа һәср олунмуш тахчаларында — алтарларда һөрмүздүн вә ја Митранын пантеонунун аллаһлары шәрәфинә једди рәнкли од јанырды.

Әд-әр-Рәшид әл-Бакуви өзүнүн чоғрафијаја аид әсәриндә (1403/4 — 1413/14) Бақыдан бәһс едәркән јазырды: Шәһәрин дашдан тикилмиш ики галасы вардыр. Онлардан бири дәнизин јахынлығында, диқәри биринчидән бир гәдәр јухарыда јерләшир. Сәјјаһлар, һәмдуллаһ Гәзвини һәлә XIV әсрдә вә Евлија Чәләби XVII әсрдә, һәр ики Бақы галасыны тәсвир едәркән көстәрирдиләр ки, икинчи Бақы галасы манчанагларла дағыдылмышдыр.

Албаку-Баку галасындан тәгрибән ики км чәнубда Хәзәрин саһилиндә гүлләвари мә'бәдли үчүнчү мүгәддәс Сәбаил галасы јаранмышдыр. Гүлләвари мә'бәд ики харичи пилләкәни олан үчпилләли кичик зиккурат шәклиндә һәлл олунмушдур.

Абшерон жарымадасынын чәнуб саһилиндә кичик бир саһәдә үч мүхтәлиф гала комплекси тикилмишдир. Гүлләвари мә'бәдләрин, гала диварларынын вә горујучу гурғуларын ме'марлығы үч бөјүк гәдим дөвләтин — Мидија, Харәзм вә Вавилонун ме'марлығынын тә'сири алтында јаранмышдыр. Онларын үмуми көрүнүшүндә һәр үч дөвләтин ме'марлығы илә Албан ме'марлығынын синтези өзүнү көстәрир. Көрүнүр көстәрилән өлкәләрин каһинләри «мүгәддәс вә илаһи одлар дијарында» өзләринин дини комплексләринин олмасыны зәрури һесаб едирдиләр. Бу Еа (Апсу-океан, дәниз), Ану-Ана (сәма), Рамман — туфан, күләк һөкмдары аллаһларынын торпағы, јә'ни Апсу-Рам-Ана-Абшерон торпағы иди.

Бақы шәһәриндән 60 км чәнубда Гобустанда гәдим гајаүстү тәсвирләрин надир горуғу јерләшир. Тәгрибән минә гәдәр даш вә ири гајаларын үзәриндә үч миндән чох палеографик рәсмләр үзә чыхарылмышдыр.

Јазылы тәпәдә 9 №-ли дашда тәсвир олунмуш гүлләвари тикили (үзәриндәки символлара көрә мә'бәддир) хүсусилә марагылдыр. Јазылы-тәпә Чинкир дағын (Шумердә Ка-Дингир) бир һиссәсидир, о кечән әсрдә Дингир-баба адланырды вә пир-сәчдәкаһ иди. Бә'зи тәдгигатчылар көстәрирләр ки, шумер, гәдим түрк-монгол вә сонралар фарс, сөзү «Dingir» вә «Tengri», (Чинкир) аллаһ демәкдир. Буна көрә

күман едирик ки, Чинкир-баба гәдим баш аллах — Бөжүк Митра ола биләр. Бу, Митранын дагдан доғу-луб, өлөндө дө гајаја илаһи даға, конкрет һалда Гобустанда Чинкир-даға чеврилмәси һагғындакы гәдим әфсанәје уғундур. Нә үчүн мәһз бу гајада үч мә'бәдин тәсвир едилдији ајдын олур, онлар санки симво-лик олараг мүгәддәс Чинкир-баба дағынын ады илә бағланан һәр шеји әһатә едән, сонсуз аллаһы тәчәс-сүм етдирирди.

Һәр үч мә'бәдә мөхсус декоратив-дини символиканы өјрәнәрәк бу нәтичәје кәлмәк олар ки, би-ринчи мә'бәд Бөжүк Митраја һәср олунуб, икинчи – Көј аллаһынын һимајәси алтында олан једди планет аллаһына, үчүнчү мә'бәд исә Күнәшә, Аја вә Көјә һәср олунуб.

Палеоестетика бөлмәси ме'марлыг вә тәтбиги инчәсәнәт әсәрләринин декоратив тәртибатына, онларын символикасы вә тә'јинатына һәср олунуб ки, бу да гәдим ме'марлыг вә инчәсәнәтин синтези јол-ларыны үзә чыхармаға имкан верир.

Газах рајонунда Афстафа чајынын сол саһилиндә беш тәпә үзә чыхарылмышдыр, онларын мәдә-ни тәбәгәләриндә инкишаф етмиш әкинчилик мәдәнијјәти изләнир. Бу мәшһур чоxtәбәгәли Баба-дәрвиш абидәсидир, орада дөрдүнчү тәпәдә јашајыш еви, сон тунч вә дәмир дөврүнүн әввәлләринә аид едилән алтарлы (сәчдәкаһлы) дини тикили үзә чыхарылмышдыр.

Чох мараглы вә композисија бахымдан мүрәккәб алтар гурулушлары олан ики мә'бәдин үзә чыхарылмасы бөжүк елми әһәмијјәтә маликдир. Онлардан бириндә Загафгазијанын мә'бәдләриндән илк дәфә е. ә. II миниллијә аид ики планлы алтар композисијасы тапылмышдыр. Композисија Митранын башы һәјкәли илә тамамланыр.

Газах рајонунун 2 км-дә Сары-тәпә мәскәниндәки мә'бәд бинасы илә Баба-дәрвиш мә'бәдинин чох үмуми чәһәтләри вардыр.

Һәр үч мә'бәддә алтарларын вә јерләшкәләрин мөканча чохпланлы һәлли онларын һәр биринә олдуғча дүшүнүлмүш бәдии мәрәсим ифәдәлији верир.

Баба дәрвиш вә Сары тәпә мә'бәдләриндә солјар символлар чох габарыг мүшаһидә олунур, ај символлары исә бир гәдәр зәифдир.

Гәдим Азәрбајчанын гала шәһәрләри вә ситаделләринин (ич галаларын) ме'марлығы рекионал һәчми-фәза вә планлашма хүсусијәтләринә маликдир, онларын һәм дә Гәдим Шәргин галалары илә чох үмуми әламәтләри вардыр.

Гала шәһәрләрин мараглы вә өзүнәмөхсус хүсусијәтләри илә сечилән групуну Нахчываның е. ә. II миниллијә аид мүдафиә комплексләри (II Күлтәпә, Шәрур, Чалхан гала вә с.) тәшкил едир. Ширван — Абшеронун Хачен — Артсах, Газах вә бир чох башга шәһәрләр групунун тикинтиләри дә диггәтә-лајигдир.

Антик вә илк орта әср Гафгаз Албанијасынын ме'марлыг вә инчәсәнәти олдуғча мараглы, там орижинал инкишаф јолу кечмишдир.

Христианлығын Гафгаз Албанијасында јајылмасы ерамызын I әсринә аид едилсә дә, апостол Јелисејин (о Загафгазијада илк дәфә Гис вә ја Гишдә килсә тикдирмиш) тәблиғаты сајәсиндә чар вә кнјазлар башда олмагла Албанија јалныз IV әсрин әввәлиндә христианлығы гәбул етмишдир. Хрис-тианлыг дөвләт дини олур, лакин ону һамылыгла гәбул етмиш Күрчүстан вә Ермәнистандан фәргли ола-раг албан халгы христианлыгла јанашы гәдим аллаһлара — Митраја, һөрмүзә вә башгаларына да сәчдә едирди.

Тәхминән беш әср әрзиндә (IV — VIII) көстәрилән динләрә е'тигад едән ваһид халгың мәдәниј-јәти вә инчәсәнәти паралел сурәтдә бир-биринә гаршылыгы тә'сир көстәрәрәк инкишаф едирди.

VIII әсрдә әрәбләр кәркин мүбаризәдән сонра Албанијаны, Ермәнистан вә Күрчүстаны ишғал едирләр. Албанларын гејри-христиан олан һиссәсинә зорла ислам дини гәбул етдирилир.

Јенидән, узун илләр боју Гафгаз Албанијасынын христиан вә мүсәлман әһалисинин ме'марлығы вә инчәсәнәти гаршылыгы тә'сир шәраитиндә инкишаф едир. Дағлыг рајонларын әһалиси христианлара гәдәрки гәдим динләрә е'тигадына давам едир.

О заман халг һәр ики динин әламәтләрини дашыјан, адәтән бүтпәрәст ме'марлығын декоратив символикасы вә планлашма структуру илә чарпазлашан (албан гәбристанларындакы мә'бәдләр вә бир чох хачдашлар буна мисал ола биләр) орижинал вә өзүмлү ме'марлыг вә инчәсәнәт әсәрләри јарадыр.

Чохиллик тәдгигатлар вә гәдим мәскән, јашајыш еви, дини, хатирә вә мүдафиә тикинтиләринин тәһлили неолитдән илк орта әсләрә гәдәр бир сыра тарихи дөврләри әһатә едән бәрпа лајиһәләри (әллидән артыг) чәкмәје имкан вермишдир. Бизим вердијимиз бәрпа лајиһәләри санки әбәди итирил-миш мәскәнләрин вә тикилиләрин образларыны ме'марлыг елминә гајтармышдыр.

Монографија Азәрбајчан ме'марлығынын көкләрини изләмәје, онун Гәдим Шәрг өлкәләри илә јарадычылыг әлагәләрини вә кенезисини, бу вә ја башга тип гәдим тикилиләрин јаранма сәбәбләрини тә'јин етмәје имкан верди.

Күман етмәк олар ки, дөврүн таләбләринә чаваб верән вә минилләр боју Азәрбајчанын мүасир әразисиндә тикинти тәчрүбәсиндә сахланмыш мәнтиги вә мүтәрәгги ме'марлыг форма вә конструксиялары, тикинти материаллары сечәркән гәдим иншаатчыларын јарадычылыг идејаларыны вә дүшүнчәләрини гидаландыран халг ме'марлығынын көкләрини үзә чыхара билдик.

S U M M A R Y

The Azerbaijan Soviet Socialist Republic is a country of rich artistic and architectural heritage with the sources in remote past.

One of the insufficiently studied fields in the history of Azerbaijan architecture and art is the creative work of ancient and early medieval architects, artists and sculptors.

Discoveries in Azykh and some other caves have proved the Kura—Araks lowland and mountains surrounding it to be one of the rare places on earth where 500 thousand to 1,5 million year old material culture has remained.

The present work has been very complicated by the fact that only individual elements of material culture have come to us, while a great number of regularities in architecture and art seem to have irrevocably disappeared.

Restorated ancient structures—from the Neolithic, Bronze and Iron Ages up to the early Middle Age—have gradually exposed regularities in paleoarchitectonics, one of the construction bases for ancient structures. Systematizations and comparative analyses allowed to determine the paths architecture was developing along for the space of milleniums retaining initial layout and volumetrical—spatial approaches as well as new shapes and construction methods.

They were perfectly well incarnated in cult and ritual structures and symbolical sculptures in which we can see now the cosmogonical ideas of ancient nations fixed in clay or stone.

Studies of cult architecture and related ritual works of art helped to reveal the bases of paleoaesthetics.

The main task of the nowadays Soviet history of architecture and art is a thorough Marxist investigation of Weltanschauung platform as a basis for ancient man's creative work.

At the beginning of the Paleolithic Age there were no permanent settlements yet, so small groups of people were living nomad life.

Later the colder weather made the man live in natural caves. Archeologist examined a lot of caves where things of ancient people were found.

Obviously interesting are ancient settlements dated back to the age of settled agricultural and cattle-breeding society developed in some Near Eastern countries many regions of Azerbaijan including.

Having analysed some individual ancient settlements we classified them into several types of structures with similar architectural layouts.

Settlements built on the whole spontaneously but with rather well thought out schematically picturesque groups of dwelling houses (Gargalar-tepesi in Kazakh region of 5th—4th mil. B. C., Qaraghepek-tepe in Physuli region of 3d mil B. C., Kara-tepe in Milskaya steppe of 1st mil, B. C., etc.).

Settlements with dwelling houses built around a large cult building or central square (Kultepe| in the Nakhichenan ASSR of the 6 th— 5 fh mil. B. C., in the vicinity of Mardakyani—village with chromlech in the centre of the 3d mil. B. C.).

Settlements consisting of individual fenced in yards (Shomutepe of the 6 th mil. B. C., Ilanli—tepe of the 5 th mil. B. C., etc).

Settlements with more or less regular streets formed by dwelling houses (Khanlar region, of the 3d—2nd mil. B. C.). Townlike settlements (Uzerlik—tepe of the 4 th mil. B. C., Karakepek—tepe of 3d—2nd mil. B. C., fortress—like towns of Apsheron of the 2 nd—1 st mil. B. C. and in Nakhichevan ASSR of the 2 nd mil. B. C.

Most of dwelling houses of the above ancient people's settlements were built of convexo-plane air-dried bricks; dwelling houses and ritual buildings in the Apsheron Peninsular, Physuli region and Daghestan are typical for the Eneolithic and Bronze Ages. There were four types of buildings; with round, oval or elliptical section and rectangular buildings with rounded — off corners often combined with round section buildings. They had pseudodome-shaped, step-beam (darbazi) or marquee—style ceilings.

"Eternal" fires burning on the shore of the Apsheron Peninsular in the oil gas natural outlets were taken by the ancestors for embodiment of their worshipped "deity". And they used them for making their home—fires so as to bring a little part of the "deity" into their dwelling houses. This was the origin of the prehistorical home practised fireworshipping. It was the stalling microcult point for the following generations to build various cult and ritual structures.

Among drawings of people and animals on the rocks in Kobustan there are some we thought of as showing big and small settlements; their restored appearance has been sketches.

Since ancient times the narrow Pricaspian passage was used by the peoples of ancient Caspiana, later called the Caucasian Albania, Atropatena and many countries of the Ancient East as a caravan road notable for ethnic tribe transferences, development of cultural connections and creative interrelations. This road according to Heradot (Book *—** p. 104) was simultaneously used by the Northern nomads for their innumerable raids.

Since high antiquity the peoples of Caucasian Albania were fortifying three narrow sections of this road which were later called Beshbarmak Fortifications, Grand 30km long Ghilghilchai—Fortifications with a fortress Chirakhkala and the longest (more than 40 km) Derbent Fortifications in the North often called Bab-al abvab, Damir-gapi or Dar-band. In the 8th century M Kalankatujsky, the Albanian historian, wrote that "tsars of Persia were overdriving our country (Albania) with building a great structure between the sea and the mountains". From the South the abovementioned road was protected by several Apsheron fortresses apparently having one name; Bandar-i. Baku These four blocking fortifications were on the territory of Caucasian Albania, so the name „Gates of Albania" was given to the whole complex of structures defending the most sacred and the richest soils of the Albanian state.

Geographical situation of the Apsheron peninsula, its isolation, lack of timber-abundance of high-quality stone had a great artistic and aesthetic influence on the architecture there.

„Sacred eternal" fires burning in many Apsheron settlements attracted a lot of believers and pilgrims. A big settlement built around one group of natural fires, as evidenced by a number of data, was gradually developing into a fortress—like town Albanu—Albaku—Baku, the capital of sacred fires. A great many temples and altars were built in this ancient town We suppose we can consider the Temple of Aparas Napata God dated according to Avesta to the 3d—2nd mil. B. C. to be one of those temples partially retained up to our days.

At the beginning of the 1st mil. B. C. in the vicinity of Apam Napata Temple there was raised an eight—storeyed towered temple, devoted to seven Gods, grandiose for those days: there were seven holy stories, wall recessed altars with seven—coloured fires burning in honour of Pantheon Gods Akhura Mazda or Mitra.

Abd-ar-Rashid al Bakuvi in his paper on Geography (1403/4—1413/14 A. D.) wrote the following: „Baku is protected by two strong stone fortresses. The bigger fortress is on the sea, the other on a higher level" The travellers Khashdallah Kazvini (the 14th century) and Evlia Chelebi (the 17th century) described the two Baku fortresses with the tower of the litter destroyed by the stone—flinging machines.

The third fortress Sabahil with a towered temple in the form of a small three—stage zikkurate with two terrace steps was built about 2 km to the South of Albaku—Baku fortress on the shore of the Caspian Sea.

Three absolutely different fortress complexes were built within a small area on the Apsheron peninsula south shores Their towers, fortress walls and fortification show some architectural influence of three great ancient states; Midia, Khorezm and Babylon, though their appearance synthesized architecture not only of these three, states but also of Caucasian Albania Apparently the top priests in these states considered it necessary to have their cult complexes on the „sacred land of divine fires" This was the land of Gods named Ea (Apsu—ocean, sea), Anu—Ana (Sky), Ramman (the Lord of storms and winds, i e the land of Apsu—Ram—Ana—Apsheron).

In Kobustan, 60 km to the South of Baku, about 3500 unique ancient paleographic drawings were found on about 1000 stone rocks and boulders.

The drawing on stone 9 in Yasili Hill is of special interest as it shows three towered structures which might be temples judging by their symbols. Yasili Hill is a part of Dginghir—dag Mountain (Ka-Dinghira in the Shumeric language) called Dginghir-baba (Grandfather) in the last century which was a sanctuary. Some investigators point out that Shumeric, old Turk—Mongolian and later Persian words „Dingir" and „Tengri" (Dginghir) meant „God". This made us believe Dginghir-baba to be the oldest high God—the great Mitra which agrees with the legend of Mitra born to a mountain and turned into a mountain after death, Dginghir-dag in Kobustan heres. This explains the pictures of three towered-temples on this very mountain as symbols of the universal divinity of its name „Dginghir-baba".

Studies of decorative-and-cult symbolics in the three temples showed that the first main temple was devoted to the Great Mitra, the second to seven Gods under the aegis of the God of the Sky and the third to the Sun, the Moon and the Sky.

Paleoaesthetics section reports of the studies in decoration, symbolics and purposes of works of architecture and applied art.

Five hills were found on the left bank of the Akstafchai-river in Kazakh region by cultivated layers of which the development of settled agriculture could be traced back. It was a well known multilayer Baba-dervish monument, on the fourth hill of which dwelling houses, cult structures with altars of late Bronze and early iron Ages were found.

Discovery of two temples with altars of a very interesting and complex composition was most valuable. The altar in one of them of a double-plane composition, crowned by the sculptured head of Mitra was the first to be found in the Transcaucasian temples of the 2nd mil. BC.

The Baba-dervish temples and the temple found 2 km from them in Sari-tepe settlement on the suburbs of Kazakh town had a lot of similarities.

The spatial multiplane design of altars and rooms in these three temples added well thought out artistic and cult expressiveness to every one of them.

The Sun symbols in the Baba-dervish and Sari-tepe temples are more pronounced than the Moon ones. Architecture of the ancient Azerbaijan fortress—like towns and citadels had purely regional volumetric—spatial and layout features as well as much in common with the Eastern ancient fortresses.

The Nakhichevan defence complexes of the 2nd mil. B. C. formed an interesting and peculiar group of fortresses—like towns (Kuhl-tepe, Sharur, Chalkan-gala, etc.) Also notable were the structures of Shirvano—Apsheron group of towns, Khacheno—Art-sakh, Kazakh and many others.

Architecture and art in the antique and early medieval Caucasian Albania were developing in an interesting and perfectly original way.

Though in the 1st century A. D. Christianity was already introduced in the Caucasian Albania by the sermons of apostle Yelisei who founded the first church in the Transcaucasus in Ghiss (Ghish), it was only at the beginning of the 1st century that Albania led by its Tsar and dukes adopted Christianity. It was adopted, as a national religion but in parallel with Christianity the people of Albania continued worshipping their old Gods—Mitra, Akhura Mazda, etc., unlike Georgia and Armenia where this religion became universal.

For almost five centuries (4th—8th) architecture and art of the above religions tied by the unity of the people were developing side by side influencing each other. In the 8th century the Arabs conquered Albania, Georgia and Armenia. Non-Christian part of the Albanian people was forced to adapt Islam.

And again for many centuries architecture and art of the Christian and Moslem population of the Caucasian Albania were influencing each other in their development. Old pre-Christian religions were professed only by the Highlanders.

Architecture and art works of that time had original and peculiar features inherent to both religions often having layout structure or decorative symbolics inherent to heathen architecture—it is exemplified by temples and great number of stone crosses (khachdash) in the Albanian nekropolises.

Long-time investigations and analysis of numerous ancient settlements, dwelling houses, cult structures, memorials and fortresses helped to do a lot of reconstructions (more than 50) related to several historical ages beginning from the Neolithic to the early Middle ones. These reconstructions gave back to the science of architecture the images of settlements and structures which seemed to be irrevocably lost. This monograph permitted to trace back the sources of the Azerbaijan architecture's origin and creative relations with the Ancient Eastern countries, to find the real grounds for the ancient buildings of this or that type to appear.

We hope we have managed to reveal rich sources of folk architecture which fed ancient architects with creative ideas for logical and progressive choice of architectural forms, structures and building materials. In accordance with the epochs requirements that were used for construction works on the territory of modern Azerbaijan for several millennia.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ленин В. И. О литературе и искусстве М, изд-во литературы, 1969.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т.45. М, изд во политической литературы, 1975.
3. Ленин В. И. К истории вопроса о несчастном мире. Полное собрание сочинений, т. 35. М, изд- во политической литературы, 1974
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения, т. 3. М, изд- во политической литературы, 1955.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве М, «Искусство», 1957.
6. Основы марксистско-ленинской эстетики. М., гос. изд-во политической литературы, 1960.
7. Закон СССР. Об охране и использовании памятников истории и культуры. Газ. «Правда», 31. X. 1976 г., № 305.
8. Абд ар-Рашид ал Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва'аджа'иб ал-Малик ал-Каххар М., «Наука», 1971.
9. Абаев В. И. а. Персидский топоним (xunsar). Топонимика Востока М., изд-во восточной литературы, 1969; б. Сборник. Иранские языки. Л., «Наука», 1945.
10. Абдуллаев Т. А. Албанский монастырь у слияния рек Буланлыг-су и Тертер-чай. Тезисы докладов I республиканской конференции. Баку, 1982.
11. Абибуллаев О. А. Археологические раскопки в Кюль-тепе. Баку, Элм, 1959 (на азерб. языке).
12. Абибуллаев О. А. Погребальные памятники из поселений Кюль-тепе. АИАз. Сборник статей. Баку, Элм, 1965.
13. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., гос. изд-во политической литературы, 1953.
14. Агафангел. История Армении. Кн. I Изд-во Арм., 1901. Текст по работе Еремяна С. Армения по Ашхарацуйцу армянской географии VII (на арм. языке).
15. Азарян А. Армянские хачкары. Лиссабон, 1973.
16. Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, изд. Ереванского университета, 1971.
17. Азимбеков И. Древности Ленкоранского края. Бакполиграф. ИААК, 1927.
18. Акопов З. Г. Место градостроительства в истории общества. Уч. зап. АзПИ, сер. X, № 4. Изд. АзПИ, 1975.
19. Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму. МНЭИТК. Симферополь. Уч. изд., 1927.
20. Александрович-Насифи Дж. Девичья башня в Баку. Известия Азкомстарис, третий выпуск. Бакполиграф. Баку, 1927.
21. Алиев В. Г. Крепостные стены Кюль-тепе-II. АО. М., «Наука», 1974.
22. Алиев В. Г. Археологические раскопки в урочище Баба-дервиш. СА № 2, «Наука», 1971.
23. Алиев В. Г. Культура расписной керамики эпохи бронзы в Азербайджане (на азерб. языке) Баку, Элм, 1977.
24. Алиев И. Г. История Мидии. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1960.
25. Алиев М. Г. Замок в селении Нардаран АА ЭН. М., гос. арх. изд-во, 1947.
26. Алиев К. Кавказская Албания. Баку, Элм, 1974.
27. Алпатов М. В. Всеобщая история искусства, т.I. М.-Л., «Искусство», 1948.
28. Альмази П. Памятники древних эпох на Мальте. Журн. «Курьер», Юнеско, 1972.
29. Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства М., «Искусство», 1963.
30. Аммиан Марцелин. Сочинения I — II Кембридж, 1950 (лат.)
31. Антропология и культура Кедера. Ташкент, изд-во «Литература и искусство», 1973.
32. Армянская география VII в. п. р. х. Текст и перевод К. Патканова. СПб, 1877.
33. Артамонов М. И. История хазар. Л., изд. Госэрмитажа, 1962.
34. Артамонов М. И. Сокровища саков М., «Наука», 1973.
35. Артамонов М. И. Древний Дербенд СА, VIII, «Наука», 1946.
36. Арриан. Анабазис Кн. III, гл. 13, 1, кн. VII, гл. 16, 1 (В.В. Латышев. Изв. древних писателей о Скифии и Кавказе. т.I. СПб, 1903).
37. Арутюнян В. М. Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М., «Наука», 1951.
38. Архаров И. Ремпель Л. Резной шпук Афрасиаба. Ташкент, изд-во «Литература и искусство», 1971.
39. Асланов Г. М. О некоторых вопросах, связанных с расшифровкой древних изображений на камнях Апшерона. Материалы к сессии ИПАЭИА 1971 г. в СССР. Баку, Элм, 1972.
40. Асланов Г. М. Об одной глиняной печати (деж), найденной в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР, № 9, Элм, 1953.
41. Асланов Г. М. Археологические раскопки на Апшероне. МК. Аз., т. VI. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965.
42. Асланов Г. М, Вайдов Р.М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1958.
43. Ахундов М. Д. Концепция пространства и времени. Истоки, эволюция, перспективы. М, «Наука», 1981.
44. Ахундов Д. А. Особенности развития архитектуры древнего Азербайджана. Автореферат докторской диссертации. М., 1980.
45. Ахундов Д. А. Мечеть в комплексе Дворца ширваншахов в Баку. Памятники архитектуры Азербайджана. Сборник материалов. Баку, Азернешр, 1950.

46. Ахундов Д. А. Особенности развития жилых зданий г. Баку в период с 1920 по 1930 г. Уч. зап. АзПИ, сер. X, № 3 (5). Баку, изд. АзПИ, 1964.
47. Ахундов Д. А. Пути развития архитектуры древних храмов Азербайджана и стран Ближнего Востока. XVI научно-техническая конференция втузов Закавказских республик. Тбилиси, ГПИ, 1971.
48. Ахундов Д. А. К истории возникновения башенных храмов зороастрийцев мидийского типа на Ближнем Востоке. XIII Международный конгресс по истории науки. Материалы по истории техники. М., «Наука», 1971.
49. Ахундов Д. А. Зороастрийский башенный храм в г. Баку (Девичья башня). Материалы XXI научной конференции АзПИ. Баку, изд. АзПИ, 1971.
50. Ахундов Д. А. Вторая бакинская крепость. Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1971 г. в СССР. Баку, Элм, 1972.
51. Ахундов Д. А. Палеоархитектоническая основа генезиса древних жилых и ритуальных сооружений. Уч. зап. АзПИ, сер. X, № 1 (18). Баку, изд. АзПИ, 1973.
52. Ахундов Д. А. Местоположение и архитектура второй бакинской крепости. Изв. АН Азерб. ССР, сер. «История, философия, право», № 1. Баку, Элм, 1973.
53. Ахундов Д. А. Этапы развития крепости Багаван (Баку). XVII научно-техническая конференция втузов Закавказских республик. Баку, АЗИНефтехим, 1973.
54. Ахундов Д. А. Палеоэстетические особенности развития архитектуры стран Ближнего Востока. Уч. Зап. АзПИ, сер. X, № 2 (19). Баку, изд. АзПИ, 1973.
55. Ахундов Д. А., Омаров О. М. Методика реставрации отдельных древних поселений Азербайджана и Грузии. Первая научно-техническая конференция Тбил-ЗНИИЭПа. Тбилиси, Мецниереба, 1973.
56. Ахундов Д. А. О происхождении, назначении и датировке бакинского башенного храма (Гыз галасы). Уч. зап. Мин. В и ССО Азерб. ССР, сер. X, № 1. Баку, изд. АзПИ, 1974.
57. Ахундов Д. А. Архитектура древних культовых сооружений Азербайджана. Уч. Зап. Мин. В и ССО Азерб. ССР, сер. X, № 3. Баку, изд. АзПИ, 1974.
58. Ахундов Д. А. Палеоархитектоника и палеоэстетика произведений архитектуры и искусства Азербайджана (неолит, энеолит, эпоха бронзы). XI научная сессия совета по координации исследовательских работ республики. АН Азерб. ССР. Баку. Элм. 1974.
59. Ахундов Д. А. Укрепленный священный участок и храм Сабаиль. Изв. АН Азерб. ССР, сер. «История, философия, право», №1. Баку, Элм, 1975.
60. Ахундов Д. А. К истории изучения древних заградительных укреплений Кавказа. Уч. зап. Мин. В и ССО Азерб. ССР, сер. X, №4. Баку, изд. АзПИ, 1975.
61. Ахундов Д. А. Путь развития круглых храмов Азербайджана. Уч. зап. АЗИСИ, сер. X, № 1. Баку, изд. АЗИСИ, 1976.
62. Ахундов Д. А. Интерьеры храмов Митры (II — I тыс. до н. э.) Уч. зап. АЗИСИ, сер. X, № 3. Баку, изд. АЗИСИ, 1976.
63. Ахундов Д. А. Архитектура храмов и алтарей Митры. Тезисы докладов. XIX научно-техническая конференция Закавказских республик, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. II. — Тбилиси. ГПИ, 1977.
64. Ахундов Д. А. Многокомнатные жилища, как основа возникновения древних цитаделей и крепостей Азербайджана. Тезисы секционных докладов. V Закавказская конференция по истории науки, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Баку, Элм. 1977.
65. Ахундов Д. А. Планы древнейших поселений, изображенные на скалах Гобустана. Уч. зап. АЗИСИ, сер. X, №4. Баку, изд. АЗИСИ, 1976.
66. Ахундов Д. А. Алиев В. Г. Реконструкция городов-крепостей и цитаделей древней Нахичевани. Уч. зап. АЗИСИ, сер. X, № 2. Баку, изд. АЗИСИ, 1977.
67. Ахундов Д. А. Многокомнатные жилые дома древнего Азербайджана. Уч. зап. АЗИСИ, № 1. Баку, изд. АЗИСИ, 1977.
68. Ахундов Д. А. Храмы Ирана в эпоху первых Ахеменидов. их реставрация и реконструкция. Изв. АН Азерб. ССР, сер. «История, философия, право», № 2. Баку, Элм, 1978.
69. Ахундов Д. А. Кульгово-общественные сооружения античной Кабалы. Уч. зап. АЗИСИ, сер. X, № 1. Баку, изд. АЗИСИ, 1978.
70. Ахундов Д. А. Ахундов М. Д. Культовая символика и картина мира, запечатленная на храмах и стелах Кавказской Албании. IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.
71. Ахундов Д. А. Архитектура центрально-купольных сооружений Кавказской Албании. Тезисы докладов. Республиканская научная конференция. Баку, 1982.
72. Ахундов Д. А., Ахундов М. Д. Культовая символика и многоступенчатая картина мира в декоре собора Гандзасарского монастыря. Тезисы докладов I Республиканской научной конференции «Проблемы развития архитектуры и градостроительства в Азербайджанской ССР». Баку, 1982.
73. Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку. Изд. АН Азерб. ССР, 1964.
74. Ашурбейли С. Б. Новые изыскания по истории Баку и Девичьей башни. Гобустан. Альманах искусств № 2 (14). Азерб. ССР, 1972 (на азерб. языке).
75. Ашурбейли С. Б. О датировке и назначении Гыз галасы в крепости. Изв. АН Азерб. ССР, № 3. Баку, Элм, 1974.

76. Бабаев И. А. Исследования общественного здания второй половины I в. до н. э. на городище Кабала. СА № 4. М., «Наука», 1977.
77. Бабаев И. А., Рахманов А. А. Археологические раскопки 1975 г. на городище Кабала. АЭИАЗ. Баку, Элм, 1978.
78. Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, Бакполитграф, 1926.
79. Барановский П. Д. Памятники в селениях Кум и Лекит. Архитектура АА ЭН. М.-Баку, гос. арх. изд-во, 1947.
80. Бартенев И. А. Форма и конструкция в архитектуре. Л., изд-во литературы по строительству, 1968.
81. Бартольд В. В. Сочинения, т. II. М., изд-во «Восточная литература», 1963.
82. Бартольд В. В. Дербент, т. III. М., изд-во «Восточная литература», 1965.
83. Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Баку, изд. Общества обл. и изуч. Азербайджана, 1926:
84. Бачинский М. Н. Архитектурные памятники Туркмении, вып. I. М.-Ашхабад, изд. Ак. арх., 1939.
85. Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., «Наука», 1973.
86. Беридзе В. В. Архитектура Грузии. М., Ак. арх. СССР, 1948.
87. Беридзе В. В. Некоторые аспекты грузинской купольной архитектуры со второй половины X в. до конца XIII в. Доклад на Международном симпозиуме по грузинскому искусству в г. Бергамо (Италия). 29. VI. 1974 г. Тбилиси, Мецниереба, 1976.
88. Беридзе В. В. Грузинская культовая архитектура V — VII вв. II МСГИ. Тбилиси, Мецниереба, 1977.
89. Бердыев О. Чакмаклы-депе. Новый памятник времен Ана-I А. История, археология и этнография Средней Азии. М., «Наука», 1968.
90. Бернштам А. Проблемы древней истории и этногенеза южного Казахстана. Изв. АН Казахской ССР, № 67. Алма-Ата, изд. АН Каз. ССР, 1948.
91. Бернштам А. Очерки историй гунов. Л., «Наука», 1951.
92. Бибииков С. Н. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы. СА XV. М., «Наука», 1951.
93. Бичурин. Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., «Наука», 1950.
94. Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. М., изд. АН СССР, 1963.
95. Бланков Ж. Об изображении оленя в искусстве Евразии. II МСГИ. Тбилиси, Мецниереба, 1977.
96. Блек В. Б. О каноне в искусстве древнего Шумера конца V — нач. III. тыс. до н. э. Проблема канона. М., «Наука», 1973.
97. Борисовский Г. Б. Наука, техника, искусство. М., «Наука», 1969.
98. Борисовский Г. Б. Человек — мера вещей. М., «Наука», 1966.
99. Большая Энциклопедия, т. 1, 4-е издание. СПб., «Просвещение», 1906.
100. Брагинский И. С. Из истории таджикской и персидской литератур. М., «Наука», 1972.
101. Брауде Д., Беншиц А. Иудаизм и монизм. Журн. «Наука и техника». М., изд-во «Правда», 1959.
102. Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В. Искусство Азербайджана. М., «Искусство», 1976.
103. Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII — XV вв. М., «Наука», 1966.
104. Бретаницкий Л. С. Баку. Л.-М., «Искусство», 1965.
105. Бретаницкий Л. С. Баку. Л.-М., «Искусство», 1970.
106. Бретаницкий Л. С. К вопросу об истоках мусульманского искусства. ВАКЭ, т. II. М., «Наука», 1975.
107. Бретаницкий Л. С., Дати́ев С. И., Елькин, Г. А., Мамиконов Л. Г., Мотис Д. А. Укрепления в Бакинской бухте. АА ЭН. М, изд-во гос. арх., 1947.
108. Брентьес Б. От Шанидара до Аккада. М., «Наука», 1976.
109. Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры, т. I. М. — Л., Академия. 1937.
110. Буниатов Н. Г., Яралов Ю. С. Архитектура Армении. М., гос. изд-во арх. и градостроительства, 1950.
111. Буниатов З. М. Азербайджан в VII — IX вв. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965.
112. Булатов М. С. Ибн Сина и некоторые вопросы теории архитектуры и градостроительства. Общественные науки в Узбекистане, № 7. Изд-во «Литература и искусство», 1967.
113. Булатов М. С. Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, изд-во «Литература и искусство», 1976.
114. Буриан Я., Моухов. Б. Загадочные этруски. М., «Наука», 1970.
115. Буров Г. Древний Синдор. М., «Наука», 1967.
116. Ваидов Р. М. Археологические раскопки в Гяуркала. МК Аз., т. IV. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965.
117. Ваидов Р. М., Мамед-заде К.М., Гулиев Н. М. Новые памятники архитектуры Кавказской Албании. АО 1971 года. М., «Наука», 1972.
118. Ванштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., «Наука», 1974.
119. Варналис К. Эстетика, критика. М., изд-во иностранной литературы, 1961.
120. Варганесов И. Л. Памятники в селениях Кум и Лекит. Арх. Аз. ЭН. М, гос. арх. изд-во, 1947.
121. Варганесов И. Л., Мамиконов Л. Г., Фрейман Ф. Р. Замок в селении Раманы. Арх. Аз. ЭН. М., гос. арх. изд-во, 1947.
122. Василенко В. М. Народное искусство. М, «Советский художник», 1974.
123. Василенко В. М. Крестьянская геометрическая резьба XVIII в. АН СССР, Ин-т истории искусств. М., «Искусство», 1973.

124. Винклер Г. Вавилон, его история и культура. СПб, изд. П. П. Сойкина, 1913.
125. Виноградов А. В. Тысячелетия, погребенные пустыней. М., «Просвещение», 1966.
126. Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северо-Кавказская экспедиция АО 1967 года. М., «Наука», 1968.
127. Воронина В.Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии СА № 2. М., «Наука», 1960.
128. Воронина В. Л. К истокам строительной техники. Проблемы истории архитектуры народов СССР. М., ЦНИИП градостроит., 1975.
129. Воронина В. Л. Ансамбли среднеазиатских городов. АНас. № 24. М., Стройиздат, 1976.
130. Воронцов Н. В. Биологические предпосылки эволюции человека. Журн. «Природа», № 2, «Наука», 1973.
131. Всеобщая история архитектуры, т. I. М., изд-во «Литература по строительству», 1948.
132. Всеобщая история архитектуры, т. 8. М., изд-во «Литература по строительству», 1969.
133. Всеобщая история архитектуры, т. 1. М., изд-во «Литература по строительству», 1970.
134. Всеобщая история архитектуры, т. I. М., 1944.
135. Всеобщая история искусств, т. I. М., «Искусство», 1956.
136. Всемирная история, т. I. М., гос-изд-во полит, литературы, 1956.
137. Гандзакеци К. История. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1946.
138. Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М. Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыхская пещера). ЮСАМ, т. XXXI. Баку, изд. Азгосмединститута, 1970.
139. Геюшев Р. Б. О слове «хат» в наименованиях памятников Нагорного Карабаха. МКАз, т. VII. Баку, Элм, 1973.
140. Геюшев Р. Б. Христианство в Кавказской Албании. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, Мецниереба, 1978.
141. Гевонд Вардапет. История Халифов. СПб, 1862.
142. Гекатей Милетский. Землеописание. В. В. Латышев. Известия древних писателей о скифии и Кавказе, т. I. СПб, 1903.
143. Геродот. История. Л. «Наука», 1972.
144. Гика М. Эстетика пропорций в природе и искусстве. М., изд. Ак. арх., 1936.
145. Гиришман Р. М. Происхождение «Чохартака». История и археология Средней Азии. Ашхабад, Ылым, 1978.
146. Голубкина Т. И. Еще одна албанская надпись из Мингечаура. ДАН Азерб. ССР, т. V, Баку, 1949.
147. Гольштейн А. Ф. Надмогильные стелы Дагестана. Дагестанское искусствознание. Изд. Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1976.
148. Горчакова Н. Г., Мель Р. К., Щерблякин И. П. Архитектура Азербайджана до V в. н. э. ААЭН. М., гос. арх. изд-во, 1947.
149. Горчакова Н. Г., Мель Р. К., Щерблякин И. П. Крепостные сооружения Апшерона. ААЭН. М., гос. арх. изд-во, 1947.
150. Губкин И. М. Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с нефтеносностью этой области. М., ОГИЗ, 1934.
151. Грузинские исторические хроники («Картлис-Цховреба»). Издал И. В. Абулладзе. Тбилиси, Мецниереба, 1953.
152. Гукасян В. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, Элм, 1974.
153. Гуммель Я. Археологические очерки. Баку, изд. АзФАН, 1940.
154. Гусейнова М. А. Об интерпретации рисунков на группе сосудов эпохи поздней бронзы Азербайджана. Известия АН Азерб. ССР, сер. «История, философия, право», № 2, 1982.
155. Гусейнов М. М. Раскопки в Азыхской пещере в 1971 г. МСАЭИ. Баку, Элм, 1972.
156. Гусейнов М. М., Исмаилов Г. С. Энеолитические находки в пещерах Азых и Таглар. Изв. АН Азерб. ССР. Баку, Элм, 1968.
157. Давид Л. Некоторые вопросы теории реставрации памятников архитектуры. ТиПРР. М., Стройиздат, 1972.
158. Дадашев С. А., Усейнов М. А. Очерки по истории архитектуры народов СССР. М., «Искусство», 1948.
159. Дандамаев М. М. Новые данные о религии в Персии. ВДИ № 2. М., «Наука», 1974.
160. Демокрит. В его фрагментах и свидетельствах древности. М., ОГИЗ, 1935.
161. Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений южного Кавказа. V — III тыс. до н. э. Тбилиси, Мецниереба, 1973.
162. Джексон У. Жизнь Зороастра. СПб. изд. О. Н. Поповой, 1903.
163. Джанберидзе Н. Ш., Цицишвили И. Н. Архитектура Грузии. М., Стройиздат, 1976.
164. Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И. Культура древнейшего земледельческого поселения на территории Грузии. Тбилиси, изд-во «Сабчота Сакартвело», 1971 (на грузинском языке).
165. Джапаридзе О. М. Культура грузинских племен V — II тыс. до н. э. по данным новейших археологических открытий. II МСГИ. Тбилиси, Мецниереба, 1977.
166. Джафаров А. Г. Разведочные раскопки в Шушинской пещере. ИПАЭИАЗ. за 1972 г. Баку, Элм, 1973.
167. Джафарзаде И. М. Археологические раскопки 1946 г. в бакинской бухте. Изв. АН Азерб. ССР, № 7. Баку, Элм, 1974.
168. Джафарзаде И. М. Гобустан. Баку, Элм, 1973.
169. Джидди Г. А. Краткие сведения об археологических раскопках в Южном Азербайджане. МК Аз., т. IV. Баку, Элм, 1965.

170. Джидди Г. А. Историко-археологические сведения о крепости Бугурт. Изв. АН Азерб. ССР, № 1, Баку, Элм, 1972.
171. Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М., изд-во «Восточная литература», 1963.
172. Дорн Б. Каспий. СПб, Импер. АН, 1875.
173. Древнетюркский словарь. Л., «Наука», 1969.
174. Дурново Л. А. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М., «Искусство», 1979.
175. Дьяконов И. М. История Мидии. М.-Л., изд-во АН СССР, 1956.
176. Дьяконов И. М. Очерк истории древнего Ирана. М., изд-во «Восточная литература», 1961.
177. Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., изд. АН СССР, 1949.
178. Егише Вардапет. История. Перев. П. Паншиева. Тифлис, 1853.
179. Еремян С. Т. Страна «Махелония», надписи Кааба-и-Зардушг. СА № 4, «Наука», 1967.
180. Жуковский М. Развалины старого Мерва. Древности Закаспийского края СПб, 1894.
181. Закарая П. П. Зодчество городища Урбниси. Тбилиси, Мецниереба, 1965.
182. Закарая П. П. Нокалакеви-Археополис. II МСГИ. Тбилиси, Мецниереба, 1977.
183. Зарре А. К. Очерки литературы Ирана. Восток, т. II, § II, III МКИИА. М. — Л., изд-во «Восточная литература», 1935.
184. Захидов П. Самаркандская школа зодчих. Ташкент, «Наука», 1965.
185. Заходер Б. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., изд. МГУ им. Ломоносова, 1944.
186. Зуммер В. М. а) Художественные памятники Азербайджана. Баку. Азкомстарис, 1926; б) Искусство Азербайджана. (Типологический очерк). Известия Кавказского историко-архитектурного института, т. III. Баку, Азкомстарис, 1927.
187. Иегер О. История древняя. СПб, изд. А. Ф. Маркса, 1894.
188. Иессен А. Кавказ и Древний Восток в IV — III тыс. до н. э. Краткое сообщение Ин-та археологии, вып. 93. М., «Наука», 1963.
189. Исмаилов Г. С. Орнаментация керамики древнего поселения Баба-дервиш и ее взаимосвязи с энеолитическими памятниками Закавказья. АИ Аз.Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965.
190. Исмаилов Г. С. Из истории древнейшей культуры западного Азербайджана. Автореферат канд. ист. наук. Тбилиси, 1963.
191. Исмаилов Г. С. Исследование наскальных изображений в верховьях р. Тергер. АО. М., «Наука», 1977.
192. Исмизаде О. Ш. Раскопки холма Кара-тепе в Мильской степи (1954 — 1958 гг.). ТРААЭ, т. II, 1956 — 1960 гг. М. — Л., «Наука», 1965.
193. Исмизаде О. Ш. О девичьей башне в Баку. СА, т. 2. М., «Наука», 1968.
194. Исмизаде О. Ш. О структуре нижней подземной части Девичьей башни. МК Аз., т. VI. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965.
195. Исмизаде О. Ш., Джидди Г. А. О надгробиях, выявленных во дворе культового сооружения, открытого около Девичьей башни. МКАз, т. 8. Баку, Элм. 1976.
196. История Азербайджана, т. I. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1958.
197. История армянского народа. Ереван, Айпетрат, 1951.
198. История Дагестана, т. I. М., «Наука», 1967.
199. История древнего мира, т. I. Древний Восток. М., СОЦЭГГИЗ, 1937.
200. История человечества. Всемирная история, т. II — IV. СПб, «Просвещение», 1903.
201. История русской архитектуры. М., ГИЗ «Литература по стр. и архит.», 1956.
202. История искусства народов СССР, т. 1. М., «Изобразительное искусство», 1971.
203. История искусства народов СССР, т. 2. М., «Изобразительное искусство», 1973.
204. Источники грузинских летописей. Три хроники. Обращение Грузии (в христианство). Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 28. Тифлис, 1900.
205. Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис.
206. Каганкатватци М. История Агван. Перев. К. Патканян. СПб, изд. Импер. АН, 1861.
207. Казиев С. М. О древних погребальных обрядах на территории Кабалы. МК Аз., т. VI. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965.
208. Караханян Г. О. Сафян П. Г. Наскальные изображения Сюника. Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1970.
209. Карахмедова А. А. О некоторых религиозных воззрениях населения древнего Азербайджана. Материалы XI научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательских работ республики за 1973 год. Баку, Элм, 1974.
210. Карахмедова А. А. О некоторых памятниках митраизма на территории Кавказской Албании. Изв. АН Азерб. ССР, сер. «История, философия, право», № 1, Элм, 1975.
211. Касим-заде Э. А. Национальные особенности архитектуры Советского Азербайджана на современном этапе. Уч. зап. АзПИ, сер. X, № 1 и 2 (13). Баку, изд. АзПИ, 1963 и 1964 гг.
212. Касим-заде Э. А. Проблемы развития азербайджанской советской архитектуры на современном этапе. Баку, Элм, 1967.
213. Кашкай С. М. Из истории Манейского царства. Баку, Элм, 1977.
211. Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., изд-во иностранной литературы, 1960.
215. Керемов Н. К. Жизнь в пути. М., «Наука», 1973.

216. Керимов К. Азербайджан в произведениях русских художников. ИАз., т. VI. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1959.
217. Кесаманлы Г. П. О не выявленных памятниках Хачбулага (Азербайджанская ССР). Изв. АН Азерб. ССР, № 1. Баку, Элм, 1972.
218. Кессиди Ф. Х. От мифа к Логосу. М., «Мысль», 1972.
219. Кетрару Н. А. Памятники палеолита и мезолита, вып. 1. Кишинев, изд-во «Штинца», 1973.
220. Кильчевская З. От изобразительности к орнаменту. М., 1968.
221. Кинжалов Р., Луконин В. Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л., изд. гос. Эрмитажа, 1960.
222. Клима И. Общество и культура древнего Двуречья. Прага. Изд. Чехосл. АН и Артия, 1967.
223. Кнышов. В. Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтын-депе. Краткие сообщения № 127. М., «Наука», 1971.
224. Книга Марко Поло. М., изд-во иностранной литературы, 1955.
225. Коран. Перев. и комментарии И. Ю. Крачковского. М, изд-во «Восточная литература», 1963.
226. Кожин П. М., Сариниди В. И. Змея в культовой символике Анауских племен. История, археология и этнография Средней Азии. М., «Наука», 1968.
227. Кой-Крылган-Кала. Памятники культуры древнего Хорезма. IV в. до н. э. М., «Наука», 1967.
228. Консервация и реставрация памятников и исторических зданий (Перевод с франц. Н. И. Суходрева и Ж. С. Розенбаума). М., Стройиздат, 1978.
229. Косвен М. Очерки истории первобытной культуры. М., «Наука», 1957.
230. Косидовский З. Когда солнце было богом. М., «Наука», 1968.
231. Котович В. М. Некоторые данные о связях населения Дагестана с Передней Азией в древности. В сб.: Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
232. Котович В. Г. Очерк истории Дагестана. Махачкала, учебное издательство, 1957.
233. Кошеленко Г.А. Ранние этапы развития культа Митры. Древний Восток и античный мир. М., «Наука», 1972.
234. Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., «Наука», 1964.
235. Крачковский И. Т. Избранные сочинения, т. IV. М.-Л. изд. АН СССР, 1957.
236. Крачковская В. А. Историческое значение памятников южнеарабской архитектуры. СВ, т. IV. М., «Наука», 1947.
237. Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишской теософии, т. I — III. М., 1909—1917.
238. Крымский А. История мусульманства, ч. 1 — 2. М., 1904.
239. Кудрявцев А. А. К истории древнего Дербента. Древности Дагестана. Махачкала, изд. Даг. ФАН СССР, 1974.
240. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры южного Кавказа, V — III тыс. до н. э. Л., «Наука», 1970.
241. Кушнарева К. Х. Производственный комплекс древнего Двина. АН СССР, Ин-т археологии. В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. Л., «Наука», 1971.
242. Лапис И., Матье М. Древнеегипетская скульптура в собрании государственного Эрмитажа. М., «Наука», 1969.
243. Лауэр Ж. Ф. Загадки египетских пирамид. М., «Наука», 1960.
244. Лебединский В. И., Кириченко Л. П. Камень и человек. М., «Наука», 1971.
245. Линч Х. Ф. Армения. Путевые очерки и этюды, т. I. Тифлис, 1910.
246. Левина Л. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. до н. э. М., «Наука», 1971.
247. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., изд-во «Атеист», 1930.
248. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., госантирелигиозное изд-во, 1937.
249. Левиатов В. Н. Памятники азербайджанской культуры (Бакинский Дворец ширваншахов). Баку, изд. АзФАН, 1944.
250. Липская А. Элементы религиозно-психологических представлений Голдов. Чита, Читоблит, 1923.
251. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., «Наука», 1974.
252. Литвинский Б. А. Саки, которые за согды. Журн. АН Тадж. ССР, т. СХХ. Сталинабад, изд. АН Тадж. ССР, 1960.
253. Литвинский Б. А. Исследование могильников Иофаринского района в 1958 г. В сб.: Археологические работы в Таджикистане, вып. VI (1958 г.) Труды Ин-та истории им. А. Дониша, т. XXVII, Сталинабад, «Дониш», 1961.
254. Литвинский Б. А. Кангюйско-Сарматский фарн. Душанбе, «Дониш», 1968.
255. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., «Наука», 1972.
256. Литвинский Б. А., Зельман Т. Аджина-Тепа. М., «Наука», 1971.
257. Лот А. В поисках фресок Тассилин-Аджер. Л., «Искусство», 1973.
258. Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., «Наука», 1969.
259. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., «Искусство», 1977.
260. Лурье С. А. Демокрит. Л., «Наука», 1970.
261. Лурье И., Ляпунов К., Матье М., Пиотровский Б. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.,-Л., государственный Эрмитаж, 1940.
262. Майани З. Этруски начинают говорить. М., «Наука», 1966.
263. Маковельский А. О. Авеста. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1960.
264. Маковельский А. О. Атомистика на Ближнем Востоке. «Вопросы философии», т. III. М., изд-во «Правда», 1957.
265. Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1946.

266. Мамаев М. М. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане. Древности Дагестана. Махачкала, Учебное издательство, 1974.
267. Мамедова Ф. Д. «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю ранне-средневековой Албании. Баку, Элм, 1977.
268. Мамедов Т. М. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам. Баку, Элм, 1977.
269. Мамиконов Л. Г. Объемно-пространственное решение и единство композиции в зодчестве средневекового Азербайджана. Уч. зап. АзПИ, сер. X, № 1 (7). Баку, изд. АзПИ, 1966.
270. Мамиконов Л. Г. Искусство композиции в архитектуре Азербайджана. Автореферат докт. дисс. Л., 1975.
271. Мандес М. Огонь и душа в учении Гераклита. Одесса, 1912.
272. Мансуров М. М. Первое сообщение об археологических разведочных работах близ сел. Шихлы. МК Аз., т. VI. Баку, Элм, 1965.
273. Мансуров М. М. Мустьерское местонахождение Чахмаглы. Материалы к сессии МСАЭИ 1970 г. в Азербайджане. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1971.
274. Мансуров М. М. Мустьеро-Лаваллузское местонахождение у села Кечаскар. Материалы к сессии МСАЭИ 1971 г. в СССР. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1972.
275. Марр Н. Я. а) Экспедиция 1916 года. Материалы опубликованы Русским археологическим обществом. Петроград. Академ, типография в 1922 г., его же: б) АНИ. Л., 1934.
276. Мартиросян А. А., Исраэльян А. Р. Наскальные изображения Гегамских гор. Ереван. Изд. АН Арм. ССР, 1971.
277. Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии, тр. САГУ (история), вып. XXIII. Ташкент, изд. Университета, 1951.
278. Массон М. Е. Соборная мечеть Тимура. Ташкент, Ташоблит, 1926.
279. Массон М. Е. Энеолит южных областей Средней Азии, ч. II Л., «Наука», 1962.
280. Массой В. М. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад, изд-во «Ылым», 1970
281. Массой В. М. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-депе. АО, 1970, г. М., «Наука», 1971.
283. Массон В.М., Сарияниди В. И. Каракумы — заря цивилизации. М., «Наука», 1972.
284. Массон В. М., Сарияниди В. И. Средневековая терракота эпохи бронзы. М., «Наука», 1973.
285. Мастера искусства об искусстве, т. I. М., «Наука», 1965.
286. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, Мецниереба, 1959.
287. Меписашвили Р. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии — Шида-Картли. Тбилиси, Мецниереба, 1975.
288. Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. СПб, изд. редакц. журн. «Жизнь», 1898.
289. Мешкерис В. А. Канон и проблема стиля в согдийской коропластике Кушанской эпохи. Проблема канона. М., «Наука», 1973.
290. Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, «Дониш», 1977.
291. Методика реставрации памятников архитектуры. Под общей редакцией Е. В. Михайловского. М., Стройиздат, 1977.
292. Мещанинов И. И. Предположительные сведения о движении халдов в пределы Азербайджана. Известия Бакполиграф, 1925.
293. Мещанинов И. И. Доисторический Азербайджан и Урартская культура. Известия об-ва облс. и изуч. Азербайджана, № 1. Изд. Азкомстарис., 1925.
294. Миллер В. Персидско-русский словарь. М., ГИЗ иностранных и национальных словарей, 1953.
295. Миллер Дж. Сб. «Инженерная психология». М., «Наука», 1964.
296. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., изд-во «Восточная литература», 1963.
297. Мифы народов мира, т. I и II. М., изд-во «Энциклопедия», 1980.
298. Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада. М., изд-во «Литература по странам», 1967.
299. Михайловский Е. В. Реставрация памятников архитектуры (Развитие теоретических концепций). М., Стройиздат, 1971.
300. Мнацакян С.С. Мемориальные памятники раннесредневековой Армении. Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1982.
301. Мнацакян С. Х. Звартноц, М., «Искусство», 1971.
302. Мнацакян С. Х. Композиция тетраконхов с круговым обходом в зодчестве Византии и народов Закавказья. II Тбилиси, Мецниереба, 1977.
303. Мнацакян С. Х. Архитектура армянских притворов. Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1952.
304. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., «Наука», 1975.
305. Мурадова Ф. М. Курган эпохи древней бронзы в Гобустане. Изв. АН Азерб. ССР, № 3 — 4. Баку, Элм, 1971.
306. Мурадова Ф. М. К истории изучения знаков и тамг, высеченных на камнях Азербайджана. МК Аз., т. VII. Баку, Элм, 1973.
307. Мустафаев А. О древнем типе жилья в Гобустане. Изв. АН Азерб. ССР, № 3 — 4, Баку, Элм, 1970.
308. Мустафаев Р. М. Искусство Азербайджана и эпоха Низами. Журн. «Искусство», 1940, № 5.
309. Навои А. Поэмы М., изд-во худ. лит., 1972.
310. Надджафова Н. Н. Художественная керамика Азербайджана. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1964.
311. Нарайан Р. К. Боги, демоны и другие. М., «Наука», 1974.
312. Нариманов И. Г. Археологические исследования поселения Шому-тепе в 1963 г. АИАЗ. Сборник статей. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965.

313. Нариманов И. Г. Археологические раскопки на холме Сары-тепе в 1960 г. Тр. ИИ АН Азерб. ССР, XVI. Изд. АН Азерб. ССР, 1963 (на азерб. языке).
314. Нариманов И. Г. К итогам археологических раскопок в Иланлы-тепе. Материалы к сессии МСАЭИ 1970 г. в Азербайджане. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1971.
315. Нариманов И. Г. О некоторых позднеэнеолитических и энеолитических археологических явлениях в Азербайджане. Тезисы докладов, посвященных итогам археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, Мецниереба, 1971.
316. Нариманов И. Г. О закономерностях развития поселений ранних земледельцев Азербайджана. Материалы к сессии МСАЭИ 1971 г. в СССР. Баку, Элм, 1972.
317. Нариманов И. Г. Находка баз колонн V — IV вв. до н. э. в Азербайджане. С А № 4, «Наука», 1960.
318. Нариманов И. Г. Глиняные штампы из западного Азербайджана. МК Аз., т. VII. Баку, Элм, 1973.
319. Нариманов И. Г., Исмаилов Г. С. Акстафачайское поселение близ Казаха. СА № 4, «Наука», 1962.
320. Нейхардт А. А., Шишова И. А. Семь чудес древнего мира. М.-Л., «Наука», 1966.
321. Низами. Пять поэм. Искендер Наме. М., изд-во худ. лит., 1968.
322. Нильсен В. Д., Манакова В. Н. Архитектурный декор памятников Узбекистана. Л., Стройиздат, 1974.
323. Огибенин Б. Л. Структура мифологических текстов. «Ригведы» (Ведийская космогония). М., «Наука», 1968.
324. Окладников А. П. О значении захоронений неандертальцев. СЭ № 3, «Наука», 1952.
325. Окладников А. П. Против вульгаризации в вопросе о происхождении и сущности первобытного искусства. ВФ № 2, «Наука», 1954.
326. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. 1 и 2. Л., «Наука», 1969 — 1970.
327. Орбели И. А. Избранные труды. Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1963.
328. Орманиан М. Армянская церковь (Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература. Ее настоящее). М., 1913.
329. Османов Ф. А. Терракоты Азербайджана античной эпохи и их ближневосточные параллели. Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция (1969 г.). М., изд. АН Азерб. ССР, 1971.
330. Османов Ф. А. Об антропоморфных фигурках античной эпохи, найденных на территории Исмаиллинского района. Изв. АН Азерб. ССР, № 1. Баку, Элм, 1971.
331. Османов Ф. А. Об археологических памятниках Исмаиллинского района. МК Аз. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965.
332. Пахомов Е. А. Римская надпись I в. н. э. и Легион XII Фульминанта. Изв. АН Азерб. ССР, № 1. Баку, Элм, 1949.
333. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана (вып. 1). Труды общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 3. Баку, 1926.
334. Пахомов Е. А. «Девичья башня» и ее легенда. Изв. Азерб. археологического комитета, вып. 1. Баку, Азкомстарис., 1925.
335. Павлинов А. М. Баку, МАК, вып. 3, 1893.
336. Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен восточной Грузии в XV — XVII вв. до н. э. Тбилиси, Мецниереба, 1973 (на груз. языке).
337. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. XXIII. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Перевел Латышев, т. I, вып. 1. СПб, 1893.
338. Погодин А. Л. Религия Зороастры. СПб, изд. О. Н. Поповой, 1903.
339. Поэзия и проза Древнего Востока. М., изд-во «Художественная литература», 1973.
340. Протопопов Д. И. Объяснение всенощного бдения и литургии. М., изд. Ступина, 1908.
341. Пракопий из Кесарии. Войны с готами. Перев. С. Кондрашева. М., изд. АН СССР, 1959.
342. Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана М., «Искусство», 1967.
343. Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. М., «Искусство», 1963.
344. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма М, изд. АН СССР, 1958.
345. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, ГИЗ худ. лит. Узб. ССР, 1960.
346. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусства Узбекистана. М., «Искусство», 1965.
347. Пугаченкова Г. А. Дионисийская тема в античном искусстве Средней Азии. Будапешт, 1967.
348. Пугаченкова Г. А. Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, ГИЗ худ. лит. Узб. ССР, 1963.
349. Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, изд. Тур. ФАН СССР, 1949.
350. Пугаченкова Г. А. Два ступа на юге Узбекистана. СА № 3. М., «Наука», 1967.
351. Пугаченкова Г. А. Зодчество средней Азии и Ирана в исторических связях. История Иранского государства и культуры. М., изд-во «Восточная литература», 1971.
352. Пугаченкова Г. А. Самаркандские очерки. Из истории искусства Великого города. Ташкент, изд-во. «Лит. и искусство», 1972.
353. Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., «Искусство», 1971.
354. Пугаченкова Г. А. Образ Будды в античном и раннесредневековом изобразительном каноне. Проблема канона. М., «Наука», 1973.

- 355 Рабинович Е. Р. Колодец Шамаша. ВДИ, № 2, М., 1973.
356. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., «Наука», 1971.
357. Ремпель Л. И. Об отражении образов согдийского искусства в Исламе. Из истории искусства Великого города. Ташкент, изд-во «Лит. и искусство», 1972.
358. Рзаев Н. И. Художественная керамика Кавказской Албании. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1964.
359. Рзаев Н. И. О некоторых вопросах искусства Кавказской Албании. Изв. АН Азерб. ССР, сер. обществен, наук, № 3. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1961 (на азерб. языке).
360. Рзаев Н. И. Некоторые вопросы искусства Азербайджана древнего периода. ИМАИ Аз. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1966.
361. Рзаев Н. И. О пиктограммах древнего Азербайджана. «Искусство Азербайджана». Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1964.
362. Рзаев Н. И. Шумерские предания Кобыстана (на азерб. языке). Вопросы азербайджанской филологии. Баку, Элм, 1984.
363. Рзаев Н. И. Искусство Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. Баку, Элм, 1965.
364. Рзаев Н. К. Специфические особенности мавзолеев Азербайджана. Уч. зап. АзПИ, сер. X, № 1 (13), 1969.
365. Рзаев Н. К. О происхождении Шеки и Нухи. ДАН Азерб. ССР, т. XXIX, № 3. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1973.
366. Рогозина З. История Халдеи. СПб, изд. А. Ф. Маркса, 1902.
367. Рогозина З. История Ассирии. СПб, изд. А. Ф. Маркса, 1902.
368. Рогозина З. История Мидии. СПб, изд. А. Ф. Маркса, 1903.
369. Розенберг Ф. А. О согдийцах. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее (АН СССР), т. I. Л., изд. АН СССР, 1925.
370. Рустамов Д. Н. Разведочные раскопки в Тейрегеде. МК Аз., т. VI. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1965 (на азерб. языке).
371. Рчеулишвили Л. К вопросу эволюции внутреннего пространства грузинского народного жилища. II МСГИ. Тбилиси, Мецниереба, 1977.
372. Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА № 1 — 2. М., «Наука», 1965.
373. Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. ВИ № 1, изд-во «Правда», 1974.
374. Саламзаде А. В. Архитектура Азербайджана XVI — XIX вв. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1964.
375. Саламзаде А. В. Новые материалы по истории азербайджанской архитектуры. Исследования по архитектуре и искусству Азербайджана. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1976.
376. Саламзаде А. В. Архитектура мавзолеев Азербайджана ААз. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1952.
377. Саламзаде А. В. Новые материалы по истории азербайджанской архитектуры. ИМАИ Аз. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1966.
378. Сарияниди В. И., Кошеленко Г. А. За барханами прошлого. М., «Наука», 1966.
379. Саркисов А. В. Архитектура народного жилища нагорных районов Азербайджана. ААз. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1952.
380. Саркисов Н. А. Мастера керамического декора Азербайджана в зодчестве Средней Азии. Уч. зап. АзПИ, сер. X, № 2 (4). Баку, 1964.
381. Сванидзе А. С. Названия древневосточных богов в грузинских песнях. ВДИ, М., 1937, № 1.
382. Сидорова Н. А. Искусство Эгейского мира. М., «Искусство», 1972.
383. Сказание Приска Понийского (Г. С. Достуниса). Уч. зап. втор. отд. Имп. АН, кн. VII, вып. 1.
384. Смирнова О. И. Согд. Палестинский сборник. Вып. 21 (84). Л., «Наука», 1970.
385. Смирнов К. Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая. ИАЭ. СА Сред. Аз. М., «Наука», 1968.
386. Соколова З. Культ животных в религии. М., «Наука», 1972.
387. Страбон. География. Л., «Наука», 1964.
388. Струве В. В. История Древнего мира, Древний Восток, т. I. М., Соцгиз, 1937.
389. Струве В. В. Родина зороастризма. Советское востоковедение, т. 5. Изд-во «Восточная литература», 1948.
390. Струве В. В. Родина зороастризма, ЭИСПКСА. Л., «Наука», 1968.
391. Струве В. В. Религия персов и надпись Ксеркса о дэвах ЭИСПКСА. Л., «Наука», 1968.
392. Струве В. В. Реформа письма Дария I (§ 70 Бехистунской надписи) и крупнейшее достижение культуры мидийского народа. ЭИСПКСА. Л., «Наука», 1968.
393. Стависский Б. Я. Итоги раскопок в Кара-тепе в 1965 — 1969 гг. Будийский культовый центр в Кара-тепе в старом Термезе. М., «Наука», 1972.
394. Статистико-комбинаторские методы в археологии. М., «Наука», 1970.
395. Султанова З. Землетрясения Азербайджана. Баку, «Гянджлик», 1969.
396. Сумбадзе Л. З. Грузинские дарбазы. Тбилиси, изд-во «Заря Востока», 1960.
397. Сумбадзе Л. З. Дарбазы — древнейший тип грузинского народного жилища и его место в истории архитектуры. Тбилиси, Мецниереба, 1964.
398. Сумбадзе Л. З. Дарбазные перекрытия и их место в истории архитектуры. II МСГИ. Тбилиси, Мецниереба, 1977.
399. Сысоев В. М. Краткий очерк истории Азербайджана (северного). Баку, Аз. лит., 1925.
400. Тацит. История. Кн. I, гл. VI, гл. 33. В. В. Латышев. Изв. древних писателей о Скифии и Кавказе, т. II. СПб, 1904.

401. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., изд-во «Иностранная литература», 1949.
402. Теплицкий И., Цагаев Н. Памятники материальной культуры Сев. Осетии. Орджоникидзе, изд. ИР, 1963.
403. Тер-Григорьян Г. И. Из далекого прошлого г. Баку. Изв. АзФАН, АН СССР. Баку, 1934.
404. Токарев С. А. а) Ранние формы религии и их развитие. М., «Наука», 1964; б) Религия в истории народов мира. М., Политиздат, 1965.
405. Токарский Н. М. По страницам истории армянской архитектуры. Ереван, Айастан, 1973.
406. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., изд. МГУ, 1948.
407. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., изд. МГУ, 1948.
408. Топоров С.А. Памятники архитектуры и методы их реставрации. «Городское хозяйство Москвы», 1947, № 5.
409. Тревер К. В. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма. Тр. отдела истории культуры и искусства Востока, т. I. Л., изд. АН СССР, 1939.
410. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., изд. АН СССР, 1959.
411. Тураев Б. А. История Древнего Востока, тт. 1 — 2. Л., ОГИЗ Соц. ЭКИЗ, 1936.
412. Улубабян Б. А. Хадаванк-Хатраванк. Научные сообщения Гос. Музея искусства народов Востока, вып. X. М., «Наука», 1978.
413. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., ГИЗ лит. по строительству, архитектуре и стройматериалам, 1963.
414. Фавстос Бузанд. История Армении. Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1953.
415. Федоров Н. Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана в свете данных археологии. СА, «Наука», 1960.
416. Федюшина В. Первые художники и скульпторы. Л., «Наука», 1971.
417. Фейман Л., Лейтон Г., Сендос М. Феймановские лекции по физике, т. I. М., «Наука», 1965.
418. Финкельштейн Л. С., Шарифов Д. М. Замок в сел. Мардакяны. Арх. Аз. ЭН. М.-Баку, Гос. арх. изд-во, 1947.
419. Фитуни А. П. а) Легенда Баку и Девичьей башне. Известия «Азкомстарис». Баку, 1927; б) Бакинская Девичья башня. Известия «Азкомстарис», вып. 3. Баку, изд. «Азкомстарис», 1927.
420. Флетчер Б. История архитектуры, вып. I. СПб, изд. Р. Бекер, 1911.
421. Флитнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л.-М., «Искусство», 1958.
422. Флитнер Н. Д. На берегах Евфрата и Тигра. Л., гос. уч.-пед. изд-во, 1938.
423. Флитнер Н. Д. Сиро-Хеттские памятники Эрмитажа. Тр. отдела истории, культуры и искусства Востока государственного Эрмитажа, № I. Л., изд. Эрмитажа, 1939.
424. Формозов А. А. Археологические путешествия. М., «Наука», 1974.
425. Фрай Р. Наследие Ирана. М., «Наука», 1972.
426. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., Госполитиздат, 1980.
427. Фрейд З. Тотем и Табу. Психология первобытной культуры и религии. М.-Петроград, изд-во «Коммунист», 1923.
428. Халилов Д. А. Поселение на холме Сары-тепе. СА № 4. М., «Наука», 1960.
429. Халил Атхам. Старый Истамбул, 1907 (на турецком языке).
430. Халпахчян О. Х. Особенности архитектурных памятников захаридской Армении и Грузии эпохи Руставели. II МСГИ. Тбилиси, Мецниереба, 1977.
431. Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. М., изд-во литер. по строит., 1971.
432. Ханзадян Э. В., Мкртычян К. А., Парсамян Э. С. Мецамор. Ереван, изд. АН. Арм. ССР, 1973. (на арм. языке).
433. Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М., «Наука», 1969.
434. Хан-Магомедов С. О. Ворота Дербента. АН № 20. М., Стройиздат, 1972.
435. Хан-Магомедов С. О. Архитектура южного Дагестана V — XIX вв. (Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. докт. искусствоведения). М., 1968.
436. Ханьков Н. Б. О некоторых арабских надписях в Дербенте и Баку. ТВОИДО-2. СПб, 1856.
437. Ханьков Н.Б. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря. Запис. Кав. отд. имп. Русского географ. об-ва, кн. II. Тифлис, 1853.
438. Ханьков Н. Б. Гвоздеобразная надпись, известная под именем Таркинской. Приложение к книге К. Рихтера. Иран, 2. I. СПб, 1887.
439. Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., изд-во ин. лит., 1956.
440. Хаханов А. С. Экспедиция на Кавказе в 1892, 1893 и 1895 гг. Материалы по археологии Кавказа, т. VII. М., изд. МАК, 1898.
441. Хмелевский. Г. Христианство и религия мира. М, изд-во полит, лит., 1968.
442. Хоренский М. История Армении. Перев. с армянского Н. Эмина. М., 1858.
443. Центральная Азия в Кушанскую эпоху, т. I. М., «Наука», 1974.
444. Циркунов В. Об эстетической природе зодчества. М., изд-во лит. по строит., 1970.
445. Церен Э. Лунный бог. М., «Наука», 1976.
446. Чабб М. Город в песках М., «Наука», 1965.
447. Чабб М. Здесь жила Нефертити М., изд-во «Восточная литература», 1961.
448. Челеби Э. Путешествие, т. II. Стамбул, 1345 г. х. (на турецком языке).
449. Читралакшана. Древнеиндийский трактат. Мастера искусства об искусстве, т. I. М., Искусство», 1965.
450. Членов Н. Происхождение и ранняя история племен Тагарской культуры. М., «Наука», 1967.
451. Чубинишвили Т. К древней истории южного Кавказа. Тбилиси, Мецниереба, 1971.

452. Чубинашвили Г. Н., Северов Н. П. Пути грузинской архитектуры. Тбилиси, Мецниереба, 1952.
453. Щанидзе А. Новоткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. Изв. НИИМК Груз. ФАН СССР, т. IV, 1938.
454. Шамиров Я. Краткое историческое и географическое описание царства Арменского. СПб, 1786.
455. Шарифов Д. М. Обследование развалин Кабалы. ИООИА № 4. Баку, изд. ИООИА, 1927.
456. Щацкий Г. Рисунки на камне. Ташкент, изд-во «Лит. и искусство», 1973.
457. Шерстоперов С. В. Дорожно-строительные материалы. М., Стройиздат, 1969.
408. Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, гос. изд-во, 1954.
459. Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, гос. изд-во, 1962.
460. Шницер Я. Б. История письмен. СПб, 1903.
461. Штернберг Л. Первобытная религия в свете этнографии. Л., СОЦЭК-ГИЗ. 1936.
462. Шаузи О. Истории архитектуры, тт. 1 и 2. М., изд. Ак. Арх., 1937.
463. Щерблякин И. П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, изд. Аз. ФАН, 1943.
464. Щерблякин И. П. Горчакова Н. Г. Ганджа XII века. ААЭН. М., гос. арх. изд-во, 1947.
465. Щерблякин И. П. а) Мавзоль бассейна реки Акера-чай; б) Памятники VIII — XI веков, ААЭН. М, гос. арх. изд-во, 1947.
466. Эмин Н. Очерк религии языческих армян. М., типогр. Лазаревского ин-та вост. языков, 1864.
467. Эфенди А. История шушинских ханов. Баку, изд. Общ-ва обслед. и изуч. Азербайджана, 1926.
468. Эфенди Р. Декоративно-прикладное искусство Азербайджана. Баку, Элм, 1976.
469. Энциклопедический лексикон, т. I. СПб. изд. Плюшара, 1835.
470. Якобсон А. Л. Из истории армянского средневекового зодчества. Исслед. по ист. культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.-Л., изд. АН СССР, 1960.
471. Якобсон А. Л. Археологические исследования на городище Орен-Кала в 1957 г. СП Аз. М.-Л., «Наука», 1965.
472. Якобсон А. Л. Архитектурные связи Кавказской Албании и Армении. ИФЖ АН Арм. ССР, № 1 (76). Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1977.
473. Ямпольский З. И. Древняя Албания III — I вв. до н. э. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1962.
474. Ямпольский З. И. К решению проблемы формирования религии. Изв. АН Азерб. ССР, № 1. Баку, Элм, 1971.
475. Ямпольский З. И. О времени возникновения государства Атропатена. ДАН Аз. ССР. т. XXVII, № 9. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1971.
476. Ямпольский З. И. Из истории древней Кавказской Албании. М. 1949.
477. Ямпольский З. И. О статуе, найденной на территории Кавказской Албании. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры АН СССР, вып. 60. М., изд. АН СССР, 1955.
478. Ямпольский З. И. Памятники Кавказской Албании на горе Башидаг. СА № 2, «Наука», 1960.
479. Яновская Н. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. ВДИ № 1. «Наука», 1956
480. Яралов Ю. С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М., изд-во лит. по строит., 1971.
481. Яралов Ю. С. История и современность. «Советская архитектура», № 13. М, ГИЗ лит. по строит. и арх., 1961.
- 481a. Мемориальные памятники средневековой Армении. Хачкары IX — XIII веков. Ереван, изд. АН Армянской ССР, 1984.
- 482 Azarian L. Dokumenti di architettura Armena. 2. Khatchkar. Mielano — Giugno. 1969.
483. Agathange. Histori deregne de Tiri 'ate — Collection des historiens anciens et modernes de L'rmenie, Publiee en francais par V. Langlois, t. 1, Paris.
484. Auboyer J. Afgamstan und Seine Kunst. Prague, 1968.
485. Andrzejkowiez M. B. Die Sogenannte Sarmatische Schrift WS. VI. Wiesbaden, 1861.
486. Bailey H. W. Zoroastrian problems in the Ninth-Gentry Books. Oxford, 1913.
487. Behnam. Ab a id Al — Soof. Ph. D. Excavation At Tell i, aim] Agha (Erbil) Summer 1968. Summer A. Journal of Archaeology anb History in Iraq, vol. XXV, 1969, Baghdad.
488. Bissing F. Denkmaler agyptischer Scilptur I Munchen, 1911.
489. Bretanitsky Teh. Sirvanschah Palace in Baku, Azerbaijan. Archaeology, New-Jersey, 1913.
490. Butovda M. Andrzejkowlcz. Szki-ce Kiukaza, t. 1, Wars?awa, 1859.
- 491 Cameron G. Per'epolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.
492. Contenau G. et Chirshman R. Foreilles du tepe Giyan. Paris, 1935.
493. Darmesteter J. Etudes Iranien-nes. I. Paris.
494. Dikaios P. New light on prehistoric Cyprus. Iraq. v. VII. part. 1910.
495. Djavakhchvili A I. Anciennes relations du Caucase du sud Aves la inediterranee ariental. Moscou. 1971.
496. Flin ders Petrie. Origin of the Book of the Dead Ancient Egypt. 1926. June. Part II.
497. Frankfort H. The Art arid Architecture of the Ancient Orient. Baltimore, 1954.
498. Franz H. G. Hinduistlsche und islamische kunst Indien. Leipzig, 1967.
499. French D. Excavations at Can Hasan. Second Preliminary Rep., 1962.
500. Chirshman R., Minorsky V., Sanghvi R. Persia the Immortal Kingdom. London, 1971.
501. Grabar Oieg Qasz al Hijr al Shargi Le Annaiec Archeologiques de oyrle II. Damas, 1965.
502. A van Genner. The ritesof passag. London. 1961.
503. Hajn oczi Gy ula. Irak epiteszete. Corvina Kiado, 1974.
504. Herzfeld E. Iran in the Ancient. London — New York, 1941.

505. Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London, 1941.
506. Hewsen R. Armenia according to the Asxarhas'cyc Rexue des etudes armeniens nouvelle Serie. t. II. Paris. 1965.
507. Hoeppli Manuali. Architektura Italiana. Milano. 1987.
508. Hoeppli Mai>uali. Scoltura Italiana. Milano, 1985.
509. Honigmann E. et Maricq A. Recherches sur les Res Gestal divi Saporis. Brux41es. 1953.
510. Husing G. Der Lagros und seine Volkcr. Der Alte Orient. IX, 1908.
511. Humbach H. Die Sogenannte Sarmatischeschrift Nr. 9, VI, 3. Wiesbaden, 1961.
512. Indjidjian G. Geographic ancienne de L'Armenie. Venise, 1835.
513. Jad-Name-je Irani-je Minorsky. Publications of Tehran University, No. 1241. Tehran, 1969 .
514. Jackson A. V. W. Zoroastrian Studies. The Iranian religion and various monographs New York, 1928.
- 515 James Knudstad A. Prelim inary report on the 1966 — 67, Excavations at Nippur. Sumer. A Journal of Archaeology and History in Iraq. Baghdad, vol. XXIV, 1968.
516. Kalid Ahmad al Adami. Excavations At Tell es Sa wwan (Second Season) Sumer. A Journal of Archaeology and History in Irag. Baghdad, vol. XXIV. 1968.
517. Klengel H. The art of ancient Syria Leipzig. 1971.
518. Kiima J. Gesellschaft und Kultur des alten Mesopotamien. Praha, 1964.
519. Kuna J., Mrnka J. Tnnisko. Fatmina. Ruka. Praha, 1967.
520. Leipoldt J. Agipten. Leipzig.
521. Mate Major. Geschichte der Architektur. Band I. Berlin. 1974.
522. Dr. Marpert N., Dr. Mungchajev R. The investigation of the Soviet Archaeological Expedition in haq in the Spring 1969. Excavations at Jarim-Tepe. First Pre'iminary Report Sumer. A. Journal oi Archaology and History in Iraq. Baghdad, vol. XXV, 1959.
523. Messina G. Der Ursprung, der Wagier und die Zarathustrische religion. Roma, 1930. Passim.
521. Me11aut J. Catal Hu'yuk. neolithic town in Anatolia. 1967.
525. Mlchalowski T. Faras Fouilles Polonaises. 1961. Warszawa. 1962.
526. Minns. Scythians *and Greeks. Cambridge. 1913.
527. Nissen H. J. Survey of Abondo-ner modern Village in Southern Iraq. Sumer A. Journal of Archaeology an History in Iraq Vol. XXIV. Bagh'ad. 1968.
528. Panoiv A. Din Arhitektura Veche a Indiei. Bucuresti. 1968.
529. Petiscus A. H, Der Olimp oder Mythologie der Griechen und Romer mit Einschlus der Agyptischen, Nordischen und Indischen Cotterlehre. Leipzig, 1861.
630. Prasck J. Geschichte der Meder uud Perser. I. Qotha. 1906.
- 531 Ruhlmann G. Kelne geschichte der Pyramiden, Drezden.
532. Saint-Martin M. J. Nemoires, historeques et geographiques sur L'Armenie I, Paris, 1818.
533. Sarma G. Negl J. The Saka-Kushans in the Central Ganga Valley. TMKЦAKЭ, t. II. M. 1975.
534. Selbert. Glise Woman in ancient Near Cast. Leipzig, 1974.
535. Stankova J., Pechar Y. Tisiclety vyvoj archltekury. Praha, 1972.
536. Steffen Peter. Libation. Leipzig, 1967.
537. Strabo. Geografl. Lon. 1912.
538. Spengler O. Der Untergang, des Abendlandes Bl. 2, Munchen, 1922.
539. Talbotovi Rigeova. Urneni Stredni ASIC. Praha, 1973.
540. Wrage W. Jenseits des Atlas 1971.
541. Widengren G. Die Rehglonen Iran. Stuttgart. 1965 (Die Religionen der Mensch bl. 14).

Давуд Ага оглу Ахундов

АЗƏРБАЇЧАНЬИН
ГƏДИМ ВƏ ИЛК ОРТА ƏСРЛƏР ДƏВРҮ
МЕ'МАРЛИҒЫ

Давуд Ага оглы Ахундов

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕГО И
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Издательский редактор *Э. Мусаева*
Художник *С. Шатигов*
Художественный редактор *В. Черножуков*
Технический редактор *С. Ахмедов*
Корректоры *И. Вебер, Ш. Аскерова*

И Б № 3009

Сдано в набор 09. 01. 86. Подписано к печати
08. 08. 86. ФГ 06030 Формат 70 x108¹/16. Бум. типографская № 1.
Печать высокая. Гарнитура литературная.
Услов. п. л. 27, 30. Учетн.-изд. л. 28,0.
Тираж 15000 Заказ № 21.
Цена 2 руб. 60 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Азербайджанское ордена Дружбы народов
государственное издательство «Азернешр».
Баку — 370005, ул. Гуси Гаджиева 4.

Типография «Красный Восток» Баку,
ул. Ази Асланова 80.